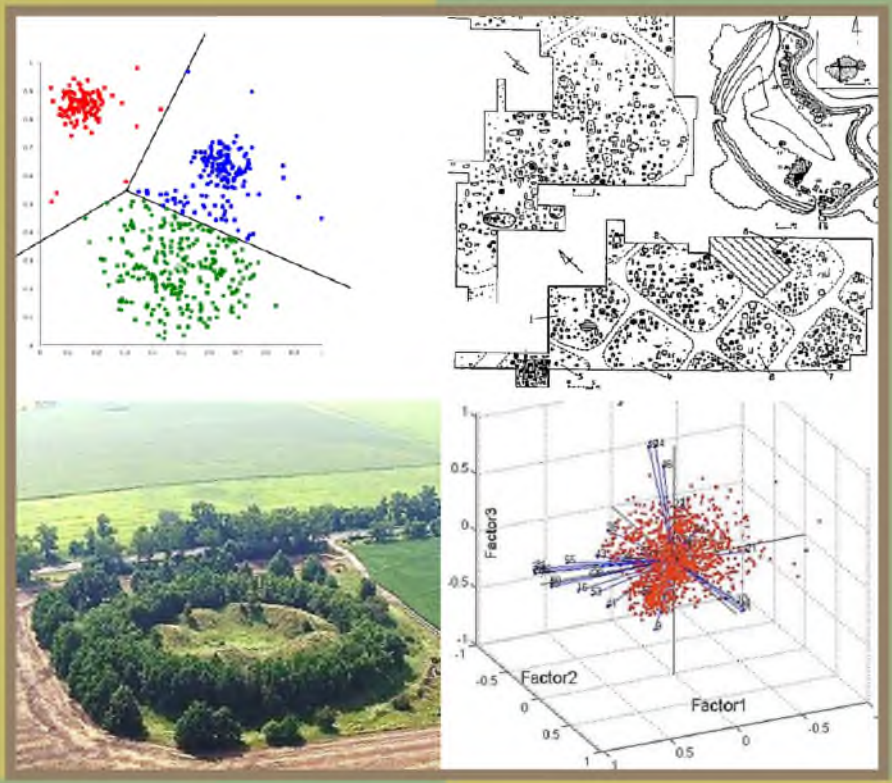
Ю.М. Бойко

СОЦІАЛЬНИЙ СКЛАД НАСЕЛЕННЯ БАСЕЙНУ р. ВОРСКЛИ ЗА СКІФСЬКОЇ ДОБИ



Ю.М. Бойко

СОЦІАЛЬНИЙ СКЛАД НАСЕЛЕННЯ БАСЕЙНУ р. ВОРСКЛИ ЗА СКІФСЬКОЇ ДОБИ

Yu. Boyko

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF VORSKLA RIVER BASIN IN THE SCYTHIAN PERIOD

ЦЕНТР ПАМ'ЯТКОЗНАВСТВА НАЦІОНАЛЬНОЇ АКАДЕМІЇ НАУК УКРАЇНИ
І УКРАЇНСЬКОГО ТОВАРИСТВА ОХОРОНИ ПАМ'ЯТОК ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ
УПРАВЛІННЯ КУЛЬТУРИ ПОЛТАВСЬКОЇ ОБЛАСНОЇ ДЕРЖАВНОЇ АДМІНІСТРАЦІЇ
КОМУНАЛЬНА УСТАНОВА «ІСТОРИКО-КУЛЬТУРНИЙ ЗАПОВІДНИК «БІЛЬСЬК»
ПОЛТАВСЬКОЇ ОБЛАСНОЇ РАДИ

Ю.М. Бойко

СОЦІАЛЬНИЙ СКЛАД НАСЕЛЕННЯ БАСЕЙНУ р. ВОРСКЛИ ЗА СКІФСЬКОЇ ДОБИ

Київ – Котельва
2017

**NATIONAL CENTER FOR MONUMENT STUDIES UNDER NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
AND UKRAINIAN ASSOCIATION FOR PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS
DEPARTMENT OF CULTURE OF POLTAVA REGIONAL STATE ADMINISTRATION
MUNICIPAL INSTITUTION «HISTORICAL AND CULTURAL RESERVE «BILSK»
OF POLTAVA REGIONAL COUNCIL**

Yu. Boyko

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF VORSKLA RIVER BASIN IN THE SCYTHIAN PERIOD

Kotelva – Kyiv
2017

УДК 902/904.063 (477.53+477.52) "–7/–2"
ББК 63.4 (4 УКР. – Пол. + Сум.)
Б 77

Друкується за рішенням Вченої ради Центру пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури (протокол № 4 від 23 березня 2017 року) та згідно планів роботи Управління культури Полтавської обласної державної адміністрації і Комунальної установи «Історико-культурний заповідник «Більськ» Полтавської обласної ради на 2017 рік.

Відповідальний редактор – *Корост І.І.*, директор Комунальної установи «Історико-культурний заповідник «Більськ» Полтавської обласної ради.

Науковий редактор – *Задніков С.А.*, к.і.н., старший науковий співробітник Музею археології ХНУ імені В.Н. Каразіна; провідний науковий співробітник Комунальної установи «Історико-культурний заповідник «Більськ» Полтавської обласної ради.

Рецензенти:
Скорий С.А., д.і.н., професор, зав. відділом археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України;
Супруненко О.Б., к.і.н., старший науковий співробітник, директор Полтавського краєзнавчого музею ім. В. Кричевського, Заслужений працівник культури України;
Шрамко І.Б., к.і.н., доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології ХНУ імені В.Н. Каразіна; директор Музею археології ХНУ імені В.Н. Каразіна.

Бойко Ю.М.
Соціальний склад населення басейну р. Ворскли за скіфської доби / Відп. редактор: Корост І.І. – Котельва-Київ: ЦП НАН України і УТОПіК; ІКЗ «Більськ», 2017. – 188 с.
ISBN 978-966-8999-81-9.

Монографія та наукові статті Ю.М. Бойка висвітлюють підсумки вивчення дослідником соціально-культурного складу населення басейну р. Ворскли за скіфської епохи. Основою монографії є дисертація археолога (1986 р.).

Для істориків, археологів, музейних працівників, викладачів, краєзнавців, студентів вищих навчальних закладів та усіх, хто цікавиться прадавньою історією України.

При передруку та іншому використанні матеріалів збірника посилання на джерело обов'язкове.

УДК 902/904.063 (477.53+477.52) "–7/–2"
ББК 63.4 (4 УКР. – Пол. + Сум.)

ISBN 978-966-8999-81-9

© Бойко Ю.М., 2017
© ЦП НАНУ і УТОПіК, 2017
© ІКЗ «Більськ», 2017

УДК 902/904.063 (477.53+477.52) "–7/–2"
ББК 63.4 (4 УКР. – Пол. + Сум.)
Б 77

Published by the decision of the Academic Council of the Center of Sites Study of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Monuments (protocol № 4 of 23 March 2017) and according to plans of the Department of Culture of Poltava Regional State Administration and Municipal Institution «Historical and Cultural Reserve «Bilsk» of Poltava Regional Council in 2017.

Editor – *Korost I.I.*, Director of Municipal Institution «Historical and Cultural Reserve «Bilsk» of Poltava Regional Council.

Science editor – *Zadnikov S.A.,* Ph. D., leading researcher of Municipal Institutions «Historical and Cultural Reserve «Bilsk»; senior researcher of the Museum of Archaeology of V.N. Karazin Kharkiv National University.

Reviewers:
Skory S.A., Dr. habil., professor, Head of Department of Early Iron Age IA NAS of Ukraine;
Suprunenko O.B., Ph. D., senior researcher, Director of V. Krichevsky Poltava local Museum, Honored Worker of Ukrainian Culture;
Shramko I.B., Ph. D., assistant professor of Department of Historiography, Source Studies and Archaeology of V.N. Karazin Kharkiv National University; Director of Museum of Archaeology of V.N. Karazin Kharkiv National University.

Boyko Yu.
The Social Structure of the Population of Vorskla river Basin in the Scythian Period / Editor: Korost I.I. – Kotelva-Kyiv: CSSNASU and USPHCM; HCR«Bilsk», 2017. – 188 c.
ISBN 978-966-8999-81-9.

A Monograph and scientific papers of Yu. Boyko highlight the results of the study of social and cultural structure of Population of Vorskla river Basin in the Scythian Period (7th –3rd centuries BC). The basis of a monograph is the researcher's dissertation (1986).

For historians, archaeologists, museum professionals, teachers, local historians, university students and all those interested in ancient history.

Link to the source is necessarily in case of reprinting materials and other use of the book.

УДК 902/904.063 (477.53+477.52) "–7/–2"
ББК 63.4 (4 УКР. – Пол. + Сум.)

© Boyko Yu., 2017
© CSSNASU and USPHCM, 2017
© HCR «Bilsk», 2017

ISBN 978-966-8999-81-9

ЗМІСТ

Передмова

Корост І.І. Справжнім науковим ідеям – час не ворог 8

Шрамко І.Б. Взгляд через десятилетия 10

Монографія

Социальный состав населения бассейна р. Ворсклы в скифское время

Введение 12

Глава I. Источники, историография, методика исследования 14

Глава II. Социальный состав населения Ворсклинского региона в VII–III вв. до н. э. по материалам поселений 30

Глава III. Социальный состав населения Ворсклинского региона в VII–III вв. до н. э. по материалам погребений 73

Заключение 106

Список литературы 110

Список сокращений 118

Додатки

Социология восточноевропейского города I тыс. до н. э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени) *(1994)* 120

Меридионально ориентированные погребения Приднепровской Лесостепи скифского времени *(1999)* 132

Ориентировка умерших в погребениях Приднепровской Лесостепи VII–IV вв. до н. э. как фактор этнокультурной интерпретации *(2001)* 146

Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени: факторный дистанционно-динамический вариант модели *(1996)* 154

Храм города Гелона *(1990)* 164

О функциональном назначении некоторых майданообразных сооружений Украинской Лесостепи *(2009)* 178

CONTENTS

Foreword

Korost I. 8

Shramko I. 10

A monograph

The Social Structure of the Population of Vorskla river Basin in the Scythian Period

Introduction 12

Chapter 1. Sources, historiography, methodology of research 14

Chapter 2. The social structure of the population of Vorskla river basin in the Scythian period on settlements' material 30

Chapter 3. The social structure of the population of Vorskla river basin in the Scythian period on burials' material 73

Conclusion 106

Bibliography 110

List of abbreviations 118

Applications

Sociology of the Eastern European city of I millennium B.C. (on the material of Bilsk hillfort and Vorskla regional system of the Scythian time) *(1994*) 120

Meridional oriented burials from the Dnieper forest-steppe of Scythian time *(1999)* 132

The orientation of the dead in the graves of the Dnieper forest-steppe VII–IV centuries B.C. as a factor in ethnic and cultural interpretation *(2001)* 146

The Dnieper forest-steppe and nomads of Scythian time: factor remotely dynamic version of the model *(1996)* 154

The Gelon city temple *(1990)* 164

On the functional purpose of certain "maydan" structures from the Ukrainian forest-steppe *(2009)* 178

СПРАВЖНІМ НАУКОВИМ ІДЕЯМ – ЧАС НЕ ВОРОГ

Вкотре життя переконує, що для всього свій час і година своя кожній справі під небом…

…1986 року Юрій Миколайович Бойко на кафедрі історіографії, джерелознавства та археології Харківського державного університету ім. О.М. Горького (нині – Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна) захистив кандидатську дисертацію «Социальный состав населения бассейна р. Ворсклы в скифское время (VII–III ст. до н. э.)». Тема була вибрана дослідником невипадково. Починаючи з 1976 року, Ю.М. Бойко приймав участь у роботі археологічної експедиції під керівництвом професора Бориса Андрійовича Шрамка на Більському городищі. Зацікавленість цією пам'яткою у молодого дослідника була всеохоплюючою, ставлення до вивчення таїн скіфської фортеці – на надзвичайно високому рівні. Не кожному своєму учневі Борис Андрійович доручав вести розкопи, очолювати групи, які здійснювали розвідки в межах Більського археологічного комплексу…

Паралельно Ю.М. Бойко цікавився й результатами досліджень скіфських пам'яток Поворскля іншими археологами (А.О. Моруженко, В.П. Андрієнко, Л.М. Лугова та ін.). Поступово й формувалося коло його наукових інтересів – соціальна структура населення раннього залізного віку. Зрозуміло, увага при цьому в першу чергу приділялася Більському мікрорегіону. Саме системний аналіз даних про дослідження археологами культових та поселенських об'єктів скіфського часу на території басейну р. Ворскли, новаторський підхід до обробки інформації дали змогу підготувати та вдало захистити Ю.М. Бойку дисертацію. До речі, офіційними опонентами в нього були А.І. Мелюкова та І.В. Яценко. Науковим керівником – вже відомий на той час вчений Б.А. Шрамко.

На жаль, з ряду важливих причин наукове дослідження так і не було опубліковане, хоча більшість висновків й досі не втратили своєї актуальності та значущості. Пропонована Ю.М. Бойком класифікація соціальних груп населення Поворскля епохи раннього залізного віку – це фундамент, на якому мають змогу вибудовувати свої наукові погляди та твердження сучасні дослідники означеної території та, у першу чергу, Більського городища у ході розгляду близьких по змісту проблем. Робота дає змогу ширше поглянути на побут, звичаї, культові традиції, рід занять мешканців басейну р. Ворскли VII–III ст. до н. е., проаналізувати їх зв'язки з античними містами та, врешті-решт, наблизитися до розгадки «Більського феномену».

Видається цілком правильним, що у видання включені статті Ю.М. Бойка 1990–2009 років, які близькі за тематикою до його дисертації. У деяких з них, крім розгляду вже традиційних проблем та питань, наводяться цікаві дані, наприклад, про храм скіфського часу на території Східного укріплення Більського городища (що є ще одним підтвердженням правильності ототожнення фортеці з древнім містом Гелон), подається авторське бачення функціонального призначення майдану «Розрита Могила». Погляди дослідника слід визнати дискусійними, однак вони заслуговують на увагу науковців та спонукають до проведення археологічних розвідок та розкопок з подальшим підтвердженням чи спростуванням висунутих теорій.

Книга дає змогу визначити нові напрямки вивчення пам'яток скіфського часу на території Поворскля та Більського городища зокрема, а також відкриває перед археологами можливість стави-

ти й вирішувати нові питання, розглядати проблеми більш ширше, по-іншому поглянути на деякі аспекти проведення досліджень та узагальнення результатів наукових робіт.

Опублікована монографічна праця Ю.М. Бойка входить до серії видань про результати вивчень Більського археологічного комплексу ІІ-ої половини ХХ ст., які підготували та опублікували співробітники Історико-культурного заповідника «Більськ» за підтримки небайдужих фанатів археологічної справи. Обраний напрямок діяльності є для установи пріоритетним уже котрий рік поспіль. Це дозволяє репрезентувати вагомі, але, слід визнати, дещо забуті наукові здобутки, які обов'язково стануть підґрунтям для подальших звершень археологів у Більську.

Дане видання засвідчує визнання вагомого внеску Ю.М. Бойка у вивчення Більського городища та підтверджує, що жодна світла ідея та авторитетна робота щодо вивчення цієї унікальної пам'ятки не буде забутою.

І.І. Корост,
директор Комунальної установи
«Історико-культурний заповідник «Більськ»
Полтавської обласної ради.

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Одним из сложных направлений изучения древних обществ является реконструкция их социальной структуры и идеологических представлений. Как правило, такие исследования основываются на материалах погребальных памятников, где легче понять имущественную, социальную дифференциацию населения и проследить особенности идеологических воззрений.

Несомненной заслугой научных разработок Ю.Н. Бойко следует признать использование для всестороннего анализа социальной жизни лесостепных племен начала раннего железного века материалов раскопок поселений одного из хорошо исследованных регионов Днепровского Левобережья – бассейна р. Ворсклы. Важно, что эта работа была проведена более тридцати лет назад, но до сих пор не утратила своей актуальности. При этом одним из основных памятников в научных разработках Ю.Н. Бойко стало Бельское городище.

На момент подготовки исследователем диссертации, а это 80-е годы XX ст., на Восточном укреплении было уже вскрыто несколько десятков тысяч квадратных метров культурного слоя, вблизи городища исследовано несколько десятков курганов, на поселенческих объектах в Бельске обнаружены тысячи хозяйственных ям, сотни жилищ, десятки тысяч предметов, из которых лишь отдельные были опубликованы и проанализированы более детально. С годами количество археологических источников резко возрастало. Тогда Ю.Н. Бойко взялся за очень сложную работу. Ему предстояло нанести все найденные предметы, открытые хозяйственные ямы, помещения на план и установить возможные границы жилых усадеб, хозяйственных и производственных объектов, проследить закономерности планировки. На тот момент были учтены практически все раскопки, которые проводились в данном регионе. Благодаря детальной фиксации материала, Ю.Н. Бойко удалось очертить вероятные границы усадеб и проследить их принадлежность разным социальным группам. С учетом данных погребальных комплексов исследователем выделено одиннадцать социальных слоев населения, проживавшего на Бельском городище в скифскую эпоху. Проанализированы и материалы других памятников.

Работа была завершена в 1986 году и защищена в виде кандидатской диссертации. С тех пор такого рода исследования никто не проводил, интересные наблюдения ученого остались не опубликованными. Поднятая проблема нашла отражение в нескольких научных статьях автора. Однако, несмотря на то, что за последние десятилетия вскрыты десятки тысяч квадратных метров культурного слоя в разных частях Бельского городища и на поселениях его округи, раскопан не один десяток новых курганов в некрополях этого уникальнейшего памятника, востребованность в научных работах Ю.Н. Бойко по-прежнему остается.

Результаты научных исследований автора данного издания без сомнения интересны и важны для дальнейших разработок различных проблем, связанных не только с Бельским городищем, но и с другими поселениями бассейна р. Ворсклы. Вполне возможно, новые материалы позволят расширить наши представления о социальном составе населения Лесостепной Скифии.

И.Б. Шрамко,
к.и.н., доцент кафедры историографии,
источниковедения и археологии
Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина;
Директор Музея археологии
Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА р. ВОРСКЛЫ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Монографія

ВВЕДЕНИЕ

Ранний железный век – важная эпоха и история социально-экономического развития народов Юга Восточной Европы, территории, известной античным авторам под названием Скифии. Освоение технологии обработки железа сопровождалось дальнейшим развитием производительных сил и производственных отношений, усложнением состава и структуры социальных организмов.

Скифский период следует рассматривать как один из моментов исторического процесса перехода от первобытного строя к классовым обществам, начало которого уходит в эпоху бронзы, а завершение на интересующей нас территории совпало с образованием Древнерусского государства.

Следует отметить, что на территории Скифии существовала сложная система социальных организмов, различных по этнической природе, хозяйству, уровням общественного развития, характеру связей и отношений между ними.

Этническая пестрота населения Скифии засвидетельствована письменными источниками, а также наличием ряда локальных вариантов археологической культуры раннего железного века. Некоторые из них, например, ворсклинский, складывались на полиэтничной основе, определяя тем самым ведущее значение социальных факторов в процессе консолидации общественных организмов. В более широком плане в рамках Скифии принято выделить ряд культурно-исторических областей (Степную, Днепровского Лесостепного Правобережья, Днепровского Лесостепного Левобережья и др.), в пределах которых связи между отдельными социальными организмами осуществлялись наиболее тесно и разносторонне.

В общих чертах отмеченная структура содержит все основные уровни проявления процессов социально-экономического развития народов Юга Восточной Европы в VII–III[1] вв. до н. э.: общественный организм, культурно-историческая область, хозяйственно-культурная зона (степь, лесостепь), историко-географическая суперсистема (Скифия). В соответствии с ними следует строить и процедуру исследования – от всестороннего изучения конкретных общественных организмов до воссоздания целостной картины социального развития населения всей Скифии. Несмотря на определенные достижения в этом направлении, попытки создания палеосоциологических моделей на уровне суперсистемы пока

[1] В настоящее время верхнюю границу скифской эпохи принято не выводить за пределы IV в. до н. э.

нельзя признать успешными. Причина в том, что до сих пор не велось специального и целенаправленного изучения социально-экономического развития племен земледельческой Лесостепи на уровне общественных организмов[2]. Без этого, учитывая гетерогенный характер суперсистемы, обобщающие построения будут страдать схематизмом, недооценкой реальных исторических условий возникновения и развития тех или иных социальных явлений и процессов.

Таким образом, актуальность избранной темы вытекает, с одной стороны, из общих задач изучения переходного периода от доклассовых к раннеклассовым обществам у народов Юга Восточной Европы в раннем железном веке; с другой – из неразработанности методики и практики исследований конкретных социальных организмов лесостепной Скифии.

При выборе объекта исследования учитывалось то обстоятельство, что основным источником для изучения населения лесостепной зоны скифского времени служат данные археологии. Поэтому, принимая во внимание новизну проблемы и различную степень полноты археологических сведений по отдельным регионам, выбор пал на бассейн р. Ворсклы – основную территорию распространения одноименного локального варианта археологической культуры земледельцев лесостепи скифского времени. В отличие от других районов, здесь накоплены обширные материалы из раскопок не только погребений, но и поселений, среди которых выделяется огромное Бельское городище.

Цель настоящей работы заключается в реконструкции социального состава населения бассейна р. Ворсклы в скифское время. Выделение этой стороны общественного организма в качестве предмета изучения обусловлено тем, что в социальном составе общества, понимаемом как устойчивая совокупность элементов его структуры, отражается социальная система, позволяющая составить целостное представление об объекте исследования. Этой цели подчинены основные задачи работы: разработка методики анализа имеющихся источников, прежде всего археологических; реконструкция основных элементов социального состава и структуры общества; уточнение построенной модели с учетом ее соответствия идеологическим представлениям общества о статусе его членов.

Последовательная реализация этих задач, основанная на системном подходе к решению проблемы, позволяет преодолеть известную ограниченность источниковой базы, полнее воссоздать картину социального развития населения бассейна р. Ворсклы скифского времени.

[2] По состоянию на 1986 г.

Глава I

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основными источниками для нашего исследования служат данные археологии. Их состояние и степень информативности непосредственно связаны с историей изучения памятников скифского времени в бассейне р. Ворсклы и на сопредельных территориях Днепровского Лесостепного Левобережья.

В истории развития отечественной археологии принято выделять два главных периода – более ранний и современный. Принципиальное различие между ними относится к области методологии исторической науки, что нашло отражение в изменении представления об объекте археологических исследований [Генинг, 1983, с. 37, 43–85].

Ранний период археологических исследований в бассейне р. Ворсклы в целом характеризуется накоплением общих сведений о памятниках. Начало этого периода связано с деятельностью А.Ф. Шафонского, В.В. Пассека, архиепископа Филарета по собиранию и публикации описаний исторических древностей Полтавщины и Харьковщины. А.Ф. Шафонский в конце XVIII в. посетил Бельское городище, отметил выгодность его топографического расположения, грандиозный характер сохранившихся укреплений, первым из исследователей понял структурное единство всех его частей [Шафонский, 1851, с. 650–654].

В конце 30-х годов позапрошлого века В.В. Пассек попытался дать обобщенную топографическую характеристику курганов и городищ междуречья Псла и Северского Донца [Пасек, 1837; 1839]. На интересующей нас территории автор под видом городищ описал лишь несколько больших майданов [Пасек, 1837, с. 542], что, впрочем, было весьма распространенной ошибкой в среде археологов XIX – начала XX вв.

Краткие сведения о памятниках глубокой древности были включены в «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» архиепископа Филарета. Здесь впервые упомянуто Коломакское городище, курган у с. Лихачевка. Описание Бельского городища было заимствовано с сокращениями из труда А.Ф. Шафонского [Филарет, 1857, 2, с. 256; 1857, 3, с. 96, 269–270].

Первые археологические раскопки курганов скифского времени в бассейне р. Ворсклы были проведены в 1887–1889 гг. И.А. Зарецким в окрестностях сел Лихачевка и Деревки [Зарецкий, 1888, с. 229–246; Багалей, 1905, с. 1–4; Zakharov, 1932]. Несмотря на невысокий методический уровень ведения работ, автору удалось сделать ряд интересных наблюдений. Например, он предположил наличие связи между

размерами курганных насыпей и социальным статусом погребенных, а также считал, что орнамент на некоторых бронзовых наконечниках стрел служил не только украшением, но и знаком собственности владельца колчана [Зарецкий, 1888, с. 233, 240].

А.А. Бобринскому принадлежит заслуга датировки Бельского городища скифским временем. В 1895 г. им был доисследован разрушенный крестьянами курган с богатым захоронением VI в. до н. э. у с. Глинск [Бобринский, 1897, с. 125–128].

В.Г. Ляскоронский по поручению Московского Археологического общества провел широкое обследование городищ, курганов и майданов на Днепровском Левобережье. Большое Бельское городище исследователь связывал с системой змиевых валов, создание которых относил к скифскому периоду [Ляскоронский, 1907а, с. 209–210]. В урочище Скоробор им было обнаружено два огромных майдана, окруженных курганами, но какой-либо регулярности в их расположении на опубликованном плане нет [Ляскоронский, 1907, с. 179, рис. 35]. К началу нашего века на Скороборе насчитывалось не менее 1000 курганных насыпей [Самоквасов, 1906, с. 111–112]. Большое количество поселений в среднем течении Ворсклы В.Г. Ляскоронский правильно объяснял тем, что росшие здесь леса издавна служили дополнительной защитой земледельческому населению от набегов степных кочевников [Ляскоронский, 1907, с. 170].

Некоторая активизация полевых исследований в регионе была связана с подготовкой и проведением XII, XIII и XIV археологических съездов. В период с 1900 по 1903 гг. Е.Н. Мельник и В.Е. Данилевич провели раскопки на курганном могильнике у с. Кириковка. Насыпи вскрывались колодцами, их по́лы не исследовались. Недостатки методики усугубляются низким научным уровнем публикации результатов работ [Мельник, 1905, с. 703–743]. Летом 1903 г. под руководством В.Е. Данилевича исследовались курганы у хутора Покровского на р. Мерчик. Из довольно путаных описаний следует, что, по крайней мере, несколько погребений относились к скифскому времени [Данилевич, 1908, с. 19–28]. Автор раскопок разделял мнение И.А. Зарецкого о связи размеров курганов с общественным положением погребенных, но отмечал, что увеличение насыпи могло произойти в результате совершения впускных захоронений, а уменьшение – стать следствием длительной распашки [Данилевич, 1908а, с. 3]. В том же 1903 г. Д.И. Багалей исследовал 18 курганов у хутора Настельного, в которых обнаружил 12 погребений V–IV вв. до н. э. В отличие от упомянутых выше авторов, Д.И. Багалей уделял больше внимания качеству проведения работ, что отразилось и на качестве полученных результатов [Багалей, 1907, с. 371–378].

Замечательным достижением раннего периода археологических исследований на Днепровском Левобережье стали работы В.А. Городцова. В 1906 г. он произвел обширные по тем временам раскопки на Западном и Большом укреплениях Бельского городища, селище скифского времени у с. Должик, курганов в урочищах Скоробор, Осняги, Саранчево Поле, Поле Чепеля и возле хутора Блажки. Изучение зольников показало, что все они имели сходную структуру и были оставлены населением, принадлежавшим к одной археологической культуре скифского времени [Городцов, 1911, с. 106–116]. В.А. Городцов особо отметил следы ремесленного производства изделий из бронзы и железа [Городцов, 1911, с. 157]. Многочисленные остеологические материалы указывали на развитие скотоводства, а следы горелой пшеницы в насыпях некоторых курганов – земледелия в хозяйстве местного населения [Городцов, 1911, с. 128, 133, 152]. Позднее блестяще подтвердилась догадка В.А. Городцова о существовании в древности на валах городища деревянной крепостной стены, а предложенная им начальная датировка Западного укрепления VII в. до н. э. оказалась важной для всего памятника [Городцов, 1911, с. 151, 155; Шрамко, 1975а, с. 100–106, рис. 3–5].

В.А. Городцов первым отметил ряд особенностей погребального обряда местных племен скифского времени, хотя лишь один комплекс из кургана 6 в урочище Скоробор к моменту проведения раскопок оставался не ограбленным [Городцов, 1911, с. 127–134, 138–143, 147, 148]. На плане этого могильника исследователь по известной только ему одному причине расположил курганы и майданы правильными рядами [Городцов, 1911, с. 138–140, рис. 107].

Общие результаты работ В.А. Городцова имели неоспоримое значение для дальнейшего развития археологических исследований Ворсклинского региона, а Западное Бельское городище и расположенные рядом с ним курганы долгое время оставались наиболее изученными памятниками этой территории.

Подводя итоги раннего периода, отметим, что к концу первого десятилетия XX в. принадлежность к скифской эпохе в бассейне Ворсклы была установлена для Бельского городища, двух селищ (Лихачевка и Должик) и не менее 57 по-

гребальных комплексов. По сравнению с соседними территориями эти данные выглядят весьма скромно. Несовершенство методики полевых работ, зачастую невысокий научный уровень публикаций в тех случаях, когда сами материалы раскопок не сохранились, снижают информативность добытых источников, заставляют искать специальные пути и методы их изучения.

Начало современного периода научных археологических исследований хронологически совпало с окончанием гражданской войны на Левобережной Украине. В 1923–1924 гг. М.Я. Рудинский приступил к раскопкам курганов скифского времени в урочище Таранов Яр у с. Мачухи. Новые материалы позволили ему подкрепить и конкретизировать высказанную ранее А.А. Спициным и М.И. Ростовцевым точку зрения о том, что памятники раннего железного века на Ворскле образовывали особую локальную группу, генетически связанную с Днепровским Правобережьем [Рудинский, 1928, с. 45–62; Спицын, 1918, с. 121–134; Ростовцев, 1925, с. 505]. Работы на курганном поле были продолжены в 1946 г. В это время М.Я. Рудинский наметил ряд социологических вопросов, ответить на которые должны были полевые исследования [Рудинский, 1949, с. 56]. Остается лишь сожалеть, что автор опубликовал только самые общие наблюдения над степенью имущественной дифференциации погребенных и больше к этой теме не возвращался. Полное издание материалов Таранова Яра увидело свет уже после смерти ученого [Ковпаненко, 1970].

В 20–30-х годах прошлого века на Днепровском Левобережье работала группа харьковских археологов под руководством А.С. Федоровского. Некоторые итоги обследования городищ скифского времени попытался тогда же обобщить Н.К. Фукс [Фукс, 1930]. Многие из его выводов к настоящему времени устарели [Моруженко, 1985], но одно наблюдение все же не утратило своего значения. Автор заметил, что в бассейне р. Ворсклы городища Каменское, Сосонское, Зареченское, Городнее, Полковая Никитовка, Хрущевая Никитовка, Коломакское, Грашковское образовывали сложный территориальный комплекс, ядром которого было Бельское городище. Отдельные укрепления и группы городищ прикрывали важные речные и сухопутные дороги древности [Фукс, 1930, с. 106]. Похоже, перед нами первая попытка системного подхода к распределению поселений скифского времени Ворсклинского региона.

В ходе разведок 1940, 1945–1949 гг. И.И. Ляпушкин собрал данные о более чем 50 поселениях раннего железного века на Ворскле и ее притоках. Многие памятники были впервые нанесены на археологическую карту [Ляпушкин, 1961, с. 18–145]. Материалы небольших раскопок на селище Пожарная Балка, подтвердили правильность основных выводов В.А. Городцова и М.Я. Рудинского. Здесь впервые для области Днепровского Лесостепного Левобережья были выявлены грунтовые бескурганные погребения VI–V вв. до н. э. [Ляпушкин, 1961, с. 114–115, 118, 123, рис. 50 и 59]. В своей монографии И.И. Ляпушкин пространно изложил концепцию «зольничной» культуры VII–III вв. до н. э. на Левобережье Днепра. Отрицая наличие локальных вариантов археологической культуры скифского времени, он попытался объяснить существующие особенности хронологическими факторами [Ляпушкин, 1961]. Ошибочность такого подхода убедительно доказана в работах многих исследователей [Ильинская, 1950; 1950а, с. 184–187; 1954, с. 181–185; Шрамко, 1957, с. 437–438; 1962, с. 221–222; 1972; 1975, с. 76–77; Ковпаненко, 1967 и др.].

В 1953 и 1955 гг. Г.Т. Ковпаненко провела раскопки селищ Хухры и Ницаха. Впервые на рассматриваемой территории были отмечены следы бондарихинской культуры поздней бронзы [Ковпаненко, 1950; 1967, с. 15–33, рис. 2–12]. Автор высказала мнение, что в начале раннего железного века эта культура сменилась на Ворскле второй ступенью чернолесской культуры, с которым не согласились другие исследователи [Шрамко, 1972, с. 153–154, 161; Тереножкин, 1976, с. 205; Беляев, 1977; Березанская, 1982, с. 200 и др.]. Выяснилось, что сложение черт культуры племен Днепровского Лесостепного Левобережья и ее локальных вариантов протекало весьма непросто. Известное влияние на процесс оказали носители позднесрубной и бондарихинской культур, обитатели Днепровского Правобережья, особенно в жаботинское время, население более северных лесных областей, а позднее и южные соседи – степные скифы-кочевники [Берестнев, 1983, с. 19; Буйнов, 1981, с. 18; Шрамко, 1972, с. 161; 1983, с. 90–91].

Г.Т. Ковпаненко принадлежит первое монографическое обобщение археологических памятников скифского времени бассейна р. Ворсклы [Ковпаненко, 1967]. В нем обоснована правильность утверждения о существовании особого ворсклинского локального варианта культуры лесостепной Скифии, рассмотрены вопросы материальной и духовной жизни местного населения, погребальный обряд и хронология. Известная ограниченность источниковой

базы работы, опиравшейся в основном на материалы раннего и начала современного периодов археологических исследований, не могла не оказаться на содержательной стороне ряда выводов, на что уже указывалось в специальной литературе [напр.: Шрамко, 1973, с. 94; 1975, с. 67]. Для нас важно отметить, что Г.Т. Ковпаненко не стала специально рассматривать проблему социального развития местных племен. Отдельные замечания по этому поводу содержатся в заключительной части монографии и будут рассмотрены ниже. Работа Г.Т. Ковпаненко показала, что к концу 50-х – началу 60-х годов XX в. полевые исследования на Ворскле все ещё носили ограниченный, зачастую разведочный характер. Определенное отставание наблюдалось в изучении поселений.

В последующие годы ситуация значительно улучшилось благодаря усилиям многих специалистов. В 1958 г. группа московских и харьковских археологов под руководством Б.Н. Гракова и Б.А. Шрамко возобновила раскопки на Западном Бельском городище. В 1959–1960 гг. работы были впервые перенесены на Восточное укрепление, до тех пор не изученное [Граков, 1971, с. 153]. За несколько десятилетий систематических исследований под руководством Б.А. Шрамко Бельское городище стало одним из наиболее изученных поселений лесостепи, а полученные при этом материалы во многих отношениях уникальны. В ходе работ была уточнена площадь памятника (4020,6 га) и длина оборонительных сооружений (33833 м) [Шрамко, 1973, с. 111; 1975, с. 66]. При изучении валов узкие вертикальные разрезы сочетались со вскрытием значительных участков в горизонтальной плоскости, что позволило выявить несколько строительных периодов и реконструировать внешний вид деревянной стены [Шрамко, 1973, с. 95–96, рис. 7, 8; 1975, рис. 2; 1975а, с. 100–107, рис. 3–5]. Б.А. Шрамко предложил свой вариант хронологии поселения: не позднее первой половины VII в. до н. э. возникли Западное и Восточное укрепления, которые уже к VI в. до н. э. были объединены валом Большого городища. В начале V в. до н. э. к ним пристроили Куземинское городище, а в III в. до н. э. жизнь на памятнике постепенно угасает [Шрамко, 1975, с. 67].

Раскопками на Западном Бельском городище были исследованы несколько земляночных жилищ и установлено, что некоторые майданообразные сооружения в оборонительных валах принадлежали к скифскому времени, а часть из них – более позднего происхождения [Шрамко, 1975а, с. 109–115; 1985].

В.А. Городцов полагал, что кроме зольников в урочище Царина Могила на территории Большого Бельского городища поселений скифского времени не существовало. Это ошибочное мнение вошло в литературу и в некоторых случаях использовалось авторами для далеко идущих выводов [Артамонов, 1947, с. 16; Ковпаненко, 1967, с. 183; Либеров, 1969, с. 26; Граков, 1971, с. 162]. Многолетние разведки экспедиции Харьковского государственного университета показали, что на площади Большого Бельского городища в скифское время были заселены не менее девяти больших участков, причем число известных пунктов постоянно растет [Шрамко, 1975а, с. 97–98].

Впервые за всю историю изучения памятника удалось определить назначение Куземинского укрепления. По мнению Б.А. Шрамко, оно служило прикрытием древней гавани на р. Ворскле и местом хранения привозимых античными купцами товаров [Шрамко, 1973, с. 93, рис. 6; 1975, с. 67].

Основным объектом исследований остается Восточное укрепление Бельского городища. К настоящему времени[1] здесь вскрыто около 40 тыс. кв. м культурного слоя [Шрамко, 1973, с. 111; Шрамко, 1987, с. 14]. Полученные в результате раскопок материалы всесторонне характеризуют культуру, хозяйство, быт, идеологию местного населения. В связи с этим особо отметим остатки бронзолитейных, гончарной и косторезной мастерских, святилища, находившегося в восточной части поселения [Шрамко, 1973, с. 102–105, рис. 10–11; Радзиевская, Шрамко, 1980, с. 184–185; Шрамко, 1976, с. 198]. Раскопки большими площадями позволили Б.А. Шрамко впервые для памятников Лесостепного Левобережья предпринять попытку выделения и реконструкции отдельных усадебных комплексов [Шрамко, 1973, с. 108; Радзиевская В., Шрамко, 1980, с. 181–189]. Общие результаты опытов можно расценить как положительные, но сам метод, основанный, прежде всего, на интуиции ученого, нельзя считать свободным от недостатков. Главный из них сводится к тому, что невозможно четко разграничить участки культурного слоя отдельных усадеб. В результате этого затрудняется возможность статистико-социологической обработки массовых археологических источников в рамках одного поселения.

В разные годы под руководством Б.А. Шрамко на Бельском городище, в урочищах Скоробор

[1] По состоянию на 1986 г.

и Перещепино, около пгт. Котельвы исследовано 34 погребения скифского времени [Шрамко, 1967, с. 200; 1973а, с. 352; 1975, с. 77; 1982, с. 335; Щегленко, 1981]. Два грунтовых захоронения V–IV вв. до н. э. были обнаружены на Восточном укреплении Бельского городища [Шрамко, 1985б].

Многолетние систематические исследования позволили Б.А. Шрамко сделать ряд важных выводов. Материальная культура жителей Восточного Бельского городища по целому ряду признаков (керамика, традиции домостроительства, особенности культовой атрибутики) оказалась близкой памятникам типа Люботинского городища и отличной от памятников типа Западного Бельского городища [Шрамко, 1973, с. 110–111; 1975, с. 76–77].

Установление факта поликультурности и полиэтничности населения Бельского городища и средней части бассейна р. Ворсклы, детальное изучение особенностей планировки и устройства оборонительных сооружений, других строительных комплексов позволило Б.А. Шрамко доказательно обосновать соответствие этого памятника остаткам города Гелон, упомянутого Геродотом (IV, 108) [Шрамко,1973, с. 112; 1975, с. 79–84; 1975а, с. 125–128; 1983, с. 89–92; 1987, с. 156–163]. Не все исследователи приняли эту точку зрения, и на страницах археологических изданий развернулась бурная дискуссия. Историография вопроса и ход дискуссии нашли достаточно полное освещение в монографии А.А. Нейхардт [Нейхардт, 1982, с. 126–131]. Заметим лишь, что никто из наиболее непримиримых противников отождествления Бельского городища с городом Гелоном не только не привел веских контрдоводов, но и не нашел времени близко познакомиться с материалами многолетних раскопок этого памятника. Со своей стороны, после детального изучения имеющихся источников, мы разделяем выводы Б.А. Шрамко и считаем разработанную им систему доказательств убедительной.

В ряде работ, посвященных Бельскому городищу, Б.А. Шрамко рассмотрел вопросы становления раннегородских центров в лесостепной Скифии. Наиболее полно его позиция изложена в отдельной статье [Шрамко, 1984]. Исследователь разделил все лесостепные городища в соответствии их размерам на три основные группы: большие (более 55 га), средние (10–55 га) и малые (менее 10 га) [Шрамко, 1984, с. 223]. Малые, по мнению Б.А. Шрамко, были убежищами или небольшими поселениями родовых групп, некоторые средние и большие в своем развитии шли по пути превращения в раннегородские центры [Шрамко, 1984, с. 223–225]. Единственным городом скифского времени в лесостепной части Восточной Европы, подчеркивал Б.А. Шрамко, с уверенностью можно называть лишь Бельское городище. На это указывают следующие данные. Огромное по размерам, оно имело высокую плотность населения, численность которого в период расцвета могла достигать 40–50 тыс. человек на площади 200–250 га [Шрамко, 1984, с. 225]. Монументальным характером отличались городские укрепления, а само поселение было крупным ремесленным и торговым центром. При этом, как отметил исследователь, уровень развития и степень дифференциации ремесленного производства здесь был выше, чем на Каменском городище степной Скифии [Шрамко, 1984, с. 226–227]. Нельзя не согласиться и с тем, что важным импульсом для создания Бельского городища стало возникновение крупного межплеменного объединения[2]. Оно, как справедливо отметил автор, явилось результатом самостоятельного социально-экономического развития населения лесостепи Восточной Европы «на базе технических достижений раннего железного века, в условиях тесных контактов с древневосточными и античными государствами» [Шрамко, 1984, с. 227].

Мы столь подробно останавливаемся на деятельности Б.А. Шрамко по изучению Бельского городища не только потому, что этот памятник не имеет равных в Восточной Европе, но и по той причине, что накопленные в процессе длительных систематических раскопок данные легли в основу нашего исследования.

Одновременно с работами на Бельском городище развернулись масштабные исследования других памятников скифского времени в бассейне р. Ворсклы. А.А. Моруженко провела небольшие раскопки на Каменском и Сосонском городищах, что позволило датировать эти поселения VII–IV вв. до н. э. [Моруженко, 1969]. С 1969 по 1975 гг. ею велись работы на городище

[2] Б.Н. Граков считал, что сначала объединились два племени, создавших Восточное и Западное укрепления. Затем в V в. до н. э. к ним присоединилось ещё одно, построившее городище у с. Куземин [Граков, 1971, с. 162]. Б.А. Шрамко, доказав особый характер Куземинского укрепления, полагал, что союз заключило только два племени. Первоначально он связывал Западное Бельское городище с выходцами из Днепровского Правобережья – гелонами, а Восточное с левобережными будинами [Шрамко, 1975а, с. 128]. В монографии о Бельском городище, изданной в 1987 г., исследователь пишет о территориальной общине гелонов и будинов на Восточном и неврах на Западном укреплениях города Гелона [Шрамко, 1987, с. 162–163].

VI–V вв. до н. э. у с. Полковая Никитовка. Полученные материалы подтвердили культурную близость обитателей этого памятника и Восточного Бельского городища. Исследования на городище у с. Городное показали, что оно было убежищем для жителей расположенных рядом селищ Городное и Копанки [Моруженко, 1970; 1972; 1973; 1974; 1975]. В 1975 г. А.А. Моруженко совместно с В.А. Косиковым изучила ряд погребений VI–V вв. до н. э. в курганах неподалеку от городища Полковая Никитовка [Моруженко, Косиков, 1976, с. 368; Моруженкко, 1986, – с. 111–115]. Ею же были обследованы городище у с. Хрущевая Никитовка и два селища по соседству. Собранные материалы датировали комплекс памятников к IV–III вв. до н. э. Разведками у с. Лихачевка, кроме отмеченного ещё И.А. Зарецким селища, было выявлено другое неукрепленное поселение в урочище Квашино Поле [Моруженко, 1977]. С 1977 г. на селище Лихачевка велись широкие раскопки, давшие разнообразные сведения о жизни его обитателей в VII–IV вв. до н. э. [Моруженко, 1978; 1979; 1985а].

В.П. Андриенко в 1974 г. исследовал два зольника на селище VI–III вв. до н. э. у с. Олефирщина и открыл в его окрестностях еще три селища скифского времени [Андриенко, 1975]. В 1976 г. им были продолжены начатые И.И. Ляпушкиным раскопки селища VII–VI вв. до н. э. у с. Пожарная Балка. Как выяснилось, это поселение было одним из наиболее ранних в пределах Ворсклинского региона скифского времени [Андриенко, 1977; 1978; 1979; 1981]. В зольнике № VII обнаружено 5 грунтовых погребений VI–V вв. до н. э. со скромным инвентарем, что подтвердило правильность наблюдений И.И. Ляпушкина [Андриенко, 1980; Ляпушкин, 1961, с. 114–115, 118, 123]. В расположенных рядом с селищем курганах В.П. Андриенко исследовал два погребения VII–VI вв. до н. э. [Андриенко, 1981, с. 224].

С 1976 года под руководством В.Е. Радзиевской велось изучение городища у пос. Коломак. Основные материалы датируют культурный слой памятника V–III вв. до н. э., но отдельные находки относятся к рубежу VII–VI вв. до н. э. В конце IV или начале III в. до н. э. городище подверглось вражескому нападению, о чем свидетельствуют следы пожаров и останки погибших жителей. Разведки в окрестностях Коломака позволили обнаружить 5 селищ скифского времени. Обследование Грашковского городища окончательно подтвердило, что оно не имело постоянного населения и использовалось в качестве убежища [Радзиевская, 1977; 1978; 1979; 1980; 1980а; 1981; 1984]. Под руководством В.Е. Радзиевской были раскопаны два кургана с разрушенными раннескифскими погребениями. В одном из них сохранились расписные ионийские амфоры первой половины VI в. до н. э. [Радзиевская, 1985].

С.И. Берестнев в 1982 году провел раскопки многослойного селища у с. Зубовка на Мерле. На площади около 400 м^2 был зафиксирован культурный слой V–IV вв. до н. э., характеризирующий хозяйство и быт населения «глубинки» интересующей нас территории [Берестнев, 1984]. Кроме того, С.И. Берестнев исследовал два кургана IV в. до н. э. с богатыми воинскими захоронениями в обширном могильнике у с. Купьеваха в окрестностях Полковой Никитовки [Берестнев, 1981].

Автором настоящей работы в 1983–1984 гг. было обследовано селище у с. Должик. Небольшими раскопками установлена хорошая насыщенность культурного слоя вне зольников, подтверждена датировка поселения VII–III вв. до н. э. [Бойко, 1985а, с. 261]. Совместно с Б.А. Шрамко в 1984 г. нами был исследован курган на р. Мерчик в зоне строительства Александровского водохранилища. В нем раскрыт уникальный для бассейна Ворсклы комплекс погребения в катакомбе IV в. до н. э. с захоронениями девушки-воина и пожилой рабыни. Последняя размещалась на дне входного колодца, отделенного от погребальной камеры деревянным закладом [Бойко, 1985в, с. 5–7].

В нижнем течении Ворсклы археологические исследования долгое время почти не велись. Лишь в 1980–1981 гг. экспедиция Полтавского краеведческого музея под руководством Л.Н. Луговой раскопала несколько курганов с погребениями VI–III вв. до н. э. у сел Васильевка и Орлик. Большинство комплексов оказались разрушенными [Луговая, 1980; 1981].

Теперь обратимся к уточнению территориальных рамок объекта нашего исследования, поскольку, как становится очевидным, термин «бассейн р. Ворсклы» в данном случае не совсем удачен. Прежде всего, он не охватывает всей территории распространения одноименного локального варианта лесостепной культуры скифского времени. Если на юге, востоке и севере границы ареала сомнений не вызывают, то на северо-западе и западе дело обстоит иначе. Здесь памятники ворсклинского типа распространяются на левобережье р. Псел. Например, р. Сухая Грунь (левый приток Псла) отделяет Бельское городище от огромного курганно-

го могильника в урочищах Скоробор и Осняги, хотя принадлежность всех памятников к одному древнему социуму бесспорна.

На Псле, в среднем и нижнем его течении, памятников скифского времени немного: Кнышевское городище с расположенными в его окрестностях курганными могильниками у сел Броварки и Дучанцы, Балаклеевское городище, курган у с. Великая Богачка [Ильинская, 1957; Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 40; Мурзин, 1980].

В.А. Ильинская отнесла Кнышевское городище и другие памятники на р. Псел к посульскому локальному варианту [Ильинская, 1957, с. 247–249]. Против выступил Б.А. Шрамко, отметив, что по ряду признаков керамический комплекс памятников скифского времени на Псле, в отличие от посульских, близок памятникам Северского Донца [Шрамко, 1962, с. 222]. К этому можно добавить, что все типы керамики и других изделий, на которые ссылалась В.А. Ильинская, хорошо известны и в бассейне р. Ворсклы, а миски с волнистыми налепами [Ильинская В., 1957, рис. 10] являются характерной особенностью керамического комплекса Западного Бельского городища, встречаются на его Восточном укреплении [Шрамко, 1983, с. 87, рис. 10, 14]. Как нам представляется, в области материальной культуры нет веских аргументов против включения указанных выше памятников на Псле в общий круг археологических источников по теме нашего исследования.

Кроме того, социально-экономическая география располагает простым, но довольно эффективным методом формального определения границ расселения отдельных общественных организмов, основанным на полигонах Тиссена. Чаще всего этот метод используется при изучении древних и традиционных обществ, когда применение других критериев затруднено недостатком или спецификой источников [Harke, 1979, p. 247–250].

Для решения задачи рекомендуется сначала определить, какие поселения той или иной территориальной группы можно считать центральными[3]. Для ворсклинского локального варианта таким центром является Бельское городище [Бойко, 1985, с. 83–87]. Исходя из требований унификации свободы выбора подходов к решению проблемы и сравнимости объектов, можно предположить, что одним из основных внешних признаков других городищ-центров являются сравнительно большие размеры и относительно сложная внутренняя структура. В Посулье этим требованиям отвечает Басовское городище (87 га), на Северском Донце – городище у с. Городище (26 га), на Правобережье Днепра – Трахтемировское городище (500 га) [Іллінська, 1965, с. 48; Шрамко, 1962, с. 190, примечание 1; Ковпаненко, 1967а]. В верховьях рек Псла, Ворсклы, Северского Донца поселения скифского времени пока изучены недостаточно. Среди них ориентировочно можно выделить городища Ворожба (7 га), Борисовка (8 га), Дмитровское (около 5 га) [Ляпушкин, 1961, с. 61, 55; Моруженко, 1985, рис. 2, 23; 3, 16, 17; рис. 7].

Соединим отмеченные выше городища на карте прямыми линиями, разделим полученные отрезки пополам, а в серединных точках восстановим перпендикуляры до пересечения друг с другом. Полученные ломаные линии и будут невзвешенными полигонами Тиссена[4] (рис. 1).

В древности, как правило, границы проходили по естественным рубежам – водоразделам, рекам, лесам и т. п. Сопоставление построенных полигонов с естественными рубежами на местности является одним из основных способов проверки степени объективности полученных результатов [Harke, 1979, p. 249].

В нашем случае восточная сторона полигона прошла по водоразделу Ворсклы и Северского Донца, вблизи от городищ Полковая Никитовка, Хрущевая Никитовка, Коломакское, вдоль древнего Муравского шляха [Книга Большому Чертежу, 1950, с. 61–64] и далее на юг – по водоразделу Ворсклы и Орели, вдоль нижнего течения последней до впадения ее в Днепр. Здесь, в излучине Орели, на границе степи и лесостепи находится небольшое Шедиево городище скифского времени [Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 76; карта 1, 121].

Западная грань территориального многоугольника начинается около Кнышевского городища на р. Псел и продолжается в южном направлении, вдоль нижнего течения р. Хорол до пересечения с границей Приднепровской пойменной степи.

На севере граница проходила в широтном направлении: от Кнышевского городища через

[3] Имеется ввиду не географическое положение, а роль в общей системе изучаемых объектов.

[4] При взвешивании достигаются более точные результаты: перпендикуляры восстанавливаются не в серединных точках расстояний между памятниками, а в точках, вычисленных соответственно относительной значимости (весу) двух поселений, определяемой в каждом отдельном случае [см. Hogg, 1971, p. 119]. Как показал Г.Х. Херке, поселения раннего железного века нельзя взвешивать, исходя только из их размеров [Harke, 1979, p. 248].

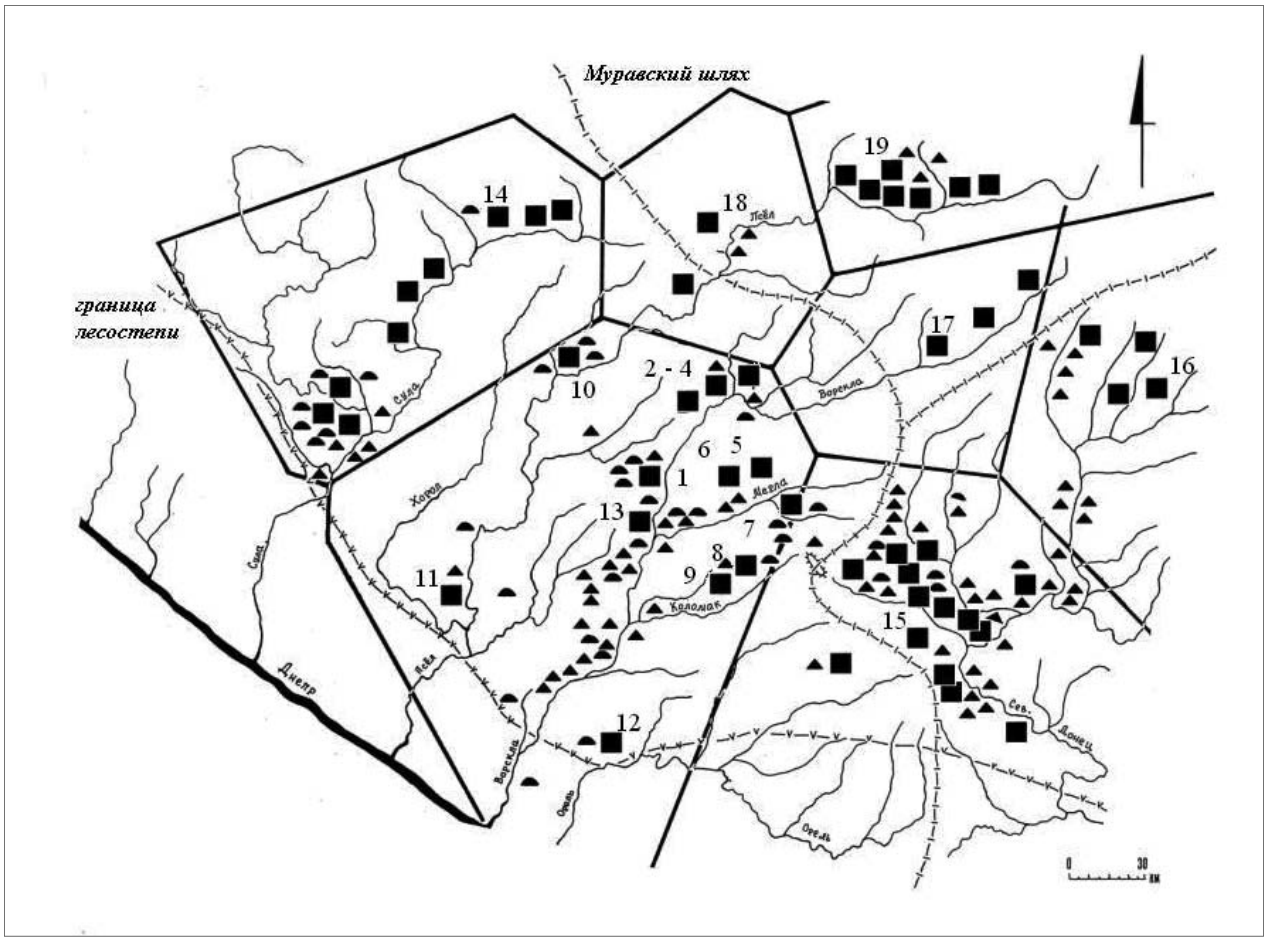


Рис. 1. Основные региональные системы на территории Днепровского Лесостепного Левобережья.

Условные обозначения:

■ – городища; ▲ – селища; ◗ – могильники;

1 – Бельское; 2 – Сосонское; 3 – Зареченское; 4 – Каменское; 5 – Полковая Никитовка; 6 – Городнее; 7 – Хрущевая Никитовка; 8 – Коломакское; 9 – Грашковское; 10 – Кнышовское; 11 – Балаклеевское; 12 – Шедиевское; 13 – Опошнянское; 14 – Басовское; 15 – Городище; 16 – Дмитровское; 17 – Борисовское; 18 – Ворожба; 19 – Кривицкие Буды.

древний лесной массив Болховы Бояраки или Буймеров лес [Книга Большому Чертежу, 1950, с. 62; Фукс, 1930, с. 93], рядом с группой городищ Сосонского, Зареченского, Каменского; затем поворачивала на юго-восток – через верховья рек Мерла и Мерчик в направлении городища Хрущевая Никитовка. На юге естественным рубежом служила граница степи и лесостепи, река Днепр.

Совокупность археологических, географических, топологических данных указывает на то, что территория обитания интересующего нас социального организма включала в себя, наряду со средним и нижним течением Ворсклы, также среднее и нижнее Припселье, низовья Орели (рис. 1). Поэтому при обозначении выделяемого района следует говорить не о «бассейне Ворсклы», а о «Ворсклинском регионе скифского времени». Здесь к середине 80-х годов прошлого века, на момент проведения нашего исследования, было известно 13 городищ, около 100 селищ, свыше 160 погребений VII–III вв. до н. э. (рис. 2). Эти данные, за исключением городищ, нельзя считать окончательными, поскольку и сегодня обнаружены ещё не все памятники.

Мы проследили особенности этапов развития археологических исследований в регионе и получили возможность убедиться, что в последние десятилетия они обрели разносторонний и систематический характер, что привело к качественному сдвигу в структуре археологических источников. Если раньше они сводились преимущественно к материалам погребальных комплексов, то сейчас накоплены обширные данные

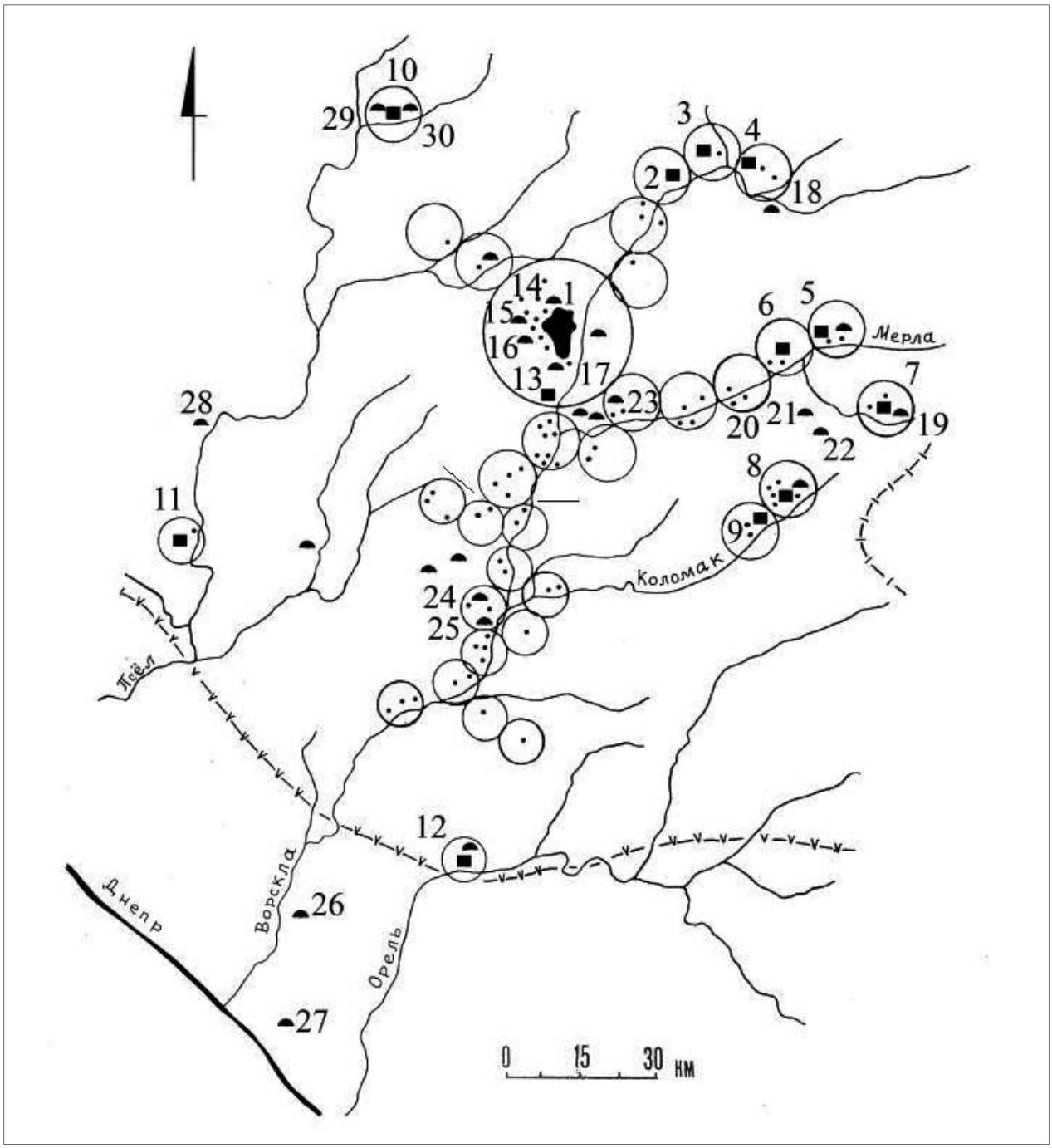


Рис. 2. Ворсклинская региональная социально-экономическая система.

Условные обозначения:

■ – городища; ● – селища; ◓ – могильники.

Основные памятники: 1 – Бельское городище; 2 – Сосонское городище; 3 – Зареченское городище; 4 – Каменское городище; 5 – городище Полковая Никитовка, селища и курганы; 6 – городище и селища у с. Городнее; 7 – городище и селища у с. Хрущевая Никитовка; 8 – городище, селища, курганы у пос. Коломак; 9 – городище и селища в ур. Грашковское; 10 – Кнышевское городище; 11 – городище и селище у с. Балаклея; 12 – городище и курганы в ур. Шедиево; 13 – Опошнянское городище; 14 – курганы в ур. Перещепино; 15 – курганы в ур. Скоробор; 16 – курганы в ур. Осняги; 17 – курганы у с. Глинск; 18 – курганы у ст. Кириковка; 19 – курганы у с. Новый Мерчик; 20 – селище Зубовка; 21 – курганы у хут. Настельного; 22 – курганы у хут. Покровского; 23 – селища и курганы у с. Лихачовки; 24 – селище у с. Мачухи и курганы в ур. Таранов Яр; 25 – селище и курганы у с. Пожарная Балка; 26 – курганы у с. Васильевка; 27 – курганы у с. Орлик; 28 – курганы у с. Великая Богачка; 29 – курганы у с. Броварки; 30 – курганы у с. Дучанцы.

из раскопок поселений, ведущихся большими площадями на высоком методическом уровне. По степени равномерности изучения всех видов археологических памятников Ворсклинский регион занимает исключительное место в рамках Лесостепной Скифии. Отмеченная особенность источниковой базы является принципиально важной для темы нашего исследования.

Совершенствование методики полевых работ обусловило рост информативности добываемых источников, что способствовало расширению возможностей исследователей в изучении различных сторон материальной и духовной жизни древнего населения. Однако, важная сторона его социального развития и форм общественной организации пока не нашла своей специальной разработки.

Не последним по своему значению фактором, сдерживавшим развитие исследований в указанном направлении, стал недостаток письменных источников по региону. Имеющиеся сообщения древних авторов фрагментарны, допускают различные толкования. Больше всего разногласий вызывает вопрос о том, какие из известных на сегодня племен Лесостепной Скифии можно связывать с интересующей нас территорией.

Выше отмечалось, что Б.А. Шрамко принадлежит заслуга доказательного отождествления Бельского городища с городом Гелоном. Этот вывод основан на многолетних археологических исследованиях памятника и соответствует сообщению Геродота. Принятие нами этой точки зрения влечет за собой признание того, что с территорией Ворсклинского региона следует связывать племена гелонов и будинов [Шрамко, 1975, с. 79–84; 1975а, с. 124–128; 1983, с. 91].

Рассмотрим свидетельства древних авторов об этих народах и попытаемся выделить информацию, заслуживающую внимания с точки зрения темы нашей работы. Основным письменным источником для нас является труд Геродота, в котором о гелонах и будинах автор сообщил следующее[5]: «Будины – племя большое и многочисленное; все они очень светлоглазые и рыжие. В их области выстроен деревянный город; название этого города – Гелон. Длина стены с каждой стороны 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева; дома у них деревянные и храмы. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллински деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности – это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском.

Будины же говорят не на том языке, что гелоны, и образ жизни у них не один и тот же. Ведь будины, будучи исконными жителями, – кочевники, они единственные из тех, кто здесь живет, питаются шишками, гелоны же – земледельцы, питаются хлебом и имеют сады. Они нисколько не похожи ни внешним видом, ни цветом кожи. Эллины, однако, и будинов называют гелонами, называют неправильно. Вся их страна густо поросла разнообразными лесами. А в самом густом лесу есть большое и широкое озеро и вокруг него болото и тростник. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с квадратной мордой; их шкурами оторачивают по краям меховые одежды…» [Геродот, IV, 108, 109]. Что касается социального устройства племен гелонов и будинов, то автор «Истории» лишь кратко упомянул о наличии у каждого из них царя и войска [IV, 102, 119, 120, 136]. В одном из разделов своего сочинения Геродот отметил, что объединенные военные отряды скифов, гелонов, будинов и савроматов, в отличие от персидского войска, состояли преимущественно из всадников [IV, 136].

О «быстрых, как птицы» гелонах, восхищаясь искусством верховой езды, писал римский автор I в. н. э. Анней Лукан [Латышев, 1949, № 2, с. 322–323]. Автор III в. н. э. Юлий Солин приписывал гелонам обычай снимать скальпы и кожу с убитых врагов, тогда как Геродот сообщал о существовании подобных военных обычаев у степных скифов [Латышев, 1949, № 3, с. 242; Геродот, IV, 64].

Юлий Солин, многие сведения которого восходят к более ранним ионийским источникам, локализовал в верховьях Днепра-Борисфена племя невров[6], а рядом с ними помещал гелонов [Латышев, 1949, № 3, с. 242].

Аналогичным образом размещал тех и других Плиний Младший [Латышев, 1949, № 2, с. 282–283].

Стефан Византийский, в изложении Евстафия, называл гелонов «сарматским государством» и помещал город Гелон в Европейской Сарматии [Латышев, 1948, № 1, с. 247; № 3, с. 318].

Сам Геродот размещал будинов в лесистой местности выше савроматских степей за Танаисом [IV, 21, 22, 122, 123].

[5] Цитируется по: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982].

[6] см.: (Геродот, IV, 17, 51, 100, 102, 105, 119, 125); историографию вопроса – [Нейхардт, 1982, с. 32, 92–95, 107, 118–120].

Более точно локализовал бодинов (искаженное будины) и гору Бодин в лесостепи между Танаисом и Борисфеном Клавдий Птолемей [Латышев, 1948, № 2, с. 235].

Отдельную группу образуют свидетельства о пребывании гелонов на Северном Кавказе и Нижнем Подонье. Они сохранились в отрывках из перипла Псевдо-Скилака, Папиния Стация и некоторых других авторов римского времени [Латышев, 1947, № 3, с. 242; 1948, № 3, с. 269–270; 1949, № 2, с. 337].

Доказано, что эти сведения восходят к труду греческого логографа конца VI – начала V вв. до н. э. Гекатея [см.: Куклина, 1985, с. 97, примечание 15], который, в свою очередь, при описании восточных областей Скифии и Кавказа использовал данные более раннего автора – Скилака [Куклина, 1985, с. 128].

Перечисление древних авторов, упоминавших о гелонах и будинах, город Гелон, можно было бы продолжить, но ничего нового и существенного к приведенным сведениям они не добавляют.

В целом, известия древних писателей, при всей фрагментарности и противоречивости, несут определенную информацию по теме нашего исследования. Эффективность их использования может быть обеспечена лишь при условии комплексного анализа всех видов источников по Ворсклинскому региону, в том числе и гидронимических.

Анализ гидронимов Лесостепного Приднепровья показал, что древнеиранский пласт хорошо представлен в области Левобережья вплоть до рек Десны и Сейма. Далее на север и северо-восток названия рек восходят к балтским и финно-угорским языкам [Топоров, Трубачов, 1962, с. 222–242; Стрижак, 1963]. Для Правобережья Днепра древние иранские гидронимы вообще не характерны [Трубачев, 1968]. Это позволяет нам с известной осторожностью привлекать для реконструкции социальной организации населения региона исторические аналогии, относящиеся к другим индоиранским народам.

Наш обзор источников и историографии по теме исследования не будет полным, если хотя бы вкратце не остановиться на оценке общего состояния проблемы изучения социально-политического развития населения Скифии[7].

Широкий круг вопросов, обсуждаемых исследователями, можно свести к некоторым основным и наиболее дискуссионным: формационная принадлежность; возможность существования и время появления государства; социальная структура общества; характер отношений между кочевниками и оседлыми земледельцами; уровень общественного развития населения лесостепи скифского времени.

Концепция о доклассовом характере скифского общества была выдвинута в конце 80-х годов XIX века А.С. Лаппо-Данилевским. Основываясь на доступных в то время источниках, он пришел к выводу, что «скифы были народом варварским, но гораздо ближе при этом стояли к цивилизации, чем к дикости» [Лаппо-Данилевский, 1887, с. 523]. Это мнение разделял и Д.И. Багалей. В начале 30-х годов XX в. к рассмотрению этого вопроса обратился В.И. Равдоникас. Он полагал, что общество скифов было родоплеменным на стадии разложения и в условиях кочевого хозяйства рабство не могло стать ведущей формой общественных отношений. Классовое общество рабовладельческого типа могло возникнуть лишь у земледельцев, живших в непосредственной близости от греческих колоний в Северном Причерноморье [Равдоникас, 1932, с. 62, 66, 71, 76–77]. Наиболее последовательно концепцию о военно-демократическом характере социального устройства скифов разрабатывал М.И. Артамонов, считавший, что рабство у них было патриархальным, а общество в целом ещё не перешагнуло последний рубеж, отделявший его от классового рабовладельческого [Артамонов, 1939; 1947; 1972; 1974, с. 138–144].

Тезис о классовом характере скифского общества впервые попытался обосновать М.И. Ростовцев, однако модернизаторский подход к решению проблемы привел его к ошибочному выводу о господстве феодальных отношений, подобно кочевым «державам» средневековья [Ростовцев, 1913, с. 23; 1918, с. 35; 1925, с. 8]. Эту точку зрения поддерживал и Ю.В. Готье [Готье, 1925, с. 247]. Более осторожную позицию занимал историк права С.В. Юшков. Он считал, что у скифов было общество переходного типа, в котором шла борьба трех укладов – патриархального, рабовладельческого и феодального. В определении ведущей тенденции общественного развития автор допускал колебания между феодальным и рабовладельческим укладами [Юшков, 1947, с. 4, 24–25; 1961, с. 36, 38].

В начале 30-х годов XX в. с концепцией классового рабовладельческого общества у скифов выступили С.П. Толстов и А.П. Смирнов [Толстов,

[7] Исчерпывающий историографический анализ всех исследований по степной Скифии выходит за рамки нашей работы. Более подробно существующие точки зрения рассматриваются, например, в монографиях А.А. Нейхардт и Е.П. Бунятян [Нейхардт, 1982, с. 163–184; Бунятян, 1985, с. 7–24].

1934, с. 167–168; Смирнов, 1934; 1966, с. 141–150; 1970, с. 122–123]. К числу ее сторонников первоначально относил себя Б.Н. Граков. Со временем взгляды ученого несколько изменились. По его мнению, до конца V в. до н. э. скифы находились на стадии военной демократии, лишь царство Атея можно считать свидетельством победы классовых рабовладельческих отношений [Граков, 1947, с. 28–33; 1950, с. 10–11; 1954, с. 22–23; 1971, с. 41]. В таком виде точка зрения Б.Н. Гракова получила признание и поддержку многих скифологов [см.: Нейхардт, 1982, с. 168–169; Бунятян, 1985, с. 15].

Большой вклад в разработку вопросов общественного устройства скифов внес А.И. Тереножкин, но и его взгляды не отличались последовательностью. Скифское общество представлялось ему то рабовладельческим [Тереножкин, 1966, с. 44; 1977, с. 25–26], то феодально-кочевым [Павловская, 1967, с. 205], то раннеклассовым с ведущей рабовладельческой тенденцией развития [Тереножкин, 1975, с. 12].

Прошедшая на рубеже 60-х – 70-х годов XX в. дискуссия об азиатском способе производства [Никифоров, 1977] способствовала популяризации представлений о раннеклассовом характере скифского общества [Лащук, 1967, с. 105, 106, 108, 117; Раевский, 1971, с. 13–14; Шелов, 1972; Хазанов, 1972, с. 170; 1975, с. 259; Генинг, 1984; Бунятян, 1985, с. 123, 125, 129].

Исследователи по-разному отвечают и на вопрос о времени сложения скифской государственности. Сторонники родоплеменного (военно-демократического) уровня развития скифов отрицали возможность существования у них государства, по крайней мере, до III–II вв. до н. э. [Жебелев, 1953, с. 88, 266; Артамонов, 1972, с. 55]. Приверженцы концепции кочевого феодализма относили время возникновения скифского государства к VII в. до н. э. [Ростовцев, 1913, с. 23; 1918, с. 35; 1925, с. 8; Готье, 1925, с. 247]. С.П. Толстов и А.И. Тереножкин считали, что рабовладельческое государство у скифов появилось не позднее рубежа VII–VI вв. до н. э. [Толстов, 1934, с. 167–168; Тереножкин, 1977, с. 4]. А.П. Смирнов отнес формирование рабовладельческого государства у кочевников Северного Причерноморья к VI в. до н. э. [Смирнов, 1934, с. 30 сл.; 1966, с. 105]. Согласно Б.Н. Гракову, государство скифов сложилось не ранее рубежа V–IV вв. до н. э. [Граков, 1950, с. 10; 1954, с. 7; 1971, с. 41]. Два этапа в процессе формирования скифской государственности выделял А.М. Хазанов. Первый этап он связывал с возникновением примитивного государственного образования «завоевательного типа» в VII в. до н. э. в Восточном Закавказье, второй, приведший к созданию «триединого» царства скифов в Северном Причерноморье, исследователь начинал с VI в. до н. э. [Хазанов, 1975, с. 225].

Меньше разногласий, если не учитывать терминологический разнобой, возникло по вопросу о социальной структуре скифского общества. Сегодня никто не берется оспаривать наличие в нем рабов (различия сохраняются в определении уровня развития рабовладельческих отношений). Важным достижением стало выделение прослойки ограниченно свободного населения, к которой, возможно, относились и ремесленники [Граков, 1971, с. 36; Хазанов, 1975, с. 148; Тереножкин, 1977, с. 15; Генинг, 1984, с. 146, 148; Бунятян, 1985, с. 22; Грантовский, 1970, с. 349]. Основу скифского общества составляли свободные общинники, между которыми отмечается значительная имущественная и социальная дифференциация [Граков, 1971, с. 68; Тереножкин, 1977, с. 15; Генинг, 1984, с. 146–147; Бунятян, 1985, с. 126]. Высшее положение в социальной иерархии занимала знать («дружина», «сословие всадников») и аристократия, к которой принадлежали также цари («вожди»), царский род [Ростовцев, 1918, с. 71; Готье, 1925, с. 229–230; Равдоникас, 1932, с. 62; Артамонов, 1947, с. 74–76; Елагина, 1962; Смирнов, 1966, с. 148; Граков, 1971, с. 35; Хазанов, 1975, с.179–191; Тереножкин, 1977, с. 15; Раевский, 1977, с. 71; Мозолевский, 1979, с. 148–175; Генинг, 1984, с. 147–148; Бунятян, 1985, с. 20].

По мнению ряда исследователей, социальное членение свободного населения Скифии носило сословный характер [см., напр., Елагина, 1962; Хазанов, 1975, с. 201; Бунятян, 1985, с. 129]. Большой вклад в разработку этого вопроса внесли Э.А. Грантовский, Д.С. Раевский, Ж. Дюмезиль. Они показали, что разделение общества скифов на сословия воинов, жрецов и скотоводов-земледельцев, отраженное в идеологии и мифологии, не было мертвым пережитком в «социальной философии» [Дюмезиль, 1976, с. 157–160] времен индоевропейской общности [Грантовский, 1960; 1970, с. 349; Раевский, 1977, с. 64–80, 145–171]. Отвечая своим оппонентам, Д.С. Раевский справедливо заметил: «Если речь идет о *сословной* (здесь и далее разрядка автора – Ю.Б.) (сословно-кастовой) структуре, то, следовательно, мы говорим о категориях *правовых*, т. е. именно об идеологии, о том (и только о том), *как осознавалось строение данного общества им самим*. Никто не станет спорить с тем, что трехсословная модель не отражала во всей полноте

социальных отношений, свойственных скифскому обществу и постигаемых современным научным анализом… Вполне вероятно и наличие определенной иерархии внутри каждого из трех основных сословий. Но перед лицом остального общества такое сословие выступало – и этим обществом воспринималось – как некое единство (правовое, религиозное и т. д.) [Раевский, 1977, с. 146; см. также: Грантовский, 1970, с. 349]. По мнению исследователя, на определенном этапе развития общества вследствие перегруппировки социальных сил трехчленная модель могла реализовываться на уровне структуры общества в качестве двучленной, исключавшей жречество как самостоятельный элемент[8] [Раевский, 1977, с. 79]. В связи с этим важно отметить, что наличие жреческих функций у скифских царей признается многими авторами [Смирнов, 1966, с. 148; Граков, 1971, с. 41; Елагина, 1962, с. 95; Хазанов, 1973, с. 50; Раевский, 1977, с. 75–76, 102, 163 и др.]. В то же время некоторые культы могли отправляться и без участия профессиональных жрецов.

Вопрос о характере взаимоотношений кочевников и земледельцев в Скифии решается в рамках проблемы скифской государственности и возможных форм эксплуататорских отношений в скифском обществе. Почти все исследователи степной Скифии поддерживают тезис о даннической зависимости земледельческих племен от скифов-кочевников. Различия наблюдаются в оценках степени развития данничества как формы эксплуатации подвластного населения и масштабов скифской экспансии в лесостепи. И.В. Яценко, М.И. Артамонов полагали, что даннические отношения возникали спорадически и имели неустойчивый характер [Яценко, 1959, с. 96; Артамонов, 1947а, с. 71]. Другие авторы считали возможным сравнивать данничество в Скифии с коллективными формами рабовладения [Граков, 1950, с. 10; 1954, с. 14, 21–23; 1971, с. 36; Тереножкин, 1966, с. 42–43; 1977, с. 25–26; Смирнов, 1966, с. 144]. А.И. Тереножкин и А.М. Хазанов распространяли территорию государства скифов на всю лесостепь [Тереножкин, 1977, с. 21; Хазанов, 1975, с. 121, 229], считая ее население подвластными данниками. В отличие от них, Б.Н. Граков и какое-то время М.И. Артамонов не включали в круг зависимых от царских скифов народов племена Среднего и Левобережного Поднепровья [Граков, 1971, с. 129, 162; Артамонов, 1947а, с. 71]. Позднее М.И. Артамонов писал, что часть земледельцев Правобережья к V в. до н. э. была вынуждена признать данническую зависимость от скифов, избегнув, таким образом, постоянной угрозы военных грабежей [Артамонов, 1953, с. 191; 1974, с. 61; см. также: Смирнов, 1966, с. 108–109].

Нет единства между исследователями и в определении общего уровня социального развития земледельческого населения лесостепи. Б.Н. Граков, отмечая наличие здесь больших племенных союзов, собственной аристократии, имущественной дифференциации и зачатков рабовладения, не стал выводить лесостепных земледельцев за рамки военной демократии. Вот что, например, говорил он о племенах Поворсклья: «В целом общество будинов, вместе со слившимися с ними гелонами и пришлыми неврами, рисуется нам как военная демократия, почти готовая пойти по пути раннего государства, и, возможно, когда-то начавшая первые шаги в этом направлении» [Граков, 1971, с. 164]. Г.Т. Ковпаненко также относила это общество к последнему этапу первобытнообщинного строя, «который находился на грани своего разложения» [Ковпаненко, 1967, с. 181].

А.И. Тереножкин, полагал, что население лесостепи по уровню развития социально-экономических отношений стояло близко к «господствующим племенем» степных скифов, у которых сложилось раннеклассовое общество [Тереножкин, 1977, с. 22, 25]. Согласно концепции предыстории Киевской Руси Б.А. Рыбакова, общество обитателей Среднего Поднепровья скифского времени было раннеклассовым рабовладельческим со своим государством в V–IV вв. до н. э. [Рыбаков, 1982, с. 24, 30]. По мнению Ю.В. Павленко, «в скифское время становление новых (*раннеклассовых* – Ю.Б.) отношений должно было происходить на базе общественных структур типа вождества, что предполагает абсолютную доминанту редистрибутивной системы в сфере распределения и чрезвычайно сильную зависимость ремесленного производства от органов центральной и местной власти… Такая ситуация объясняет наличие сильной социальной стратификации при относительно невысоком уровне развития ремесел и частнособственнических отношений в системе экономики» [Павленко, 1985, с. 13]. Все это, по мнению автора, должно было привести к формированию феодальных, а не рабовладельческих отношений [Павленко, 1985, с. 12].

Таким образом, несмотря на сохраняющиеся противоречия, все больше исследователей скло-

[8] В целом, несмотря на солидную историографию, вопрос о наличии у скифов сословия жрецов остается открытым [Елагина, 1962; Хазанов А.М., 1973, с. 41; Бунятян, 1985, с. 21].

няются к тому, чтобы относить общества степной и лесостепной Скифии к начальным этапам классовых формаций. Можно считать установленным наличие имущественной и социальной дифференциации, некоторых форм эксплуатации различных категорий зависимого населения, зарождение раннегосударственных образований. Но попытки решить вопрос о формационной принадлежности общественных организмов Скифии – рабовладельческой или феодальной – пока нельзя признать успешными. Правы те авторы, которые до получения новых данных, называют эти общества раннеклассовыми, подчеркивая тем самым более высокий уровень их развития, чем известный даже для последнего этапа первобытнообщинной формации.

Нельзя не отметить, что исследователи проблемы в своих построениях, за редким исключением, опираются преимущественно на сообщения античных авторов, историко-этнографические параллели, общие теоретические рассуждения, привлекая данные археологии[9] выборочно, иллюстративно [Массон, 1976, с. 174]. Такой подход на современном этапе развития археологической науки уже не эффективен.

Более широкие возможности открывает обращение к массовым археологическим источникам, что, в свою очередь, поднимает важный и сложный вопрос о методике их анализа с целью получения социологической информации. Привлекают внимание, прежде всего, конкретные методические разработки, направленные на преодоление ограниченности традиционных методов, а также вопрос о перспективности их использования в нашем исследовании.

По своему содержанию новаторские методики сводятся к тому или иному способу классификации археологических источников с помощью количественных методов математической статистики. В большинстве своем они основаны на определении корреляционной зависимости между признаками археологических комплексов с использованием простых для вычисления коэффициентов парной корреляции и ассоциации [см., напр.: Лебедев, 1970; Федоров-Давыдов, 1970 и др.]. Констатируя наличие связи между признаками, исследователи столкнулись со сложностями в определении причин возникновения этих связей, поскольку корреляционный анализ, взятый сам по себе, не раскрывает содержательной стороны исследуемых отношений [Кендалл, Стюарт, 1973, с. 374]. Стремление преодолеть врожденную ограниченность метода уводило авторов к сложным логическим построениям на теоретической стадии исследования, не всегда оправданным получаемыми результатами.

Шагом вперед явилась разработка В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым методики сравнительного анализа погребального обряда некоторых могильников Приуралья [Генинг, Борзунов, 1975] для культурно-этнической характеристики памятников. В усовершенствованном виде основные принципы этой методики были использованы Е.П. Бунятян для реконструкции половозрастной и имущественной дифференциации рядового населения степной Скифии IV–III вв. до н. э. [Бунятян, 1985], а также В.Ф. Генингом при изучении состава позднескифской знати [Генинг, 1984, с. 135–145]. Ему же принадлежит попытка общей реконструкции социально-имущественной иерархии позднескифского общества по археологическим данным. В основе иерархической структуры, по мнению исследователя, находилось семь «социально-типологических групп» располагавшихся на трех уровнях: 1) царственная элита; 2) знать; 3) трудовой народ. Однако не совсем ясно, что именно представляют собой эти группы и уровни их объединения в оценке автора – прослойки, сословия, классы, поскольку применяемые для их характеристики термины не имеют четкой дефиниции [Генинг, 1984, с. 146–148]. В общих чертах эта методика показала себя перспективной для изучения этнической, половозрастной и имущественной дифференциации древних обществ по материалам неразрушенных погребений.

Новая оригинальная методика изучения социального состава погребенных в курганах VIII–VI вв. до н. э. в бассейнах рек Рось и Тясмин была предложена Ю.В. Буйновым и А.С. Кузьменко. Авторы указали на главные недостатки других разработок: а) невозможность одновременного статистического анализа всех показателей социальной принадлежности исследуемого объекта и оценки информативности массива исходных данных; б) невозможность математической оценки качества полученной информации о классификации объектов и вероятности принадлежности каждого погребенного к выделяемым социальным группам [Буйнов, Кузьменко, 1985, с. 130]. Стремясь преодолеть эти недочеты, Ю.В. Буйнов и А.С. Кузьменко впервые в отечественной археологии обратились к обработке статистической выборки погребальных комплексов с помощью компьютерных методов многомерного статистического анализа [Буй-

[9] Данное замечание касается, прежде всего, лесостепной Скифии.

нов, Кузьменко, 1985, с. 130–132]. В результате ими были получены 9 факторных моделей социальных групп, детальное изучение которых проводилось с помощью кластерного анализа [Буйнов, Кузьменко, 1985, с. 132–136, табл. 2, рис. на с. 134]. Все это позволило исследователям сделать вывод о том, что сложившаяся уже к VI в. до н. э. социальная организация населения Лесостепного Днепровского Правобережья включала в себя ряд сословий, состоявших из более мелких социальных групп, и отличалась высокой степенью имущественной дифференциации [Буйнов, Кузьменко, 1985, с. 136]. Перспективность разработанной Ю.В. Буйновым и А.С. Кузьменко методики для нашего исследования трудно переоценить.

Успешность палеосоциологических реконструкций по археологическим материалам лесостепи скифского времени во многом зависит от понимания нами сущности диалектического единства социально-экономической и социально-правовой систем дифференциации раннеклассовых обществ, на что справедливо обращали внимание С.Л. Утченко и И.М. Дьяконов. По их замечанию, в таких обществах принцип социального членения по признаку имущественного положения осуществлялся лишь в качестве одной из тенденций общественного развития. Она никогда не достигала такой степени значимости, чтобы имущественный показатель мог полностью и однозначно определять положение, как отдельных лиц, так и социальных групп. Их статус детерминировался не только социально-экономическими, но и традиционными правовыми нормами [Утченко, Дьяконов, 1970, с. 4–5, 7, 11]. Из сказанного следует, что эффективное использование количественных методов и основанных на их применении методик невозможно вне системного подхода к решению проблемы в целом.

Главным методическим принципом построения процедуры изучения древнего общества по археологическим источникам следует считать всестороннюю и последовательную реализацию принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Это возможно в рамках системного подхода, понимаемого как «эксплицитное выражение процедур представления объектов как систем и способов их исследования (описания, объяснения, предвидения, конструирования и т. д.)» [Кочергин, Уемов, 1973, с. 9]. Методологической предпосылкой необходимости системного подхода является ключевое в социологии представление об обществе как о системе [Кузьмин, 1980, с. 234].

Удачное определение общества как системы принадлежит М.А. Баргу: «Общество как целостная система – это совокупность иерархически сочлененных и соподчиненных элементов (каждый из них рассматривается как подсистема), противоречивое взаимодействие которых в той или иной мере воспроизводит основной движущий принцип данной системы, заключенный в общественном способе производства» [Барг, 1984, с. 110]. Порядок и способ организации элементов в систему нашли отражение в категории «структура системы». Под структурой системы в широком смысле принято понимать отношения высшего порядка, возникающие в результате внутреннего единства элементов и противоположностей между ними, причем отношения единства и противоположностей носят диалектический характер [Сагатовский, 1973, с. 25]. Общественные структуры крайне разнородны. Они подразделяются на первичные (базисные) и вторичные (производные: социальные, политические, ментальные и т. д.) [Барг, 1984, с. 121]. Под социальной структурой общественной системы понимается система структур, каждую из которых образуют социальные группы людей, характерные для данного этапа развития общества и фиксируемые как носители тех или иных конкретных функций (социально-функциональные группы) [Фофанов, 1975, с. 146]. Системообразующим признаком социальных систем выступает диалектическое единство живой и опредмеченной социальной деятельности, наиболее полно проявляющейся в общественном разделении труда [Фофанов, 1975, с. 142–143].

Применительно к нашему исследованию, системный подход заключается в том, что сумма эмпирических данных об археологических памятниках рассматривается как форма материальной объективации региональной социально-экономической системы (РСЭС). Она была одной из нескольких РСЭС, образовывавших макросистемы культурно-исторических областей лесостепной Скифии, в частности, Днепровского Лесостепного Левобережья [Бойко, 1985].

Нас интересует социальная организация населения Ворсклинского региона скифского времени, поэтому, основываясь на принципах системного подхода, цель настоящего исследования можно сформулировать как построение системной модели объекта изучения и ее всесторонний анализ. Отсюда вытекают конкретные задачи. Во-первых, определить пространственно-временные характеристики системного полигона, его топологическую структуру, выяс-

нить иерархию уровней организации основных элементов с целью получения общего предоставления о моделируемом объекте (выдвижение гипотезы об объекте исследования). Во-вторых, построить модели основных элементов социальной системы с целью определения их характерных свойств, позволявших элементам образовывать иерархические уровни социальной структуры[10]. В-третьих, осуществить реконструкцию самих уровней организации элементов системы, установить их иерархию и выяснить характер определяющих ее отношений. Такой алгоритм решения исследовательской задачи включает в себя основные требования общего механизма системного моделирования [Яровикова, 1973], что позволяет осуществить восхождение от абстрактного представления о Ворсклинской РСЭС к конкретному знанию ее социальной природы.

Отмеченные положения и принципы общеметодического характера с необходимостью предполагают создание комплекса специальных методических приемов, направленных на решение частных вопросов, вытекающих из целей и задач нашего исследования, специфики его источниковой базы. Сущность системного подхода, массовый характер археологических источников делают невозможным решение поставленных задач без широкого использования возможностей современных методов многомерного статистического анализа. Нами учтен положительный опыт, накопленный другими учеными, предлагается усовершенствованная методика обработки материалов раскопок поселений и частично разрушенных погребений с целью получения необходимой информации для палеосоциологического моделирования.

Поскольку специальные исследовательские приемы носят, как правило, прикладной характер, считаем целесообразным остановиться на них подробнее в процессе решения конкретных задач в соответствующих главах и разделах нашей работы.

[10] Уровневая гомогенизация определяется на основе качественного представления об объектах [Бараневич, 1975, с. 4].

Глава II

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВОРСКЛИНСКОГО РЕГИОНА В VII–III вв. до н. э. ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ

В предлагаемом разделе мы остановимся на построении общей гипотезы об объекте исследования и реконструкции основных элементов социальной организации населения Ворсклинской региональной социально-экономической системы скифского времени по материалам поселений.

На селищах и городищах, как известно, протекала основная экономическая, бытовая, идеологическая деятельность людей, их семейно-родственных коллективов и социальных групп. В отличие от погребальных памятников, культурный слой поселений, остатки хозяйственно-бытовых комплексов содержат богатую и зачастую уникальную информацию о связи социально-юридического статуса индивида и группы в целом с их местом и ролью в системе общественного разделения труда.

Начнем с анализа распределения поселений в рамках региона, что позволит нам составить общее представление об уровне развития региональной системы, выявить основные элементы ее топологической структуры, сформулировать гипотезу о характере отношений между ними.

В настоящее время[1] на территории Ворсклинского региона известно 93 поселения, существовавших в период с VII по III вв. до н. э., 86% которых представлены селищами (рис. 2). Из 13 городищ 2 являлись временными убежищами (Городнее и Грашковское), остальные имели постоянное население.

Большинство поселений отмечены на правом лесистом берегу Ворсклы, а также на поросших лесами берегах Мерлы и Псла. Рядом с поселениями обычно находились могильники. Анализ распределения памятников по региону показывает, что отдельные селища и городища образовывали территориальные группы – локальные системы поселений (рис. 2). Определить их количество можно с помощью полигонов Тиссена, но в данном случае методика их построения будет несколько отличаться от описанной выше. В ее основу положена гипотеза о том, что локальные системы поселений имели свои функциональные территории, размеры которых стремились к пределу, обусловленному уровнем развития производительных сил. Под функциональной территорией понимается территория, включавшая в себя древнее поселение и его окрестности, необходимая для обеспечения нормальной жизнедеятельности социума. Совокупности таких территорий образовывали функциональные территории локальных си-

[1] Данные по состоянию на 1986 г.

стем поселений, а те, в свою очередь, составляли функциональную территорию региона и его социально-топологических зон.

Проверка гипотезы осуществлена подбором радиусов окружностей, которые включали бы все известные территориальные группы поселений и, соприкасаясь, не пересекали друг друга. Площади таких окружностей с заключенными внутри них памятниками можно рассматривать в качестве пространственных моделей функциональных территорий локальных систем поселений (рис. 2).

Как выяснилось, по данному критерию внутри региона следует различать три зоны – северную, южную и центральную. Разграничить северную и южную можно вдоль условной линии между селами Стаси и Михайловка в среднем течении Ворсклы. К северу от этой линии насчитывается не менее 20 локальных систем[2], средняя площадь функциональных территорий которых составляла 64 кв. км. Южнее таких систем было 14, при средних размерах функциональных территорий 53 кв. км (рис. 2). О качественном своеобразии социально-топологических структур северной и южной зон свидетельствует и показатель меры актуальной концентрации [Кириченко, 1973, с. 66] селищ, который при среднерегиональном значении 0,36 соответственно равен 0,62 на севере и 0,93 на юге. В то же время, на один социум в обеих зонах региона приходилось примерно одинаковое пространство территорий локальных систем: 24 кв. км на севере и 26 кв. км на юге. Это свидетельствует о равных потенциальных возможностях жителей севера и юга региона в удовлетворении потребностей в основных продуктах питания, сырья для домашнего и ремесленного производств и подтверждает правильность идеи, положенной в основу построения модели пространственной структуры Ворсклинской РСЭС.

Особое место в регионе занимала центральная зона, границы которой совпадали с реконструируемой функциональной территорией локальной системы Бельского городища – города Гелона. Она состояла из огромного укрепленного поселения, 10 расположенных рядом с ним селищ и курганного могильника в урочищах Скоробор, Осняги, Перещепино (рис. 2). Ее площадь равнялась 707 кв. км, что сопоставимо с функциональной территорией южной зоны (749 кв. км) и уступает лишь функциональной территории северной зоны региона (1280 кв. км). Формально на одно селище в центральной зоне приходится 65 кв. км функциональной территории[3], что, учитывая усредненные данные по северной и южной зонам (25 кв. км), не соответствует действительности. Следует предположить, что «лишние» 400 кв. км были земельными угодиями жителей города Гелона. В этом случае демографический и экономический потенциал населения Бельского городища в 16 раз превышал среднерегиональный уровень, и вся центральная зона должна рассматриваться как ядро РСЭС, наиболее полно отражающее ее генерализованную функцию [Алаев, 1983, с. 56, 73]. Одним из важнейших аспектов проявления этой функции было поддержание устойчивости системы, что отразилось в создании развитой инфраструктуры обороны и управления. Наиболее ярким примером является строительство и неоднократная реконструкция самих укреплений Бельского городища, площадь которого в 33 раза превышала размеры остальных укрепленных поселений региона, взятых вместе (табл. 1). Однако их роль и значение определялись не столько размерами, сколько местом в оборонительной структуре РСЭС, состоявшей из отдельных городищ и узлов (нескольких расположенных рядом укрепленных поселений), находившихся преимущественно вдоль границ региона, радиально по отношению к Бельскому городищу.

Оборонительные узлы из Сосонского, Зареченского, Каменского городищ на севере, городищ у сел Городное, Полковая Никитовка на востоке, Коломакского и Грашковского городищ на юго-востоке – прикрывали основной массив неукрепленных селищ северной зоны Ворсклинской РСЭС со стороны беспокойного Муравского шляха. Здесь линия обороны и региональная граница сложились к началу VI в. до н. э. В V в. до н. э. с ростом численности населения и возникновением потребности в новых территориях произошло перемещение пограничной черты из области среднего течения в верховья р. Мерлы. Завершение этого процесса совпало с возникновением городища у с. Хрущевая Никитовка на р. Мерчик (рис. 1; 2). Небольшие расстояния между указанными городищами, оборонительными узлами и Бельским городищем позволяли в пределах одних суток попасть в любую точку этой части оборонительной системы региона, осуществлять оперативную связь между центром и периферийными элементами инфраструктуры, оказывать взаимопомощь в случае вражеского нападения (табл. 1).

[2] Без локальной системы Бельского городища.

[3] Без суммарной площади Бельского городища и курганного могильника, равной 58 кв. км.

Таблица 1. Элементы оборонительной системы Ворсклинского региона скифского времени.

Название городища	Площадь в га	Расстояние до Бельского городища в часах пути*	Время существования (вв. до н. э.)
Бельское	4020	–	VII–III
Сосновское	14	9	VI–IV
Зареченское	8	11	VI–IV
Каменское	10	13	VI–IV
Полковая Никитовка	54	13	VI–V
Городное (убежище)	12	12	VI–V
Хрущевая Никитовка	5	17	V–III
Коломакское	10	14	VI–III
Грашковское (убежище)	2	14	VI–III
Кнышевское	5	14	V–IV
Балаклеевское	–	21	V–IV
Шедиевское	–	27	V–IV
Опошнянское	6	3	VI–IV

* – Движение мыслится по прямой, расчет времени пути произведен по Б.А. Рыбакову (Рыбаков Б.А., 1979, с. 174).

На северо-западе, западе и юге региона линия обороны оформилась не раньше V в. до н. э. и строилась иначе. Она состояла из небольших далеко расположенных друг от друга и ядра РСЭС городищ Кнышевского, Балаклеевского, Шедиевского (табл. 1; рис. 2). Два последних, судя по их изолированному положению, были устроены в местах древних переправ через реки Псел и Орель и должны были заблаговременно предупреждать о возможной опасности обитателей неукрепленных селищ южной зоны Ворсклинского региона. Кнышевское городище, территориально входившее в состав северной зоны, было теснее связано с Бельским городищем и находилось в месте переправы через р. Псел, примерно на половине пути к Басовскому городищу – предполагаемому центру Посульской РСЭС (рис. 2).

Особое место среди небольших укреплений Ворсклинской РСЭС принадлежало Опошнянскому городищу. Оно играло роль форпоста города Гелона близ пересечения главных транспортных артерий региона – рек Ворсклы и Мерлы, соединявших ядро системы с Днепром и Муравским шляхом, а по ним – со всей Скифией и античными полисами Северного Причерноморья (рис. 1; 2).

Из укрепленных поселений Ворсклинского региона лишь Западное Бельское городище было основано переселенцами с Днепровского Лесостепного Правобережья. Остальные, за исключением Балаклеевского и Шедиевского, где раскопки пока не проводились, несомненно, принадлежат к кругу памятников типа Восточного Бельского городища.

Таким образом, Ворсклинская РСЭС имела сложную и разветвленную топологическую структуру, сформировавшуюся на протяжении VII–V вв. до н. э. Элементарными таксонами этой структуры являлись отдельные поселения – места обитания древних социумов, в рамках которых осуществлялось сохранение демографических пропорций, воспроизводство населения по численности и по структуре социально-экономических связей [Алаев, 1983, с. 182]. Отдельные поселения существовали в рамках более крупных территориальных образований – локальных систем. Последние, по всей видимости, обладали определенной автономией внутри РСЭС, а также системным качеством, обусловливавшим территориальное единство входящих в них социумов. Большинство локальных систем состояло только из селищ. В некоторых случаях жители нескольких поселений объединялись для создания городища-убежища. Еще выше был уровень организации тех локальных систем, в которых неукрепленные селища группировались вокруг городищ с постоянным населением, часть из которых, например, Полковая Никитовка и Коломакское, могли развиваться по линии превращения в города [Шрамко, 1984, с. 224]. Наиболее сложно была организована локальная система Бельского городища, где многочисленные поселения сельского типа располагались не только вокруг, но и внутри укреплений Большого городища, являясь неотъемлемой частью этого раннегородского центра Восточной Европы. Локальная система Бельского городища (центральная зона Ворсклинского региона) с полиэтничным населением была ядром РСЭС.

Анализ оборонительной инфраструктуры региональной системы свидетельствует о том, что наиболее тесные связи сложились между центральной и северной зонами, функциональная территория которых в совокупности составляла 73% освоенной в хозяйственном отношении площади региона. Население северной зоны принадлежало преимущественно к носителям внешних черт культуры типа Восточного Бельского городища.

Южная зона, заселенная выходцами из области Днепровского Лесостепного Правобережья, не имела своей оборонительной системы и находилась на более низкой ступени внутри региональной иерархии.

На основании изложенного можно заключить, что Ворсклинская РСЭС обладала всеми главными признаками сложных самоорганизующихся социальных систем: целостностью, автономностью, устойчивостью [Алаев, 1983, с. 56–57]. Разнообразие топологических элементов, сложная иерархия уровней их организации в региональном геопространстве, наличие единого структурного ядра РСЭС предполагают наличие развитой социальной организации местного населения. Без нее было бы невозможным осуществление перечисленных выше системных качеств. Сама социальная организация являлась также системой – подсистемой по отношению к РСЭС.

Базовыми элементами структуры социальной системы принято считать социальные группы. Удачным, на наш взгляд, является следующее определение этой научной категории: «социальная группа как элемент социальной структуры общества представляет собой совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих общественно необходимую функцию в общей структуре общественного разделения труда» [Антипина, 1982, с. 24]. Среди социальных групп принято различать малые, «члены которых объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном общении друг с другом» [Антипина, 1982, с. 46], и статистические, главным признаком которых является общность социального статуса их членов [Алаев, 1983, с. 159].

С точки зрения методики нашего исследования, для реконструкции социальных статистических групп необходимо предварительно располагать данными о входивших в них семейно-родственных коллективах, т. е. выделить на поселениях принадлежавшие им домохозяйства.

Особенностью традиционной строительной техники у населения Ворсклинской РСЭС скифского времени было широкое использование дерева, что вполне естественно для лесостепной зоны Восточной Европы. Жилища и хозяйственные постройки были в основном наземными, срубными и до настоящего времени не сохранились. Лишь иногда удается проследить остатки землянок или контуры строений со столбовой конструкцией [Шрамко, 1973, рис. 12, I, II, III; 1985, рис. I]. Еще реже, например, на участке раскопа XIII на городище Полковая Никитовка, места расположения наземных построек можно установить по скоплениям находок в культурном слое (рис. 8, б). В нашем случае поиск и учет не всегда явных закономерностей в расположении хозяйственных и жилых сооружений не может стать общей методической посылкой для выделения усадебных комплексов.

Исходный принцип удалось найти в процессе нанесения всех категорий вещественных и строительных остатков на планы раскопов. Выяснилось, что обширные массивы с высокой концентрацией находок и хозяйственных ям разделялись участками шириной до нескольких метров без культурных отложений[4].

Ограниченные ими пространства с хорошо выраженным культурным слоем повторяют контуры древних усадеб. Особенно четко границы домохозяйств прослеживаются на однослойных памятниках без больших распаханных зольников. Существенное значение имеют также размеры и конфигурации самих раскопов. В пределах Ворсклинского региона такими поселениями являются Восточное Бельское городище, Коломакское городище и отчасти городище у с. Полковая Никитовка. На селищах Лихачевка и Пожарная Балка исследователи, ориентируясь на данные сбора подъемного материала или наличие зольников, ограничивались раскопками участков с высокой насыщенностью культурного слоя. В результате изученные площади оказались «вписанными» в пространства, занимаемые в древности отдельными семейно-родственными коллективами, не пересекая их границ.

Приближаясь в плане к прямоугольнику, усадьбы отличались размерами и степенью сложности внутренней планировки (рис. 5–6). Для усадеб I типа характерно наличие нескольких хозяйственных ям, печей, очагов, расположенных по периметру двора (рис. 6). Известные на них земляночные жилища располагались ближе к границам домохозяйств, подчеркивая тем самым главное место внутреннего двора

[4] Улицы, переулки. В некоторых случаях за «переулки» могли быть приняты и межевые участки между усадьбами.

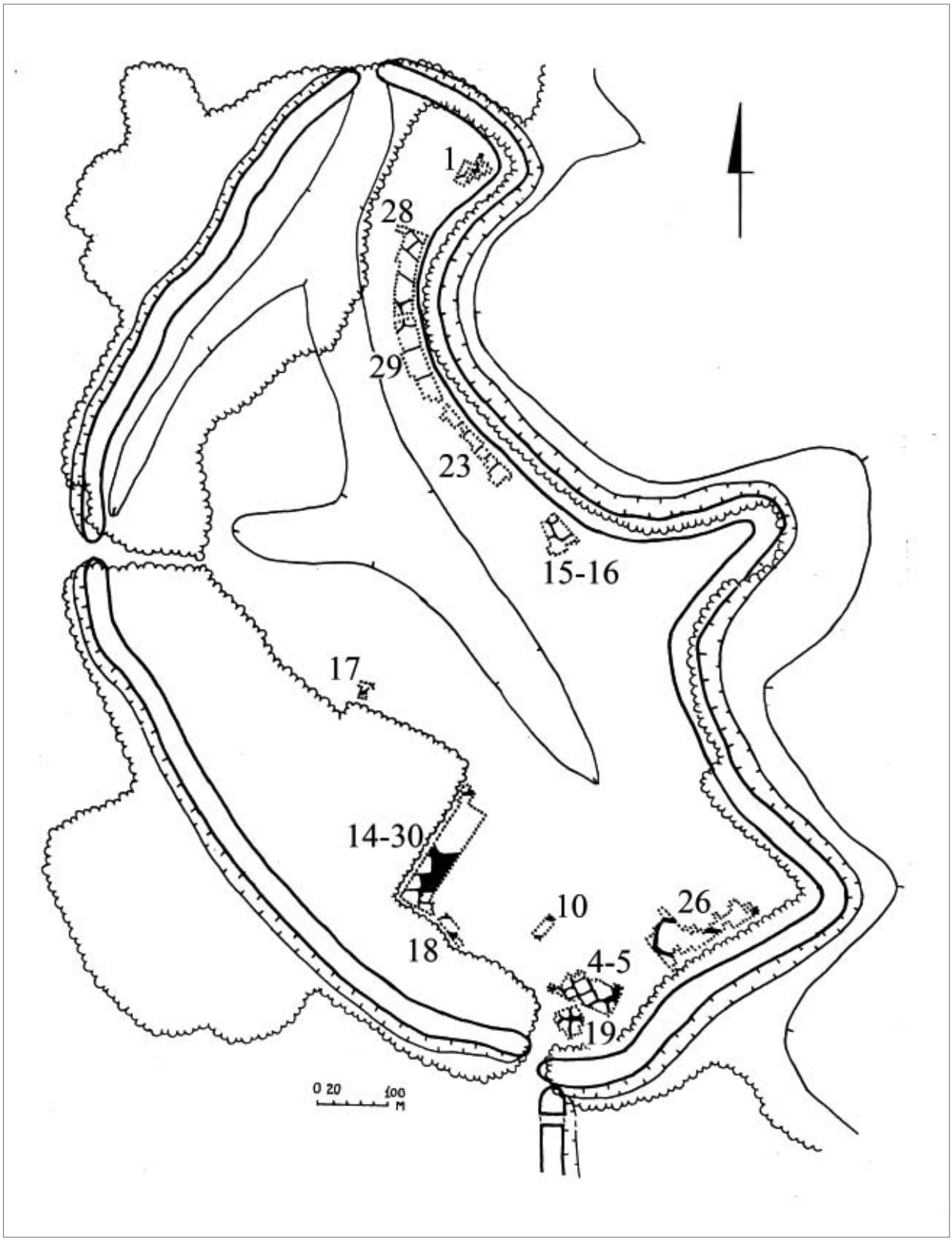


Рис. 3. Планировка Восточного Бельского городища. Раскопы 1, 4–5, 10, 15–16, 17, 18, 19, 23, 26, 28, 29, 14–30.

Условные обозначения:

– границы раскопанных участков;

– улицы, переулки

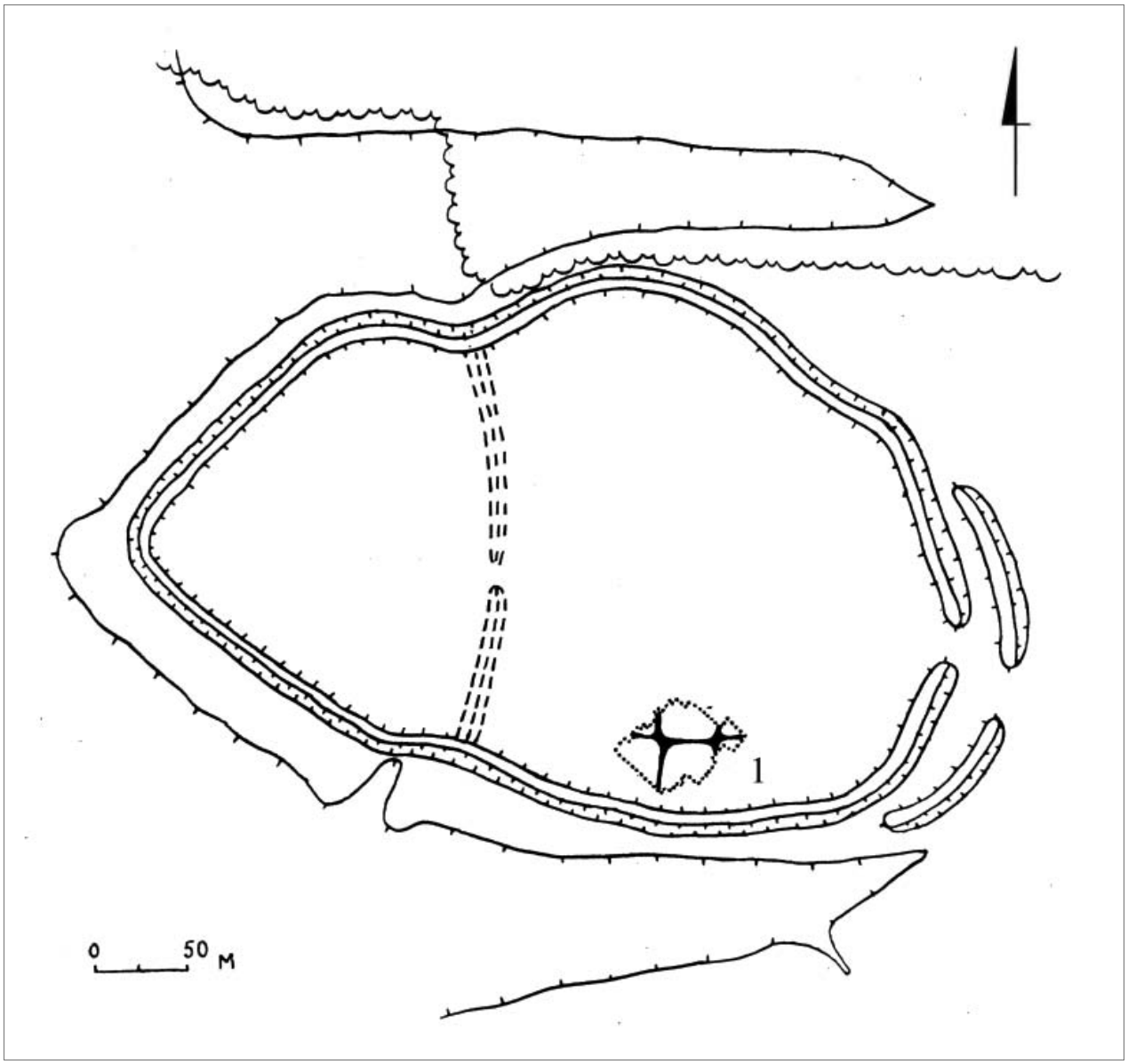


Рис. 4. Планировка Коломакского городища. Раскоп 1.

Условные обозначения:

– границы раскопанных участков; – улицы, переулки

в планировочной структуре комплекса. Площадь усадеб I типа колебалась в пределах от 168 до 1480 кв. м (Восточный Бельск, 4–5/6 и 14–30/I)[5]. Планировка усадеб II типа как бы многократно воспроизводила структуру усадеб I типа, что выражалось в наличии нескольких хозяйственных дворов с расположенными вокруг них постройками (рис. 12; 15; 16). Минимальная площадь усадеб II типа была около 900 кв. м, а максимальная среди известных на сегодня равна 6789 кв. м (В. Бельск, 29/А и 14–30/А).

Восточное Бельское и Коломакское городища, судя по регулярности их планировки, заселялись и застраивались по заранее разработанному плану. Домохозяйства располагались на площади внутри укреплений не хаотично, а в ячейках, образованных пересечением улиц и переулков, ориентированных преимущественно в широтном и меридиональном направлениях. Особенно четко такая планировочная структура прослеживается на участке раскопа I

[5] После названия памятника (далее – В. Бельск) приводится номер раскопа, а за ним, отделенный чертой, порядковый номер усадьбы на раскопе. Арабскими цифрами обозначаются усадьбы I типа, заглавными буквами русского алфавита – II типа.

Условные обозначения к рис. 5 – 16

- хоз. ямы, землянки
- бронзоплав. печь
- хоз. ножи
- пряслица
- бронз. шлаки
- льячки
- жел. шлаки
- косторез. пр-во
- долота, стамески
- тупики-скобели
- ант. монета
- браслеты
- пуговицы
- чаши из черепов
- нак. стрел
- мечи, кинжалы
- боев. топоры
- ворворки
- очаги, печи
- жертвенники
- шилья
- зернотерки
- бронз.слитки, лом
- формы
- зубило
- резцы
- топоры-тесла
- фр. амфор
- бусы
- булавки
- глин. статуэтки
- кам. блюда
- нак. копий/дрот.
- защ. доспех
- удила, псалии
- кост. напильник
- гончарная печь
- лепная посуда
- точильн. камни
- серпы
- тигли
- матрица-штамп
- пробойник
- сверла
- камнерез. пр-во
- фр. ант. посуды
- серьги, вис. украш.
- кольца, перстни
- светильники
- мерная линейка
- боевые ножи
- пращ. ядра

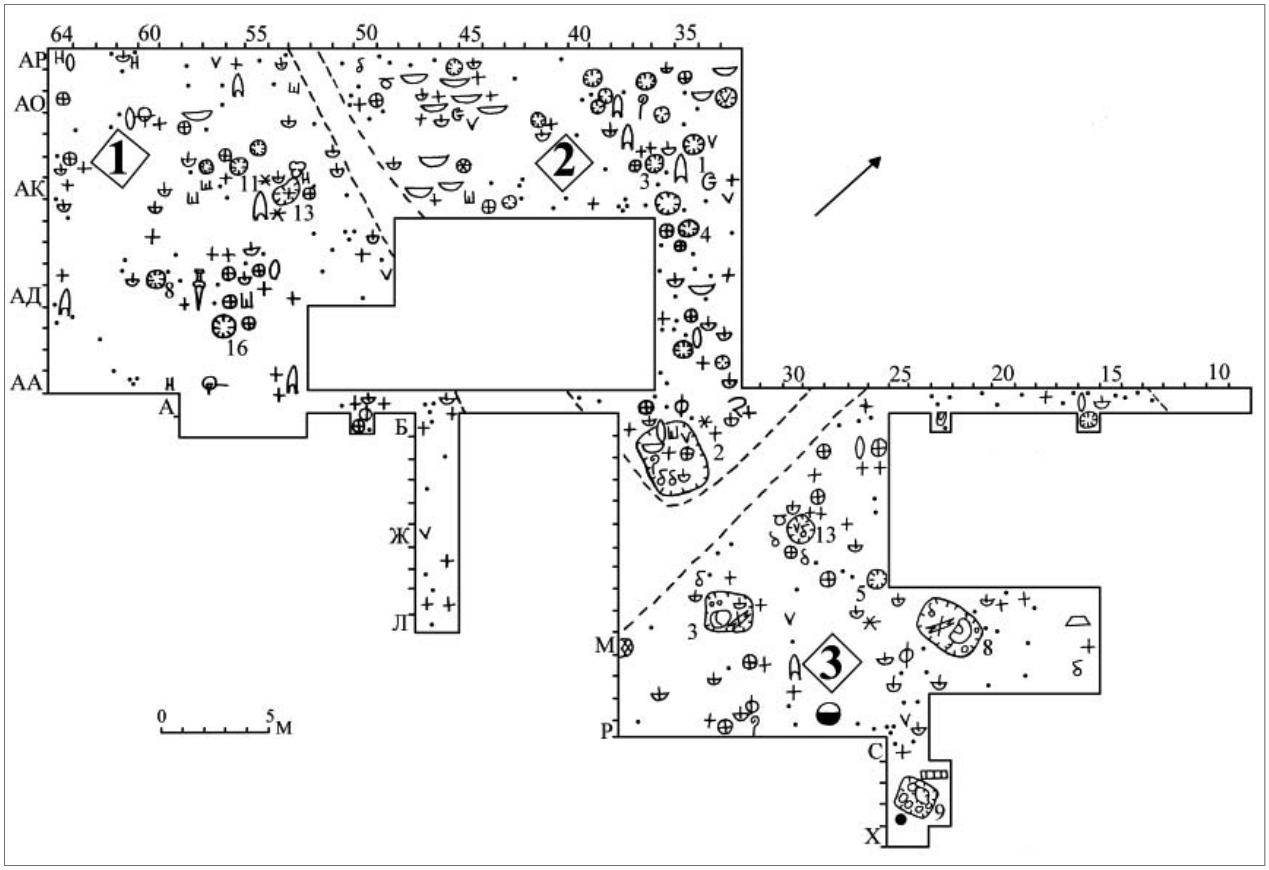


Рис. 5. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 1.

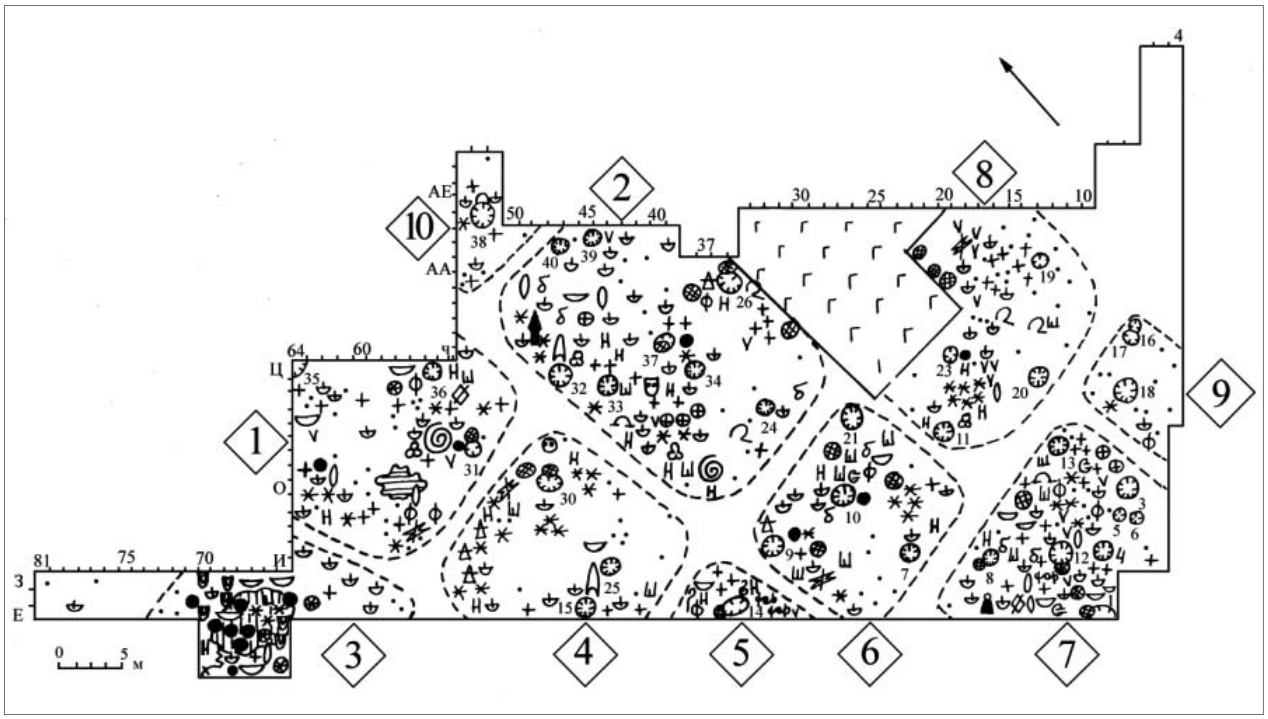


Рис. 6. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 4–5.

Рис. 7. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 15–16.

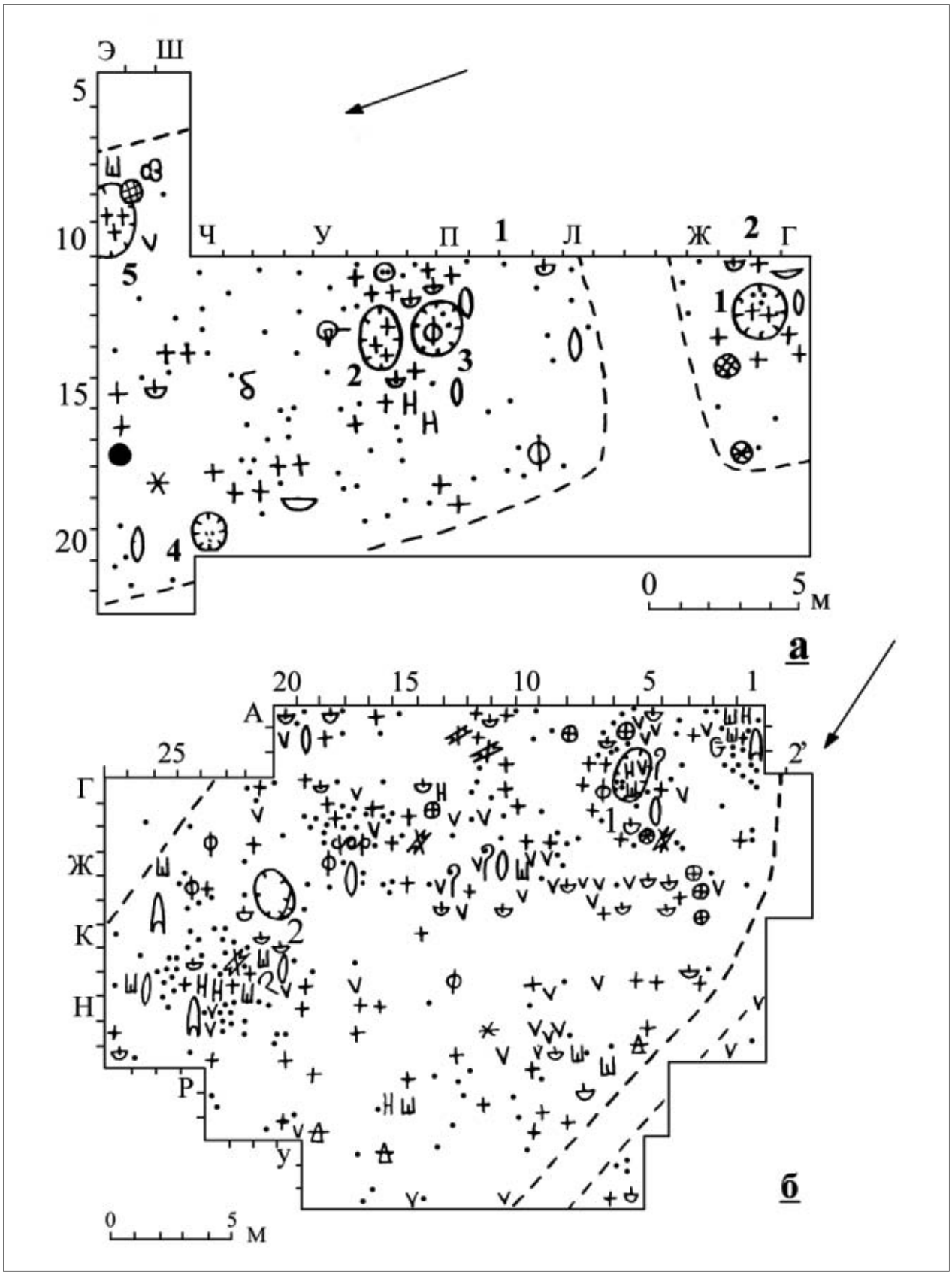


Рис. 8. Усадьбы на Восточном Бельском городище и Полковой Никитовке.

Условные обозначения:

а) Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 17;

б) городище Полковая Никитовка. Усадьба на участке раскопа XIII.

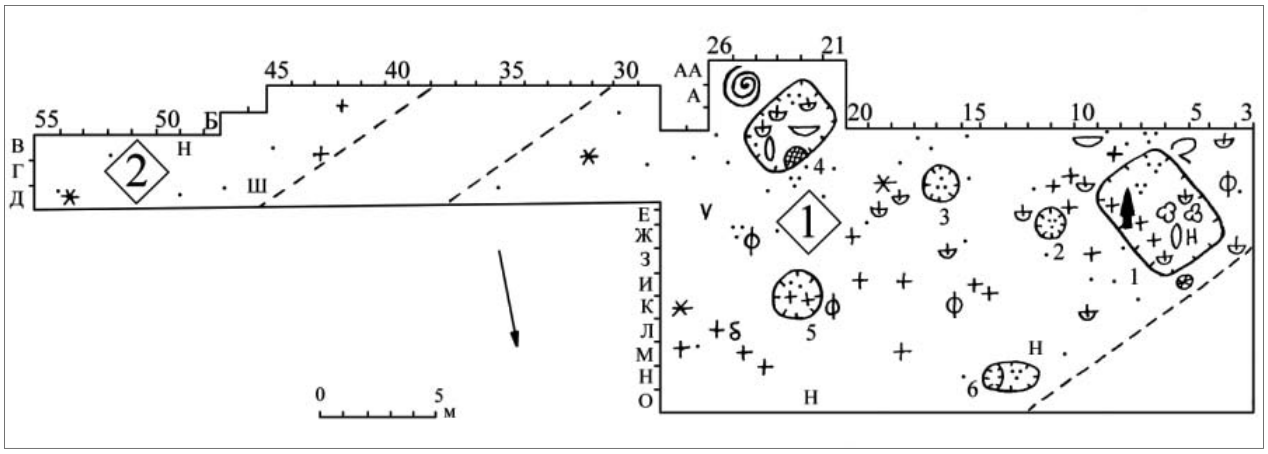


Рис. 9. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 18.

Коломакского и в южной части Восточного Бельского городищ. В восточной и северо-восточной частях последнего направление улиц определялось складками рельефа местности, сложным контуром оборонительного вала и другими обстоятельствами (рис. 3; 4).

К настоящему времени[6] на наиболее изученных в археологическом отношении памятниках Ворсклинского региона – городищах Восточном Бельском, Коломакском, Полковой Никитовке, селищах Лихачевке, Пожарной Балке – удалось собрать сведения о местах обитания не менее 62 семейно-родственных коллективов. Однако информативность имеющихся в нашем распоряжении источников не всегда достаточно высока. С целью повышения достоверности выводов для дальнейшей статистической обработки нами были отобраны 50 усадебных комплексов обоих типов, исследованная площадь которых была не менее половины реконструируемой (табл. 2).

Предварительный анализ количественного и качественного состава вещественных остатков, произведенный в процессе выделения усадеб, позволил разработать систему описывающих признаков. Среди них следует различать основные, используемые при моделировании статистических групп, и вспомогательные, позволяющие более детально интерпретировать полученные модели. Подробный перечень всех признаков дан в таблице 2. Признаки I–VII характеризуют экономическую составляющую моделируемых объектов – земледелие, домашние промыслы, виды ремесленного производства, что обуславливает их особое значение в общей системе признаков. Признаки VIII–X (предметы античного изготовления) и XI–XIV (материал украшений) характеризуют уровень материального благосостояния, связь с рынком, в некоторых случаях социальную символику, при условии введения дополнительной информации о видовом составе предметов на уровне содержательной интерпретации моделей социальных статистических групп.

Признаки XV–XVII включают в себя наиболее часто встречающиеся на поселениях категории культовых предметов. Наряду с дополнительными сведениями о культовых сооружениях и комплексах на усадьбах, данными о форме глиняных скульптурных изображений они позволяют выявить особенности идеологии различных социальных групп древнего населения.

Признаки XVIII–XXIV (предметы вооружения) и XXV (конская сбруя) по характеру заложенной в них информации многоплановы. Они могли быть связаны и с имущественным благосостоянием, и с юридическим статусом, и с производством предметов вооружения и конской сбруи ремесленниками, жившими на усадьбах. Эти признаки наиболее сложны для интерпретации и могут быть раскрыты только через систему всех признаков, описывающих модель социальной группы.

Значение признаков определялось подсчетом числа предметов соответствующей категории, найденных в культурном слое усадеб. Но в таком виде числовые значения признаков несопоставимы для различных объектов, поскольку размеры вскрытой на них площади колеблются от нескольких сотен до нескольких тысяч квадратных метров. Поэтому их необходимо предварительно «взвесить», выразить через отношение числа предметов к размерам исследованного пространства на каждом из усадебных комплексов. Лишь тогда мы получим сопоставимые

[6] Данные по состоянию на 1986 г.

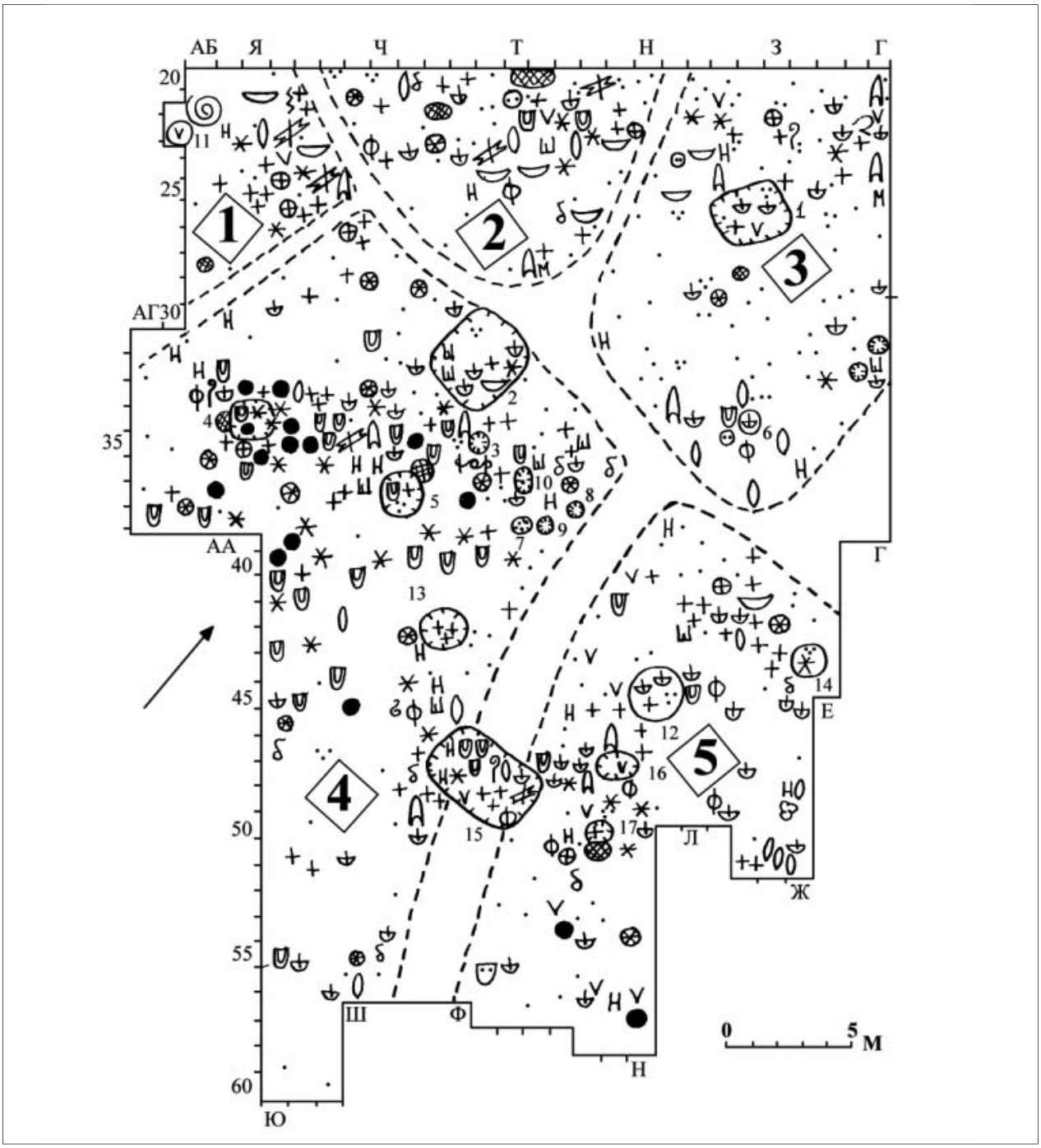


Рис. 10. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 19.

величины, характеризующие плотность насыщения системных объектов тем или иным качеством [Кириченко, 1973, с. 69].

В конечном виде система описывающих признаков представляет собой систему функционально-социологической характеристики малых первичных социальных групп. Одновременно она служит и матрицей исходных данных для математико-статистической обработки материалов раскопок поселений с целью построения и изучения моделей основных элементов социальной организации населения Ворсклинской РСЭС скифского времени (табл. 2).

Современный уровень развития компьютерной техники, программного обеспечения и методики многомерного количественного анализа позволяют произвести классификацию объектов с учетом всех существенных структурно-типологических признаков и характера распределения объектов в заданной системе

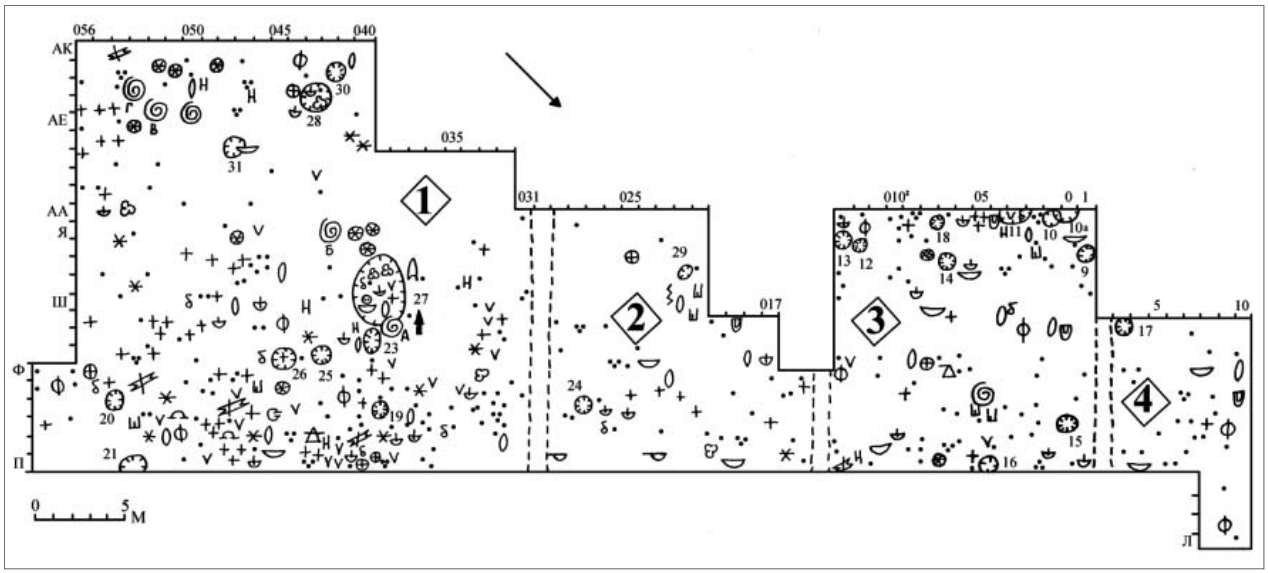


Рис. 11. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 23.

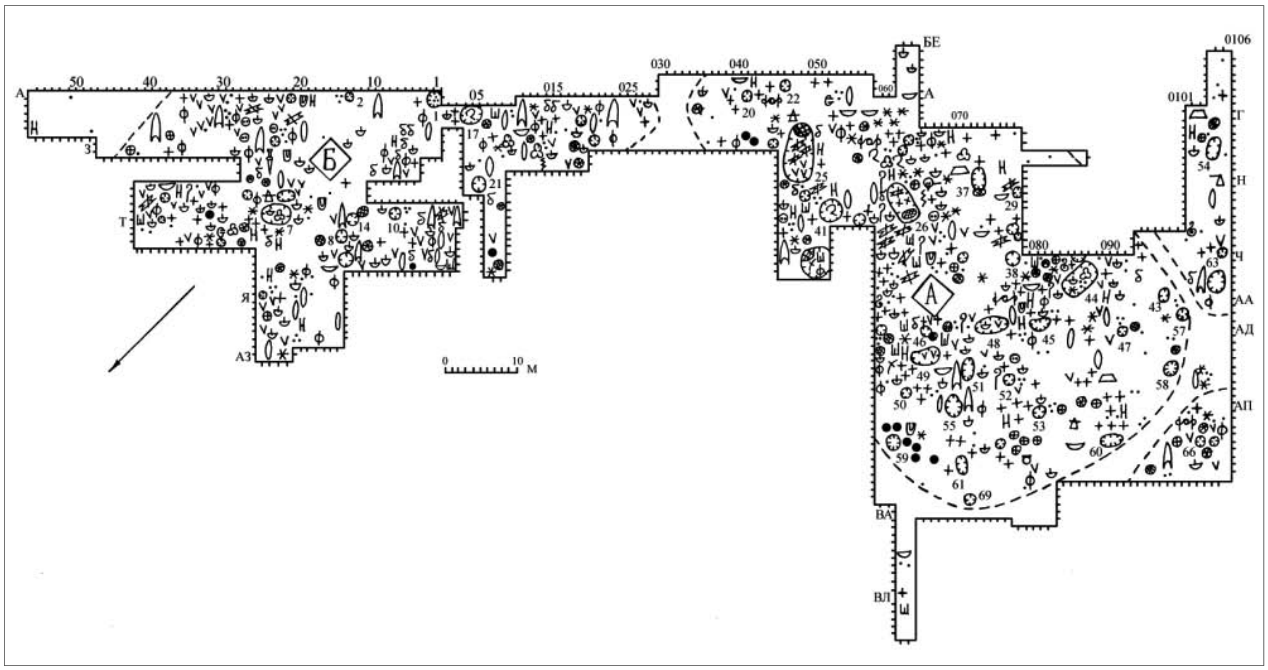


Рис. 12. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 26.

признаков. В качестве метода, ориентированного на анализ структуры множества признаков, нами был выбран факторный анализ. Этот метод многомерного статистического исследования интересен тем, что позволяет проводить классификацию объектов по большому набору признаков [Жуковская, Мучник, 1976, с. 4], изучать их структуру, а также моделировать социально-экономические явления и процессы [Иберла, 1980, с. 14–16]. Другим важным достоинством факторного анализа является возможность сжатия информации, поскольку факторизацию можно трактовать как переход от большого количества первоначальных признаков к небольшому числу новых, максимально информативных показателей – факторов [Иберла, 1980, с. 9, рис. I. I]. В целом, сущность факторного многомерного статистического анализа, по определению одного из ведущих специалистов К. Иберла, заключается в том, что «факторный анализ делает

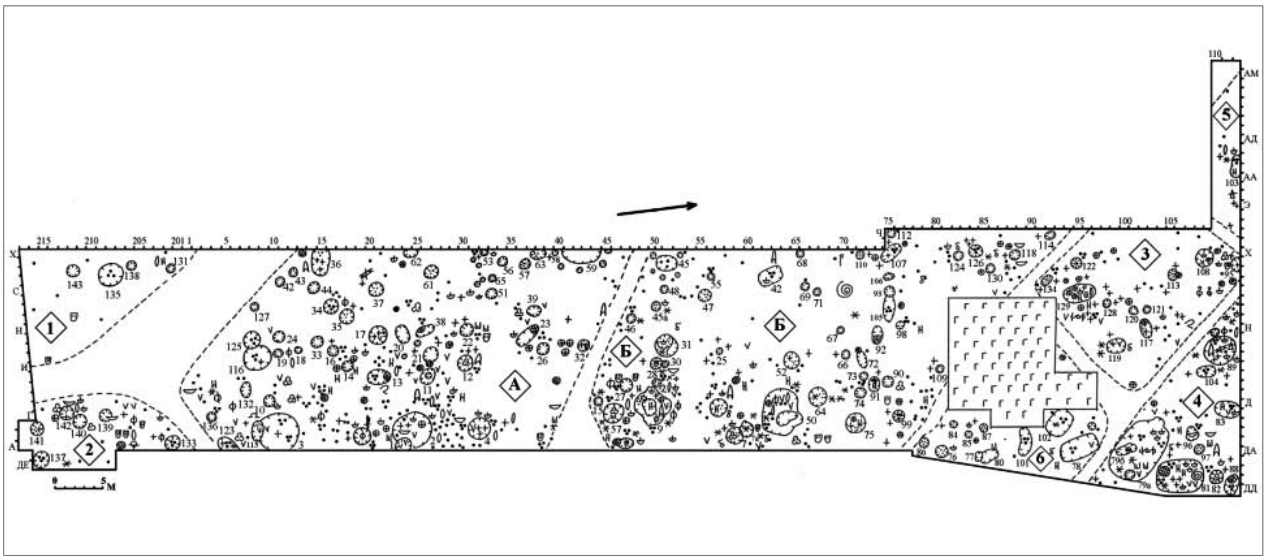


Рис. 13. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 28.

Рис. 14. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 29.

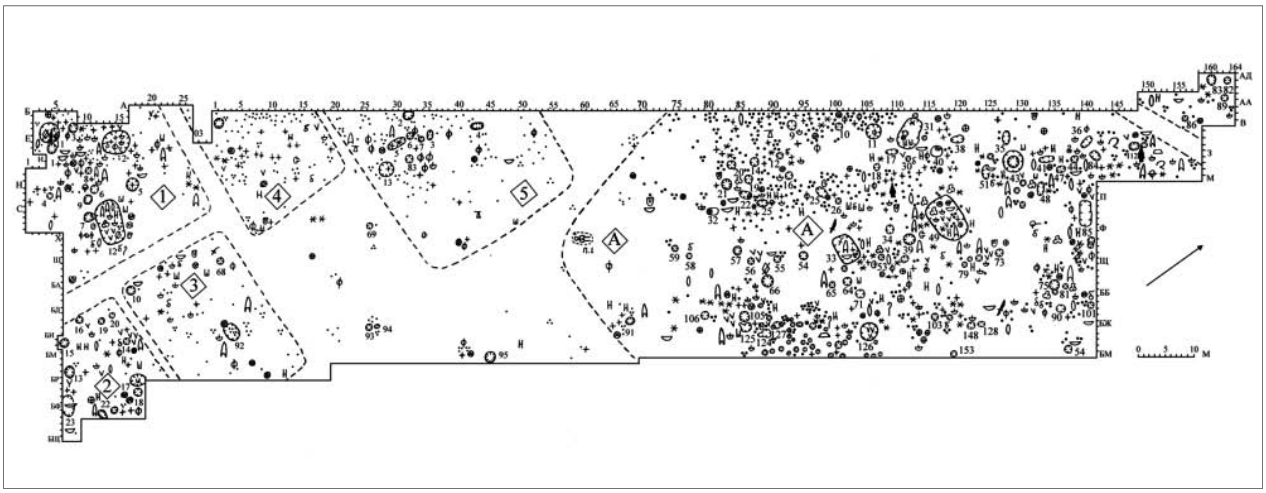


Рис. 15. Восточное Бельское городище. Усадьбы на участке раскопа 14–30.

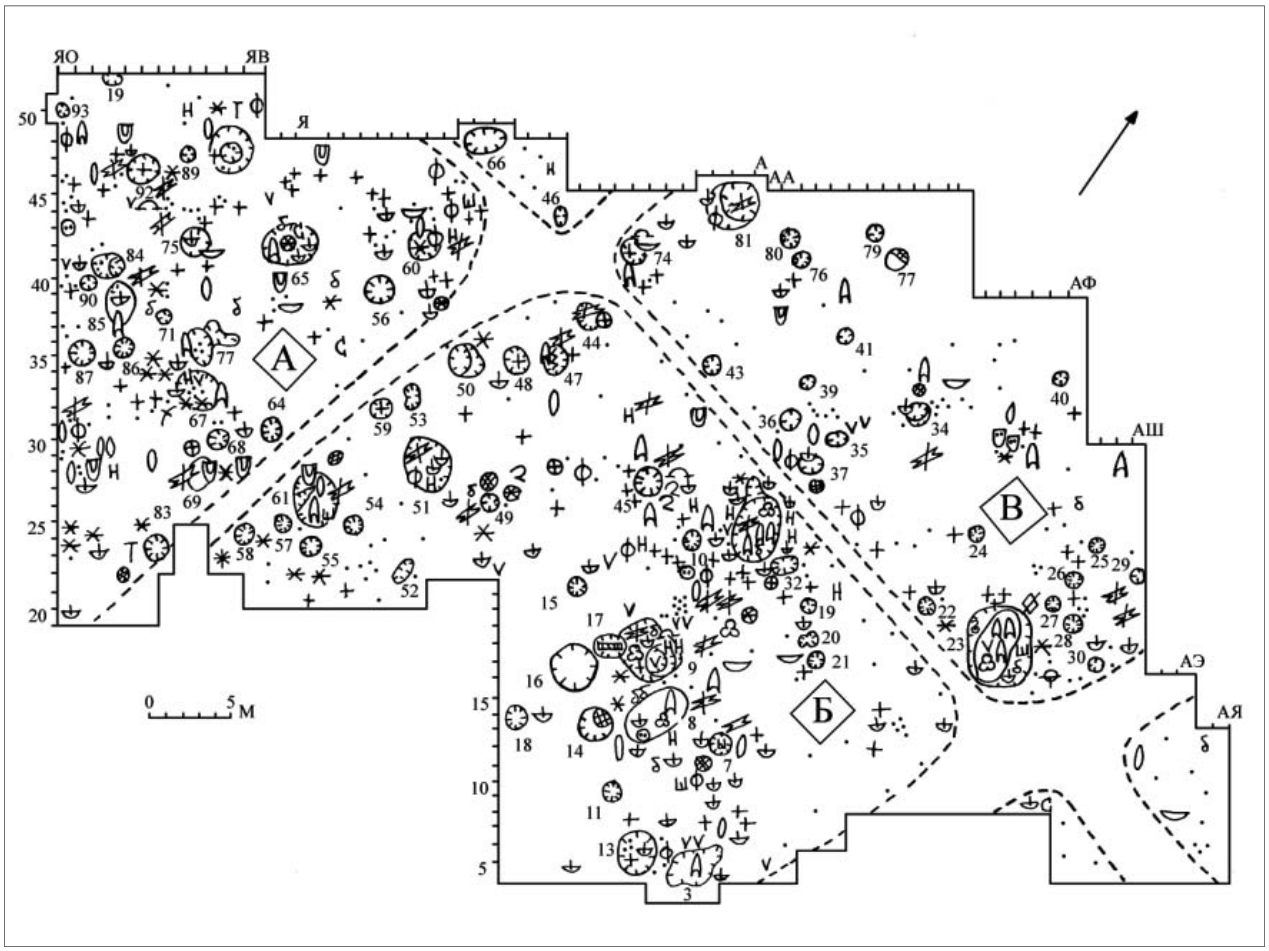


Рис. 16. Коломакское городище. Усадьбы на участке раскопа I.

возможным выдвижение дифференцированных гипотез о структуре взаимосвязи переменных и факторов, не задаваясь этой структурой заранее и не имея о ней никаких сведений» [Иберла, 1980, с. 14].

В настоящей работе использована Q-техника факторного анализа. Формально она сводится к следующему. По соответствующей программе исследуется матрица исходных данных, где столбцы соответствуют изучаемым объектам, а строки признакам, по которым объекты наблюдаются. В результате сложной математической операции составления и переработки матрицы коэффициентов корреляции[7] между переменными значениями признаков определяется степень близости между объектами. В итоге получается ряд факторных групп, которые следует рассматривать как группы гомогенных объектов [Дубов, 1980, с. 6]. Их «распознавание» осуществляется по факторным нагрузкам – значениям коэффициентов корреляции каждого из исходных признаков с каждой из факторных групп. Чем теснее связь данного признака с рассматриваемым фактором, тем выше значение факторных нагрузок [Количественные методы в исторических исследованиях, 1984, с. 279–280]. Отбирая наиболее существенные значения факторных нагрузок (близкие к 1), получаем набор важнейших признаков, сжато описывающих ту или иную факторную группу объектов. В процессе обработки исходных данных по малым первичным социальным группам Ворсклиискоой РСЭС[8] удалось выделить 11 статистических факторных групп объектов, описывающих 80% всей информации, что само по себе является достаточно высоким результатом (табл. 2; 3).

Методическая особенность следующего важного этапа нашего исследования связана с содержательной социологической интерпретации

[7] В программе использован коэффициент корреляции Пирсона.

[8] Автор искренне признателен Ю.В. Буйнову и А.С. Кузьменко за практическую помощь в организации математической обработки данных.

Таблица 2. Социально-статистические группы населения Ворсклинского региона скифского

Социально-статистическая группа	№ п/п объектов	Признаки	Полифункциональные орудия труда			зернотерки	серпы (земледелие)	прялица и грузила (прядение и ткачество)	Металлургия и металлообработка						
									бронзолитейное производство					железоделательное производство	
			ножи	шилья	оселки				шлаки	тигли, лъячки	лом, брак	слитки металла	литейные формы	шлаки	зубила, пробойники
		Усадебные комплексы / признаки, категории признаков	I			*	II	III	IV					V	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
I	1	В. Бельск, 4-5/3	16	31	31	63		125	1250	31	16	391		78	
	2	В. Бельск, 4-5/4	27	13		14		47	93		7				7
	3	В. Бельск, 4-5/6		38	8			91	68			8			
	4	В. Бельск, 19/4	40	23	23	7		73	240	216	30	33	10	33	
	5	В. Бельск, 28/3	4		4		4	21	8	4				13	
в среднем по группе:			***17***	***21***	***13***	***18***	***1***	***71***	***332***	***50***	***11***	***8 6***	***2***	***25***	***1***
II	6	В. Бельск, 4-5/8	12	6	6		12	60	36			6			
	7	В. Бельск, 17/1	14	7	28	7	7	35		7	7	7			
	8	П. Никитовка, XII	10		10			30	4					40	
в среднем по группе:			***12***	***4***	***15***	***2***	***6***	***42***	***25***	***2***	***2***	***4***	***0***	***13***	***0***
III	9	В. Бельск, 4-5/1	21	7	14	55		76	76			14			
	10	В. Бельск, 15-16/3	9	9	37			37	93	9	9			9	
	11	В. Бельск, 26/А	8	5	9	6	4	40	16	1	8	2	2	2	
	12	В. Бельск, 14-30/2	16	12	8	8		23	4			4			
	13	Лихачевка, II	9	9	65	35	4	87	65		13	9			
	14	Коломак, I/Б	13	4	9	5	4		8	3	1	4		3	
в среднем по группе:			***13***	***8***	***24***	***18***	***2***	***44***	***44***	***2***	***5***	***5***	***0,3***	***2***	***0***
IV	15	В. Бельск, 4-5/7	8	17	25	50		125	45						
	16	В. Бельск, 29/Б	8	16	19	5		34	16					6	
	17	П. Никитовка, XV	10	3		16		41	19	6	3	3		3	
	18	П. Никитовка, 13/1	8	18	8		2	45	2		6				
в среднем по группе:			***8***	***11***	***13***	***18***	***0,5***	***61***	***18***	***1***	***1***	***1***	***0***	***2***	***0***
V	19	В. Бельск, I/2		10	10	340	5	40	5						
	20	Лихачевка, I	2		10	19		67	25		2			2	
в среднем по группе:			***1***	***5***	***10***	***180***	***2***	***53***	***15***	***0***	***1***	***0***	***0***	***1***	***0***
VI	21	В. Бельск, 19/3	24	8	31	24	8	118	47	8	8			8	
	22	В. Бельск, 28/4	12	6	9	9		57	15		3				
в среднем по группе:			***18***	***7***	***20***	***16***	***4***	***87***	***31***	***47***	***5***	***0***	***0***	***4***	***0***
VII	23	В. Бельск, 23/2		11	16	11		22		5	5				
	24	В. Бельск, 14-30/3		6		9		30	3	3					
	25	В. Бельск, 14-30/4	10	3	3			3	10	3					
	26	В. Бельск, 14-30/5			2	2		4	2						
	27	Пожарная Балка, V-Va	17	16	46	17		146	42		4				
	28	Пожарная Балка, VI			50	40		110	10					10	
	29	Лихачевка, III	2		9	9		11	21	2	2				
	30	Коломак, I/А	8	2	19	4		28	32	11				2	1
в среднем по группе:			***5***	***5***	***18***	***11***	***0***	***44***	***15***	***3***	***1***	***0***	***0***	***1***	***0,1***

времени по материалам усадебных комплексов.

Таблица 2. Часть I

Косторезное производство		Деревообработка				Обработка камня	Обработка кожи	Античные импорты		Материал украшений						Предметы культа		
заготовки, брак	резцы	долота, стамески	топоры	сверла	пила			античные амфоры	античная столовая посуда	стекло (бусы)	золото	бронза	железо	кость	глина	статуэтки	чаши из человеческих черепов	каменные блюда
VI		VII				*	*	VIII	IX	X	?	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
	15			16				31										
7		13						33										
8		8						23	15	8		8						
7		3						280	7			3	3		6	3		
	4							145	71			8	4		4	21	4	
4	***4***	***5***	***0***	***3***	***0***	***0***	***0***	***102***	***17***	***2***	***0***	***4***	***1***	***0***	***2***	***5***	***1***	***0***
6								42								54		
								211						7	7	7	7	
								70	10	10			10			20		
2	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***108***	***3***	***3***	***0***	***0***	***3***	***2***	***2***	***27***	***2***	***0***
27	7							83								7	7	7
28								259	46	19					9	9	9	
16	1	1		1	1			175	7	2		1	4	1	5	13	5	
								27	4	8						19		
26							9	226	4					4	4	17		
20				1			1	52	4	9					7	13	4	
19	***2***	***0,2***	***0***	***0,3***	***0,2***	***0***	***2***	***137***	***11***	***6***	***0***	***0,2***	***1***	***1***	***4***	***13***	***3***	***3***
							8	150	8			17		8	8	50		8
3	3			3				154	3	1		3	4		1	75	10	
13	3	6						156				3	10			41	3	
8		6						186	12			4	4			81		
6	***1***	***3***	***0***	***1***	***0***	***0***	***3***	***161***	***6***	***0,2***	***0***	***7***	***4***	***2***	***2***	***62***	***3***	***2***
								90	75	200		12	12		8	16		
12						2		54				4			4	17	8	
6	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***1***	***0***	***72***	***37***	***100***	***0***	***8***	***6***	***0***	***6***	***16***	***4***	***0***
								55	8			8			16	24		
3		3						60	12	3						24	6	
1	***0***	***1,5***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***57***	***10***	***1,5***	***0***	***4***	***0***	***0***	***8***	***24***	***3***	***0***
				5				33							5		5	
	3							15		6								
								62		3			6		6	13		
			4					33	2				2					
							8					8			26	79	8	
										10				10		70	10	
7								68				4				4		
13	2					2	2	65	4	2		4			6	6		
2	***0,2***	***0***	***0,5***	***0,6***	***0***	***0,2***	***1***	***34***	***1***	***2***	***0***	***2***	***1***	***1***	***6***	***21***	***3***	***0***

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
VIII	31	В. Бельск, 1/3			16	89		78	10	5		5			
	32	В. Бельск, 4-5/2	18	7	11	4	8	95	22			4			
	33	В. Бельск, 18/1	8	7	11	4	8	95	22			4			
	34	В. Бельск, 23/1	9	3	24	5		21	17			5		14	
	35	В. Бельск, 23/3	13	13	18	13		27		9				4	
	36	В. Бельск, 28 29/2	20	3	24	10		51	31	10	3		3	3	3
	37	В. Бельск, 29/А	1		3	1	1	24	15	1		7		13	
	38	В. Бельск, 29/В	4	4	40	2		8	6			2			
в среднем по группе:			***9***	***4***	***18***	***17***	***1***	***43***	***13***	***3***	***0,4***	***3***	***0,4***	***5***	***0,4***
IX	39	В. Бельск, 10/1	21	8	11	8	2	59	40			10			
	40	В. Бельск, 15-16/2	8	8	8			31	73	2	2	13			
	41	В. Бельск, 15-16/4		10	8	8	2	45	60	4	6	19		2	
	42	В. Бельск, 26/Б	6	2	9	4	1	40	6	2				7	
	43	В. Бельск, 28/А	6		11	5	1	29	4	1	3			1	
	44	В. Бельск, 14-30/А	8	4	6	6	1	18	17	4				2	
в среднем по группе:			***8***	***5***	***9***	***6***	***1***	***37***	***33***	***2***	***2***	***7***	***0***	***2***	***0***
X	45	В. Бельск, 1/1	17	17	12	4		71	8						
	46	П. Никитовка, XIV	6	9	9	4	2	20	6					2	
в среднем по группе:			***12***	***13***	***10***	***4***	***1***	***45***	***7***	***0***	***0***	***0***	***0***	***1***	***0***
XI	47	В. Бельск, 19/5	18	5	23	60		90	23	9			5	9	
	48	В. Бельск, 28/Б	12	6	5	2	2	21	26	6	4	2		2	
	49	В. Бельск, 14-30/1	7	11	9	16	2	66	7					2	
	50	Коломак, I/В	5	3	7	3	1	10	3	2	2				
в среднем по группе:			***10***	***6***	***11***	***20***	***1***	***47***	***15***	***4***	***1***	***0,5***	***1***	***3***	***0***
в среднем по выборке:			**10**	**8**	**14**	**28**	**2**	**51**	**50**	**7**	**1,5**	**10**	**0,3**	**5**	0,4

Таблица 2. Часть II

№ п/п	Вооружение							Детали конской сбруи	Вскрытая площадь усадеб, кв. м
	лук, стрелы	праща	боевые топоры	копья, дротики	мечи, кинжалы	боевые ножи	защитный доспех		
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	
2	**36**	**37**	**38**	**39**	**40**	**41**	**42**	**43**	**44**
1									148
2									150
3		23							168
4		10						3	300
5								4	240
	0	***7***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***1,4***	***201***
6									168
7		14							142
8									99
	0	***5***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***136***

Продолжение табл. 2, ч. I

17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
10								78	31	16		10			5	26		
		4					4	131	15	7					8	11	25	
						3		58		3				3		3	6	
9		2					2	73	7			2	2		9	35	12	
4			4					48	3						3	13		
			3			3		177	9	3						17	31	
4	1					1	1	13	1		1	1	6			4	4	
						2		171					2		2	29		
3	***0,1***	***1***	***1***	***0***	***0***	***1***	***1***	***94***	***8***	***4***	***0,1***	***2***	***1***	***0,4***	***3***	***17***	***10***	***0***
13								84	6					2	6	6		
								242	40	2		2	2			8	6	2
6		2						337	47	6		6		2	6	12	2	2
4		1		1			1	30	2	2		1			14	48	4	
1							1	204	40							33	8	1
1						1	1	25	6	3		1	2		1	17	4	1
4	***0***	***0,5***	***0***	***0,1***	***0***	***0,1***	***0,5***	***154***	***23***	***2***	***0***	***2***	***1***	***1***	***4***	***21***	***4***	***1***
								374	63			4				12	4	
	2	2						49				2				25		
0	***1***	***1***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***211***	***31***	***0***	***0***	***3***	***0***	***0***	***0***	***18***	***2***	***0***
								38	9	14						32	5	
	2							38	11	5		2				8	17	2
								97	7				4		9	29	4	4
7		2					2	136	2	22		2	2		3	5		3
2	***0,5***	***0,5***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0,5***	***154***	***7***	***10***	***0***	***1***	***1***	***0***	***3***	***18***	***6***	***2***
5	**0,3**	**1**	**0,1**	**0,5**	**0,02**	**0,2**	**0,5**	**117**	**14**	**12**	**0,01**	**3**	**2**	**0,6**	**3**	**23**	**4**	**1**

Продолжение табл. 2, ч. II

2	36	37	38	39	40	41	42	43	44
9		21							165
10		9							138
11	2	14						3	1768
12	8	11						4	257
13	9	35							1968
14	13	9							747
	13	***16***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***1***	***840***
15		17						8	120
16	3	73						2	797
17	6	3							315
18	6	10						1	483
	4	***11***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***3***	***429***
19	12	4							246
20		19						2	518
	6	***11***	***0***	***0***	***0***	***0***	***0***	***1***	***382***
21	31	8							127
22	6	3						3	332
	18	5	0	0	0	0	0	1,5	229
23			11						183
24	6	6							333
25		3							306
26	4	33							538

Продолжение табл. 2, ч. II

2	36	37	38	39	40	41	42	43	44
27	8	12						12	354
28								10	100
29	4	4							570
30	12	12							527
	4	***9***	***1***	***0***	***0***	***0***	***0***	***3***	***326***
31	5	10							192
32	4			4			4		275
33		12		3					344
34		9		2					579
35		13							225
36	3	14							293
37	1	3		3					675
38	4	6							521
	4	***8***	***0***	***1***	***0***	***0***	***0,5***	***0***	***388***
39	4				2	2			477
40		6							480
41	8	6						2	486
42	7	17			1				1416
43	4	33				1	3		799
44	5	4		1		1		1	3095
	4	***12***	***0***	***0,1***	***0,5***	***1***	***0,5***	***0,5***	***1125***
45	17	4			4			4	238
46	4	9							315
	10	***6***	***0***	***0***	***2***	***0***	***0***	***2***	***276***
47	18	23					5		218
48	4	8					5		625
49	25	14		2			2	4	556
50	103	10					4	2	590
	37	***14***	***0***	***0,5***	***0***	***0***	***4***	***1,5***	***497***
	9	**9**	**0,1**	**0,2**	**0,2**	**0,1**	**0,5**	**1,4**	**494**

Примечания: для удобства пользования таблицей значения показателей умножены на 10 в третьей степени, за исключением размеров вскрытой площади усадеб;
I – XXV – основные признаки; * сопутствующие признаки.

выделенных групп. Прежде всего, нельзя забывать, что прямолинейный подход к трактовке социального содержания признаков, описывающих факторные группы, был бы ошибочным. Стоящие за ними социальные связи и отношения, в силу специфики археологических источников, отражаются не прямо, а опосредствованно через категории материальных остатков и не тождественны им. Поэтому в задачу исследователя входит по возможности наиболее адекватный «перевод» результатов факторного анализа с языка вещей на язык отношений, определяющих качественное разнообразие элементов социальной структуры древнего общества. Проведенная с помощью факторного анализа классификация исходных объектов должна рассматриваться как логический момент процесса восхождения от абстрактного к конкретному. В результате осуществляется переход к изучению моделей статистических социальных групп – системных объектов более высокого порядка, чем малые социальные группы. Последние образуют внутреннюю структуру этих объектов, а их гомогенизация на уровне статистических социальных групп, выраженная в общности факторов, указывает на наличие общего системного качества. Таким универсальным свойством, имманентно присущим всем семейно-родственным коллективам и позволявшим организовываться в более слож-

Таблица 3. Факторные признаки социальных статистических групп населения Ворсклинского региона скифского времени по материалам усадебных комплексов.

Факторные группы:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Признаки:	Значение факторных нагрузок признаков										
деревообработка	0,900										
бронзолитейное производство	0,698										
железоделательное производство		0,802									
косторезное производство			0,934								
украшение из кости				0,808							
каменные блюда				0,762							
украшения из стекла					0,939						
украшения из железа					0,844						
украшения из бронзы						0,907					
украшения из глины						0,874					
античные амфоры						0,782					
конская сбруя							0,896				
боевые топоры							0,858				
копья, дротики								0,879			
боевые ножи									0,971		
кинжалы, мечи										0,919	
защитное вооружение											0,866
лук, стрелы											0,837

ные социальные системы, являлся их социально-юридический статус.

Учитывая вводные замечания, рассмотрим выделенные социальные статистические группы – основные элементы социальной организации населения Ворсклинской РСЭС скифского времени.

Группа I. Ее факторными признаками является «деревообработка» и «бронзолитейное производство» (табл. 2; 3). В группу вошли усадьбы В. Бельск, 4–5/3, 4–5/4, 4–5/6, 19/4, 28/3 (рис. 6; 10; 13; 18).

Почти все усадьбы, за исключением комплекса В. Бельск, 19/4, имели в плане форму прямоугольника и отличались небольшими размерами. Минимальной является площадь полностью исследованной усадьбы В. Бельск, 4–5/6 (168 кв. м), а максимальной – реконструируемая[9] площадь усадьбы В. Бельск, 19/4 (около 450 кв. м). Среднегрупповое значение этого показателя приближается к 305 кв. м.

Внутренняя планировка усадебных комплексов I группы отличается простотой, характерной для усадеб I типа. Строительные остатки представлены немногочисленными хозяйственными ямами, печами или открытыми очагами вокруг хозяйственного двора. Земляные погреба для хранения скоропортящихся продуктов отмечены лишь на усадьбе В. Бельск, 19/4 (ямы № 13, 15). Они разновременные: более ранним был погреб (яма № 15) в восточной части усадьбы, затем засыпанный и перекрытый улицей, проложенной в меридиональном направлении между усадьбами В. Бельск, 19/4 и 19/5 (рис. 10). По обломкам ионийской амфоры с полосой бурого лака это помещение датируется первой половиной-срединой VI в. до н. э.[10] Небольшой погребок (яма № 13) по фрагментам протофасосской амфоры датируется рубежом VI–V или же началом V в. до н. э.

Усадьбы В. Бельск. 4–5/3 и 19/4 принадлежали ремесленникам-бронзолитейщикам. На это указывают не только высокие значения показателей, характеризующих интенсивность бронзолитейного производства (табл. 2), но и остатки мастерских. Первая из них была устроена на усадьбе В. Бельск, 4–5/3 (рис. 6). От большой бронзоплавильной печи остался массивный под с обломками свода. Вокруг обнаружено множество шлаков, слитков металла, использованных тиглей и льячек. Стратиграфические наблюдения Б.А. Шрамко позволяют отнести суще-

[9] Далее в тексте это специально не оговаривается.

[10] Определение античной керамики произведено И.Б. Зеест и Н.А. Онайко.

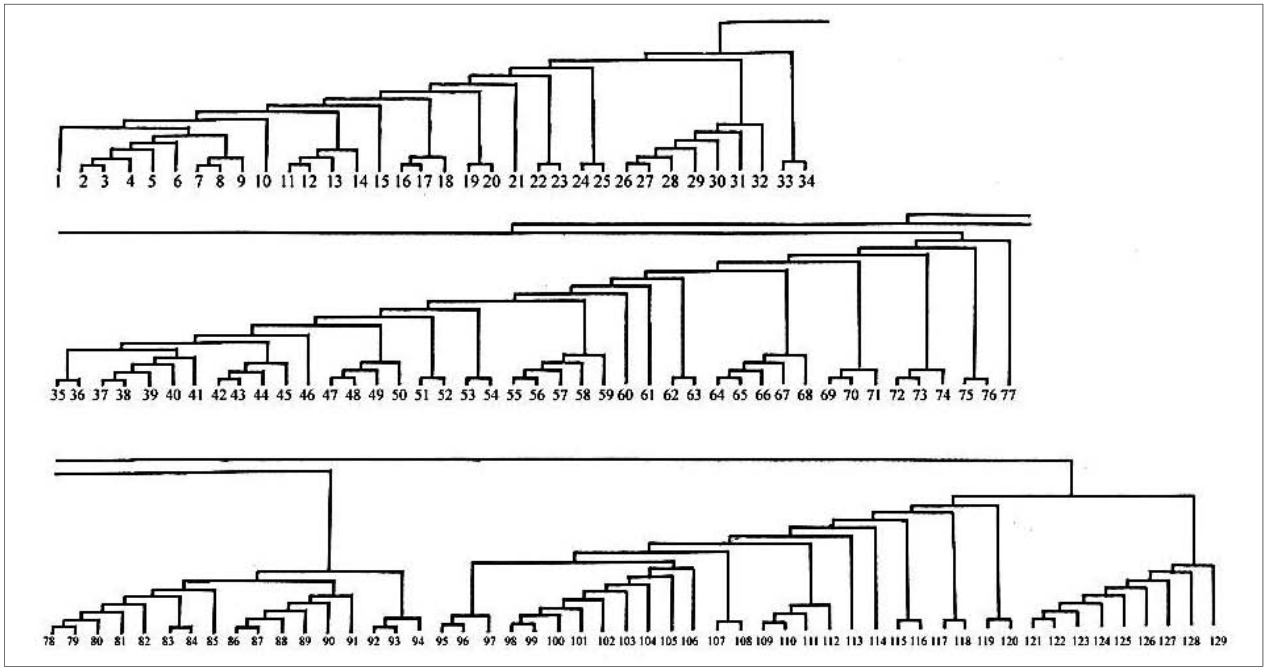


Рис. 17. Дендрограмма результатов кластерного анализа погребений скифского времени Ворсклинского региона.
Примечание: номера объектов соответствуют нумерации погребений в таблице 5.

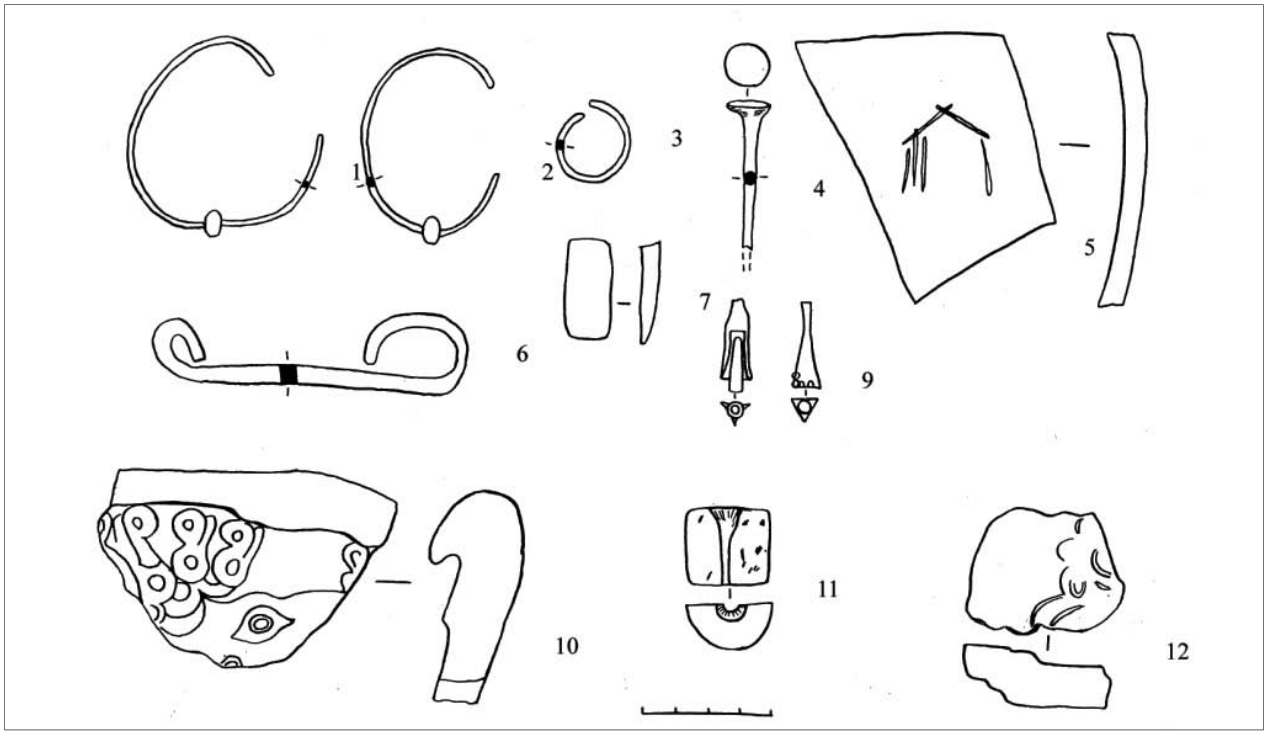


Рис. 18. Вещи с усадеб I социальной статистической группы.
Условные обозначения:
1 – бронзовое височное кольцо с желтой пастовой бусиной; 2 – бронзовое височное кольцо с белой пастовой бусиной; 3 – бронзовая проволочная серьга; 4 – железная булавка; 5 – обломок стенки античной амфоры с прочерченным изображением постройки; 6 – звено железных удил; 7 – обломок рабочей части железного долота или стамески; 8–9 – бракованные бронзовые наконечники стрел; 10 – обломок керамической формы с изображением оленя; 11 – обломок формы из ручки античной амфоры; 12 – обломок керамической формы с изображением грифона.

ствование этого производственного комплекса к концу VI в. до н. э. [Шрамко, 1973, с. 102, рис. 10]. Вторая мастерская находилась в северо-восточной части усадьбы В. Бельск, 19/4 и состояла из бронзоплавильной печи с предпечной ямой № 4 (рис. 10). Рядом с ней и на территории усадьбы найдено большое количество остатков, связанных с бронзолитейным производством: слитки, шлаки, обломки тиглей и лячек. Особо следует отметить обломки глиняных форм для изготовления блях в виде оленя и грифона, часть литейной формы из ручки античной амфоры (рис. 18, 10–12). Кроме высокохудожественных предметов, в мастерской отливали и наконечники стрел, о чем свидетельствуют находки бракованных и незаконченных изделий (рис. 18, 9). Изображению головы оленя на обломке литейной формы стилистически близки олени на золотых бляшках из курганов № 2 у с. Аксютинцы и № 1 Завадской Могилы, датируемые V в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 34–35, рис. 18; Мозолевский, 1980, с. 108–110, рис. 47]. К распространенным в V – начале IV вв. до н. э. типам относятся и оба упомянутых выше бронзовых наконечника стрел [Мелюкова, 1964, с. 23–24, табл. V, отд. II, тип 10, вар. 4; отд. III, тип 6, вар. 4]. В заполнении предпечной ямы № 4 была обнаружена нижняя часть стаканообразной амфоры VI–V вв. до н. э., что позволяет отнести бронзолитейную мастерскую на усадьбе В. Бельск, 19/4 к V в. до н. э.

На обеих усадьбах ремесленников-бронзолитейщиков нет орудий труда, связанных с земледелием (табл. 2). Скорее всего, многие продукты питания обменивались на продукцию ремесленного производства.[11] При этом общий уровень материального благосостояния жителей усадьбы В. Бельск, 19/4 был несколько выше имущественного положения семьи, обитавшей на усадьбе В. Бельск, 4–5/3. Специализация на изготовлении сложных художественных изделий из бронзы по заказам воинской знати обеспечивала возможность включения в рацион продуктов скотоводства, хранившихся в погребе, а также импортного вина и масла. О тесной связи с античным рынком, прямой или опосредствованной через заказчиков – судить трудно, свидетельствует высокий показатель насыщенности культурного слоя усадьбы обломками греческих амфор (табл. 2).

На усадьбах В. Бельск, 4–5/4, 4–5/6 и 28/3 следы работы с металлом выражены слабее, зато везде есть инструменты для обработки дерева: долота, стамески, резец (рис. 18, 7). Время не сохранило продукции древних столяров и плотников[12], однако анализ набора ремесленных инструментов и значений других показателей позволяет наметить определенную связь между уровнем профессионального мастерства и социальным положением ремесленников.

Резец для художественной резьбы по дереву обнаружен в заполнении ямы № 95 на усадьбе В. Бельск, 28/3 вместе с обломками лепной посуды V–IV вв. до н. э. Особенностью этой усадьбы является высокий показатель насыщенности культурного слоя фрагментами античных столовых сосудов VI–IV вв. до н. э., единственная в группе находка звена железных удил (табл. 2; рис. 18, 6). Не исключено, что сравнительно высокий статус обитателей усадьбы В. Бельск, 28/3 в рамках первой социальной группы определялся сочетанием ремесленного производства с земледелием (находка железного серпа), что, в свою очередь, указывает на включенность семейных коллективов в юридическую систему поземельных отношений (пользование, условное владение, право собственности на обрабатываемый участок). Здесь отмечен и высокий показатель насыщенности моделируемого объекта культовыми остатками (табл. 2).

Украшения на усадьбах I группы немногочисленны, представлены железными и бронзовыми булавками, кольцом, бусинами из глины (табл. 2). Среди них отметим два целых бронзовых височных украшения IV–III вв. до н. э., сохранившиеся на усадьбе В. Бельск, 28/3 (рис. 18, 1–4) [Петренко, 1978, с. 37–39].

Бронзовые наконечники стрел найдены на участках усадеб В. Бельск, 19/4 и 4–5/4. В первом случае в них следует видеть образчики ремесленной продукции обитателей усадебного комплекса; во втором – наконечник стрелы был найден в пахотном слое и мог попасть на усадьбу случайно.

По совокупности находок усадьбы I социальной статистической группы датируются промежутком времени между VI и IV вв. до н. э. Наиболее ранним из них выглядит комплекс В. Бельск, 4–5/3, а дольше остальных просуществовала усадьба В. Бельск, 28/3.

Группа II. Ее факторным признаком стало «железоделательное производство» (табл. 2;

[11] «Результаты обмена суть замена видов зерна другими ценностями» [Артхашастра, 1959, II, 33.15].

[12] На одну из важных сторон профессиональной деятельности этой группы ремесленников указывает находка стенки амфоры с прочерченным контуром здания столбовой конструкции (рис. 18, 5).

3). В группу вошли усадьбы В. Бельск, 4–5/8 и 17/1 (рис. 6; 8, а;), а также участок раскопа XII на городище у с. Полковая Никитовка [Моруженко, 1975а, рис. XXXII]. Оба усадебных комплекса на Восточном Бельском городище относятся к I типу. Их средняя площадь составляла немногим более 330 кв. м. Раскоп XII на городище Полковая Никитовка был заложен на месте небольшого зольника и, судя по отсутствии строительных остатков, совпал с площадкой хозяйственного двора древней усадьбы. Здесь обнаружено большое количество шлаков с высоким содержанием железа, прогоревшую обмазку. Находки фрагментов чернолощеных сосудов и горшков, орнаментированных налепными валиками по венчику, позволяют отнести время жизни на этой усадьбе к VI–V вв. до н. э.[13]

На усадьбах II группы с Восточного Бельского городища следов интенсивной выплавки железа или же одновременной цементации крупной партии железных заготовок нет. Однако, учитывая то обстоятельство, что классификация и группировка объектов производилась не по одному или нескольким, а по всей совокупности признаков одновременно, включение бельских комплексов в круг домохозяйств, принадлежавших кузнецам-металлургам II группы, можно считать обоснованным. По многим причинам пожароопасные производственные объекты старались вынести за пределы поселений [Рыбаков, 1948, с. 87, 209–210], тем более таких крупных с плотной деревянной застройкой, как Восточное укрепление Бельского городища. Для плавки и цементации железа, его кузнечной обработки было достаточно места сразу же за оборонительными стенами в пределах Большого укрепления. На усадьбах с мастерсткими ремесленники, скорее всего, «доводили» заготовки до готовых изделий, иногда сложных по конструкции, включавших в себя элементы из разных материалов. Во всяком случае, кузнецы-металлурги при необходимости работали и с цветными металлами[14]. На это указывает скопление бронзолитейных шлаков на небольшом участке в юго-восточном углу усадьбы В. Бельск, 4–5/8 (рис. 6), а также находка использованной льячки на усадьбе В. Бельск, 17/1.

Особенностью домашней экономики ремесленников II группы можно считать тесную связь с сельским хозяйством. На обеих усадьбах Восточного Бельского городища найдены обломки железных серпов. На дне хозяйственной ямы № 19 усадьбы В. Бельск, 4–5/8 сохранился полный скелет овцы [Шрамко, 1966а, с. 7]. Датируется комплекс фрагментом венчика стаканообразной амфоры VI–V вв. до н. э. Среднегрупповое значение показателя интенсивности занятия сельским хозяйством на этой усадьбе в 3 раза выше средневыборочного (табл. 2).

Отмечается также и сравнительно высокий показатель признака «культовая пластика» для рассматриваемой группы (табл. 2), но видовой состав изделий относительно беден – они представлены лишь фрагментами миниатюрных сосудиков и зооморфных статуэток. В заполнении ямы № 5 на усадьбе В. Бельск, 17/1 рядом с зооморфной статуэткой найден обломок черепной крышки человека.

Уровень материального достатка ремесленников-металлургов не был высоким: значения показателей интенсивности поступления предметов античного производства ниже средневыборочных и близки усредненным данным для усадеб ремесленников I группы (табл. 2). Из украшений найдены лишь обломки железной булавки, стеклянной бусины, подвеска из зуба животного.

Предметы вооружения, за исключением нескольких пращевых ядер, на усадьбах ремесленников II группы не отмечены (табл. 2).

Участок раскопа XII на городище Полковая Никитовка может быть отнесен к VI в. до н. э. [Моруженко, 1988. – С. 36]. Комплексы усадеб В. Бельск, 4–5/8 и 17/1 по находкам античной посуды датируются VI–IV вв. до н. э. с некоторым преобладанием изделий V–IV вв. до н. э.[15]

Группа III. Факторным признаком служит «косторезное производство» (табл. 2; 3). В нее вошли комплексы усадеб I типа – В. Бельск, 4–5/1, 15–16/3, 14–30/2; усадьбы II типа – В. Бельск, 26/А и Коломак, 1/Б; участок раскопа II на селище Лихачевка (рис. 6; 7; 12; 15; 16; 19, 1–16) [Моруженко, 1981, рис. II].

Строительные остатки на усадьбах I типа представлены хозяйственными ямами. Новыми структурными элементами по сравнению с домохозяйствами ремесленников I и II групп являются помещение для размола зерна на усадьбе В. Бельск, 14–30/2 и круглый глиняный жертвенник с побеленной поверхностью на усадьбе

[13] Примечательно расположение усадьбы с огнеопасным производством на краю поселения, у западной части оборонительного вала, как и обнаруженной в 300-х м севернее печи для цементации железных заготовок на раскопе VIII [Моруженко, 1988, с. 35–36, рис. 1].

[14] Как, впрочем, и бронзолитейщики с железом (табл. 2).

[15] Фрагмент венчика ионийской амфоры второй половины VI в. до н. э.; обломок венчика стаканообразной амфоры VI–V вв. до н. э.; фрагменты амфор V в. до н. э.; обломки рюмкообразных амфор IV в. до н. э.

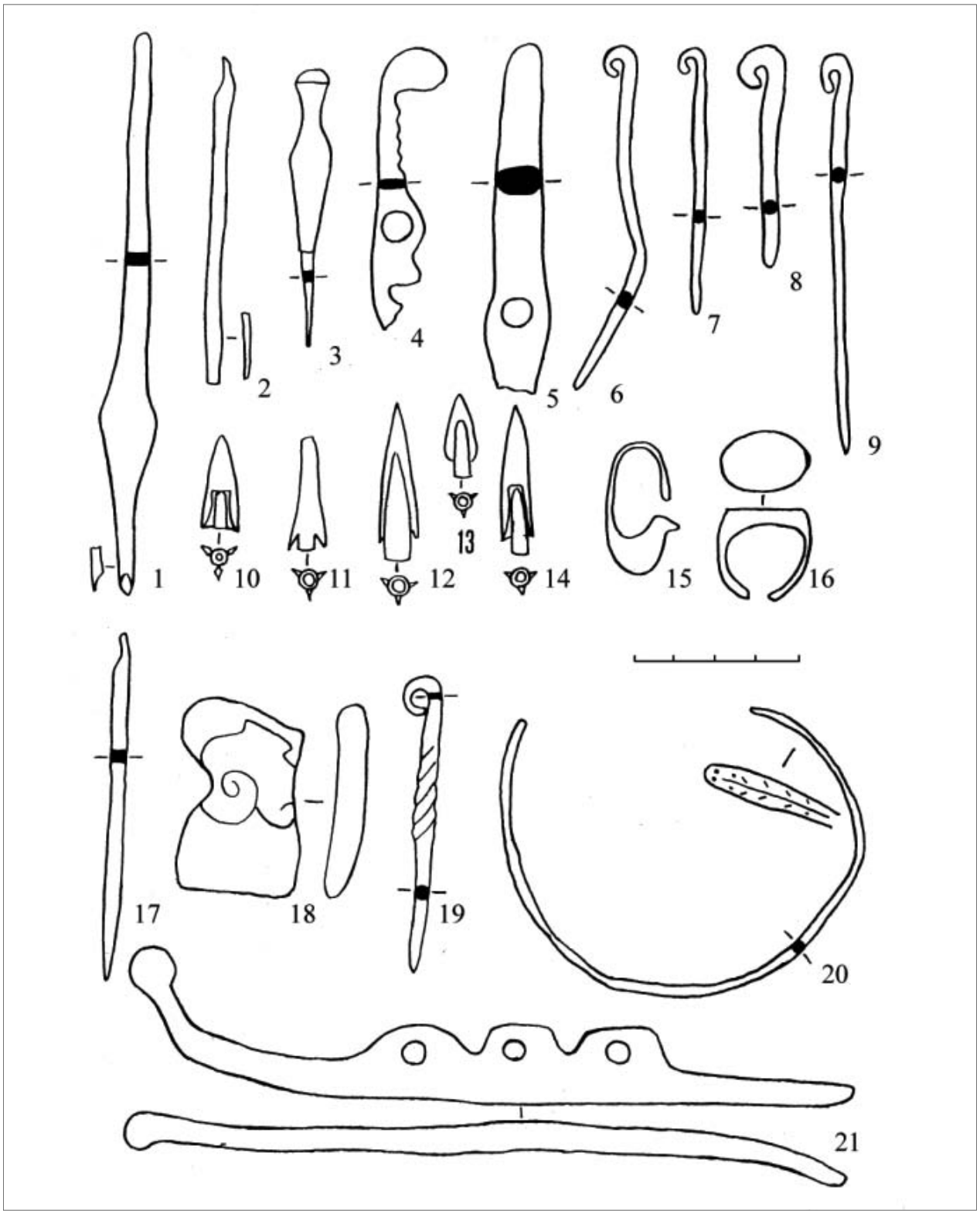


Рис. 19. Вещи с усадеб III (1–16) и IV (17–21) социальных статистических групп.

Условные обозначения:

1 – железное лучковое сверло; 2 – железный резец для обработки кости; 3 – биметаллический предмет с железной рабочей частью и бронзовой рукояткой (резец, шило?); 4 – обломок бронзового псалия; 5 – обломок костяного псалия; 6-9, 19 – железные булавки; 10, 12-14 – бронзовые наконечники стрел; 11 – бронзовый бракованный наконечник стрелы; 15 – бронзовая серьга; 16 – бронзовый перстень; 17 – железный клювовидный резец; 18 – роговая пластина с гравированным изображением головы грифона; 20 – бронзовый браслет; 21 – железный псалий.

В. Бельск, 4–5/1 [Шрамко, 1966б, с. 15; Шрамко, 1968, с. 7]. Площадь усадебных комплексов I типа колебалась в пределах от 275 кв. м (В. Бельск, 15–16/3) до 566 кв. м (В. Бельск, 14–30/2) при среднегрупповом значении этого показателя 437 кв. м.

Усадьбы II типа различались по размерам и насыщенности различного рода объектами. Минимальной была площадь усадьбы Коломак, 1/Б (1877 кв. м), а максимальной – усадьбы В. Бельск, 26/А (2525 кв. м). Среднее значение признака для усадеб II типа III группы составило 2130 кв. м. На таких усадьбах проживало одновременно несколько малых семей, обладавших определенной хозяйственной автономией в рамках домашней общины, на что указывает наличие нескольких хозяйственных дворов с бытовыми постройками, небольшие размеры полуземляночных жилищ[16]. В пределах комплекса В. Бельск, 26/А могли жить три-четыре семьи, на усадьбе Коломак, 1/Б – примерно четыре-пять, а на участке раскопа II на селище Лихачевка – не менее восьми-десяти (рис. 12; 16) [Моруженко, 1981, рис. II].

Некоторые хозяйственные сооружения использовались всей домашней общиной – хлев на усадьбе В. Бельск, 26/А (яма № 49), овин на участке раскопа II на селище Лихачевка (рис. 12) [Моруженко, 1978а, с. 6, рис. IX, 2].

Основным занятием членов III социальной статистической группы было косторезное ремесло. Специализированная мастерская сохранилась на усадьбе В. Бельск, 26/А. От помещения после пожара осталась лишь углубленная в землю часть размерами 4,85 × 2,66 × 0,40 м (яма № 26). В ее северо-западной части было устроено возвышение с большой глиняной печью для предварительной термической обработки костного материала [Радзиевская, Шрамко, 1980, с. 181–189, рис. 1; 3]. В заполнении мастерской и вокруг нее найдено много заготовок и отходов косторезного производства, лучковое сверло, железный резец (рис. 19, 1, 2), обломок пилы с мелкими зубцами. Автор раскопок датировал комплекс второй половиной VI в. до н. э. [Шрамко, 1977, с. 6–7]. Среди сохранившихся изделий и полуфабрикатов особое внимание привлекают заготовки для чаш из человеческих черепов.

На остальных усадьбах найдены резцы для работы по кости, заготовки и отходы костерезного производства (табл. 2). Значение соответствующего показателя в целом по группе в 3 раза выше средневыборочного (табл. 2).

Часть жителей усадеб II типа была занята в сельском хозяйстве. На это, кроме упомянутых выше хозяйственных построек, указывают многочисленные находки железных серпов, обуглившиеся зерна пшеницы в яме № 35 на усадьбе В. Бельск, 26/А.

По всей видимости, столь важное место сельского хозяйства в сфере домашней экономики было необходимым условием и следствием самого факта существования большесемейных общин ремесленников. Натуральный обмен ремесленной продукции мог обеспечить существование лишь малых семей (усадьбы В. Бельск, 4–5/1, 15–16/3, 14–30/2), тогда как большие коллективы родственников были вынуждены восполнять недостаток продуктов питания за счет собственного производства. С другой стороны, связь с земельным наделом, его обработка укрепляли престиж и статус малой социальной группы.

Конечная продукция ремесленников III группы нередко предполагала комбинирование художественных изделий из кости и рога с другими материалами. Следы работы с расплавленной бронзой отмечены на участке усадьбы В. Бельск, 26/А, прилегающем к яме № 59 (рис. 12). Товарные слитки бронзы и олова найдены на участке раскопа II селища Лихачевка.

На месте усадьбы В. Бельск, 4–5/1 обнаружены остатки большой печи для обжига посуды (рис. 6) [Шрамко, 1973, с. 102, 104, рис. 11]. Стратиграфия залегания, орнаментация и форма сохранившихся под упавшим сводом лепных горшков свидетельствуют о позднем времени ее существования [Шрамко, 1973, с. 105]. Видимо, печь построили после того как усадьба была оставлена жителями в IV в. до н. э.

Особенностью культовой практики в среде представителей III социальной группы ремесленников можно считать широкое применение жертвенников, следы которых сохранились на усадьбах В. Бельск, 4–5/1, 26/А и на участке раскопа II на селище Лихачевка (рис. 6; 12) [Моруженко, 1980, с. 2–3; 1981, с. 2]. В качестве небольших переносных алтарей могли использоваться каменные ладьевидные блюда [Артамонов, 1961, с. 83], обломки которых обнаружены на усадьбах В. Бельск, 4–5/1 и 15–16/3 (табл. 2). Репертуар глиняных культовых изображений у представителей III группы сложнее и разнообразнее, чем на усадьбах ремесленников I и II групп. Кроме зооморфных фигурок,

[16] В. Бельск, 26/А, яма № 37, площадь – 6,8 кв. м; В. Бельск, 26/А, яма № 25, площадь – 10,5 кв. м; Коломак, 1/Б, яма № 31, площадь – 10,5 кв. м; раскоп II на селище Лихачевка, яма № 51, площадь – 12,6 кв. м [Шрамко, 1977, с. 5–6, 12; Радзиевская, 1979а, с. 2–4; Моруженко, 1980, с. 12].

на усадьбе В. Бельск, 26/А сохранились модели зерен культурных растений и орнитоморфные статуэтки. В заполнении ямы № 14 на усадьбе В. Бельск, 14–30/2 обнаружена статуэтка женщины в высоком остроконечном головном уборе с полосами красной краски на плечах и груди. Комплекс датируется трехгранным наконечником стрелы со скрытой втулкой IV в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 22, табл. V, отд. III, тип 3, вар. 5]. Столь выраженное значение культа плодородия в системе идеологических представлений ремесленников III социальной группы [Шрамко, 1957а, с. 188; Андрієнко, 1974, с. 91 сл.] лишний раз подчеркивает важность сельского хозяйства в экономике входивших в нее большесемейных общин.

Образ птицы, отмеченный в культовой пластике группы, присутствует и в наборе украшений с усадьбы В. Бельск, 26/А – в виде уточки была оформлена нижняя часть бронзовой серьги (рис. 19, 15), относящейся к типам, распространённым в области Днепровского Лесостепного Правобережья в IV–III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 31, табл. 18, 10]. Этим временем датируется и бронзовый литой перстень с гладким овальным щитком (рис. 19, 16) [Петренко, 1978, с. 62]. На усадьбах III группы отмечены также железные посоховидные булавки (рис. 19, 6–9), глиняные и стеклянные бусины, бронзовый проволочный браслет.

Несмотря на некоторое разнообразие набора украшений, материальное положение ремесленников-косторезов не кажется высоким. Значения показателей, характеризующих насыщенность культурного слоя дорогими местными и импортными предметами, ниже средневыборочных. На общем фоне несколько выделяется комплекс усадьбы В. Бельск, 15–16/3 (табл. 2).

На усадьбах III социальной группы найдено много пращевых ядер и отдельные наконечники стрел (рис. 19, 10–14), но общий анализ соответствующих среднегрупповых и средневыборочных показателей указывает на то, что ремесленники-косторезы и члены их семей не были воинами (табл. 2). Праща, лук и стрелы могли использоваться для охоты, служившей подспорьем в получении продуктов питания и одним из способов добычи сырья для косторезного производства. В пользу этого красноречиво свидетельствует обилие изделий и заготовок из рога и кости диких животных на памятниках лесостепи скифского времени и на самих усадьбах ремесленников-косторезов.

На усадьбе В. Бельск, 26/А и участке раскопе II на селище Лихачевка сохранились обломки нескольких псалиев из рога и бронзы (рис. 19, 4, 5), представляющих, скорее всего, образцы ремесленных изделий (или же их частей). Среднегрупповой показатель по этому признаку ниже средневыборочного, что не позволяет считать всадничество существенным моментом в определении социального статуса ремесленников-косторезов III группы (табл. 2).

По совокупности данных рассмотренные усадьбы датируются VI–IV вв. до н. э. [Шрамко, 1966а, с. 4–7, 10; Шрамко, 1968, с. 7, 10–11; Шрамко, 1969, с. 19–22; Радзиевская, 1980б, с. 1–12; Моруженко, 1981, с. 20].

Группа IV. Факторными признаками для нее стали «украшения из кости» и «каменные блюда» (табл. 2; 3). В группу включены усадьбы I типа – В. Бельск, 4–5/7, П. Никитовка, 13/1; усадьба II типа В. Бельск, 29/Б; участок раскопа XV на городище Полковая Никитовка (рис. 6; 8, б; 14; 19, 17–21) [Моруженко, 1976, рис. III, I]. Кроме наземных печей и очагов, на всех усадьбах отмечены погреба, которые являлись характерным обязательным элементом хозяйственных комплексов и предназначались преимущественно для хранения продуктов животноводства[17].

Из домохозяйств I типа IV группы наименьшей была усадьба В. Бельск, 4–5/7 (414 кв. м), а самой большой усадьба П. Никитовка, 13/1 (750 кв. м). Среднегрупповое значение данных по этому признаку составило 582 кв. м. Площадь усадьбы II типа В. Бельск, 29/Б приближалась к 1500 кв. м.

На участке раскопа XV городища Полковая Никитовка было вскрыто 315 кв.м, но при хорошей насыщенности культурного слоя археологическими находками, обнаружено лишь две хозяйственные ямы [Моруженко, 1976, с. 6–8]. Похоже, что здесь, как и на участке раскопа XII, зольник был устроен на месте хозяйственного двора небольшой усадьбы I типа. Во всяком случае, плотность распределения строительных остатков на усадьбе II типа В. Бельск, 29/Б значительно выше, а по количеству хозяйственных дворов можно установить, что ее занимала домашняя община из шести-восьми малых семей (рис. 14).

Для более глубокого понимания содержания факторного признака «украшения из кости», обратим наше внимание на следующие обстоятельства. При разработке системы функцио-

[17] В. Бельск, 4–5/7, яма № 3; П. Никитовка, 13/1, яма № 2; В. Бельск, 29/Б, яма № 107; раскоп XV на городище П. Никитовка, ямы № 1 и 2.

нально-социологического описания комплексов с целью повышения информативности отдельных показателей и снижения числа сопоставляемых параметров в признак «украшения из кости» были включены также художественно оформленные костяные предметы утилитарно-бытового и культового назначения. Поэтому для содержательной интерпретации фактора нужно выяснить, чем были сохранившиеся костяные предметы для живших на усадьбах IV группы людей – всего лишь красивыми вещами для повседневного и ритуального употребления или же, одновременно, образчиками собственного ремесленного производства?

Специальные стальные резцы, обнаруженные на усадьбе В. Бельск, 29/Б (рис. 19, 17) и на участке раскопа XV городища Полковая Никитовка, указывают на то, что представители IV социальной статистической группы, как и рассмотренной выше III группы, были ремесленниками-косторезами. Это подтверждают и находки поломанных в процессе изготовления отверстий псалиев архаических типов на усадьбах В. Бельск, 4–5/7 и П. Никитовка, 13/1, незаконченная роговая пластинка с гравированным изображением головки грифона на усадьбе В. Бельск, 29/Б (рис. 19, 18). Именно это изделие может указывать на качественное своеобразие деятельности мастеров IV социальной статистической группы. Похоже, что их производство было ориентировано преимущественно на удовлетворение заказов высших слоев общества, а это, в свою очередь, не могло не сказаться на особенностях положения группы в целом. Профессия и секреты мастерства могли наследоваться внутри группы, традиционные связи с определенным кругом заказчиков найти закрепление в общественных правовых нормах. Косвенным свидетельством в пользу такого предположения может быть отсутствие художественной резьбы по кости на усадьбах ремесленников III социальной группы, хотя необходимые для этого инструменты и навыки у них были.

Высокая стоимость изделий обеспечивала достаточный уровень благосостояния семей «художников-косторезов»[18] без активного занятия сельским хозяйством. Единственный на всю группу серп был найден на усадьбе П. Никитовка, 13/1. В среднем по группе этот показатель в 4 раза ниже средневыборочного (табл. 2).

Материальное положение ремесленников IV группы было выше, чем у представителей I–III групп: показатель «античные амфоры» в 1,2 раза превышает средневыборочное значение (табл. 2). Наиболее распространенными украшениями были посоховидные и гвоздевидные булавки, браслеты из бронзы и железа, среди которых выделяется бронзовый браслет с концами в виде змеиных головок (рис. 19, 20), найденный на усадьбе В. Бельск, 29/Б. Кроме них на усадьбах В. Бельского городища сохранились фрагменты стеклянных и костяных бусин.

Культовые изделия на усадьбах рассматриваемой группы представлены глиняными лепешками, зооморфными и антропоморфными статуэтками, обломками чаш из человеческих черепов. Новым мотивом является фаллическое изображение из глины, найденное на усадьбе В. Бельск, 29/Б. Важным факторным признаком группы служат каменные блюда, что сближает IV и III социальные группы косторезов (табл. 2).

Анализ распределения культовых остатков на территории усадьбы В. Бельск, 29/Б позволяет отметить еще один важный момент для характеристики семейных общин у населения Ворсклинской РСЭС. Здесь обнаружены комплексы, бывшие в разное время центрами идеологической жизни большого семейно-родственного коллектива. Более ранним являлся глиняный жертвенник в яме № 75, почти в центре усадьбы (рис. 14) [Шрамко, 1981, с. 21]. Наземная часть постройки не сохранилась, а в заполнении котлована найден фрагмент венчика горшка с налепным валиком, датирующий помещение временем не позднее начала V в. до н. э. Другое культовое сооружение существовало приблизительно в середине-конце V в. до н. э. в 10 м к юго-востоку от первого. От него осталась углубленная нижняя часть (яма № 85), в заполнении которой обнаружено множество обломков глиняных статуэток и чаша из черепа человека (рис. 14) [Шрамко, 1982а, с. 5, рис. 17, 2, 4, 5].

Ремесленники IV социальной статистической группы и члены их семей не были воинами. Среднегрупповое значение показателя «наконечники стрел» в 2,2 раза ниже средневыборочного и равно отмеченному выше для III группы (табл. 2). Поэтому все замечания о значении охоты в системе домашнего хозяйства ремесленников-косторезов III группы могут быть отнесены и к IV социальной группе художников-косторезов.

На усадьбе В. Бельск, 29/Б найден большой железный трехдырчатый псалий VI в. до н. э. (рис. 19, 21). Однако, как и в III социальной группе, средний показатель по этому признаку относительно низкий.

[18] Так мы будем называть эту группу и далее во избежание путаницы с группой III.

Комплекс усадьбы П. Никитовка, 13/1 и участок раскопа XV на этом же городище по античной керамике и местным украшениям датируется VI–V вв. до н. э. [Моруженко, 1975а, с. 25; 1976, с. 7]. На усадьбе В. Бельск, 4–5/7 сохранились фрагменты ионийских амфор первой половины VI в. до н. э., обломки античных сосудов V и IV вв. до н. э. Комплекс усадьбы В. Бельск, 29/Б сформировался в начале VI в. до н. э. Кроме упомянутого псалия, к началу VI в. до н. э. следует отнести железную булавку с перевитым стержнем и петлевидной головкой (рис. 19, 19). [Петренко, 1978, с. 18]. К завершающему периоду существования усадьбы относятся обломок косской амфоры с клеймом и античное расписное блюдо IV–III вв. до н. э.

Группа V. Ее факторными признаками стали «украшения из стекла» (бусы) и «украшения из железа» (табл. 2; 3). В состав группы вошли участок раскопа I на селище Лихачевка и усадьба I типа В. Бельск, 1/2 площадью 560 кв. м [Моруженко, 1978а, рис. VIII, 2, 3] (рис. 5; 20, 1–4, 12–15).

В юго-восточной части усадьбы В. Бельск, 1/2 сохранились остатки земляночного жилища малой семьи, представлявшего собой прямоугольное помещение размерами 2,65 × 2,80 × 1,70 м с глинобитной печкой и вырезанным в стенке дымоходом. Датируется землянка VI – началом V в. до н. э. [Шрамко, 1973, с. 106–108, рис. 12, III]. В северо-восточной части усадьбы находилось большое наземное сооружение, предназначавшееся, судя по остаткам многочисленных зернотерок, для размола зерна [Шрамко, 1973, с. 106, рис. 12, I].

На участке раскопа I на селище Лихачевка обнаружены два погреба (ямы № 3 и 18), датированных по обломкам чернолощеных сосудов в заполнении VI в. до н. э. [Моруженко, 1978а, с. 6, 8, рис. IX, 2; X, I]. Здесь же, в квадратах 16–22/Г-Е, отмечена сильно утрамбованная площадка размерами 3,8 × 1,9 м с жертвоприношением собаки и столбовой ямкой у северо-восточного края. По мнению автора раскопок, здесь когда-то находилась культовая постройка [Моруженко, 1978а, с. 9, рис. XI, 2, 3].

Анализ соответствующих показателей (табл. 2) убеждает, что представители V социальной статистической группы не были ремесленниками. Главное место в системе домашней экономики занимало у них сельское хозяйство. На усадьбе В. Бельск, 1/2 найден железный серп, а среднегрупповое значение показателя равно средневыборочному (табл. 2).

С земледелием и скотоводством были тесно связаны и религиозные пердставления: на усадьбе В. Бельск, 1/2, кроме зооморфных статуэток, сохранилась модель зерна из обожженной глины (рис. 20, 4–5), а на участке раскопа I на селище Лихачевка зафиксированы девять жертвоприношений животных [Моруженко, 1978а, с. 9, рис. XIII, 1–3; XIV, 1–4].

Материальное положение семей V социальной статистической группы было высоким, что указывает самое высокое по выборке среднегрупповое значение показателя «античная столовая посуда» (табл. 2). Особым богатством отличались земледельцы (землевладельцы ?), жившие в городе Гелоне и тесно связанные с античным рынком. В обмен на продукты сельского хозяйства они получали, кроме других товаров, дорогую расписанную лаком посуду и украшения. Примером последних служит большое ожерелье из стеклянных бусин с железной подвеской из землянки на усадьбе В. Бельск, 1/2. Оно лежало на обломках печи [Шрамко, 1973, с. 108] и, судя по всему, было принесено в жертву божеству домашнего очага при переходе в новое жилище.

Из украшений местного производства на этой усадьбе сохранились обломки железных посоховидных булавок, распространенных в бассейне р. Ворсклы в период с VI по III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 18, тип 21, вар. 2], железной булавки с плоской шляпкой, конической шейкой с круглым в сечении стержнем, орнаментированным кольцевыми нарезами (рис. 20, 1) [Петренко, 1978, с. 8, табл. 1, 2], датируемой концом VI – началом V вв. до н. э. Здесь же отмечены обломки двух бронзовых проволочных браслетов, железное кольцо (рис. 20, 2, 12). Концом VII – началом VI вв. до н. э. датируется бронзовая булавка со слабо выпуклой шляпкой, конической шейкой и круглым в сечении стержнем, имевшим расширение в верхней части, из раскопа I на селище Лихачевка [Моруженко, 1978а, с. 11, рис. XIX; Петренко, 1978, с. 13, тип 6]. Этим же временем следует датировать обломок рогового псалия, конец которого был оформлен в виде головки грифо-барана [Моруженко, 1978а, с. 2, рис. XIX, 3, 4а; Ляпушкин, 1961, с. 124, рис. 65; Ильинская, 1968, табл. XX, 16; XXXIV, 1]. После поломки псалий использовался в качестве подвески [Моруженко, 1978а, с. 1].

Предметы вооружения на усадьбах представлены отдельными наконечниками стрел (рис. 20, 13–15) и пращевыми ядрами. Значения среднегрупповых показателей по этим признакам не позволяют причислять представителей V социальной группы к воинам (табл. 2).

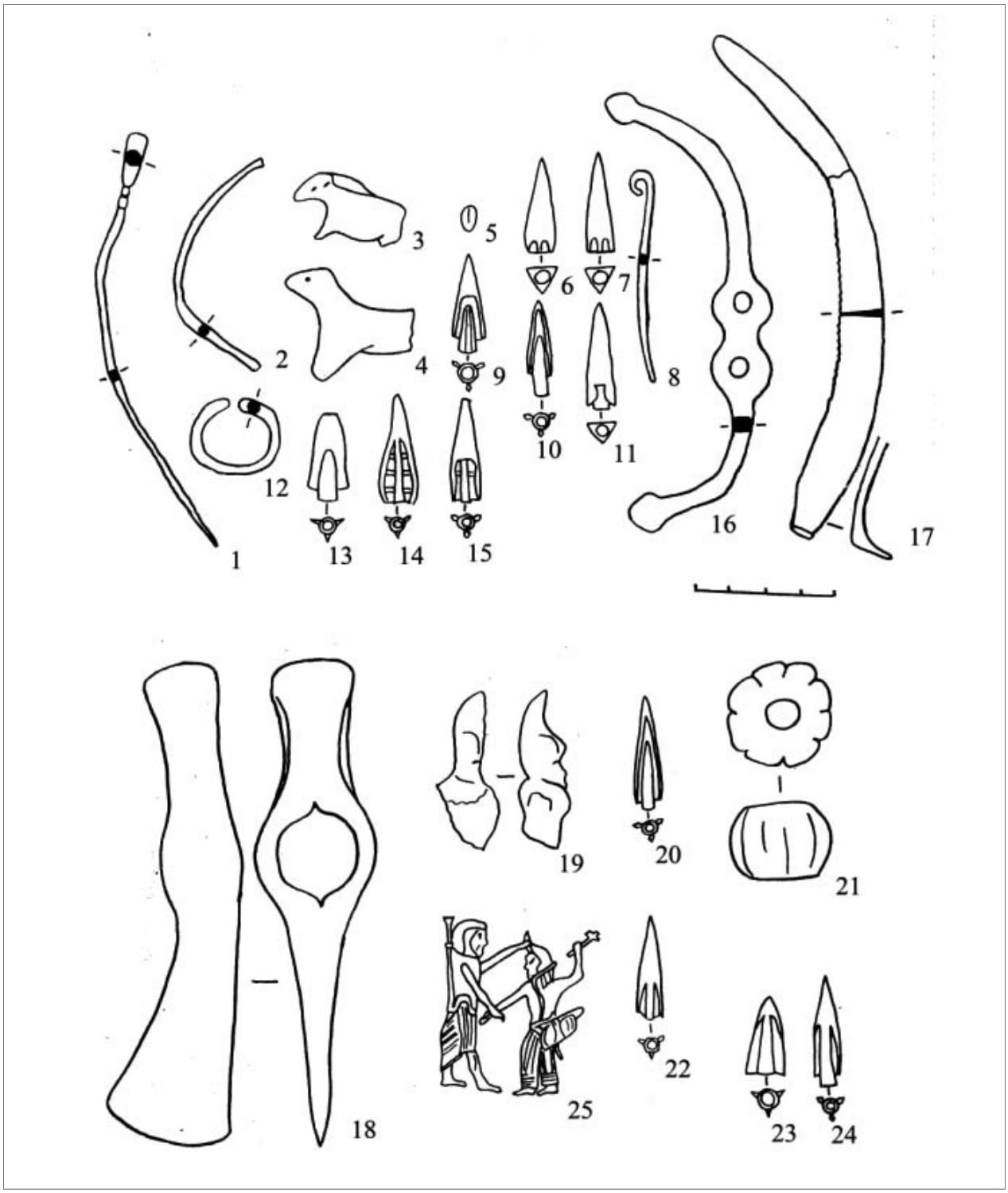


Рис. 20. Вещи с усадеб V (1–5, 12–15), VI (6–11, 16–17) и VII (18–24) социальных статистических групп.

Условные обозначения:

1 – железная булавка; 2 – обломок бронзового проволочного браслета; 3 – глиняная зооморфная статуэтка; 4 – глиняная зооморфная статуэтка; 5 – глиняная модель зерна; 6 – бронзовый наконечник стрелы; 7 – бронзовый наконечник стрелы; 8 – железная булавка; 9 – бронзовый наконечник стрелы; 10 – бронзовый наконечник стрелы; 11, 13–15, 20, 22–24 – бронзовые наконечники стрел; 12 – железное кольцо; 16 – железный псалий; 17 – железный серп; 18 – железный боевой топор; 19 – фрагмент глиняной антропоморфной статуэтки; 21 – бусина из синего стекла; 25 – изображение единоборства скифа и мидийца на печати из Малой Азии (по И.М. Дьянокову).

А.А. Моруженко отнесла время заселения участка раскопа I на селище Лихачевка ко второй половине VII – VI вв. до н. э. и справедливо причислила его обитателей к переселенцам с Правобережья Днепра [Моруженко, 1978а, с. 16; 1985а, с. 253]. Усадьба В. Бельск, 1/2 возникла в VI в. до н. э. и просуществовала вплоть до конца жизни на Бельском городище. Архаичным периодом датируются фрагменты лепных сосудов, орнаментированные одним, реже двумя налепными валиками по венчику. К широко распространенным в Скифии IV–III вв. до н. э. типам относится бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой и слегка выступающими концами граней [Мелюкова, 1964, с. 25, 29, табл. V, отд. III, тип 7, вар. 7]. Другие датирующие находки отмечены выше.

Группа VI. Факторными признаками для нее определены «украшения из бронзы» и «украшения из глины» (бусы), «античные амфоры» (табл. 2; 3). Как и предыдущая, эта социальная статистическая группа представлена в нашей выборке двумя усадьбами. Обе они принадлежали к I структурно-планировочному типу домохозяйств и существовали на территории Восточного Бельского городища. Минимальной в группе была площадь усадьбы В. Бельск, 19/3 (240 кв. м), а максимальной – усадьбы В. Бельск, 28/4 (800 кв. м). В среднем по группе значение этого признака составило 520 кв. м (рис. 10; 13; 20, 6–11, 16–17).

Почти в центре усадьбы В. Бельск, 19/3 сохранились остатки полуземляночного жилища размерами 3,2 × 2,7 × 0,4 м (яма № 1). Датируется помещение IV в. до н. э. по бронзовому трехгранному наконечнику стрелы со скрытой втулкой [Мелюкова, 1964, с. 23, табл. V, отд. III, тип 6, вар. 4]. Другая полуземлянка обнаружена в восточной части усадьбы В. Бельск, 28/4 (яма № 81). Ее размеры 4,30 × 3,95 × 0,30 м. В юго-восточном углу помещения находилась глинобитная печка, а в северной части – глиняный жертвенник с побеленной поверхностью. По совокупности находок в заполнении комплекс датируется V в. до н. э. [Шрамко, 1980, с. 4–5, рис. II; III, I]. Рядом с жилищем, у юго-западной границы усадьбы, находилось большое хозяйственное помещение размерами 3,10 × 2,70 × 0,45 м (яма № 79). Вход в него располагался в северо-западной части со стороны хозяйственного двора, а внутри, около стенки, был выкопан небольшой погребок (яма № 79а) [Шрамко, 1980, с. 3–4].

Из всех показателей, характеризующих экономику семей VI социальной статистической группы, выделяется показатель «сельское хозяйство», который в 2 раза выше средневыборочного (табл. 2). Целый железный серп сохранился на усадьбе В. Бельск, 19/3 (рис. 20, 17). На обеих усадьбах найдены культовые модели зерен пшеницы.

При сооружении жертвенника в жилище на усадьбе В. Бельск, 28/4 были принесены в жертву две собаки, черепа которых поместили в основание круглой глиняной вымостки [Шрамко, 1981, с. 5]. Рядом с жертвенником найдена глиняная культовая лепешка, букрания, обломок большой отшлифованной плиты из песчаника, чаша из черепа человека.

Материальное положение членов VI социальной статистической группы не было высоким. При этом характерным признаком можно считать отсутствие резкой внутригрупповой имущественной дифференциации (табл. 2). Из личных украшений местного изготовления на усадьбе Бельск, 19/3 сохранился обломок бронзовой булавки, а на усадьбе В. Бельск, 28/4 – глиняная бусина.

В заполнении ямы № 79 на усадьбе В. Бельск, 28/4 обнаружен железный двухдырчатый С-видный псалий с шишечками на концах IV в. до н. э. (рис. 20, 16) [Ильинская, 1973, с. 55, рис. 8, 12]. Отдельные детали конской сбруи сохранились и на некоторых других усадьбах ремесленников и земледельцев, рассмотренных выше. Но там они были представлены исключительно архаичными типами и связаны в подавляющем большинстве случаев с ранними этапами существования больших семейных общин. Можно предположить, что начиная с V в. до н. э. представители невоинских социальных групп постепенно утратили престижное право верховой езды в связи с общим понижением их групповых социально-юридических статусов в рамках общественной структуры Ворсклинской РСЭС. Для представителей VI социальной группы этот процесс развивался в обратном направлении и уже к началу IV в. до н. э. некоторые из них могли быть всадниками.

Комплекс усадьбы В. Бельск, 19/3 начал складываться в VI в. до н. э. К этому времени относятся находки обломков венчиков лепных сосудов, орнаментированных налепными валиками, отдельные фрагменты чернолощеных мисок, VI в. до н. э. датируется и обломок чернофигурного аттического сосудика. К VI–V вв. до н. э. относятся обломки амфор с острова Хиос, стаканообразных, неизвестного античного центра. Здесь же обнаружен фрагмент амфоры неизвестного центра V–IV вв. до н. э. К это-

му времени относится и большинство находок местной лепной керамики, орнаментированной пальцевыми защипами по краю венчика, иногда в сочетании с проколами.

Усадьба В. Бельск, 28/4 возникла позднее – в конце VI или в начале V вв. до н. э. Этим временем датируется несколько фрагментов чернолаковых аттических сосудов, попавших в заполнение ям № 79 и 81 из нижней части культурного слоя. Выше уже упоминалось о том, что яму-жилище № 81 следует датировать V в. до н. э. Время существования хозяйственного помещения (ямы № 79) можно отнести к IV в. до н. э. по находке железного двухдырчатого псалия С-видной формы. V–IV вв. до н. э. датируется наконечник стрелы, найденный недалеко от ямы № 97 [Мелюкова, 1964, с. 23, табл. V, отд. III, тип 8, вар. 4]. Этим же временем можно датировать хозяйственную яму № 89 по находке в ее заполнении бронзового трехгранного наконечника стрелы со скрытой втулкой [Мелюкова А.И., 1964, с. 23, табл. V, отд. III, тип 8, вар. 6].

Группа VII. Факторными признаками для нее стали «конская сбруя» и «боевые топоры» (табл. 2; 3).

Эта группа является одной из наиболее представительных в выборке по количеству усадеб. К ней относятся усадьбы I типа В. Бельск, 23/2, 14–30/3, 4, 5 (рис. 11; 15; 20, 18–24); усадьба II типа Коломак, 1/А; участки раскопов III на селище Лихачевка [Моруженко, 1979а, с. 9–16, рис. XVII], V–Va и VI на селище Пожарная Балка. Два последних были заложены в различных частях одного длинного зольника с минимальным расстоянием между ними в 5,2 м. В.П. Андриенко датировал раскоп V–Va – серединой VII–VI вв. до н. э. [Андриенко, 1979а, с. 12]. Стратиграфические наблюдения на участке раскопа VI показали, что основание культурного слоя здесь залегало не на уровне погребенной почвы, а на прослойке золы мощностью 30–50 см [Андриенко, 1980а, с. 9]. Все это дало основания исследователю выделить в пределах зольника два разновременных участка: более ранний юго-западный (раскоп V–Va) и более поздний северо-восточный (раскоп VI) [Андриенко, 1980а, с. 11]. Опираясь на наблюдения В.П. Андриенко, мы обрабатывали и классифицировали материалы с раскопов V–Va и VI на селище Пожарная Балка как происходящие с двух различных усадеб. Но результаты факторного анализа, показавшие принадлежность обоих комплексов к одной социальной группе, позволяют видеть в них не отдельные домохозяйства, а скорее участки, связанные с различными хронологическими периодами существования одного коллектива родственников. Мы не знаем, что заставило его представителей временно покинуть селище в VI в. до н. э. Но отсутствие было недолгим и жизнь в районе длинного зольника продолжалась вплоть до рубежа VI–V вв. до н. э. К сожалению, раскопки велись небольшими площадями, и это в значительной степени затрудняет определение типа усадьбы, формы обитавшего на ней семейно-родственного коллектива.

Минимальными размерами среди усадеб I типа VII группы отличался комплекс В. Бельск, 23/2 (285 кв. м), а самой большой была усадьба В. Бельск, 14–30/5 (1110 кв. м). Среднегрупповой показатель по этому признаку для усадеб I типа равняется 640 кв. м. Площадь усадьбы II типа Коломак, 1/А составляла приблизительно 2020 кв. м.

Строительные остатки на усадьбах представлены преимущественно хозяйственными ямами. Среди них отмечены погреба – яма № 5 на усадьбе В. Бельск, 14-30/5 (рис. 15), ямы № 2, 7, 7а на участке раскопа V, Va селища Пожарная Балка [Андриенко, 1979а, с. 9–10]. Следы наземного жилища площадью около 18 кв. м обнаружены на участке раскопа V–Va на селище Пожарная Балка [Андриенко, 1979а, с. 9]. Другое слегка углубленное в землю жилище размерами 3,0 × 2,1 м существовало позднее на участке раскопа VI, рядом с большим глинобитным очагом [Андриенко, 1980а, с. 9]. Остатки трех глиняных жертвенников с побеленной поверхностью зафиксированы на участке раскопа III на селище Лихачевка [Моруженко, 1979а, с. 9–10, рис. XVIII, 2].

Общим хозяйственным помещением для малых семей большой домашней общины на усадьбе Коломак, 1/А был овин для просушки и хранения снопов – яма № 65. Тут же, ближе к северному краю усадьбы, был выкопан общий колодец (квадраты 46–49/ЯГ-ЯД) (рис. 16) [Радзиевская, 1981, с. 306].

Ни один из видов производственной деятельности формально не стал существенным признаком VII социальной статистической группы (табл. 2). Материальное положение семейно-родственных коллективов этой группы выглядит весьма скромно: насыщенность культурного слоя усадеб античной амфорной и столовой керамикой в 3–14 раз ниже среднего уровня выборки (табл. 2). Характерными украшениями женщин служили простые железные и бронзовые браслеты, булавки, стеклянные (рис. 20, 21) и глиняные бусы, кольца и подвески из кости.

Рис. 21. Вещи с усадеб VIII социальной статистической группы.

Условные обозначения:

1 – железный наконечник дротика; 2–4 – бронзовые наконечники стрел; 5 – железная булавка; 6 – обломок железного браслета; 7 – железная панцирная пластинка; 8 – железный наконечник ножен; 9 – железный браслет; 10 – греческий чернолаковый лекиф; 11 – глиняная антропоморфная статуэтка («роженица»); 12 – глиняная зооморфная статуэтка («рысь»); 13 – глиняная зооморфная статуэтка («бычок»); 14 – глиняная зооморфная статуэтка («лосиха»); 15 – глиняная антропоморфная статуэтка («Дионис», «Папай»?).

Зато среди культовых изделий довольно часто на усадьбах группы встречались антропоморфные глиняные статуэтки. Среди них особого внимания заслуживает изображение человека в высоком конусовидном головном уборе с усадьбы В. Бельск, 14–30/3 (рис. 20, 19).

Предметы вооружения на усадьбах VII статистической группы представлены в основном наконечниками стрел (рис. 20, 20–24) и пращевыми ядрами. Значения соответствующих показателей ниже средневыборочных[19], причем их соотношение складывается в пользу преобладания пращи над луком и стрелами (табл. 2). Тем не менее, рассматриваемую социальную статистическую группу следует отнести к воинским. В данном случае дело не только в количестве наконечников стрел или пращевых ядер, сохранившихся на одном квадратном метре культурного слоя усадеб, а в качественном составе набора предметов вооружения. Новым групповым признаком, который является и факторным, стали боевые топоры. Эта разновидность вооружения на территории Ворсклинского региона встречается крайне редко. Тем более примечательна находка сразу двух боевых топоров на усадьбе В. Бельск, 23/2. Хорошо сохранившийся экземпляр относится к типам с дуговидно изогнутой спинкой, коротким обухом и овальным расширением в месте проуха (рис. 20, 18), известным в Скифии со второй половины VI по IV–III вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 67; Шрамко, 1975а, рис. 4, 2].

Набор деталей конской узды происходит с усадьбы на селище Пожарная Балка (раскоп V–Va–VI). Здесь сохранились обломки роговых трехдырчатых псалиев с геометрическим орнаментом в виде косых насечек и звено железных удил.

А.А. Моруженко датировала участок раскопа III на селище Лихачевка концом VI–V вв. до н. э. и связывала его обитателей с этносом носителей культуры типа Восточного Бельского городища [Моруженко, 1979а, с. 16; 1985а]. Усадьба В. Бельск, 23/2 была основана не ранее начала середины V в. до н. э., на что указывает отсутствие архаичных типов местной лепной керамики. Близки ей по времени и комплексы усадеб В. Бельск, 14–30/3, 4, 5, которые возникли по соседству друг от друга на первоначально свободной от застройки части городища (рис. 15). Раньше остальных здесь появился комплекс усадьбы В. Бельск, 14–30/5. Концом VI – началом V вв. до н. э. датируются опорновтульчатый и башнеобразный наконечники стрел, один из которых был найден в яме № 5 [Мелюкова, 1964, с. 19, 22, табл. V, отд. II, тип 7, вар. 7; тип 10, вар. 10]. На усадьбе В. Бельск, 14–30/3 в районе ямы № 96 найдены два наконечника стрел IV–III вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 29, табл. V, отд. II, тип 4, вар. 7, 8]. Фрагмент чернолакового аттического сосуда VI–V вв. до н. э. в заполнении ямы № 63 является наиболее ранней датируемой находкой на усадьбе Коломак, 1/А [Радзиевская, 1980б, с. 5]. Просуществовала усадьба вплоть до разгрома городища в конце IV – начале III вв. до н. э., когда в яму-овин № 65 были сброшены тела двух из погибших ее обитателей [Радзиевская, 1980б, с. 5–6].

Группа VIII. Ее факторным признаком определены «копья, дротики» (табл. 2; 3). В количественном отношении эта группа также весьма представительна. К ней относились усадьбы I типа В. Бельск, 1/3, 4–5/2, 18/1, 23/1, 23/3, 28–29/2, площадь которых изменялась в пределах от 370 кв. м (В. Бельск, 4–5/2) до 1020 кв. м (В. Бельск, 23/1) при среднегрупповом значении показателя около 700 кв. м. Усадьбы II типа в группе представлены комплексами В. Бельск, 29/А (900 м^2) и В. Бельск, 29/В (1050 м^2). Их средняя площадь составляла около 980 кв. м (рис. 5; 6; 9; 11; 13; 14).

Почти на всех усадьбах рассматриваемой социальной статистической группы были погреба[20]. Остатки хлева для содержания скота сохранились на усадьбе В. Бельск, 18/1 (яма № 1). Датируется помещение обломком венчика хиосской амфоры VI–V в. до н. э. Полуземляночное жилище площадью 14,8 кв. м обнаружено в западной части хозяйственного двора усадьбы В. Бельск, 23/1 (яма № 27).

На половине усадеб отмечены глинобитные жертвенники (В. Бельск, 4–5/2, 18/1, 23/1, 23/3), причем на усадьбе В. Бельск, 23/1 их было не менее пяти (рис. 6; 9; 11).

Большая семейная община, жившая на усадьбе В. Бельск, 29/В, имела общее культовое сооружение, от которого сохранилась лишь нижняя углубленная в землю часть (яма № 157), датированная автором раскопок по находкам в заполнении второй половиной V–IV вв. до н. э. (рис. 14) [Шрамко, 1982а, с. 18–20].

[19] Переходя к рассмотрению воинских социально-статистических групп общественного организма Ворсклинской РСЭС скифского времени следует помнить о том, что значительная часть предметов вооружения перемещалась с усадеб в погребения вместе с их владельцами.

[20] Яма № 5, В. Бельск, 1/3; яма № 4, В. Бельск, 18/1; яма № 23, В. Бельск, 23/1; яма № 47, В. Бельск, 29/А; ямы № 94, 134, 145, В. Бельск, 29/В.

Серпы найдены на усадьбах В. Бельск, 4–5/2 и 18/1, но среднегрупповое значение этого показателя, характеризующего интенсивность занятия земледелием, ниже, чем в среднем по выборке (табл. 2).

Представители VIII социальной группы не были ремесленниками (табл. 2), однако анализ функционально-социологических моделей принадлежавших им усадебных комплексов позволяет расширить круг наших представлений о социальных формах организации ремесла. Следы работы бронзолитейщиков, приглашаемых или зависимых, отмечены на усадьбах В. Бельск, 4–5/2, 18/1. В ряде случаев изделия производились из материала заказчиков: в яме № 9 на усадьбе В. Бельск, 1/3 найден товарный слиток олова весом 258,9 г [Шрамко, 1973, с. 101]. На усадьбе В. Бельск, 28–29/2 сохранился развал бронзоплавильной печи, которая, судя по количеству отходов, просуществовала недолго. Образцом продукции ремесленника-бронзолитейщика служит большая бракованная бляха в зверином стиле. Б.А. Шрамко датировал комплекс IV в. до н. э. [Шрамко, 1981, с. 16–17, рис. XIV, 1–2]. Другая пришедшая в негодность бронзоплавильная печь была сброшена в яму № 15 на усадьбе В. Бельск, 29/А, заполнение которой также относится ко времени не раньше IV в. до н. э. [Шрамко, 1981, с. 8–9]. Распределение отходов производства в культурном слое показывает, что для устройства мастерской ремесленнику был отведен хозяйственный двор в юго-восточной части усадьбы (рис. 14).

По своему социальному статусу члены VIII группы относились к категории воинов. Об этом убедительно свидетельствует набор предметов вооружения, особенности репертуара украшений и культовых предметов.

Качественное отличие набора вооружения воинов VIII группы от других социальных групп Ворсклинской РСЭС заключалось в ведущей роли копий и дротиков. Целые наконечники копий найдены на усадьбах В. Бельск, 4–5/2 и 29/А (рис. 21, 1, 2). Обломки втулок дротиков сохранились на усадьбах В. Бельск, 18/1, 23/1, 29/А. На усадьбе В. Бельск, 29/В обнаружен железный наконечник от чехла копья или ножен кинжала (рис. 21, 8). Иногда вооружение воина-копейщика дополнялось защитным доспехом: железная пластинка от панциря известна на усадьбе В. Бельск, 4–5/2 (рис. 21, 7). Вспомогательная роль отводилась луку и праще (табл. 2).

Важное значение придавалось знаковым вещам и украшениям. Например, на усадьбе В. Бельск, 23/1 найдена бусина из гешира, а в заполнении ямы № 24 на усадьбе В. Бельск, 29/А сохранилась золотая нашивная бляшка в форме розетки. Типично воинскими украшениями можно считать подвески-амулеты из клыков дикого кабана и медведя, найденные на усадьбах В. Бельск, 28–29/2 и 29/А. Среди прочих украшений из железа и бронзы выделяется бронзовый перстень с концами, оформленными в виде спиральных завитков, один из которых заканчивался головкой змеи [Шрамко, 1973, рис. 4, 2].

Среди сюжетов культовой глиняной пластики с воинскими ритуалами следует связывать изображения рыси и лося, найденные на усадьбе В. Бельск, 23/1 (рис. 21, 12, 14). Здесь же сохранилась уникальная статуэтка обнаженного мужчины с поднятыми вверх руками (рис. 21, 15). Б.А. Шрамко интерпретировал изображение как скульптуру Диониса, о существовании культа которого у местных племен сообщал Геродот [Геродот, IV, 108; Шрамко, 1976, с. 204, рис. 8]. Такая трактовка интересна, но не является исчерпывающей. На бронзовых навершиях IV в. до н. э. из Днепропетровской области есть изображения обнаженного мужского божества в позе адорации на фоне мирового дерева в сопровождении животных и птиц [Артамонов, 1961, с. 74–76; Бессонова, 1983, с. 41, рис. 2]. Многочисленные индо-иранские аналогии позволяют видеть в этом образе верховного бога-демиурга, функции которого в скифском пантеоне принадлежали Папаю [Бессонова, 1983, с. 41–42].

Уникальный культовый комплекс сохранился в заполнении ямы-святилища № 157 на усадьбе В. Бельск, 29/В. Он состоял из женской фигурки, ковшика, обломков повозки, ярма и рала, сделанных из обожженной глины [Шрамко, 1982а, с. 18–20, рис. 19, 1–3; 20–24]. Автор раскопок связывает эти находки с весенним земледельческим праздником [Шрамко, 1985а, с. 377]. Однако семантика изображения не ограничивается кругом магических представлений, относящихся к обеспечению плодородия земли. Женское божество, сосуд для жертвенных возлияний, ярмо, рало, солнечное колесо (повозка) входили в состав персонажей и магических атрибутов новогоднего праздника древних иранцев, направленного на поддержание единства и благополучия социального организма [Бессонова, 1983, с. 17–22]. Важное место в обрядовой символике воинов VIII социальной статистической группы занимали чаши из человеческих черепов (табл. 2).

Все рассмотренные усадьбы VIII социальной статистической группы существовали уже в VI в. до н. э. На это указывает обилие фраг-

ментов лепных горшков архаических типов, античных амфор и чернолаковых столовых сосудов VI – первой половины V вв. до н. э. Второй половиной VI – первой половиной V вв. до н. э. датируется базисный наконечник стрелы из ямы № 151 на усадьбе В. Бельск, 29/В [Мелюкова, 1964, с. 21, табл. V, отд. II, тип 5, вар. 10]. К этому времени относится и башнеобразный наконечник стрелы с усадьбы В. Бельск, 1/3 [Мелюкова, 1964, с. 22, табл. V, отд. II, тип 4, вар. I].

Позднескифским временем датируется развал амфоры неизвестного античного центра IV до н. э. на усадьбе В. Бельск, 29/А и боспорская монета 330–315 гг. до н. э. из культурного слоя усадьбы В. Бельск, 1/3 [Шрамко, 1973, с. 93, рис. 3, 2].

Группа IX. Факторным для нее стал признак «боевые ножи» (табл. 2; 3). В группу вошли усадьбы I типа В. Бельск, 10/1, 15–16/2, 15–16/4, площадь которых колебалась от 720 кв. м (В. Бельск, 15–16/2) до 950 кв. м (В. Бельск, 10/1). Средняя площадь усадеб I типа по группе приближалась к 860 кв. м. Усадьбы II типа, принадлежавшие большим семейным общинам, представлены комплексами В. Бельск, 26/Б, 28/А, 14–30/А. Из них минимальными размерами (1620 кв. м) обладала усадьба В. Бельск, 26/А, а самой большой, не только в группе, но и по выборке в целом, была усадьба В. Бельск, 14–30/А (почти 6800 кв. м). Средняя площадь усадеб II типа равнялась около 3400 кв. м (рис. 7; 12; 13; 15).

Среди строительных остатков на усадьбах IX социальной группы широко представлены погреба[21], а на усадьбе В. Бельск, 15–16/2 сохранился глиняный жертвенник, датируемый обломком ионийской амфоры VI в. до н. э. [Шрамко, 1968, с. 16]. Особым разнообразием отличаются структурно-планировочные комплексы усадеб II типа. Небольшое полуземляночное жилище IV в. до н. э. обнаружено в северо-западной части усадьбы В. Бельск, 14–30/А (яма № 31). Восточнее и южнее его в разное время существовали два хозяйственных помещения (ямы № 33, 49), причем последнее могло быть хлевом [Шрамко, 1983а, с. 12–13; 1984а, с. 3–4, 6–7]. Общим хозяйственным сооружением для всех жителей усадьбы В. Бельск, 28/А был овин (яма № 59) (рис. 12).

Занятия ремеслами и земледелием не были системообразующими признаками IX социальной статистической группы. Среднегрупповые значения соответствующих показателей ниже средневыборочных (табл. 2). В поздних слоях усадеб В. Бельск, 15–16/2 сохранились следы работы ремесленников-бронзолитейщиков, но о существовании здесь специальных мастерских говорить не приходится (рис. 15). На территории хозяйственного двора усадьбы В. Бельск, 15–16/4 найдена бронзовая матрица для штамповки бляшек, датируемая временем, не ранее IV в. до н. э. [Шрамко, 1973, с. 101, рис. 9, 22]. Она была поломана и не годилась для использования по прямому назначению. Скорее всего, это изделие попало на усадьбу вместе с другим металлическим ломом, предназначенным для переплавки.

Особо следует отметить некоторые изделия, характеризующие детали быта семей IX социальной группы. В заполнении ямы № 3 на усадьбе В. Бельск, 15–16/2, датируемой ручкой античной амфоры V–IV вв. до н. э., сохранилась бронзовая мерная линейка длиной 41,5 см [Шрамко, 1975, рис. 4, 18]. Интересно, что близкая по значению единица измерения длины, «хаста» («локоть»), существовала и в древней Индии [Вагасин, Самозванцев, 1984, с. 105]. Другой предмет найден на территории усадьбы В. Бельск, 14–30/А. Он имел форму слегка изогнутого железного стержня длиной 15,5 см, к обоим концам которого были приварены небольшие наконечники дротиков с шипами. Аналогии этому орудию неизвестны и его назначение не ясно. Возможно, это деталь самострела, крепившаяся к гибкой деревянной основе.

Материальное положение семей социальной группы было довольно высоким. Об этом свидетельствует среднегрупповые значения показателей «античные амфоры»» и «античная столовая посуда» которые в 1,4–1,6 раза превосходят средневыборочный уровень (табл. 2). Особым материальным достатком, выразившимся в тесной связи с античным рынком, отличались жители усадеб В. Бельск, 15–16/4, 15–16/2, 28/А (табл. 2). Стремление к обладанию дорогостоящими античными предметами и товарами могло быть продиктовано соображениями престижа социальной группы.

Высокий статус IX социальной группы определялся ее местом в структуре военной организации общества. Качественное своеобразие набора предметов вооружения этой группы заключалось в широком распространении боевых ножей (рис. 22, 1–3), которые иногда дополнялись кинжалами, дротиками, луком и пращой (табл. 2). Некоторые воины имели защитный

[21] В. Бельск, 10/1, яма № 13; 15–16/4, ямы № 6, 12; 26/Б, яма № 9; 28/А, ямы № 61, 123, 125; 14–30/А, ямы № 24, 48, 60, 75, 80.

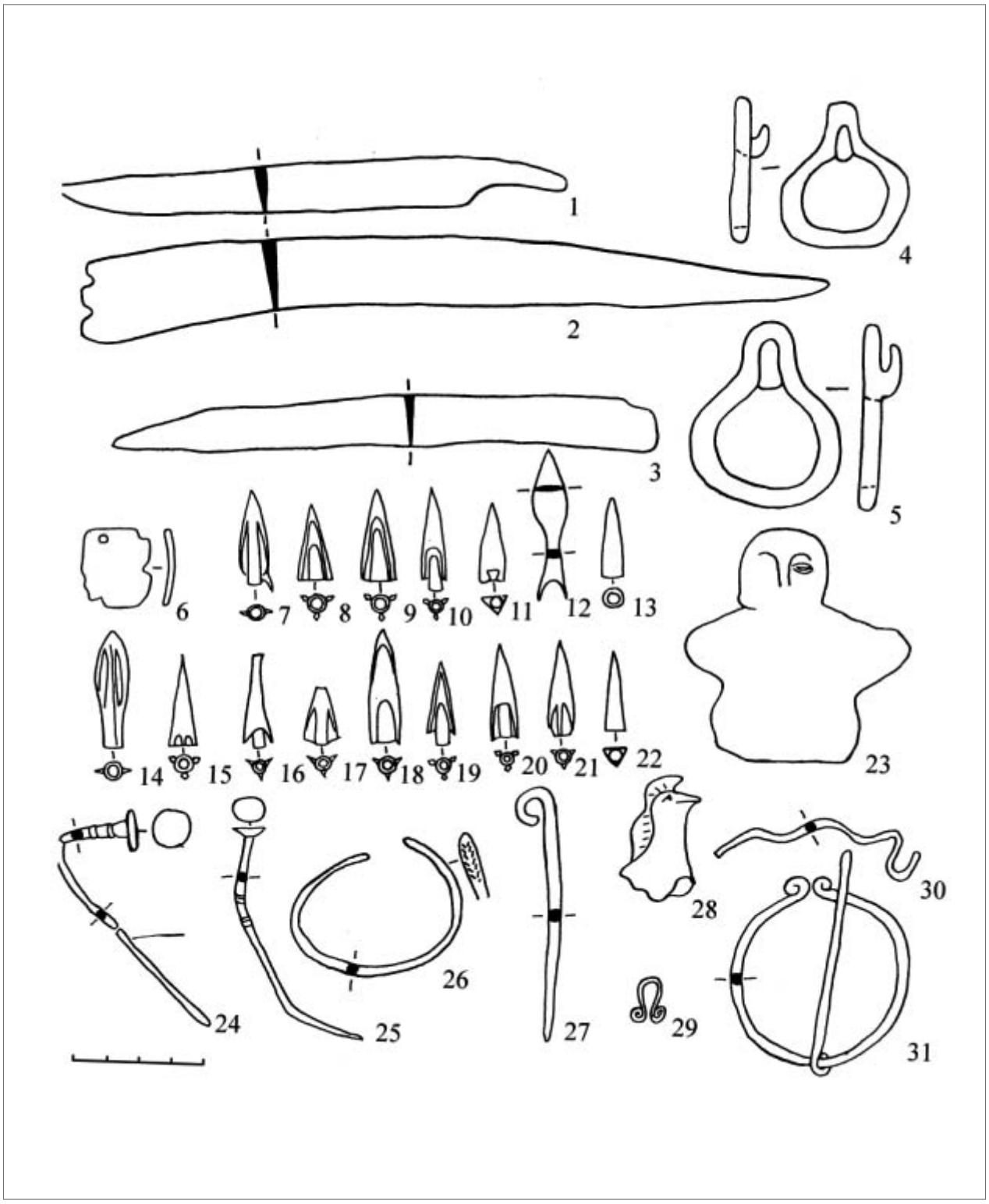


Рис. 22. Вещи с усадеб IX социальной статистической группы.

Условные обозначения:

1–3 – железные боевые ножи; 4–5 – железные подпружные пряжки; 6 – железная панцирная пластинка; 7–11, 14–15, 17–22 – бронзовые наконечники стрел; 12 – железный наконечник стрелы; 13 – костяной наконечник стрелы; 16 – бракованный бронзовый наконечник стрелы; 23 – глиняная антропоморфная статуэтка («Один»); 24–25 – бронзовые булавки; 27 – железная булавка; 28 – фрагмент глиняной статуэтки грифона; 29 – бронзовая подвеска; 30 – обломок бронзовой гривны; 31 – железная пряжка-сюльгама.

доспех, на что указывает железная пластинка от панциря с усадьбы В. Бельск, 28/А (рис. 22, 6).

Отдельные воины IX социальной группы были всадниками. Об этом свидетельствуют находки однотипных железных подпружных пряжек IV в. до н. э. на усадьбах В. Бельск, 26/Б и 14–30/А (рис. 22, 4, 5).

Определенную воинскую окраску имел комплекс идеологических представлений членов IX социальной группы. Среди глиняных культовых изображений встречается образ грифона и одноглазого мужского божества (рис. 22, 23, 28), которое Б.А. Шрамко сопоставлял с Одином [Шрамко, 1976, с. 200, 202, рис. 5, 14; Шрамко, 1985а. с. 376; см. также: Дюмезиль, 1986, с. 147–149].

Почти в центре усадьбы 14–30/А в квадратах 89–105/БЖ-БМ обнаружены следы большого деревянного здания со столбами-колоннами, которое, по предположению автора раскопок, было одним из деревянных храмов города Гелона, упомянутых Геродотом (рис. 15) [Геродот, IV, 108; Шрамко, 1985в, с. 13–15, рис. XI; XII, 2]. Общее святилище было и у жителей усадьбы В. Бельск, 26/Б. От него сохранилась углубленная в земле часть (яма № 6), наполненная культовыми остатками. Рядом с ней находилось большое хозяйственное помещение (яма № 7) (рис. 13).

Из личных украшений следует особо отметить обломок бронзовой гривны VI в. до н. э. (рис. 22, 30), аналогии которой известны в воинских погребениях Посулья [Ильинская, 1968, с. 32, табл. XI, 28]. Хорошо датируемые украшения, наконечники стрел, фрагменты античных сосудов позволяют относить усадьбы IX социальной группы к VI–IV вв. до н. э[22].

Группа X. Ее факторным признаком являются «кинжалы, мечи» (табл. 2; 3).

В состав группы включена усадьба I типа В. Бельск, 1/1 (1040 кв. м) и участок раскопа XIV на городище П. Никитовка, где, судя по количеству строительных остатков, находилась усадьба большой семьи (рис. 5) [Моруженко, 1976, с. 2, рис. II, I].

В северо-западной части усадьбы В. Бельск, 1/1 на рубеже VI–V вв. до н. э. существовало наземное жилище площадью около 24 кв. м, контуры которого удалось проследить по остаткам столбовых ям (№ 8, 11, 12, 14, 16) (рис. 5). Основанием для датировки служат находки в заполнении ям обломков античных чернолаковых сосудов конца VI – начала V вв. до н. э. С севера к жилищу примыкал погребок (яма № 13), в заполнении которого найден фрагмент амфоры V в. до н. э. и обломок чернолакового килика рубежа VI–V вв. до н. э. На участке раскопа XIV на городище П. Никитовка сохранился погреб первой половины VI в. до н. э. [Моруженко, 1976, с. 3].

Представители X социальной статистической группы не были ремесленниками или земледельцами, хотя в некоторых случаях могли заниматься сельским хозяйством, на что указывает находка железного серпа на участке раскопа XIV на городище П. Никитовка (табл. 2). Социальный статус группы определялся принадлежностью к военной организации общества. На усадьбе В. Бельск, 1/1 обнаружен обломок лезвия железного кинжала или меча. Важное место в наборе предметов вооружения занимал лук и стрелы (табл. 2), а на усадьбе В. Бельск, 1/1 сохранилась бронзовая подпружная пряжка IV в. до н. э. [Ильинская, 1973, рис. 12, 3].

Материальное положение семей воинов X социальной группы было высоким. Относительно низкие значения показателей «античные амфоры» и «античная столовая посуда» для участка раскопа XIV на городище П. Никитовка объясняются временем существования в VI в. до н. э., когда торговые связи с античными центрами еще только налаживались [Моруженко, 1976, с. 6]. Усадьба В. Бельск, 1/1 возникла во второй половине VI в. до н. э. и просуществовала до конца жизни на Бельском городище. Соответствующие показатели здесь одни из самых высоких в выборке (табл. 2), что свидетельствует не только о богатстве, но и о тесной связи семьи с античным рынком.

Личные украшения, сохранившиеся на усадьбах X социальной статистической группы, немногочисленны: на участке раскопа XIV на городище П. Никитовка найдена бронзовая архаичная булавка с грибовидной шляпкой и насечками на стержне, а на усадьбе В. Бельск, 1/1 – обломок глиняной бусины. Объяснить такое кажущееся несоответствие уровня материального благосостояния и бедности набо-

[22] Бронзовые гвоздевидные булавки VI в. до н. э. [Петренко, 1978, с. 8, тип 2, 4]; бронзовые наконечники стрел VI–V вв. до н. э. [Мелюкова,1964, с. 21–23, табл. V, отд. II, тип 5, вар. I; отд. II, тип 2, вар. 6; отд. II, тип 7, вар. I; отд. I, тип 3, вар. 4; отд. II, тип 5, вар. 4]; бронзовые наконечники стрел V–IV вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 23–25, 29, табл. V, отд. III, тип 6, вар. 4; отд. III, тип 5, вар. 2; отд. III, тип 3, вар. 2; отд. III, тип 6, вар. 4; отд. III, тип 8, вар 4; отд. III, тип 7, вар. I; отд. III, тип 4, вар. 6; отд. III, тип 3, вар. 5; отд. III, тип 8, вар. 6]; античные (ионийские) амфоры первой половины VI в. до н. э.; чернолаковые аттические сосуды конца VI – начала V вв. до н. э.; античные амфоры V–IV вв. до н. э.: и др.

ра украшений можно, если предположить, что большинство украшений в данном случае были изготовлены из драгоценных металлов и стоили очень дорого. Их берегли и помещали в могилы вместе с владельцами.

К сожалению, сохранилось мало данных, характеризующих особенности идеологии представителей X социальной группы. Среди них следует отметить жертвоприношение головы коня в яме № 1 на участке раскопа XIV на городище П. Никитовка [Моруженко, 1976, с. 3].

Группа XI. Факторными признаками для нее определены «защитное вооружение», «лук, стрелы» (табл. 2; 3).

В состав группы вошли усадьбы I типа В. Бельск, 19/5 (520 кв. м) и В. Бельск, 14–30/1 (1480 кв. м). Их средняя площадь приближалась к 1000 кв. м. Усадьбы II типа в группе представлены комплексами В. Бельск, 28/Б (1730 кв. м) и Коломак/В (1660 кв. м), средняя площадь которых составляла 1700 кв. м (рис. 10; 13; 15; 16).

На усадьбе В. Бельск, 14–30/1 сохранилась землянка V в. до н. э. (яма № 12) размерами 6,60 × 3,80 × 2,15 м. Над ней была устроена двускатная крыша, около юго-западной стенки жилища находилась большая глиняная печь, а рядом с ней вырезанные в материковой глине широкие нары. Вход в землянку был устроен с северо-западной стороны [Шрамко, 1973, с. 108, рис. 12, II]. Другое полуземляночное жилище IV в. до н. э. обнаружено в юго-восточной части усадьбы Коломак/В (яма № 23). Оно погибло в результате пожара, вызванного вражеским нападением. В заполнении котлована размерами 4,4 × 4,0 × 0,7 см найдена античная амфора с зернами пшеницы-двузернянки, ожерелье из стеклянных бусин, каменное блюдо-жертвенник на ножках, колчан с 60 наконечниками стрел поздних типов [Радзиевская, 1978а, с. 2–4, рис. II, Б, Г, 1–3, 8, 9; III, 7, 8; IV, 1–19, 25]. По всей видимости, с жилищем был связан неглубокий котлован (яма № 50) размерами 5,20 × 4,65 м на усадьбе В. Бельск, 28/Б (рис. 13).

Остатки помещения для размола зерна и погреба обнаружены на усадьбе В. Бельск, 14–30/1 (ямы № 1, 7), Здесь же, на территории хозяйственного двора, был устроен хлев для скота (яма № 2) (рис. 1) [Шрамко, 1973, с.108]. Погреб и овин сохранились на усадьбе В. Бельск, 28/Б (ямы № 6а и 54) (рис. 13).

Члены XI социальной статистической группы не были ремесленниками или земледельцами. В отдельных случаях они могли пользоваться услугами ремесленников-бронзолитейщиков, например, для изготовления небольшой партии наконечников стрел[23]. На усадьбах В. Бельск, 14–30/1 и 28/Б найдены железные серпы, но в целом по группе сельское хозяйство нельзя считать системообразующим признаком (табл. 2).

Представители XI группы были воинами высокого социального ранга. На это указывает широкое распространение в их среде защитного доспеха (рис. 23, 1–3). Характерным групповым признаком можно считать и всадничество (табл. 2; рис. 23, 15–17). Важное место в наборе наступательного вооружения принадлежало луку и стрелам (рис. 23, 5–13). Значение среднегруппового показателя по этому признаку в 4 раза выше средневыборочного (табл. 2). На усадьбе В. Бельск, 14–30/1 обнаружен железный наконечник дротика V–IV вв. до н. э. (рис. 23, 4) [Мелюкова, 1964, с. 45]. По всей видимости, знаком социального отличия главы большой семейной общины, жившей на усадьбе В. Бельск, 28/Б, являлась железная витая гривна (рис. 23, 18). В качестве ее ближайшей типологической аналогии можно отметить золотую гривну из погребения воина-всадника первой половины VI в. до н. э. в кургане Орловец, 346 [Петренко, 1978, с. 42, табл. 29, 4].

Основным богатством воинов рассматриваемой социальной группы были дорогостоящие предметы защитного вооружения и боевые кони. Среднегрупповые показатели по признакам «античные амфоры» и «античная столовая посуда» сравнительно невысокие (табл. 2).

Не исключено, что важное престижное значение имели изделия из драгоценных металлов, которые на усадьбах старались не терять и помещали в могилы вместе с владельцами. Производство таких предметов было налажено и местными ремесленниками, о чем свидетельствуют находки слитка золота на Западном и бронзовой матрицы ювелира на Восточном укреплениях Бельского городища [Городцов, 1911, с. 158; Шрамко, 1973, с. 101; Шрамко, 1987, с. 121, рис. 57, 3].

Высокое общественное положение членов XI социальной группы нашло отражение в некоторых изобразительных мотивах культовой пластики. На усадьбе В. Бельск, 19/5 сохранилась глиняная статуэтка, изображавшая женщину в головном уборе типа кокошника (рис. 23, 22) [Шрамко, 1976, рис. 5, 2]. Близкий по форме головной убор (стефанос) имеют греко-вар-

[23] Свидетельством этому могут служить бракованные изделия (рис. 23, 14).

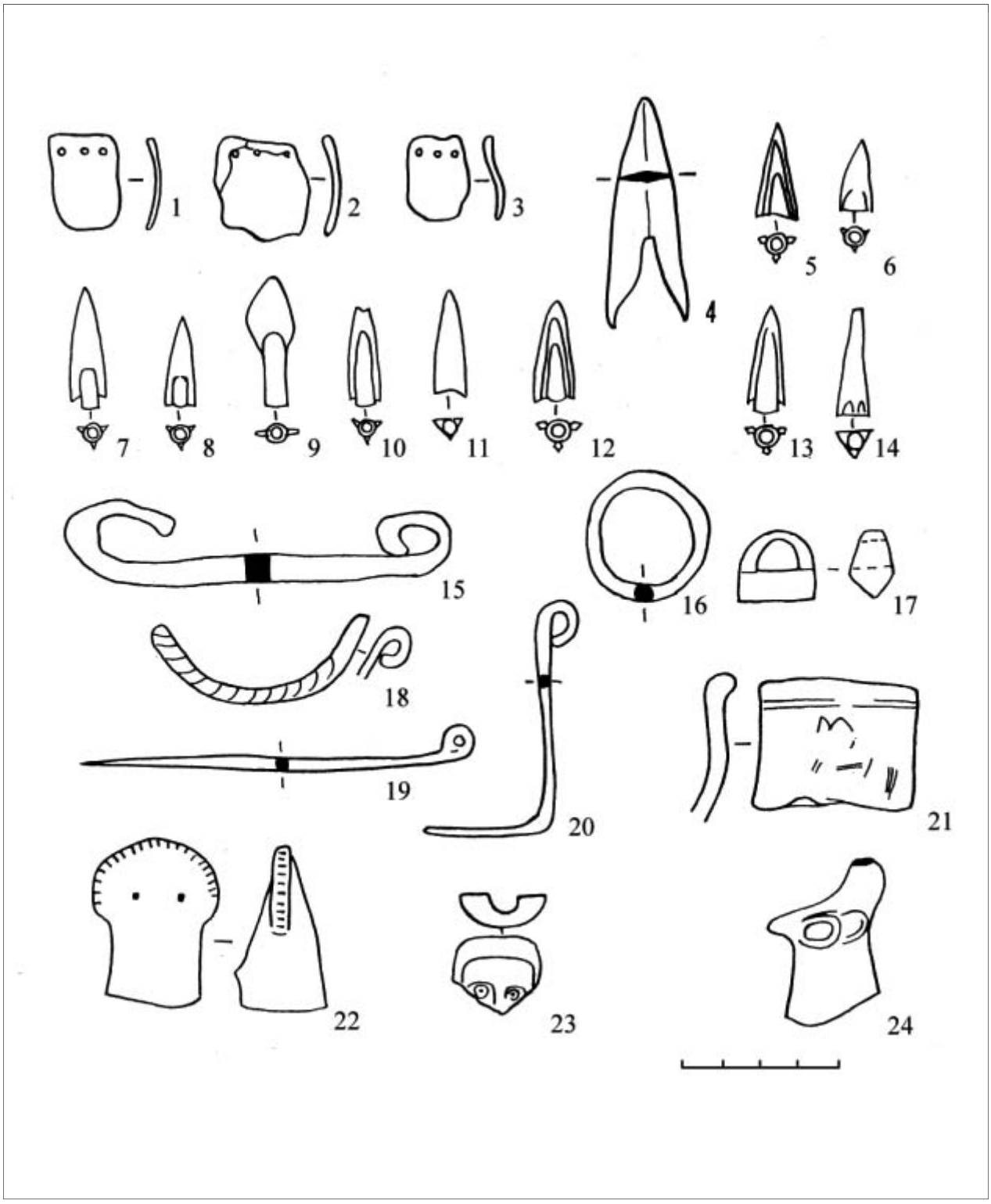


Рис. 23. Вещи с усадеб XI социальной статистической группы.

Условные обозначения:

1–3 –железные панцирные пластинки; 4 – обломок наконечника дротика; 5–8, 10–13 – бронзовые наконечники стрел; 9 – железный наконечник стрелы; 14 – бронзовый бракованный наконечник стрелы; 15 – звено железных удил; 16 – железное кольцо; 17 – бронзовая пронизь от конской узды; 18 – обломок железной гривны; 19 – железная булавка; 20 – железная булавка; 21 – обломок венчика греческого чернолакового сосуда с прочерченной буквой «М»; 22 –обломок верхней части антропоморфной статуэтки женщины в головном уборе типа стефанос; 23 – обломок зеленой стеклянной бусины с белой личиной и голубыми глазами; 24 – обломок статуэтки грифона.

варские изображения Великой Богини на стеле из Трехбратнего Кургана, бляшках из курганов Куль-Оба, Чертомлык, Мелитопольского и другие [Бессонова, Кирилин, 1977, с. 130–131, рис. 3, 4].

В заполнении землянки на усадьбе В. Бельск, 14–30/1 найдены тщательно смоделированная головка статуэтки грифона и изображение свернувшейся змеи на крышке глиняного культового сосудика [Шрамко, 1976, с. 200, 202, рис. 5, 13; 6, 14].

Все усадьбы рассмотренной социальной статистической группы существовали в период с VI по IV вв. до н. э. Кроме приведенных выше данных, об этом свидетельствуют массовые находки хорошо датируемой античной керамики и наконечников стрел[24].

Выводы по главе.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов о социальном составе, структуре населения Ворсклинского региона скифского времени, о существовавших здесь формах семейной и общинной организации – в меру их отражения в материалах археологических раскопок поселений. Изучение усадебных комплексов показало, что первичные социальные группы были представлены малой семьей и большой семейной общиной.

Малые семьи отмечены во всех социальных статистических группах и наблюдается общая тенденция к увеличению размеров усадеб I типа в соответствии с повышением общественного статуса этих групп. Выявленная закономерность проявляется наиболее отчетливо при сопоставлении средних размеров домохозяйств малых семей по социально-юридическим категориям (сословиям) общественного организма (табл. 4).

Большие семейные общины существовали почти во всех социальных группах (не обнаружены в I, II и VI). Они состояли, судя по планировке усадеб II типа, из нескольких малых семей, которые вели свое домашнее хозяйство, но сохраняли тесные экономические и идеологические связи с другими родственными семьями (общие овины, хлевы, колодец, святилища, а также храм на усадьбе IX социальной группы В. Бельск, 14-30/А). Главным из устанавливаемых признаков социально-экономического единства больших семейно-родственных коллективов следует считать общую собственность на территорию усадьбы и, в случае занятия сельским хозяйством, на земельный участок вне поселения [Семенов, 1976, с. 38, 40–45]. Отмеченные особенности характерны для семейных общин типа патронимий [Косвен, 1963, с. 59, 69, 99, 112–118].

Среднегрупповые размеры усадеб II типа колебались в пределах от 980 кв. м (VIII группа) до 3400 кв. м (IX группа), что можно объяснять различиями в количестве их обитателей. Если предположить, что малая семья состояла в среднем из 5 человек, что обеспечивало бы расширенное воспроизводство населения, а минимальная площадь ее домохозяйства равнялась 168 кв. м (усадьба В. Бельск, 4–5/6), то на усадьбе В. Бельск, 14–30/А (6790 кв. м) могло проживать одновременно около 200 человек[25].

Важно и то, что усадьбы обоих типов на всем протяжении своего существования принадлежали поколениям одних и тех же семейно-родственных коллективов. Вполне вероятно, что при выделении участка земли для домохозяйства учитывался социальный статус, форма и размеры семьи. Судя по устойчивому характеру границ, он не мог делиться, отчуждаться и наследовался внутри малой первичной социальной группы, а в случае превращения в выморочное имущество – социальной группы более высокого уровня (статистической).

Сложение основных социально-юридических категорий (сословий) населения Ворсклинского региона было вызвано углублением процесса естественного разделения труда, развитием производительных сил и производственных отношений. Сословная структура общества реализовывалась на фоне сложной внутрисословной иерархии отдельных семейно-родственных коллективов и социальных статистических групп, различавшихся по своему имущественному и общественному положению.

Ремесленники представлены в нашей выборке усадьбами I–IV социальных групп. В каждой из них в большей или меньшей степени про-

[24] Ионийские амфоры первой половины VI в. до н. э.; хиосские, протофасосские, стаканообразные амфоры VI–V вв. до н .э.; чернолаковый аттический килик VI–V вв. до н. э.: амфоры V, IV вв. до н. э.; бронзовые наконечники стрел второй половины VI–V вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 21–23, табл. V, отд. II, тип 5, вар. I; отд. II, тип 6, вар.3]; бронзовые наконечники стрел V, IV вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 23–25, табл. V, отд. II, тип 8, вар. 2; отд. III, тип 3, вар. 3] и др.

[25] Примерно 33–34 кв. м на одного человека. Отсюда население Восточного Бельского городища могло составлять около 19–20 тыс. человек, Западного – свыше 21 тыс., а в целом по памятнику приближаться к 50 тыс. Аналогичная цифра получена Б.А. Шрамко с помощью других методов вычислений [Шрамко, 1984, с. 225].

слеживается имущественная дифференциация, вызванная различным уровнем мастерства, направлением специализации, социальным кругом заказчиков. Многие семьи ремесленников не порывали с сельским хозяйством. Наименее тесно с земледелием были связаны I и IV социальные группы. Большинство усадеб ремесленников отмечены на крупных городищах – раннегородских центрах региональной системы. Для I и II социальных групп ремесленников были характерны малые семьи, тогда как ремесленники III и IV – жили малыми семьями и большими семейными общинами типа патронимий.

Ремесленники I–IV социальных групп владели усадьбами и мастерскими, т. е. были свободными членами общества. Однако археологические источники позволяют предполагать наличие еще одной группы ремесленников, преимущественно бронзолитейщиков, которые не имели своих мастерских на поселениях и работали у заказчиков, иногда с их сырьем. Социальный статус таких ремесленников, по всей видимости, был ниже, чем у социальных групп ремесленников, рассмотренных выше.

По свидетельствам древних авторов, персы и скифы «презирали» ремесленников [Геродот, II, 167]. Занятием, недостойным высших варн дважды рожденных, считалось ремесло в древней Индии, где ремесленники по своему положению в обществе приравнивались к шудрам [Законы Ману, I, 87–90, 99; Артхашастра, I, 3,8]. В древнем Иране они составляли низшее сословие свободных [Грантовский, 1970, с. 349; Вигасин, Самозванцев, 1984 с. 134; Маковельский, 1960, с. 89–90; Периханян, 1983, с. 12–13]. Аналогичное положение занимали ремесленники и в социальной структуре населения Ворсклинского региона.

Другое сословие, члены которого не занимались ремеслами, но были тесно связаны с земледелием и торговлей, представлено в нашей выборке усадьбами семей V и VI социальных статистических групп. В первой из них отмечены большие и малые семьи, во второй – только малые. Анализ эволюции V социальной группы показывает, что с рубежа VI–V вв. до н. э. все отчетливей проступает ориентация хозяйственной деятельности ее представителей на античный рынок. Развитие VI социальной группы не было столь тесно связано с торговлей. Судя по довольно высокому значению показателя по признаку «лук, стрелы» (табл. 2), не последнее место в системе домашнего хозяйства этой группы принадлежало охоте. Одновременно это можно рассматривать и как результат постепенного повышения социального статуса группы (преобладают наконечники стрел V–IV вв. до н. э.) и приближение его к статусу низшей (VII) социальной группы сословия воинов.

Идеологические представления членов V и VI социальных групп носили выраженный земледельческий характер. В репертуаре культовой пластики представлены глиняные модели зерен культурных растений, известны изображения домашних животных, жертвоприношения собак.

Можно допустить существование отдельной социальной группы, объединявшей основную массу земледельцев-скотоводов Ворсклинского региона. Они жили на небольших селищах-хуторах из усадеб нескольких больших семейных общин. Одним из таких поселений является многослойное селище у с. Зубовка на р. Мерле. Его обитатели в VI–IV вв. до н. э., судя по материалам раскопок, не были ни ремесленниками, ни воинами, ни торговцами и характеризуются низким уровнем материального достатка [Берестнев, 1984, с. 244]. К сожалению, такие памятники пока не привлекли к себе должного внимания исследователей, что не позволило нам включить ограниченные сведения о домохозяйствах группы в матрицу данных для палеосоциологической обработки.

О сословии воинов мы можем судить по усадебным комплексам VII–XI социальных статистических групп, причем 10 домохозяйств принадлежали большим семейным общинам (37%), а 17 – малым семьям (63%). Наблюдается общая тенденция к возрастанию доли больших семейных общин в группах, согласно повышению их внутрисословного статуса[26].

В низшую VII социальную группу входили воины, вооруженные луком и стрелами, пращой, иногда боевыми топорами. Интересное изображение воинов-скифов с аналогичным вооружением сохранилось на печати VI–V вв. до н. э. из Малой Азии (рис. 20, 25) [Дьяконов, 1956, с. 289, рис. 50]. Набор предметов вооружения, отсутствие защитного доспеха соответствовали сравнительно низкому уровню материального благосостояния представителей этой социальной группы воинского сословия, хотя некоторые из них были всадниками.

Выше был статус VIII социальной группы воинов, вооруженных преимущественно копьями и дротиками. Их материальное положение выглядит более прочным, и некоторые богатые воины имели защитные панцири. Конская сбруя

[26] VII группа – 29%, VIII – 25%, IX – 50%, X – 50%, XI – 50%.

на усадьбах не отмечена, но делать окончательные выводы на этот счет без анализа погребальных памятников было бы преждевременно.

Еще выше в структуре сословной иерархии находились IX и X социальные статистические группы. По всем основным параметрам группы выглядят примерно равными (табл. 2). Небольшие расхождения в размерах усадеб I типа в данном случае не могут иметь решающего значения (табл. 4). В обеих группах были всадники и воины, имевшие защитный доспех.

И все же статус IX социальной группы отличался некоторым своеобразием, на что указывает находка бронзовой гривны, деревянный храм, особо большие размеры семейной общины, жившей на усадьбе В. Бельск, 14–30/А. Еще отчетливей различия между группами наблюдаются в области вооружения: в IX группе широкое распространение получили боевые ножи, тогда как для X характерным оружием ближнего боя служили мечи и кинжалы.

Самое высокое положение в обществе занимала XI социальная статистическая группа. Широкое распространение в ней получило всадничество, многие воины имели защитное вооружение, носили гривны, что свидетельствует о богатстве и знатности входивших в группу семей. Эти и другие признаки позволяют интерпретировать XI социальную группу как воинскую аристократию.

Почти во всех социальных группах воинского сословия отмечена связь с сельским хозяйством (табл. 2). В связи с этим не исключена возможность использования труда домашних рабов. Следует отметить также и появление в IV в. до н. э. на некоторых усадьбах воинов высших социальных групп ремесленных мастерских.

В идеологии воинов наблюдаются заметные отличия от культовых представлений ремесленников и земледельцев. Среди предметов глиняной пластики есть изображения диких животных и статуэтки мужских божеств. На усадьбе П. Никитовка, XIV сохранилось жертвоприношение головы коня. На усадьбах семей IX и XI социальных групп известны статуэтки грифона.

Вопрос о сословии профессиональных жрецов у населения Ворсклинского региона скифского времени остается открытым. Их домохозяйства на поселениях не прослеживаются, а наличие святилищ и жертвенников на усадьбах ремесленников, земледельцев и воинов указывает на то, что ряд культов мог отправляться главами семейно-родственных коллективов, а более значимые для общества в целом – авторитетными представителями воинской знати и аристократии, чьи жреческие функции были неотъемлемой компонентой высокого социального статуса.

Анализ распределения усадеб различных социальных групп древнего населения на городищах и селищах показывает, что с самого начала существования крупных поселений на них возникали соседские общины. Они состояли из малых семей и больших домашних общин различной сословной, а иногда и этнической принадлежности.

На Восточном Бельском городище можно отметить концентрацию ремесленных усадеб

Таблица 4. Распределение средних реконструируемых размеров усадеб I типа по социальным статистическим группам и сословиям населения Ворсклинского региона скифского времени.

Социально-юридические категории населения	Социальные статистические группы	Средняя площадь усадеб I типа по группам кв. м	Средняя площадь усадеб I типа по социальным категориям населения кв. м
ремесленники	I	305	414
	II	330	
	III	437	
	IV	582	
земледельцы, торговцы	V	560*	540
	VI	520	
воины	VII	643	848
	VIII	698	
	IX	856	
	X	1044*	
	XI	1000	

* – усадьбы I типа в выборке по группе представлены одним комплексом.

в южной части памятника и наличие усадеб земледельцев V–VI социальных групп, тесно связанных с торговлей, лишь в северной и северо-восточной его частях (табл. 2; рис. 3). Общее соотношение реконструированных домохозяйств представителей различных сословий на этом поселении городского типа выглядит следующим образом: ремесленники (I–IV социальные группы) – 36%, земледельцы, занимавшиеся и торговлей, (V–VI группы) – 8%, воины (VII–XI социальные группы) – 56%.

На участке раскопа I Коломакского городища соседями были семейные общины ремесленников-косторезов III группы, воинов низшей (VII) и высшей (XI) социальных статистических групп (табл. 2) (рис. 4; 16). На городище Полковая Никитовка известны усадьбы кузнецов-металлургов (II группа), художников-косторезов (IV группа), воинов высокого социального ранга (X группа). На селище Лихачевка (раскопы I, II, III) зафиксированы усадьбы больших семейных общин ремесленников-косторезов (III группа), земледельцев (V группа), воинов (VII группа). Воины VII социальной группы жили и на усадьбе в районе раскопов V–VA–VI на селище Пожарная Балка (табл. 2).

Социальная неоднородность соседских общин предполагала существование общих для всех социальных групп и сословий органов управления. Об их наличии свидетельствует регулярная планировка хотя бы части территорий раннегородских центров (рис. 3; 4), создание системы укрепления огромного Бельского городища, продуманная и хорошо организованная оборонительная инфраструктура региона (табл. 1; рис. 1; 2). Усложнение территориальной организации системы управления общественным организмом строилось по восходящей: социум (соседская община), локальная система поселений, регион. Не исключено наличие между двумя последними уровнями промежуточного (зонального) звена, первоначально связанного с основными этническими массивами населения Ворсклинского региона. Более полно эти и другие вопросы, связанные с социальным составом, структурой и организацией обитателей, Ворсклинской РСЭС скифского времени, можно ответить только с привлечением материалов погребальных комплексов.

Глава III

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВОРСКЛИНСКОГО РЕГИОНА В VII–III вв. до н. э. ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ

Погребальные памятники являются важным источником для изучения социального состава населения Ворсклинского региона скифского времени. Их качественное своеобразие заключается в том, что связь общественного статуса индивидов и социальных групп с материальным основанием системы проявляется в погребениях не прямо, а опосредствованно через призму общественной идеологии [Массон В., 1976, с. 151; Раевский, 1977, с. 147; Антонова, Раевский, 1984, с. 167–168]. Многоуровневый характер социализации личности в рамках общественного организма вел к возникновению ряда стереотипов погребального обряда и наборов погребального инвентаря, соответствовавших полу, возрасту, положению в семейной общине, социальной группе, принадлежности к определенному сословию древнего общества. Нельзя также не учитывать и ряд других факторов (этнических, политических, культурных), находившихся в динамической связи с процессами пространственно-временного развития региональной системы. Поэтому, с точки зрения методики, необходимо, прежде всего, решить вопрос об исходном уровне группировки и классификации материалов погребений, на котором существенные различия между основными элементами социальной структуры выступали бы наиболее полно и отчетливо.

Среди известных в настоящее время методик палеосоциологического изучения погребальных комплексов с применением элементов системного анализа и некоторых методов математической статистики[1], наиболее перспективным представляется направление, ориентированное на использование возможностей многомерного статистического анализа [Буйнов, Кузьменко, 1985]. Однако продуктивность входящих в него методов обработки данных в значительной степени детерминирована состоянием источников.

На интересующей нас территории, как уже отмечалось, известно около 160 погребений скифского времени[2]. Из них более-менее удовлетворительно документированы 135, причем и для этих комплексов не всегда удается восстановить некоторые элементы погребального обряда. Почти 90% захоронений дошли до нас в потревоженном состоянии.

Впрочем, похожая ситуация отмечается и для остальных регионов лесостепной Скифии.

---

[1] Кроме работ, упомянутых выше, см.: [Грач, 1975; Леонова, Смирнов, 1976; Назаренко, 1970, с. 191–194] и др.

[2] Данные на 1986 г.

В результате для социологического изучения отбирались лишь хорошо сохраненные погребения [Буйнов, Кузьменко, 1985, с. 131], чем сознательно ограничивалась источниковая база исследования.

Предлагаемая методика обработки данных погребений направлена на преодоление создавшегося положения и дает возможность одновременного анализа как большинства разрушенных, так и всех хорошо сохранившихся комплексов.

Для этого была разработана система признаков, наиболее полно характеризующих пространственно-временное[3] распределение погребений, пол и возраст основных и сопровождающих захоронений, размеры и устройство погребальных сооружений, элементы погребального обряда и инвентарь погребенных (табл. 5). Среди них следует различать основные, используемые на этапе классификации объектов, и вспомогательные, позволяющие детально интерпретировать полученные группы погребений. К основным нами отнесены признаки, характеризующие состав погребального инвентаря (табл. 5, признаки 1–21). Поскольку в выборке представлены различные по сохранности погребения, то, исходя из требований унификации свободы выбора и решения проблемы, при определении значения признака в матрице исходных данных отмечалось не количество предметов, а сам факт их наличия (+) или отсутствия (0). Это позволило свести к минимуму элемент случайности в формировании массива исходных данных для группировки объектов и повысить достоверность выводов.

Способ кодификации признаков, обусловленный состоянием источников, определил и выбор метода многомерного статистического анализа матрицы исходных данных. Наиболее результативным в данном случае является кластерный анализ, направленный на выявление групп близких объектов [Дюран, Оделл, 1978; Буйнов, Кузьменко, 1985, с. 133–134]. После обработки данных по соответствующей программе[4] выборка была разделена на три сложных по структуре кластера высокого уровня (суперкластера) (табл. 5; рис. 17). Показатели степени близости включенных в них объектов (0,97–0,98) свидетельствуют о высоком уровне гомогенизации погребальных комплексов. Внутри суперкластеров отмечены более низкие уровни группировки объектов – кластеры. Наиболее информативными в интересующем нас плане оказались 1 и 2 кластеры I суперкластера. В остальных случаях деление на кластеры было вызвано известной неполнотой описаний несохранившихся комплексов, половозрастными и локальными различиями в наборе погребального инвентаря. Поэтому при социальной интерпретации учитывалась прежде всего принадлежность погребального комплекса к тому или иному суперкластеру, различия между которыми имели качественное значение.

На этапе содержательной интерпретации групп была введена дополнительная информация, описываемая вспомогательными признаками (табл. 5, признаки 5–24). При определении места в региональном геопространстве учитывались данные о существовании социально-топологических зон, полученные при анализе распределения поселений (рис. 2). Чтобы проследить динамику развития РСЭС и увязать более тесно данные археологии с сообщениями древних авторов, прежде всего Геродота, погребения были разделены по трем хронологическим периодам.

К *первому периоду*, связанному с начальным этапом формирования региональной системы, возникновением Бельского городища и ряда других укрепленных поселений в северной части региона, отнесены погребения середины VII – середины VI вв. до н. э. К этому времени восходят письменные сообщения о переселении невров и гелонов в землю будинов, создании города Гелона [Геродот, IV, 105, 108].

Второй хронологический период охватывает вторую половину VI – первую половину V вв. до н. э. – время, непосредственно предшествовавшее событиям скифо-персидской войны, в которой участвовали войска гелонов и будинов во главе со своими царями [Геродот, IV, 119, 120, 123, 136], а также последовавшее за ней обострение политических противоречий внутри Скифии [Геродот, IV, 120, 125; Рыбаков, 1979, с. 97–99]. Примерно в середине этого периода были значительно усилены укрепления Бельского городища [Шрамко, 1975а, с. 103]. В конце его окончательно оформилась система региональной обороны вдоль северных, западных и южных границ, а с прекращением жизни на городище у Полковой Никитовки основным укрепленным поселением на востоке региона стало Коломакское городище (табл. 1; рис. 1; 2).

Третий хронологический период с середины V по начало III вв. до н. э. охватывает время наивысшего расцвета и постепенного упадка Ворсклинского РСЭС. Видимо, к его началу сле-

[3] За исключением особо оговоренных случаев, мы придерживаемся существующих датировок погребальных комплексов.

[4] Вычисления произведены А.С. Кузьменко.

дует отнести сохранившееся описание города Гелона [Геродот, IV, 108], ставшего к тому времени крупнейшим раннегородским центром Восточной Европы. С ростом населения в IV в. до н. э. восточная граница РСЭС была отодвинута в верховья реки Мерлы, ближе к Муравскому шляху, где возникла локальная система поселений вокруг городища у с. Хрущевая Никитовка (табл. 1; рис. 1; 2). В конце IV – начале III вв. до н. э. постепенно угасла жизнь на Бельском городище, а на Коломакском хорошо заметны следы вражеского разгрома.

Определение пола погребенных в большинстве случаев было произведено по составу погребального инвентаря и по возможности проверялось данными антропологических наблюдений. Только в женских захоронениях встречаются пряслица, бусы, булавки, браслеты, парные серьги, зеркала, каменные блюда. Исключительно мужскими видами вооружения были кинжалы, мечи, боевые топоры, боевые ножи, защитный доспех.

Для определения трудовых затрат при совершении погребений были подсчитаны объемы насыпей курганов и погребальных камер. Среди последних различаются грунтовые ямы и склепы с укрепленными деревом стенками. Вспомогательными признаками является также ориентировка погребальных камер (меридиональная или широтная), а в отдельных случаях, когда позволяет состояние источника, учитывалась и ориентировка погребенных.

На этапе расширенного описания и содержательной интерпретации результатов кластерного анализа также учитывались данные о составе жертвенных животных, использовании огня при совершении погребения, видах лепной керамики, украшений, количественном составе предметов в комплексах. Неограбленные погребения описываются подробно с целью выявления возможных закономерностей в расположении погребенных в могильных камерах.

Таким образом, предлагаемая методика позволяет наиболее полно использовать имеющиеся источники, сочетать преимущества системного подхода с возможностями многомерного статистического анализа погребений, независимо от степени их сохранности и документированности. Исходным уровнем социальной интерпретации объектов при этом являются большие гомогенные группы – суперкластеры, упорядочение внутренней структуры которых достигается введением дополнительной информации о погребальных комплексах, что позволяет отделять наиболее существенные социальные признаки от второстепенных, вуалирующих. Это, в свою очередь, дает возможность проверять степень объективности группировок. Важным критерием оценки правильности классификации и содержательной интерпретации погребальных комплексов является также сопоставление новых результатов с выводами, полученными по материалам поселений.

Ниже приводим расширенное описание и социальную интерпретацию погребений, включенных в I, II, III суперкластеры.

К **I суперкластеру** отнесены погребения с оружием, принадлежавшие довольно многочисленной социально-юридической категории воинов. Внутри нее следует различать два иерархических уровня: более высокий, обозначавшийся положением в могилу конской сбруи, или жертвоприношением коня при совершении погребального обряда [Кузьмина, 1977, с. 42], и более низкий, на котором находились воины-невсадники. Исходной посылкой для такого предположения служит разделение воинских погребений с жертвоприношениями лошадей и без них на отдельные кластеры в процессе классификации погребальных комплексов (табл. 5; рис. 17). С целью проследить намеченные различия более детально, рассмотрим каждый из кластеров в отдельности.

Погребения всадников. В первый кластер вошли 34 погребальных комплекса, которые можно разделить на одиночные мужские, одиночные женские и коллективные (табл. 5).

Одиночные погребения мужчин-всадников представлены 17 комплексами, что составляет половину всех известных в регионе погребений с жертвоприношениями лошадей. К первой половине VI в. до н. э. относятся погребения в курганах Лихачевка, 6 [Zakharov, 1932, с. 66–67, 81], Скоробор, 1906, 10[5] [Городцов, 1911, с. 143, рис. 107; Ковпаненко, 1967, с. 169, рис. 44, 6–10], Скоробор, 1975, 23 [Шрамко, 1976а, с. 34–35, рис. XXIII, 1–9], Разрытая Могила [Моруженко, 1985б, с. 323][6]. Два из них были совершены в деревянных склепах (Лихачевка, 6; Скоробор, 1975, 23), остальные – в грунтовых ямах с деревянным полом и перекрытием. Следы костра отмечены в насыпи кургана Лихачевка, 6, а в комплексе

[5] Если один и тот же могильник исследовался в разные годы, и нумерация курганов не была сквозной, то после названия приводится год раскопок, а затем номер кургана, присвоенный исследователем.

[6] Чтобы не перегружать текст главы, ссылки на источники даются по возможности один раз после первого упоминания комплексов.

Таблица 5. Результаты кластерной классификации погребений Ворсклинского региона скифского

Суперкластер	Кластер	№ п/п	Признаки	зона Ворсклинского региона			хронологические периоды			основной погребенный		сопровождающие погребения			размеры погребальных сооружений		устройство погребальной камеры		ориентировка могилы		следы огня
			Погребальные комплексы / признаки, категории признаков	северная	центральная	южная	первый	второй	третий	мужчина	женщина	мужчина	женщина	подросток	насыпь куб. м	камера куб. м	склеп	яма	север-юг	восток-запад	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
I	1	1	Осняги, 1		+		+				+				806	13		+	+		+
		2	Осняги, 4		+				+	+					896	167		+	+		+
		3	Скоробор, 1965, 7		+			+		+					944	44		+	+		+
		4	Скоробор, 1906, 4		+			+		+			+		672	19		+	+		
		5	Скоробор, 1975, 17		+				+	+					492	17		+	+		
		6	Осняги, 5		+				+	+			**+**	**+**	911	23	+		+		
		7	Таранов яр, 13			+			+	+			**+**	**+**	65	7	**+**		+		
		8	Дучанцы, 1, п. 1	+			+				+					2		+	+		
		9	Лаповщина, 1	+			+				+						?	?	?		
		10	Таранов яр 11			+	+				+				62		+		+		
		11	Витова Могила	+				+		+					7202	68		+	+		+
		12	Опишлянка	+				+		+					2067		+		+		+
		13	Скоробор, 1975, 11		+				+	+					773	9		+	+		
		14	Настельный, II, 2	+					+		+							+	+		
		15	Скоробор, 1975, 18		+				+	+			**+**	**+**	123	47		+	+		
		16	Броварки, 503	+				+		+			+			29					
		17	Броварки, 505	+				+		+			+								
		18	Таранов Яр, 15			+		+			**+**	**?**	**?**	**?**	53	8	**+**		+		
		19	Перещепино, 2		+				+	+					971	12		+	+		
		20	Перещепино, 1		+				+	+					64	36	**+**		+		
		21	П. Никитовка, 1975, 1	+				+		+					377	15		+		+	+
		22	Броварки, 502	+					+	+						37	**+**		+		
		23	Лихачевка, 6	+			+			+					1439		+		+		+
		24	Скоробор, 1972, 10		+		+			+				**+**	1188	73	**+**		+		
		25	Скоробор, 1965, 9		+				+	+					1132	25		+	+		
		26	Скоробор, 1906, 10		+		+			+					559	22		+	+		
		27	Саранчево Поле, 10		+				+	+					1420	22		+	+		+
		28	Саранчево Поле, 11		+		+				+				1420	27		+	+		
		29	Скоробор, 1965, 4		+				+	+					53	20		+	+		+
		30	Скоробор, 1975, 23		+		+			+					105	10	**+**		+		
		31	Разрытая Могила, 1	+			+			+					90	8		+	+		
		32	Таранов яр, 9			+			+		+				24	9	**+**		+		
		33	Настельный, II, 5	+					+		+							+	+		+
		34	Настельный, III, 3	+					+		+							+		+	
всего по кластеру:				***13***	***17***	***4***	***10***	***8***	***16***	***24***	***10***	***0***	***6***	***4***	***23908***	***653***	***11***	***20***	***31***	***2***	***10***
частость в % по признакам*):				***38***	***50***	***12***	***29***	***24***	***47***	***71***	***29***	***0***	***18***	***12***	***920***	***25***	***33***	***58***	***94***	***6***	***29***
	2	35	Настельный, IV, 1	+					+	+			+	+				+	+		
		36	Новый Мерчик, 2	+					+		+		**+**	**+**	216	6		+	+		

времени.

комки краски	жертвоприношение животных (кроме лошадей)	лепная керамика	хозяйственные ножи	пряслица	каменные блюда	бусы, ожерелья	зеркала	Материалы украшений			котлы	деревянные культовые чаши, ритон	Античная керамика		Вооружение							жертвоприношение коня	социальная статистическая группа (мужчины-воины)
								железо	бронза	драгоценные металлы			амфоры	столовая расписная посуда	лук, стрелы	праща	боевой топор	копья, дротики	мечи, кинжалы	боевые ножи	защитный доспех		
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	
23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46
+		+				+									+							+	
		+								+					+				+			+	X
	+	+								+		+	+		+						+	+	XI
						+				+					+							+	VII
		+								+		+			+						+	+	XI
			+			+		±	±	±				+	+							+	VII
		+	+	±**		+		±	±						+				+			+	X
						+			+						+							+	
+		+	+			+									+							+	
		+						+							+							+	
										+					+							+	VII
	+	+	+							+					+			+				+	VIII
+	+									+			+		+				+		+	+	X
						+				+			+		+			+				+	
		+	+	±											+							+	VII
		+	+	±	±	±	±			+			+		+					+		+	IX
		+	+												+							+	VII
		+	+	+											+							+	
		+	+										+	+	+			+				+	XI
		+											+	+	+							+	VII
	+	+	+						+						+							+	VII
			+										+					+				+	VIII
		+																+				+	VIII
	+	+											+		+						+	+	
	+	+	+												+							+	
	+	+	+												+							+	VII
	+	+													+					+		+	IX
		+				+									+							+	
		+													+							+	VII
			+												+							+	VII
		+													+							+	VII
		+							+						+							+	
				+					+	+	+											+	
				+		+																+	
3	*8*	*24*	*14*	*6*	*1*	*10*	*1*	*5*	*5*	*11*	*0*	*2*	*8*	*3*	*30*	*0*	*0*	*5*	*3*	*2*	*5*	*34*	
9	*24*	*71*	*41*	*18*	*3*	*29*	*3*	*15*	*15*	*32*	*0*	*6*	*24*	*9*	*88*	*0*	*0*	*15*	*9*	*6*	*15*	*100*	
			+						+	+			+		+	+		+	+				X
										+					+								

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
		37	Васильевка, 1			+			+		+	?	?		203	29		+	+		+
		38	Кириковка, В, 12, п. 1	+					+	+			+	+				+		+	+
		39	П. Никитовка, 1980, А, 1	+					+	+			+		128	17		+	+		
		40	П. Никитовка, 1980, Б, 20	+					+		+				234	20	+		+		
		41	Таранов Яр, 1			+	+				+					4	+		+		
		42	Скоробор, 1906, 5		+			+		+					672	49		+	+		
		43	Перещепино, 3, п. впускное		+				+	+								+	+		
		44	Осняги, 9		+			+		+					897	59	+		+		
		45	Скоробор, 1906,1		+			+		+					672	26		+	+		
		46	Перещепино, 3, п. основное		+				+	+						15		+	+		
		47	Броварки, 504	+					+	+		+				4		+	+		
		48	Скоробор, 1975, 15		+				+	+					393			+	+		
		49	Орлик, 3			+			+	+					400			+	+		
		50	Кириковка, В, 13	+				+		+					14	8	+		+		
		51	Пожарная Балка, р. VII, п. 5			+		+		+								+	+		
		52	Скоробор, 1906, 6		+		+				+	+			672	17		+	+		
		53	Кириковка, В, 6, п. 2	+					+	+							+		+		
		54	Таранов Яр, 2, п. 1			+	+			+						5	+		+		
		55	Таранов Яр, 24, п. 3			+	+			+					58	12	+		+		
		56	Скоробор, 1975, 13		+				+	+					95	1		+	+		
		57	Дучанцы, 2	+				+		+					174	2		+	+		
		58	Таранов Яр, 7			+	+				+	?	?			7	+		+		
		59	Настельный, IV, 4	+				+		+								+	+		
		60	Большое Бельское городище, 1		+				+	+					1267	32		+	+		
		61	Таранов Яр, 10			+			+	+					141	8	+		+		
		62	Таранов Яр, 16			+	+				+				53	8		+	+		
		63	Скоробор, 1965, 8		+		+			+			+		1822	24	+		+		
		64	Великая Богачка, 1, п. впускное			+			+	+		?	?			15		+	+		
		65	Настельный, II, 1	+					+		+					5		+	+		
		66	Настельный, IV, 3	+					+	+			+						+		
		67	Настельный, III, 1	+				+			+						+		+		+
		68	Таранов Яр, 14			+		+			+	?	?		60	6	+		+		
		69	Скоробор, 1975, 22		+		+				+				944	17		+	+		
		70	Таранов Яр, 37			+	+				+				1151	9		+	+		
		71	Таранов Яр, 8			+	+				+			+		4	+		+		
		72	Васильевка, 6			+			+		+				531	6		+	+		
		73	Таранов Яр, 17			+	+			+					177	6	+		+		
		74	Васильевка, 5			+	+			+					157	14		+	+		
		75	Пожарная Балка, 1, 1			+	+			+			+			5		+	+		
		76	Глинск		+		+			+			+		4792	13	+		+		+
		77	Великая Богачка, 1, п. основное			+			+	+								+	+		
всего по кластеру:				***13***	***12***	***18***	***14***	***8***	***21***	***30***	***13***	***2***	***8***	***3***	***15388***	***524***	***15***	***28***	***42***	***1***	***4***
частость в % по признакам				***30***	***28***	***42***	***32***	***19***	***49***	***70***	***30***	***5***	***19***	***7***	***616***	***16***	***35***	***65***	***98***	***2***	***9***
всего по суперкластеру:				***26***	***29***	***22***	***24***	***16***	***37***	***54***	***23***	***2***	***14***	***7***	***39296***	***1177***	***26***	***48***	***73***	***3***	***14***
частость в % по признакам				***34***	***38***	***28***	***31***	***21***	***48***	***70***	***30***	***3***	***18***	***9***	***786***	***21***	***34***	***63***	***96***	***4***	***18***
II		78	Скоробор, 1975, 20		+				+	+					370	10		+	+		
		79	Кириковка, В, 15	+					+	+		+				3		+		+	
		80	Скоробор, 1975, 21		+		+			+					504	17		+	+		
		81	Покровский, 1, п. 2	+			+			+								+	+		+
		82	Коломак, 1	+			+			+								+	+		
		83	Скоробор, 1975, 16		+				+	+			+		227	13	+		+		

Продолжение табл. 5

23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46
	+	+	+			+	+								+			+	+				
+		+	+			±	±							+	+			+					X
	+	+	+			+				+			+	+	+			+			+		XI
+						+	+			+	+		+	+	+			+					
		+		+				+										+					
+																		+					X
+	+		+							+			+	+	+			+	+				X
+	+		+											+		+			+				X
		+															+		+				VII-X
			+										+	+	+								VII
		+	+												+			+	+				X
	+	+	+										+						+				X
	+	+	+							+	+				+			+	+		+		XI
	+									+					+				+				X
		+													+								VII
+		+				+		+							+								
	+	+													+								VII
		+																+					VIII
		+													+			+					VIII
		+													+								
		+													+								VII
		+				+									+								
	+														+								
		+							+				+									+		XI
		+	+												+								VII
+		+	+					+							+								
+	+	+	+			+		+												+			IX
	+		+							+		+	+	+	+			+			+		XI
			+			+				+				+	+								
			+			+			±	±					+								
+	+	+	+		+		+								+								
		+	+					+	+						+								
		+	+	+											+								
		+				+		+							+								
		+	+			+			+						+								
+		+													+								
		+													+								VII
		+													+								VII
		+		+				+							+								VII
+	+					±	±	±		+					+								VII
	+		+												+					+			IX
11	***14***	***29***	***21***	***3***	***1***	***12***	***5***	***8***	***5***	***11***	***2***	***1***	***7***	***8***	***35***	***1***	***1***	***12***	***10***	***2***	***4***	***0***	
26	***33***	***67***	***49***	***7***	***2***	***28***	***12***	***17***	***12***	***26***	***5***	***2***	***16***	***17***	***81***	***2***	***2***	***28***	***23***	***5***	***9***	***0***	
14	***22***	***53***	***35***	***9***	***2***	***22***	***6***	***13***	***10***	***22***	***2***	***3***	***15***	***11***	***65***	***1***	***1***	***17***	***13***	***4***	***9***	***34***	
18	***29***	***69***	***45***	***12***	***3***	***29***	***8***	***17***	***13***	***29***	***3***	***4***	***19***	***14***	***84***	***1***	***1***	***22***	***17***	***5***	***12***	***44***	
		+											+	+									
														+									
		+												+									
														+									
														+									
+	+					+								+									

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
		84	Таранов Яр, 19			+	+				+		+		51	6		+	+		
		85	Скоробор, 1965, 1		+		+				+				2215	37	+		+		
		86	Покровский, 9	+					+		+	?	?					+	+		
		87	Скоробор, 1965, 2		+		+				+				728	2		+		+	+
		88	Кириковка, В, 4, п. 1	+					+		+				378	4	+			+	+
		89	Лихачевка, 1	+				+			+							+	+		+
		90	Скоробор, 1975, 19		+				+		+				265		+		+		
		91	Осняги, 2		+		+				+				784	13		+	+		
		92	Таранов Яр, 20			+		+			+				43						
		93	Таранов Яр, 5			+	+			+						4	+		+		
		94	Таранов Яр, 6			+	+				+					7		+	+		+
всего по суперкластеру:				***6***	***7***	***4***	***9***	***2***	***6***	***7***	***10***	***1***	***2***	***0***	***8858***	***116***	***5***	***11***	***13***	***3***	***5***
частость в % по признакам				***35***	***41***	***24***	***53***	***12***	***35***	***41***	***59***	***6***	***12***	***0***	***886***	***11***	***31***	***69***	***81***	***19***	***29***
		95	Таранов Яр, 32			+	+				+				139	6	+		+		
		96	Перещепино, 5		+		+				+				322	11		+	+		
		97	Таранов Яр, 34, п. 2			+	+				+					4	+		+		
		98	Таранов Яр, 33, п. 2			+	+				+							+	+		
		99	Таранов Яр, 34, п. 1			+	+				+					4		+	+		
		100	Таранов Яр, 23, п. 2			+	+				+			+	98	5		+	+		
		101	Таранов Яр, 36			+	+				+				17			+	+		
		102	Таранов Яр, 30			+	+				+				13	2		+	+		
		103	Таранов Яр, 38, п. 2			+	+				+						+		+		+
		104	Таранов Яр, 3			+	+				+					9	+		+		
		105	Таранов Яр, 25			+	+				+				14	2		+	+		
		106	Таранов Яр, 18, п. 1			+	+				+				456	5		+	+		
		107	Скоробор, 1965, 3		+		+				+				91	4	+		+		
		108	Таранов Яр, 21			+	+				+				239	5	+		+		+
		109	Таранов Яр, 33, п. 4			+	+				+					5	+		+		
		110	Скоробор, 1906, 7		+		+				+				161	9		+	+		
		111	Скоробор, 1906, 3		+		+				+				446	20		+	+		
		112	Пожарная Балка, р. VII, п. 2			+		+			+							+	+		
		113	Таранов Яр, 2, п. 2			+	+				+							+	+		
		114	Таранов Яр, 33, п. 3			+	+				+							+	+		+
		115	Осняги, 3		+		+			+					671	14		+	+		
		116	Васильевка, 4			+	+			+					123	16		+	+		
		117	Безымянная Могила, п. Б		+			+		+						3		+	+		
		118	Безымянная Могила, п. Д		+			+		+						4		+	+		
		119	Таранов Яр, 22			+	+			+					76	5	+		+		+
		120	Скоробор, 1975, 25		+		+			+					98	11		+	+		
		121	П. Никитовка, 1975, 2, п. 8	+				+		+								+		+	
		122	П. Никитовка, 1975, 2, п. 9	+				+		+								+	+		
		123	П. Никитовка, 1975, 4, п. 1	+				+		+								+	+		
		124	П. Никитовка, 1975, 4, п. 3	+				+		+								+	+		
		125	Дучанцы, 1, п. 2	+			+			+								+	+		
		126	Таранов Яр, 18, п. 2			+	+			+								+	+		
		127	Таранов Яр, 38, п. 1			+	+			+								+	+		
		128	В. Бельск, р. XXX, п. 1		+			+		+								+	+		
		129	Пожарная Балка, п. VII, п. 1			+		+		+								+	+		
всего по суперкластеру:				***5***	***9***	***21***	***26***	***9***	***0***	***15***	***20***	***0***	***0***	***1***	***2964***	***144***	***8***	***27***	***34***	***1***	***3***
частость в % по признакам				***14***	***26***	***60***	***74***	***26***	***0***	***43***	***57***	***0***	***0***	***3***	***198***	***7***	***23***	***77***	***97***	***3***	***9***

Примечания:

I – XXI – основные признаки; *) – для признаков 16 и 17 нами указаны среднеарифметические значения; **) ± – инвентарь сопровождающего погребения.

Продолжение табл. 5

23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46
±		+				+		+		+													
+	+		+	+										+									
+	+	+			+		+	+	+	+													
+		+				+	+		+	+													
		+				+			+	+													
+						+			+	+													
		+								+													
		+								+													
+		+			+	+																	
		+											+										
+		+																					
		+																					
		+																					
		+																					
		+				+																	
		+				+																	
		+				+																	
		+				+																	
		+	+			+		+															
+		+	+			+																	
+		+				+		+															
+		+					+		+														
	+	+		+																			
		+		+																			
		+				+		+															
+		+						+	+														
		+							+														
								+															
		+		+																			
		+																					
	+	+						+															
		+							+														
		+																					
		+																					
+		+	+																				
		+	+																				
		+																					
		+																					
		+																					
		+																					
		+																					
		+																					
		+																					
		+																					
		+																					
5	2	33	4	4	0	8	1	9	6	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
14	6	94	11	11	0	23	3	26	17	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	

погребения кургана Скоробор, 1906, 10 отмечены кости коровы.

Лепная керамика в мужских одиночных погребениях первого хронологического периода немногочисленна: глиняный черпак сохранился в кургане Скоробор, 1906, 10, другой чернолощеный черпак с геометрическим орнаментом и корчага найдены в погребальной камере кургана Разрытая Могила, 1. Простой горшок отмечен в погребении Лихачевка, 6.

Предметы вооружения в погребениях всадников представлены наконечником копья (Лихачевка, 6), колчаном со 118 наконечниками стрел (Разрытая Могила, 1). Отдельные наконечники стрел сохранились в курганах Скоробор, 1906, 10 и Скоробор, 1975, 23. Во всех комплексах отмечены железные удила с трехдырчатыми железными псалиями. Изредка уздечный набор дополнялся костяными (Скоробор, 1906, 10) или бронзовыми украшениями (Скоробор, 1975, 23).

Вторым хронологическим периодом датируются одиночные погребения воинов-всадников в курганах Витова Могила, Опишлянка [Zakharov, 1932, с. 67–72, 76–81, fig. 12; 15], Скоробор, 1965, 7 [Шрамко, 1966а, с. 24, рис. XXXI, 1–2, 5–7, 9–11; XXXII, 1–4; XXXIII, 2–3], П. Никитовка, 1975, 1 [Моруженко, Косиков, 1976, с. 368].

Почти все погребения были совершены в ямах с деревянным перекрытием. В двух случаях в СЗ части погребальных камер отмечены следы костра (Скоробор, 1965, 7; Витова Могила), а в одном – покойник был кремирован, и его останки были сложены в корчагу (Опишлянка) [Ковпаненко, 1967, рис. 46, *5*]. По сообщению И.А. Зарецкого, похороненный в кургане Витова Могила воин был завернут в дорогие ткани и меха [Багалей, 1905, с. 1–2].

Видовой состав жертвенных животных в рассматриваемых погребениях был шире, чем в первом хронологическом периоде, и распределялись они следующим образом: лошадь – Витова Могила, П. Никитовка, 1975, 1; корова – Скоробор, 1965, 7; молодая овца или коза – Опишлянка. В двух погребениях сохранились небольшие железные ножи (Опишлянка; П. Никитовка, 1975, 1).

Местная лепная керамика в комплексах второго хронологического периода встречается сравнительно часто, но в небольшом количестве экземпляров: горшки (Опишлянка), корчаги (Опишлянка; Скоробор, 1965, 7), миска (Опишлянка).

Особый интерес вызывает находка деревянного сосуда с золотой оковкой в погребении кургана Скоробор, 1965, 7 [Шрамко, 1966а, с. 32, рис. XXXI, 7]. Здесь же, на перекрытии погребальной камеры, лежала протофасосская амфора конца VI – начала V вв. до н. э[7].

Из набора предметов вооружения в погребениях лучше всего представлены лук и стрелы. Несколько бронзовых наконечников сохранилось в комплексах курганов Скоробор, 1965, 7 и П. Никитовка, 1975, 1. Богато украшенные золотыми бляшками гориты с большим запасом стрел найдены в погребениях курганов Витова Могила (238 шт.) и Опишлянка (174 шт.). Первый из них был обтянут красной кожей, во втором в красный цвет были окрашены концы древков стрел. Вооружение всадника из погребения в кургане Опишлянка дополнялось копьем в деревянных ножнах.

Воин, погребенный в кургане Скоробор, 1965, 7, имел панцирь из железных пластин, доходивший ему до пояса. На это указывает хорошо заметное отверстие от удара дротиком в левой тазовой кости покойного. Наконечник дротика сломался и застрял, что сделало ранение смертельным [Шрамко, 1966а, с. 32, рис. XXXIII, *2*].

Сохранившиеся в погребениях наборы конской сбруи отличаются большим разнообразием, чем в первом хронологическом периоде. Две пары удил с псалиями обнаружены в кургане Витова Могила; десять пар железных удил с железными бляхами и подвеска-амулет из клыка кабана отмечены в погребениях кургана Опишлянка; уздечка с бронзовыми бляшками в виде оленей и ромбов принадлежала всаднику из погребения в кургане Скоробор, 1965, 7.

К третьему хронологическому периоду (середина V – начало III вв. до н. э.) относятся 9 погребений из курганов Броварки, 502 [Ильинская, 1957, с. 234, 246, рис. 1, 1; 5, 8–9], Скоробор, 1965, 4, Скоробор 1965, 9 [Шрамко, 1966а, с. 29–30, 34–35, рис. XXVIII, 12; XXIX, 1–3; XXX, 1–4, 7; XXXVI, 4; XXXVII, 1–4; 6–8; XXXVIII, 1–3], Скоробор, 1975, 2, Скоробор, 1975, 17 [Шрамко, 1976а, с. 18–20, 26–27, рис. XIX, 1–3; XX, 1–13, 18–20; XXVI, 1–8], Осняги, 4, Саранчево Поле, 10 [Городцов, 1911, с. 129–130, 133, рис. III, 4, 18–19, 21–22], Перещепино, 1, Перещепино, 2 [Шрамко, Щегленко, 1981, с. 2–6, рис. IV, 2; VI, 1–15, 18, 20–22, 24; V; IX, 1–15; XI, 1–13; XII, 1–25].

Погребальные камеры представлены склепами со столбовой конструкцией (Броварки, 502; Перещепино, 1) и ямами с деревянным полом и перекрытием, которые численно преобладали.

[7] Определение и датировка античной керамики из раскопок Б.А. Шрамко произведены И.Б. Зеест и Н.А. Онайко.

В трех случаях отмечены следы огня. На деревянном перекрытии камер в курганах Осняги, 4 и Саранчево Поле, 10 сожгли солому [Городцов, 1911, с. 129, 133]. Горел огонь и над перекрытием погребальной камеры в кургане Скоробор, 1965, 4, но здесь дерево было предварительно защищено слоем глины. Кусок мела найден в камере кургана Скоробор, 1975, 2 – единственный случай для всех известных мужских всаднических погребений. Жертвенные животные были представлены лошадьми (Осняги, 4; Скоробор, 1965, 9; Скоробор, 1965,4 и, возможно, Броварки, 502), овцами (Скоробор, 1965, 9; Скоробор, 1965, 4). Кости коровы сохранились в кургане Саранчево Поле, 10.

Местной лепной керамики в погребениях немного. Как правило, это один-два горшка (Осняги, 4; Саранчево Поле, 10; Скоробор, 1965, 4) миска (Скоробор, 1965, 4; Скоробор, 1965, 9; Перещепино, 2), корчага (Скоробор, 1965, 9), ковш (Скоробор, 1975, 17).

Уникальна для памятников рассматриваемого региона находка ритона из серебра с золотыми украшениями в кургане Скоробор, 1975, 17. Как справедливо отметил автор раскопок, можно лишь догадываться, насколько богатым был инвентарь погребения, если и после двух ограблений в нем сохранилась такая дорогая и редкая вещь [Шрамко, 1976а, с. 27, рис. XXVI, 8].

Античная керамика встречена в 4 погребениях, (Броварки, 502; Скоробор, 1975, 11; Перещепино, 1 и Перещепино, 2), но только в двух комплексах рубежа V–IV вв. до н. э. сохранились художественные изделия античных гончаров – чернолаковые лекифы и килик [Шрамко, Щегленко, 1981, с. 4–6, рис. VI, 24; XII, 1–5]. В это же время, правда не очень широко, в быт мужчин-всадников начал входить обычай украшать себя драгоценностями: в погребальной камере кургана Скоробор, 1975, 11 сохранился плетеный золотой браслет [Шрамко, 1976а, с. 19–20, рис. XXI, 4].

Как и раньше, наиболее распространенным видом оружия у всадников оставались лук и стрелы. По несколько бронзовых наконечников сохранилось в курганах Перещепино, 1, Перещепино, 2, Скоробор, 1965, 17; колчанные наборы – в курганах Осняги, 4 (90 шт.) и Скоробор, 1975, 11 [Шрамко, 1976а, с. 19, рис. XIX, 3]. Копья так и не получили широкого распространения в наборе вооружения мужчин-всадников. Они встречены только в одном погребении (Броварки, 502), в котором не было стрел.

Погребенный в кургане Саранчево Поле, 10 был вооружен большим боевым ножом. В двух комплексах сохранились мечи. Парадный меч с рукоятью, плакированной золотым листом, лежал в погребении кургана Осняги, 4 [Городцов, 1911, рис. III, 4]. Другой меч или кинжал обнаружен в комплексе кургана Скоробор, 1975, 11. Погребенный здесь воин имел полный набор защитного вооружения: панцирь, щит, оббитый железными пластинами, бронзовые поножи. Обломки панцирей найдены также в погребениях курганов Скоробор, 1965, 9, Перещепино, 2, а поножи – в кургане Скоробор, 1975, 17.

В ряде комплексов конская сбруя представлена только удилами и псалиями (Саранчево Поле, 10; Броварки, 502; Перещепино, 2). Почти в половине погребений ремни уздечки были украшены бронзовыми бляшками и налобниками в зверином стиле (Осняги, 4; Скоробор, 1965, 9; Перещепино, 1). В кургане Скоробор, 1975, 17 от конской упряжи сохранились лишь большая подпружная пряжка.

На интересующей нас территории известно 9 одиночных погребений женщин-всадниц скифского времени, или 26% выборки кластера.

К первому хронологическому периоду можно отнести 5 комплексов: Осняги, 1, Саранчево Поле, 11 [Городцов, 1911, с. 128, 134], Лаповщина, 1 [Рудинський, 1928, с. 44–45, рис. V, 2], Таранов Яр, 11, [Ковпаненко, 1970, с. 156], Дучанцы, 1 [Ильинская, 1957, с. 241]. В трех случаях (Осняги, 1; Саранчево Поле, 11; Дучанцы, 1 погребальные камеры были устроены в виде ям с деревянным полом и перекрытием; в одном случае (Таранов Яр, 11) – в виде склепа с деревянными стенками. О конструкции погребальной камеры в кургане Лаповщина, 1 не сохранилось никаких сведений.

Над перекрытием погребения в кургане Осняги, 1 отмечены следы костра из колосьев пшеницы с зернами [Городцов, 1911, с. 128]. Кусок красной краски упомянут в комплексе кургана Лаповщина, 1 [Рудинський, 1928, с. 45].

Местная лепная посуда в женских погребениях встречается довольно часто и в большом количестве экземпляров. Она представлена горшками с налепными валиками по венчику (Лаповщина, 1), горшками, орнаментированными косыми насечками по краю и проколами (Осняги, 1), большой миской с четырьмя парами волнистых налепов по краю. Лощеные черпаки отмечены во всех погребениях, за исключением комплексов Дучанцы, 1.

Как и в одиночных погребениях мужчин-всадников этого периода, античная керамика в погребениях женщин не обнаружена.

Личные украшения женщин-всадниц в VI в. до н. э. были скромными: известно ожерелье

из нескольких стеклянных и около 300 мелких рубленых из желтой стекловидной массы бусин (Лаповщина, 1), небольшие белые бусины (Осняги, 1; Саранчево Поле, 11), обломки железных булавок (Саранчево Поле, 11; Таранов Яр, 11), бронзовый проволочный браслет (Дучанцы, 1).

Из вооружения во всех комплексах найдены только отдельные наконечники стрел.

От конской сбруи сохранились железные удила и псалии в кургане Саранчево Поле, 11; удила и бронзовые бляшки в форме головок грифонов в кургане Лаповщина, 1; железные удила с костяными псалиями в погребении из кургана Осняги, 1; бронзовые бляшки от уздечки с головками грифонов в кургане Таранов Яр, 11; бронзовая уздечная бляшка в кургане Дучанцы, 1.

К третьему хронологическому периоду относятся 4 одиночных погребения женщин с жертвоприношением коня: Таранов Яр, 9, Настельный, II, 2[8], Настельный, II, 5, Настельный, III, 3 [Ковпаненко, 1970, с. 155; Багалей, 1907, с. 371–374].

Одно из них было совершено в склепе (Таранов Яр, 9), – остальные в ямах с накатником и деревянным полом. Следы огня отмечены в погребении кургана Настельный, II, 5.

Лепная посуда встречается в погребениях женщин-всадниц позднескифского времени реже, чем в предыдущих периодах. Обломок неорнаментированного лепного горшка сохранился лишь в комплексе кургана Таранов Яр, 9.

Из предметов вооружения в погребениях Таранов Яр, 9 и Настельный, II, 2 было найдено по 4 наконечника стрел, в последнем сохранились наконечники копья и дротика. Здесь же обнаружен обломок античной амфоры.

В погребениях курганов Настельный, II, 5 и Настельный, III, 3 не было оружия, но оба захоронения сопровождались жертвоприношениями лошадей без сбруи. Одежда погребенной в кургане Настельный, II, 5 была украшена 16 золотыми бляшками. В другом комплексе от женских украшений сохранилась одна пирамидальная подвеска из синего стекла. Ожерелье из стеклянных и костяных бусин, золотая проволочная серьга найдены в погребении женщины в кургане Настельный, II, 2. Отдельные железные браслеты отмечены исследователями в комплексах Таранов Яр, 9 и Настельный, II, 5.

Остатки конской упряжи обнаружены лишь в погребениях женщин с оружием: уздечные бляшки из бронзы и железа в кургане Таранов Яр, 9; железное кольцо от удил или подпруги в кургане Настельный, II, 2.

На территории Ворсклинского региона в настоящее время[9] известно 3 парных всадницких погребения: Скоробор, 1906, 4 [Городцов, 1911, с. 141, рис. 107], Броварки, 503 и Броварки, 505 [Ильинская, 1957, с. 236, 238, рис. 1, 13; 2, 11–13, 17–21]. Все они датируются временем не позднее начала V в. до н. э. или вторым хронологическим периодом.

Погребение в кургане Скоробор, 1906, 4, было совершено в яме с деревянным перекрытием и лубяной вымосткой пола. Данные об устройстве погребальных камер в двух других курганах отсутствуют. Следы огня и жертвоприношений животных в погребениях не отмечены. Лепная посуда отмечена лишь в комплексе кургана Броварки, 505 (две небольшие миски и горшочек). Здесь же сохранился железный хозяйственный нож и большое глиняное пряслице от инвентаря женского захоронения. Хозяйственный нож найден и в погребении кургана Броварки, 503.

Характерной особенностью набора предметов погребального инвентаря женщин, похороненных в курганах Броварки, 503 и Броварки, 505, можно считать бронзовые зеркала. В первом комплексе сохранилось также каменное блюдо и разбитая античная амфора.

Девушке из непотревоженной грабителями части погребения в кургане Скоробор, 1906, 4 сопутствовал богатый набор личных украшений. Около её черепа отмечено множество мелких бусин из египетской смальты, янтарная бусина, два небольших серебряных гвоздика (вероятно, остатки головного убора), две бронзовые булавки, два бронзовых браслета, ворворка из глины. От украшений женщины из кургана Броварки, 503 после ограбления сохранились лишь обломок гладкого серебряного браслета и бусина.

Во всех погребениях обнаружены предметы вооружения лучников: колчан из кожи с мехом в кургане Скоробор, 1906, 4; колчан с 29 наконечниками стрел в кургане Броварки, 505; костяная накладка от лука в кургане Броварки, 503. В последнем погребении мужчине принадлежал большой боевой нож.

Предметы конской сбруи представлены в рассматриваемых комплексах железными удилами с железными псалиями (Скоробор, 1906, 4); железными удилами с костяными псалиями, концы которых были оформлены в виде головок баранов (Броварки, 503); четырьмя парами

[8] Римской цифрой или заглавной буквой русского алфавита после названия могильника обозначается номер курганной группы, данный исследователями.

[9] По состоянию на 1986 г.

железных удил с костяными и железными псалиями, подвеской из клыка кабана, бронзовыми бляшками с изображениями грифонов (Броварки, 505).

Особую разновидность коллективных погребений представляют ряд комплексов V–IV вв. до н. э., в которых погребения мужчин и женщин сопровождались захоронениями подростков: Таранов Яр [Ковпаненко, 1970, с. 156–157], Осняги, 5 [Городцов, 1911, с. 130–131, рис. III, 6–9, 11, 16, 19, 26, 32], Скоробор, 1975, 18 [Шрамко, 1976а, с. 27–29, рис. 1–9; XXIII, 1]. Первый из перечисленных комплексов не был ограблен, а в последнем на первоначальных местах осталось большинство предметов. Погребение в кургане Таранов Яр, 13 было совершено в деревянном склепе объемом 7 куб. м. Здесь отмечено три скелета, из которых два находились в центральной части камеры, а один – в СЗ углу. Все они были ориентированы головой на Ю. Мужчина лежал на спине. В ногах у него стоял горшок, около бедра найдена большая каменная «бусина» диаметром около 5 см, около колена левой ноги – железный меч с когтевидным навершием, железные удила с псалиями, две бронзовые бляшки от уздечки, под мечом – бронзовая ворворка, около левого плеча – 27 наконечников стрел. Рядом с ним на спине со слегка подогнутыми ногами лежал костяк женщины. Её права рука была вытянута вдоль туловища, левая отсутствовала. В области груди сохранились два обломка железной булавки, на правой руке два бронзовых браслета, около ступни левой ноги – небольшой сосуд и железный ножик, около колена правой ноги стоял еще один сосудик, а между стопами ног находилось пряслице. Скелет подростка лежал на правом боку в скорченном положении лицом к мужчине. Рядом с его левой ногой отмечен бронзовый наконечник стрелы и обломок железного ножа.

В кургане Скоробор, 1975, 18 в деревянном склепе объемом 47 куб. м, ориентированном по линиям В-З, были похоронены взрослый мужчина, женщина и ребенок. Определенно можно сказать, что женщина была ориентирована головой на В. Рядом с верхней сохранившейся частью скелета лежало глиняное пряслице и обломок лепного сосуда. Остатки скелетов мужчины и ребенка сосредоточивались в западной части погребения. Здесь отмечен обломок бурого рюмкообразного сосуда вроде светильника, небольшие фрагменты других сосудов, три бронзовых наконечника стрел, обломки железных псалиев.

Третий комплекс, исследованный В.А. Городцовым в кургане Осняги, 5, был самым богатым по инвентарю и больше всего пострадал от грабителей. В погребальной камере с деревянным перекрытием, объем которой равнялся 23 куб. м, найдено 18 золотых нашивных бляшек, золотая серьга-калачик, бусы из сердолика, египетской голубоватой смальты, сердоликовая подвеска в форме раковины каури, стеклянные глазчатые бусы. Из лепной посуды отмечено лишь дно горшка, а столовая керамика представлена греческим краснофигурным арибалом. От вооружения в погребении сохранился колчан с 28 наконечниками стрел, а от конской сбруи – орлиноголовый налобник, кольцо из бронзы с пирамидами шариков, бронзовая пряжка с головкой птицы. Кроме того, возле ступни одного из костяков лежали две бронзовые пряжки и колечко, видимо, от обуви. По наблюдению автора раскопок, в погребении было «два или даже три покойника» [Городцов, 1911, с. 131].

Мужчина-всадник и подросток были похоронены в кургане Скоробор, 1972, 10 [Шрамко, 1973а, с. 352]. В большом деревянном склепе (73 куб. м), ограбленном еще в древности, кроме останков людей отмечены кости коровы и лошади, обломки горшков, корчаги, античной амфоры, железного пластинчатого панциря. Датируется комплекс серединой VI в. до н. э.

Погребение женщины-всадницы в сопровождении слуги или раба обнаружено в деревянном срубе объемом 8 куб. м под насыпью кургана Таранов Яр, 15 [Ковпаненко, 1970, с. 159]. Судя по описанию, сохранилось оно довольно хорошо. На дне погребальной камеры головой на юг лежали рядом два скелета. Около одного из них отмечен наконечник стрелы, в ногах другого – два лепных горшочка. Между ними был положен еще одни наконечник стрелы, а на уровне рук женского скелета, со стороны восточной стенки склепа, находилось пряслице. Справа от женщины, в области колен, стояла миска, а в ногах лежали удила из железа и наконечник стрелы. Комплекс датируется первой половиной V в. до н. э.

Во *2 кластер I суперкластера* включены погребения воинов без жертвоприношения коня. К нему отнесены 43 комплекса (табл. 5; рис. 17). Среди них 20 являются одиночными мужскими захоронениями (47% от объема кластера).

К первому хронологическому периоду относятся 4 погребения мужчин: Таранов Яр, 2, п. 1[10], Таранов Яр, 17, Таранов Яр, 24, п. 3 [Ковпаненко, 1970, с. 151, 159, 164], Васильевка, 5 [Луговая,

[10] Если в одном кургане несколько погребений, номер погребения приводится после номера кургана.

1981, с. 8]. В трех случаях под насыпями курганов обнаружены деревянные склепы (Таранов Яр, 2, п. 1; Таранов Яр, 17; Таранов Яр, 24, п. 3). Погребальная камера в кургане Васильевка, 5 имела легкое деревянное перекрытие. Исследователи не отметили в этих погребениях следов огня, краски, костей животных.

Лепная посуда представлена во всех комплексах: обломки двух горшков сохранились в погребении кургана Таранов Яр, 2, п. 1; по одной миске найдено в курганах Таранов Яр, 2, п. 1, Таранов Яр, 17, Васильевка, 5; кубок с резным геометрическим орнаментом и лощеной поверхностью принадлежал погребенному в кургане Таранов Яр, 24, п. 3; черпак с высокой ручкой отмечен в погребении кургана Васильевка, 5.

Из набора вооружения несколько бронзовых наконечников стрел архаических типов обнаружено в комплексах Таранов Яр, 17, Таранов Яр, 24, п. 3, Васильевка, 5. Наконечники копий сохранились в двух погребениях – Таранов Яр, 2, п. 1 и Таранов Яр, 24, п. 3.

Вторым хронологическим периодом датируются 6 одиночных погребений воинов-мужчин: Осняги, 9, Скоробор, 1906, 1, Скоробор, 1906, 5 [Городцов, 1911, с. 132–133, 140, 141], Дучанцы, 2 [Ильинская, 1957, с. 242], Кириковка, В, 13 [Мельник, 1905, с. 715], Пожарная Балка, раскоп VII, п. 5 [Андриенко, 1980а, с. 14].

Погребение №5 на селище Пожарная Балка было впущено в зольник в районе раскопа VII. Все остальные погребения были совершены в склепах (Осняги, 9; Кириковка, В, 13) или ямах с деревянным перекрытием под курганными насыпями. Следы огня не отмечены, но все погребенные около Бельского городища были посыпаны мелом или известью. В двух курганах отмечены кости овец (Скоробор, 1906, 1; Кириковка, В, 13), а в одном – сохранились кости коровы (Осняги, 9).

Лепная посуда местного изготовления в мужских погребениях встречается редко: исследователями отмечены обломки двух горшков в кургане Дучанцы, 2 и фрагмент чернолощеного сосуда в погребении кургана Скоробор, 1906, 1.

В кургане Осняги, 9 после ограбления сохранился обломок греческой фиалы. Личные украшения не получили распространения в среде воинов и во втором хронологическом периоде. Известна лишь одна золотая ромбическая подвеска из погребения в кургане Кириковка, В, 13.

В этом же погребальном комплексе обнаружен колчан с 8 бронзовыми наконечниками стрел. Один наконечник сохранился в погребении Дучанцы, 2, четыре – в грунтовом захоронении на участке раскопа VII на селище Пожарная Балка. В погребальной камере кургана Осняги, 9, между стенкой ямы и срубом, были найдены 5 пращевых камней. Боевой топор отмечен в погребении кургана Скоробор, 1906, 1 [Ковпаненко, 1967, рис. 44, 2].

Широкое распространение во втором хронологическом периоде у воинов-мужчин получили кинжалы, зафиксированные в 4 из 6 рассматриваемых комплексов (Осняги, 9; Скоробор, 1906, 1; Скоробор, 1906, 5, Кириковка, В, 13).

К третьему хронологическому периоду можно отнести 10 погребений: Таранов Яр, 10 [Ковпаненко, 1970, с. 155], Большое Бельское городище, 1 [Шрамко, 1982, с. 335], Перещепино, 3, п. основное, Перещепино, 3, п. впускное [Шрамко, Щегленко, 1981, с. 6–7, рис. II; XIV; XV, 1–3, 5–6, 9–10, 13; XVII, 1–6], Настельный IV, 4 [Багалей, 1907, с. 372, 374], Кириковка, В, 6, п. 2 [Мельник, 1905, с. 708], Скоробор, 1975, 13, Скоробор, 1975, 15 [Шрамко, 1976а, с. 21–24, рис. XXI, I; XXIII, 2–7], Орлик, 3 [Луговая, 1980, с. 7–10, рис. 16, 24, 25, 26, 29, 32], Великая Богачка, 1, п. основное [Мурзин, 1980]. Отдельные погребения к моменту проведения раскопок сохранились неразрушенными.

Погребение в кургане Таранов Яр, 10 было совершено под небольшой насыпью в деревянном склепе объемом 8 куб. м, ориентированном по линии С-Ю. Покойник лежал в восточной части камеры, головой вниз на Ю-ЮЗ. Слева от ног находилась небольшая лепная миска и 3 бронзовых наконечника стрел. Около колена отмечен обломок железного ножа; еще один нож лежал возле локтя левой руки. Рядом с ним был помещен лепной горшок и положены 26 стрел.

Погребенный в кургане Кириковка, В, 6, п. 2 находился в деревянном склепе, головой на ЮВ. Кости обеих рук лежали вытянуто вдоль туловища, ноги были слегка согнуты в коленях. Возле головы и плечей, отдельно и кучками, образуя полукруг, были разложены наконечники стрел. Еще 65 стрел находились компактными рядами вдоль левого бока покойника – в промежутке между рукой и телом. Ниже кисти сохранились следы колчана и 30 наконечников стрел. Справа от черепа обнаружены лопатка и кости ног свиньи.

Впускное погребение в кургане Перещепино, 3 было устроено у края насыпи, рядом с основным ограбленным захоронением. Могильная камера имела форму ромба, вытянутого по лини СЗ-ЮВ. Покойник лежал на спине головой на ССЗ. По определению антрополога Н.П. Балакирева, это был молодой мужчина в возрас-

те 25–30 лет. Около левого бедра скелета находился парадный меч с обложенной золотым листом рукоятью, типологически близкий мечу из погребения в кургане Осняги, 4 [Шрамко, Щегленко, 1981, с. 7, рис. XVI, 10; Городцов, 1911, с. 130, рис. III, 4]. Под останками молодого воина пол погребальной камеры был посыпан мелом. Вдоль СЗ стенки возле черепа лежали два больших остролистных наконечника копий, рядом с ними сохранились остатки деревянного колчана с 57 бронзовыми наконечниками стрел. В западном углу погребения отмечены отдельные кости овцы, посыпанные красной краской. Около них – железный ножик и два греческих лекифа: один краснофигурный с изображением сфинкса, другой чернолаковый. В южной части погребальной камеры под упавшим перекрытием найдены обломки кувшина с двумя ручками.

Большинство других погребений были совершены в ямах с деревянным перекрытием, а в кургане Великая Богачка, 1 – в деревянной колоде. Из жертвенных животных кости овцы обнаружены в курганах Орлик, 3 и Скоробор, 1975, 15, коровы или быка – Великая Богачка, I и, возможно, Настельный, IV, 4.

Кроме описанных выше комплексов, обломки лепных горшков найдены в кургане Большое Бельское городище, 1, корчаги – в кургане Скоробор, 1975, 15. Фрагменты амфоры отмечены в погребальном комплексе кургана № 1 на Большом Бельском городище, а обломки чернолакового лекифа сохранились в основном погребении кургана Перещепино, 3.

Большой бронзовый котел с остатками напутственной пищи был помещен рядом с погребальной камерой в кургане Орлик. В этом же комплексе отмечено самое большое количество наконечников стрел – 205 в двух колчанах. Все остальные воины также были лучниками, о чем свидетельствуют сохранившиеся после ограблений наконечники стрел.

В погребении кургана Скоробор, 1975, 15 найден обломок меча, юноша из погребения в кургане Великая Богачка, 1 был вооружен большим боевым ножом.

В кургане Большое Бельское городище отмечены обломки железного панциря и щита. Боевой пояс из железных пластин с пряжкой, украшенный тисненой на золоте головой льва, принадлежал воину, погребенному в кургане Орлик. Аналогичные пряжки известны в синхронных комплексах из области Днепровского Лесостепного Правобережья [Петренко, 1967, табл. 37, 18].

Одиночные погребения женщин с оружием представлены 8 комплексами, что составляет 19% объема выборки кластера.

К первому хронологическому периоду относится 4 погребения: Таранов Яр, 1, Таранов Яр, 16, Таранов Яр, 37, Скоробор, 1975, 22 [Ковпаненко, 1970, с. 149, 159, 167–168; Шрамко, 1976а, с. 32–34, рис. XXVII, 3–5; XXX, 1, 2; XXXI, 1, 3, 4; XXXII, 1, 2, 4]. Большинство погребений было совершено в ямах с деревянным перекрытием, одно, Таранов Яр, 1, в деревянном склепе.

Во всех погребениях обнаружены лепные сосуды: горшки (Таранов Яр, 1, Таранов Яр, 16, Скоробор, 1975, 22), лощеная корчага (Скоробор, 1975, 22), чернолощеные черпаки и кубки (Таранов Яр, 1, Таранов Яр, 37, Скоробор, 1975, 22). Больше всего посуды было в погребении кургана Скоробор, 1975, 22 – из шести сохранившихся здесь предметов пять носили следы лощения. В этом же комплексе обнаружено глиняное пряслице.

Личные украшения женщин-воинов в рассматриваемый период были скромными. Обломки железных булавок найдены в курганах Таранов Яр, 1, Таранов Яр, 37. В последнем сохранилась стеклянная бусина.

Из предметов вооружения в погребения чаще всего помещали 1–2 бронзовых наконечника стрел (Таранов Яр, 16; Таранов Яр, 37; Скоробор, 1975, 22). Лишь в одном случае женщина была вооружена копьем (Таранов Яр, 1).

К третьему хронологическому периоду относятся 4 погребения женщин с оружием: Настельный, II, 1, Настельный, III, 1 [Багалей, 1907, с. 371–374; Ковпаненко, 1967, с. 106], П. Никитовка, 1980, Б, 20 [Берестнев, 1981, с. 5–7, рис. 12; 16; 20; 21], Васильевка, 6 [Луговая, 1981, с. 8–9].

Неограбленное женское захоронение в кургане Настельный, III, 1 находилось в деревянной гробнице, заполненной золой, перемешанной с яичной скорлупой, и было ориентировано головой на СЗ. В этом же конце погребальной камеры отмечены кости жертвенного животного. Рядом с ними находились колчан с 19 бронзовыми наконечниками стрел, бронзовое зеркало, ножик и небольшой лепной горшок плохого обжига. Из остальных погребений – два были совершены в ямах с деревянным перекрытием (Настельный, II, 1; Васильевка, 6), одно в склепе с деревянной облицовкой стен (П. Никитовка, 1980, Б, 20).

В погребении кургана Васильевка, 6 отмечены куски серы и реальгара, а кургана П. Никитовка, 1980, Б, 20 – меловая подсыпка.

Местная лепная посуда в погребениях этого времени встречается реже, чем в первом и втором хронологических периодах, и вытесняется изделиями античных гончаров. В кургане Васильевка, 6 сохранились обломки горшка. Амфора и сероглиняная гидрия были помещены в погребальную камеру кургана П. Никитовка, 1980, Б, 20. Чернолаковый килик обнаружен в комплексе кургана Настельный, II, 1.

В погребении кургана П. Никитовка, 1980, Б, 20 был отмечен бронзовый котел на ножке, формой и размерами близкий найденному в кургане Толстая Могила [Мозолевський, 1979, с. 144, рис. 130, 2]. Рядом с ним лежал железный предмет, представляющий собой кованый стержень длиной 32 см, с одного конца которого хорошо заметны следы деревянной ручки и подвижного железного крючка для подвешивания. С противоположной стороны к нему были приварены пять железных пластин, загнутых вовнутрь. Аналогии этому изделию нам не известны. Судя по месту расположения в погребальной камере, орудие было предназначено для перемешивания содержимого котла, но мы допускаем возможность и других толкований. В этом же комплексе найдено бронзовое зеркало, под которым лежало ожерелье из стеклянных и золотых бусин. Золотой перстень и несколько бляшек от одежды известны по описанию погребения в кургане Настельный, II, 1.

Особый интерес представляет находка витой золотой ленты в погребении кургана П. Никитовка, 1980, Б, 20. Некоторые исследователи видят в таких лентах оплетки ручек нагаек или боевых топоров [см., напр.: Мозолевський, 1979, с. 69. рис. 52, 3; Ильинская, 1968, с. 48, рис. 20, 2; XXXVII, 24]. Последнее предположение нельзя считать обоснованным. В комплексе погребения в кургане Волковцы, 1897–1898, 1, на который ссылалась В.А. Ильинская, наконечник клевца лежал справа от погребенного, а золотая лента – слева.

Более вероятна трактовка золотых витых лент как оплеток ручек нагаек. Но не следует ли в таком случае рассматривать комплекс погребения в кургане П. Никитовка, 1980, Б, 20 наряду с другими всадническими погребениями Ворсклинской РСЭС? Ключом к решению вопроса может стать погребение 226 Тлийского могильника VII–VI вв. до н. э. (Южная Осетия). На похороненном здесь мужчине-воине лежал деревянный «посох», обвитый бронзовой лентой. Костей коня или деталей конской сбруи в погребении не было [Техов, 1980, с. 44, рис. 21]. Этот жезл имел явное символическое назначение. В мифологии древних индоиранцев пылающий жезл (ср.: сверкающая оплетка огненного цвета) «данда» являлся необходимым атрибутом бога Ямы, царя мертвых, которым он карал, наводил страх, поддерживал добродетель в людях [Темкин, Эрман, 1982, с. 110, 256]. Смутные переживания этого мифологического образа сохранились в Нартском эпосе осетин. Здесь фигурирует уже не жезл, а войлочная плеть Уастырджи – покровителя мужчин, путников, воинов. С её помощью он может совершить погребение, воскресить из мертвых, дать женщине плодородие, наказать за обман [Осетинские нартские сказания, 1948, с. 14, 24, 499]. Важно отметить, что плеть из центральной гробницы кургана Толстая Могила, судя по изогнутости ленты, имела мягкую основу, а использование вместо грузиков на концах дутых золотых бусин указывает на ее культовое, а не утилитарное назначение. В приведенных примерах жезл и плеть принадлежали воинам высокого социального ранга, служили символом власти[11], дающим магическую силу над соплеменниками в этом и загробном мирах. Именно плетьми, а не силой оружия, усмирили «рабов» скифы, вернувшиеся из переднеазиатского похода [Геродот, IV, 3]. С этой точки зрения следует рассматривать и «плеть» в погребении женщины-воина в кургане П. Никитовка, 1980, Б, 20. Она была вооружена двумя копьями, луком и колчаном с 13 стрелами. В остальных погребениях найдены лишь отдельные наконечники стрел.

Парные погребения с основным захоронением мужчины-воина во 2 кластере I суперскластера представлены 6 комплексами. Второй половиной VII в. до н. э. датируется погребение в кургане Пожарная Балка, I, 1 [Андриенко, 1981]. К VI в. до н. э. относятся курганы у с. Глинск, 1965, 8 [Бобринский, 1897, с. 23–24, рис. 37–39; Шрамко, 1966а, с. 32–33, рис. XXXIV, 1–2; XXXV, 2–6; XXXVI, 2]. Погребение в кургане Пожарная Балка, I, 1 было совершено в неглубокой яме с деревянным перекрытием, остальные в склепах, причем в кургане Скоробор, 1965, 8 облицовка стен была вертикальной. Оба погребения в курганах Бельского городища, сопровождались жертвоприношениями животных: кости овцы лежали в камере погребения Скоробор, 1965, 8, коровы – над перекрытием склепа в кургане у с. Глинск. В последнем случае деревянные конструкции носили следы огня. В обоих погребениях исследователями отмечены комки красной краски.

[11] «Варнув – властелин наказания, так как он держит скипетр над царями» [Законы Ману, IX, 245].

Во всех погребальных комплексах сохранилась местная лепная керамика: горшки (Пожарная Балка, 1; Глинск), два чернолощеных черпака (Скоробор, 1965, 8).

Похороненная в кургане Пожарная Балка, I, 1 женщина была украшена двумя железными булавками. Здесь же найдено глиняное пряслице. Простые стеклянные бусы сохранились после ограбления в кургане Скоробор, 1965, 8. Большая агатовая бусина, бронзовая подвеска, обломки зеркала были куплены А.А. Бобринским у крестьян, разрушивших курган у с. Глинска. Из этого комплекса происходит и золотая серьга архаического типа в форме калачика [Петренко, 1978, с. 29, табл. 19, I].

Вооружение мужчины из кургана Пожарная Балка, I, 1 состояло из 4 стрел с бронзовыми наконечниками. В общей сложности 123 наконечника стрел удалось собрать в погребении кургана у с. Глинск. Похороненный в кургане Скоробор, 1965, 8 воин был вооружен большим боевым ножом.

Ко второму хронологическому периоду относятся парные погребения воинов и женщин в курганах Кириковка, В, 12, п. I, Настельный, IV, 3 [Мельник, 1905, с. 713–714; Багалей, 1907, с. 374; Ковпаненко, 1967, с. 171–172], П. Никитовка, 1980, А, 1 [Берестнев, 1981, с. 2–4, рис. 2, 1, 7; 4, 2; 6, 1; 7, 1; 8, 1 а-б; 9, 1 а, 2, 4, 8–8а].

Первый из них сохранился довольно хорошо. Под небольшой насыпью почти у самого края кургана в неглубокой яме, покрытой досками, на подсыпке из золы и горелого дерева лежали два скелета головами на запад. Правую сторону могилы занимала женщина. Ее левая рука была пропитана красной краской и лежала несколько вытянутой вперед, левая находилась в области таза. Возле темени погребенной найдено бронзовое зеркало с железной ручкой; у правого плеча – лепной кувшин и обломки другого сосуда; у правого бедра – часть горла чернолакового античного сосуда. Слева от женщины лежал мужчина с вытянутыми вдоль туловища руками. Вдоль его правого бедра отмечены обломок железного острия и наконечник копья; в головах стоял лепной горшочек. Возле локтя погребенного найдено бронзовое височное кольцо с двумя бусинами и костяной подвеской, относившееся к захоронению женщины. У правого виска и правого предплечья мужчины сохранилось по одному наконечнику стрел. Кости стоп этого скелета были окрашены в красный цвет.

Два других парных погребения также были совершены в ямах с деревянным перекрытием. Кости коровы отмечены в кургане П. Никитовка, 1980, А, 1. Здесь же обнаружены обломки амфоры и чернолаковый килик. Лепной посуды в этих погребениях не было. Украшения женщин состояли из ожерелий, в которых было до 10 золотых, несколько стеклянных и по одной крупной сердоликовой бусине в золотой крестовидной оправе.

В кургане П. Никитовка, 1980, А, 1 сохранилась золотая лента от плети-скипетра, принадлежавшей в данном случае мужчине. Набор вооружения воинов состоял из колчана с 17 стрелами в комплексе кургана Настельный, IV, 3, колчана или горита со 150 стрелами, дротика, бронзовых поножей и бронзового наборного боевого пояса в кургане П. Никитовка, 1980, А, 1.

Двое мужчин-воинов были похоронены в кургане Броварки, 504, который датируется концом V–IV вв. до н. э. [Ильинская, 1957, с. 238]. После ограбления здесь сохранились обломки нескольких (до 5) наконечников копий, два меча, два железных хозяйственных меча, два небольших глиняных кубка, 141 бронзовый наконечник стрелы.

По всей видимости, погребение мужчины-воина, женщины и ребенка было совершено в кургане Настельный, IV, 1 [Багалей, 1907, с. 372, 374, рис. 101; 102]. Из описаний следует, что здесь было обнаружено три черепа – два в грабительской яме и один в погребальной камере. Рядом с ним лежала гладкая золотая серьга в форме калачика. Аналогичные непарные украшения известны в некоторых мужских воинских погребениях Днепровского Лесостепного Правобережья V в. до н. э. [Петренко, 1967, с. 31, табл. 20, 34, 35]. В ногах скелета, который можно считать мужским, стояла амфора или лежали кости жертвенного животного. Другие золотые украшения, видимо женские, в погребении были представлены золотым спиральным кольцом «в три оборота с плоскими концами, украшенными двумя черточками и точкой» [Багалей, 1907, с. 374], золотыми бляшками от одежды и головного убора, часть из которых имела изображение оленей и грифонов, пуговками, бусинами. Несколько нашивных бляшек были сделаны из бронзы. Из предметов вооружения в погребении сохранились обломки двух копий, железного кинжала, три бронзовых наконечника стрел. Спиральное кольцо позволяет датировать весь комплекс погребения IV в. до н. э. [Петренко, 1978, с. 59] и несколько расширить хронологические рамки существования гладких височных украшений отмеченного выше типа.

Отдельно следует рассматривать парные погребения, в которых основные захоронения вои-

нов (мужчины или женщины) сопровождались погребениями слуг (рабов). На низкий социальный статус последних указывает отсутствие погребального инвентаря, поза или место в погребальной камере.

Единственный комплекс с основным мужским захоронением известен во впускном погребении IV в. до н. э. в кургане Великая Богачка, 1 [Мурзин, 1980]. В обширной перекрытой деревом погребальной камере лежали останки двух взрослых людей. Инвентарь мужчины-воина состоял из панциря, сделанного частью из бронзовых пластин, частью из железных, двух копий, наконечников стрел, золотой квадратной бляшки с изображением лося (возможно, украшавшей колчан или горит). Здесь же после ограбления сохранился лепной глиняный кубок, греческий чернолаковый килик, деревянный сосуд, орнаментированный серебряными пластинами с изображениями рыб. Рядом с погребальной камерой была вкопана амфора. К сожалению, грабители нарушили останки погребенных, и определить позу сопровождающего безынвентарного погребения не представляется возможным.

В шести погребальных комплексах основными были захоронения женщин с оружием.

К первой половине VI в. до н. э. относятся погребения в курганах Скоробор, 1906, 6, Таранов Яр, 7 и Таранов Яр, 8 [Городцов, 1911, с. 141–142, рис. 108; 109; Ковпаненко, 1970, с. 153].

Первое из них сохранилось неограбленным и было совершено в большой камере (17 куб. м) с деревянным полом и перекрытием. Ее правую часть занимало основное женское захоронение. На шее покойной было ожерелье из мелкого рубленого бисера, на груди – железная булавка, а на плече – глиняная ворворка. Около правого колена лежал колчан с 4 наконечниками стрел архаических типов, окрашенный в красный цвет. Слева лежал другой скелет, который «можно было принять за мужской». В головах у него стояла большая лепная миска, руки были сложены в области живота, а грудная клетка посыпана мелом. Других вещей или украшений при сопровождающем погребенном не было.

Погребение в кургане Таранов Яр, 7 сильно пострадало от грабителей и включено нами в рассматриваемый тип коллективных погребений в известной мере условно. В деревянном склепе объемом около 7 куб. м были обнаружены останки «нескольких» покойников. Женский инвентарь состоял из трех янтарных и четырех агатовых бусин. Возможно, что к нему же относился и бронзовый наконечник стрелы. Кроме того, в погребении были найдены обломки лепных сосудов (горшка, миски на высоком поддоне) и фрагменты каких-то железных вещей.

В небольшом склепе кургана Таранов Яр, 8 (4 куб. м) головой на ЮВ в вытянутом положении на спине лежала женщина. В ногах этого костяка в СВ углу в «сидячем положении» находился второй погребенный, которого автор раскопок определил как мальчика-«джуру» [Рудинский, 1949, с. 57]. Его хозяйка, молодая женщина, была украшена ожерельем из стеклянных и глиняных бусин, 6-ти раковин каури. Слева от ее черепа сохранилась бронзовая серьга с грибовидными шляпками на концах, на правой руке был надет бронзовый браслет. Справа от ног стояли два небольших сосуда. Кроме того, в заполнении камеры были найдены миска, обломок бронзовой булавки, железного браслета, ножик и бронзовый наконечник стрелы.

Концом VI – началом V вв. до н. э. датируется погребальный комплекс в кургане Таранов Яр, 14, не разрушенный грабителями. Под небольшой насыпью в деревянном срубе (6 куб. м) находились два скелета, ориентированные на ЮЗ. Первый из них, женский, лежал на спине в вытянутом положении. Второй был положен скорчено на боку лицом к первому. Рядом с женщиной отмечены обломки железных булавок, ножик, бронзовый наконечник, стрелы. Сопровождающее погребение было безынвентарным. В разных местах погребальной камеры сохранились два лепных горшка и бронзовая ворворка.

К третьему хронологическому периоду относятся погребения IV в. до н. э. в курганах Новый Мерчик, 2 и Васильевка, 1 [Бойко, 1985б, с. 5–7, рис. XIV; XVI; XVIII; XIX, 2–3; XX; XXI, 2–3; Луговая, 1981, с. 2–4].

Первое из них было совершено в катакомбе – единственный случай для территории Ворсклинского региона. Второе – в прямоугольной яме с деревянным накатником. Рядом с ней на уровне древней поверхности под насыпью кургана обнаружены следы двух кострищ и отдельные кости животных от поминальной трапезы. С юго-восточной стороны к погребальной камере вел дромос.

Из вооружения молодой женщины, погребенной в катакомбе кургана Новый Мерчик, 2, сохранился обломок деревянного колчана и один наконечник стрелы. Кроме того, здесь были найдены золотые полусферические бляшки, украшавшие головной убор покойной.

Останки женщины в погребении кургана Васильевка, 1 не были потревожены грабителями. Справа от нее лежало бронзовое зеркало и втулки двух копий, в одну из которых вместо клина

был вставлен бронзовый наконечник стрелы. Другие наконечники стрел и несколько бусин были найдены в разных частях могилы.

На дне входного колодца катакомбы в кургане Новый Мерчик, 2, отделенном от погребальной камеры деревянным закладом, лежала пожилая женщина-служанка без каких-либо вещей. Сверху колодец был плотно забутован материковой глиной, что доказывает одновременный характер совершения основного и сопровождающего погребений. Сопровождающее безынвентарное погребение в кургане Васильевка, 1 было разрушено грабительским лазом.

Приведенное описание результатов классификации погребений сословия воинов (1 суперкластер) позволяет сделать ряд важных социологических наблюдений и выводов.

К первому хронологическому периоду относятся 24 погребения, что составило 31% от объема выборки по сословию (табл. 5). Из них 42% захоронений сопровождалось жертвоприношением коня (одиночные мужские – 17%, одиночные женские – 21%, коллективные – 4%). Погребения воинов-невсадников численно преобладали и составляли 58% объема выборки по периоду (одиночные мужские – 17%, одиночные женские – 17%, коллективные – 24%).

Определенные различия между погребениями всадников и воинов-невсадников наблюдаются и в их распределении по зонам региона. В северной зоне отмечены только одиночные захоронения мужчин и женщин с конскими жертвоприношениями. В центральной зоне захоронения всадников (21%) численно преобладают над погребениями воинов-невсадников (17%). В южной зоне региона исследовано лишь одно погребение женщины всадницы (4%), тогда как невсаднические погребальные комплексы представлены здесь наиболее полно (41% всех воинских захоронений первого хронологического периода).

Устройство погребальной камеры в виде склепа с деревянными стенками было характерным признаком погребений без жертвоприношений лошадей, что следует связывать с традициями погребального обряда населения южной зоны Ворсклинского региона (табл. 5). Отдельные склепы с захоронениями всадников известны на территории могильников около поселений с полиэтничным составом населения (Лихачевка, 6 и Скоробор, 1975, 23). В погребениях всадников первого хронологического периода несколько чаще встречаются следы огня и жертвоприношений домашних животных (табл. 5).

Чернолощеная керамика отмечена исследователями в 62 % погребений воинов. Среди них всадники составляют 17%, а невсадники – 45%, что ещё раз указывает на сравнительно большое значение этнических различий между воинами-всадниками и невсадниками в период формирования социальной структуры населения Ворсклинской РСЭС.

Обращает на себя внимание также и более высокое социальное положение женщин в среде воинов-невсадников южной зоны региона, этнически связанной с Днепровским Правобережьем. Только здесь отмечено погребение женщины, вооруженной копьем (Таранов Яр, 1). Здесь же известны 2 из 3 парных захоронений с основным женским погребением (Таранов Яр, 7 и Таранов Яр, 8). Близкое им по составу погребенных захоронение в кургане Скоробор, 1906, 6, возможно, было совершено жителями Западного Бельского городища.

Средние объемы насыпей курганов над погребениями воинов-невсадников несколько превышают аналогичный показатель для погребений всадников (1091 и 709 куб. м). В то же время, в силу длительной распашки насыпей и ошибок в измерениях высот и диаметров, более объективную информацию о социальном статусе погребенных можно получить при сопоставлении объемов погребальных камер. Соответствующий показатель для погребений воинов-всадников в 2,2 раза выше, чем для захоронений без жертвоприношения коня (22 и 10 куб. м).

С целью проследить различия в социальном положении воинов-всадников и невсадников в рамках изучаемой региональной системы с полиэтничным составом населения более детально, введем дополнительную информацию о принадлежности погребенных к различным социальным статистическим группам сословия воинов. Факторными признаками этих групп, выделенных по материалам поселений, стали предметы вооружения (табл. 2; 3), поэтому при наличии этих же признаков в погребениях сама процедура отнесения тех или иных комплексов к определенной социальной группе особых сложностей не представляет. Однако такое сопоставление будет корректным лишь для погребений с основными мужскими захоронениями, поскольку ряд категорий вооружения в погребениях женщин вообще не встречается.

Для первого хронологического периода известно 12 погребений мужчин-воинов (табл. 5).

К VII социальной статистической группе можно отнести 7 погребальных комплексов с захоронениями воинов-лучников (58% объема вы-

борки) (табл. 5). Половину из них составляют погребения всадников, исследованные в северной (1 комплекс) и центральной (3 комплекса) зонах региона. Чернолощеная керамика отмечена лишь в кургане Разрытая Могила, недалеко от селища Лихачевки. Почти все погребения воинов-невсадников, за исключением кургана у с. Глинск, отмечены в южной зоне региона.

Довольно четкое внутригрупповое деление воинов на всадников и невсадников по территориальному и этническому признаку свидетельствует о том, что первоначально они принадлежали к различным социальным организмам. С началом формирования Ворсклинской РСЭС наблюдается процесс социальной и имущественной дифференциации среди основной массы воинов, выходцев с Днепровского Лесостепного Правобережья. Некоторые из них, наиболее богатые, могли жить на Бельском городище (курган у с. Глинск), другие, наиболее знатные, становились всадниками[12] (Разрытая Могила, 1).

Этот процесс сопровождался консолидацией воинов-лучников, вооруженных и боевыми топорами, независимо от этнической принадлежности, в единую социальную статистическую группу сословия воинов по функциональному признаку. На это указывает «синкретический» характер погребений в курганах Глинск и Разрытая Могила, 1, соединивших в себе все основные черты погребального обряда населения северной, центральной и южной зон региона.

К VIII социальной статистической группе можно отнести 3 погребения воинов первого хронологического периода (25% объема выборки) (табл. 5). Основным видом вооружения у них были копья и дротики. Единственное в группе захоронение воина-всадника известно в северной зоне региона (Лихачевка, 6). Два невсаднических погребения исследованы в южной зоне региона (Таранов Яр, 2, п. 1 и Таранов Яр, 24, п. 3), и их принадлежность к этносу переселенцев с Днепровского Правобережья не вызывает сомнений. Это позволяет искать генетические корни VIII социальной статистической группы среди населения Правобережья Днепра и южной зоны Ворсклинского региона. Появление захоронения воина-всадника, вооруженного копьем, в северной зоне региона, отсутствие в комплексе чернолощенной керамики можно рассматривать как свидетельство постепенного стирания межэтнических барьеров и формирования единой VIII социальной статистической группы сословия воинов в рамках региональной системы. На сравнительно высокий статус ее представителей указывает и то, что оба погребения воинов-копейщиков в курганах могильника у Таранова Яра сопровождались впускными погребениями зависимых лиц [Ковпаненко, 1970, с. 151, 163].

О наличии в рассматриваемый хронологический период IX социальной статистической группы сословия воинов свидетельствует парное погребение воина-невсадника и женщины в кургане Скоробор, 1965, 8 (табл. 5). Мужчина был вооружен боевым ножом, некоторые особенности в составе погребального инвентаря (отсутствие конской сбруи, нетипичный для большинства остальных воинов характер вооружения) могут свидетельствовать об определенном своеобразии социального статуса представителей IX группы в рамках сословия уже на раннем этапе его становления. О том, что этот статус был высоким, позволяют судить большие размеры погребальной камеры, парный характер захоронения, место совершения погребения (около Бельского городища).

XI социальная группа представлена погребальным комплексом с парным захоронением (Скоробор, 1972, 10) (табл. 5). Основным погребенным был воин-всадник, имевший защитный доспех, в сопровождении слуги-подростка. Здесь отмечена единственная для всех воинских захоронений рассматриваемого периода античная амфора. Огромные размеры погребального склепа (73 куб. м) и отсутствие чернолощенной керамики, наряду с другими признаками, отличающими социальный статус основного погребенного от остальных воинов первого хронологического периода, свидетельствуют в пользу предлагаемой интерпретации группы как воинской аристократии носителей культуры типа Восточного Бельского городища на территории Ворсклинского региона.

В целом для первого хронологического периода можно отметить некоторые различия в военной организации разных этнических групп населения. Однако уже заметна тенденция к более тесной консолидации воинов в рамках социальных статистических групп по функциональным признакам, а также в соответствии с местом в структуре социальной иерархии. Наиболее

[12] Последнее утверждение справедливо только для территории Ворсклинского региона. Детали конской сбруи отмечены на усадьбе воина VII социальной группы в районе раскопов V–Va–VI на селище Пожарная Балка (табл. 2), датируемой серединой VII-рубежом VI–V вв. до н. э. Однако на территории Ворсклинской РСЭС пока не известны погребения выходцев из области Днепровского Правобережья с жертвоприношениями коней (всадников), которые датировались бы временем ранее начала-середины рубежом VI вв. до н. э.

активно этот процесс протекал среди основной массы воинов (VII и VIII группы), которая не была однородной в этническом, имущественном и социальном отношениях. Высшие социальные группы сословия, по всей видимости, не включали представителей этноса, происходившего с Правобережья Днепра.

Ко второму хронологическому периоду (середина VI – первая половина V вв. до н. э.) относятся 16 воинских погребений, что составляет 21% от объема выборки по сословию (табл. 5). В количественном отношении погребения всадников и невсадников представлены в выборке одинаково – по 50% объема.

Новым, по сравнению с первым хронологическим периодом, явлением следует считать резкое сокращение числа одиночных женских погребений с оружием (0% всадниц и 6% невсадниц) и увеличение количества одиночных погребений мужчин-воинов (25% всадников и 38% невсадников). Половина всадников была похоронена в сопровождении зависимых лиц, в то время как коллективные погребения с основными захоронениями воинов-невсадников составили не более 6% от объема выборки по хронологическому периоду.

Отмеченную диспропорцию между количеством мужских и женских погребений следует объяснять более высокой смертностью среди мужчин- воинов в связи с активизацией военных действий в регионе и Скифии на рубеже VI–V вв. до н. э. Подтверждением этому служат данные о пожарах на ряде городищ Ворсклинской РСЭС [Моруженко, 1975б, с. 144], а также концентрация населения в центральной и северной зонах (81% погребений), защищенных развитой системой укрепленных поселений (табл. 1; 5; рис. 1; 2).

Захоронения в склепах продолжали преобладать у воинов-невсадников, однако 75% всех погребений второго хронологического периода были совершены в ямах с деревянным перекрытием. Для этого времени впервые отмечается широтная ориентировка погребальной камеры (П. Никитовка, 1975, 1). Жертвоприношения животных сопровождали преимущественно мужские погребения. Следы огня зафиксированы в 3 из 8 погребений всадников, причем в кургане Опишлянка тело мужчины было кремировано.

Чернолощенная посуда правобережного типа известна в 2 погребальных комплексах (13% по сравнению с 62% в первом хронологическом периоде), один из которых принадлежал воину-всаднику (Опишлянка).

Отмеченные для первого хронологического периода особенности социально статуса женщин-воинов на севере и юге региона продолжали сохраняться и во втором. Оба погребения с захоронениями женщин, всадницы и невсадницы, в сопровождении слуг зафиксированы только в южной зоне региона (Таранов Яр, 14 и Таранов Яр, 15).

В рассматриваемый период на фоне постепенно стирающихся этнических особенностей в погребальном обряде воинов более отчетливо начинают проявляться социальные различия между всадниками и невсадниками. Особым богатством отличался погребальный инвентарь всадников из погребений в курганах Витова Могила и Опишлянка. Как и раньше, только у воинов-всадников отмечен защитный доспех (Скоробор, 1965, 7) и античные амфоры. Средний объем насыпей курганов над погребениями всадников в 5 раз превосходит аналогичный показатель для комплексов с захоронениями воинов без жертвоприношения коня (соответственно, 2155 и 415 куб. м), что весьма примечательно даже при условии их частичного разрушения к моменту проведения измерений. В то же время, средние объемы погребальных камер (31 и 25 куб. м) разнятся не столь сильно, как в первом хронологическом периоде.

Распределение погребений с основными мужскими захоронениями по социальным статистическим группам, всего 12 комплексов (табл. 5), выглядит следующим образом.

VII группа воинов, вооруженных луком и стрелами, боевыми топорами, оставалась наиболее многочисленной (7 комплексов или 58% объема выборки). Лишь одно погребение воина-невсадника VII группы отмечено в южной зоне региона, на зольнике № VII селища Пожарная Балка. Все остальные известны в северной и центральной зонах (33% и 17%). Только для всадников были характерны погребения в сопровождении богатых женских захоронений (Скоробор, 1906, 4, Броварки, 503, Броварки, 505).

Наибольшим богатством инвентаря и монументальностью сооружений (объем насыпи – 7202 куб. м, погребальной камеры – 68 куб. м) отличался комплекс кургана Витова Могила. Обряд погребения позволяет видеть в похороненном здесь воине-всаднике представителя внутригрупповой знати, этнически связанной с населением северной зоны региона, обогатившейся и возвысившейся в период обострения военно-политической обстановки в Скифии на рубеже VI–V вв. до н. э.

Боевой топор и кинжал сохранились в погребении воина-пехотинца в кургане Скоробор, 1906, 1. Здесь же отмечен обломок лепного чернолощенного сосуда, указывающий на принадлежность погребенного к этнической группе переселенцев с Днепровского Правобережья. Однако материалы раскопок усадьбы В. Бельск, 23/2 (табл. 2) (рис. 2) свидетельствуют о том, что боевые топоры были и на вооружении обитателей этого памятника.

В.А. Ильинская, опубликовавшая подборку погребений воинов с боевыми топорами на Днепровском Лесостепном Правобережье, считала, что этот вид вооружения появился здесь «с внедрением скифской культуры» [Ильинская, 1975, с. 102–103, 104]. Не касаясь специально вопроса о степени влияния степных скифов на развитие культуры населения Правобережья Среднего Приднепровья, требующего отдельного рассмотрения, заметим, что в Ворсклинском регионе боевые топоры известны только в центральной зоне, и появление их на вооружении некоторых воинов VII социальной группы, живших на Западном Бельском городище, правильнее связывать с влиянием будино-гелонов, а не скифов. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует о завершении процесса консолидации различных этнических элементов в единую VII социальную статистическую группу воинского сословия, важная роль в котором принадлежала раннегородскому центру Гелону – Бельскому городищу.

VIII социальная статистическая группа представлена в выборке одним погребением с захоронением воина-всадника в кургане Опишлянка. По богатству инвентаря оно не отличалось от погребения знатного всадника VII группы в кургане Витова Могила. Но кремация покойника, характерная для погребального обряда населения Днепровского Правобережья доскифского и скифского времени [Ильинская, 1975, с. 74–79, 80, 84–87; Петренко, 1967, с. 17–20], чернолощеная корчага свидетельствует о его этнической принадлежности к переселенцам из-за Днепра. С известной осторожностью можно предположить, что в силу преобладания в составе группы выходцев с Днепровского Правобережья, отмеченного для предыдущего периода, формирование внутригрупповой знати происходило на этой этнической основе.

О IX социальной статистической группе сословия воинов во втором хронологическом периоде позволяет судить парное погребение всадника и женщины с богатым инвентарем и античной амфорой в кургане Броварки, 503. Мужчина, кроме боевого ножа, был вооружен луком. Судя по месту совершения захоронения, воины IX группы в это время принимали участие в укреплении и защите северо-западных границ региона, а не только центральной зоны, как в предыдущем хронологическом периоде (рис. 2).

В конце VI – первой половине V вв. до н. э. оформилась X социальная статистическая группа сословия воинов. В выборке по периоду она представлена 2 одиночными погребениями воинов-невсадников в курганах Осняги, 9 и Скоробор, 1906, 5. Оба погребенных были вооружены кинжалами, а в комплексе Осняги, 9 сохранились пращевые ядра. Здесь же обнаружены обломки греческого чернолакового сосуда.

Появление X социальной статистической группы в сословии воинов следует связывать с процессами имущественной и социальной дифференциации в среде основной массы воинов, входивших в VII социальную статистическую группу. Связующим звеном между ними является комплекс погребения в кургане Скоробор, 1906, 1, рассмотренный выше. Сохранившиеся в нем боевой топор и кинжал служат факторными признаками VII и X социальных групп (табл. 3). Наиболее активно этот процесс протекал в раннегородских центрах:все отмеченные погребения известны только в окрестностях Бельского городища, а усадьбы X социальной группы – на городищах Восточном Бельском и Полковой Никитовке (В. Бельск, 1/1 и П. Никитовка, раскоп XIV).

XI социальная статистическая группа представлена в выборке по периоду погребальным комплексом из кургана Скоробор, 1965, 7. Похороненный здесь воин-всадник был вооружен луком и стрелами, имел панцирь из железных пластин. В погребении сохранилась античная амфора и деревянная ритуальная чаша с золотыми оковками.

Таким образом, основными тенденциями развития сословия воинов во втором хронологическом периоде можно считать постепенное стирание этнических различий, консолидацию основной массы простых воинов в VII социальную статистическую группу, усиление процессов имущественной и социальной дифференциации. В результате этого становится хорошо заметным существование прослойки внутригрупповой воинской знати, для которой было характерно всадничество, выделяется новая X социальная группа воинов, основу формирования которой составляли богатые воины-горожане. Высокое имущественное и социальное

положение представителей X–XI групп подчеркивалось помещением в их могилы античной керамики. Высшее место воинской аристократии в социальной структуре общества было связано и с наделением ее представителей идеологическими функциями, о чем свидетельствует ритуальная чаша [Бессонова, 1983, с. 103–104]. Ускорению и углублению отмеченных процессов способствовало общее повышение роли сословия воинов в жизнедеятельности региональной системы, связанное с обострением военно-политической обстановки в Скифии на рубеже VI–V вв. до н. э.

К третьему хронологическому периоду относятся 37 погребальных комплексов, или 48% объема выборки по сословию (табл. 5). Всадники и невсадники представлены в выборке примерно одинаково: 43% и 57% погребений. Мужские одиночные захоронения с жертвоприношением коня составляют 24%, женские – 11%, коллективные – 8%. Для погребений невсадников эти пропорции в целом сохраняются, за исключением коллективных захоронений, соответственно, 27%, 8% и 22%.

Доля всаднических погребений в северной зоне региона сократилась до 11%. В то же время она возросла более чем в два раза по сравнению с предыдущим периодом (27% объема выборки) в центральной зоне. Лишь 5% захоронений с жертвоприношением коня отмечены в южной зоне региона.

Число невсаднических погребений в северной и южной зонах, напротив, увеличилось до 27% и 16%, и сократилось до 14% в центральной (при сохранении общей тенденции к уменьшению количества воинских захоронений на юге региона).

Основным типом погребальной камеры в третьем хронологическом периоде была грунтовая яма с деревянным перекрытием, иногда с покрытием пола деревом или корой (81% погребений). Склепы отмечены в 19% захоронений и встречаются у всадников в 2,5 раза чаще, чем в погребальных комплексах остальных воинов, превращаясь, таким образом, из признака этнического в признак социальный. Только для всаднических погребений отмечена широтная ориентировка могильных камер (5% от общего числа захоронений по периоду).

Жертвоприношения животных отмечены в 27% погребальных комплексов и встречаются в погребениях невсадников в 2 раза чаще, чем в захоронениях всадников. Соотношение случаев применения огня в погребальном обряде всадников и невсадников соответствует общей тенденции, отмеченной для предыдущих хронологических периодов (табл. 5).

Среди женских всаднических погребений в двух комплексах с богатым инвентарем оружия не было (Настельный, II, 5 и Настальный, III, 3). Но эта тенденция ещё не стала всеобъемлющей, на что указывают погребения знатных женщин-воинов, вооруженных луком и копьями, в курганах Настельный, II, 2 и П. Никитовка, 1980, Б, 20. Не исключено, что женщина, похороненная в последнем из них, принадлежала к аристократической XI социальной группе воинов.

Характерной особенностью третьего периода можно считать повышение общего уровня имущественного благосостояния воинов: появились богатые захоронения не только всадников, но и невсадников. В этом отношении все большее значение начинает приобретать статус социальной статистической группы, к которой относились воины: с его повышением возрастал и материальный достаток.

Сравнение трудовых затрат на совершение погребения всадников и невсадников свидетельствует о более высоком социальном статусе всадников. Объемы курганных насыпей над захоронениями с жертвоприношениями лошадей в среднем в 4 раза больше, чем над погребениями воинов невсадников (1427 и 360 куб. м), а средние размеры погребальных камер, как и в первом хронологическом периоде, различаются почти в 2 раза (25 и 13 куб. м).

К третьему хронологическому периоду относятся 24 погребения мужчин-воинов (табл. 5).

VII социальная статистическая группа представлена 8 комплексами, что составляет 33% объема выборки – в 1,8 раза меньше, чем было отмечено для предыдущих хронологических периодов, захоронения всадников и невсадников представлены одинаково. Первые известны только в центральной зоне региона, вторые – во всех зонах с некоторым преобладанием в северной. Античная керамика (амфоры и столовая посуда) отмечены лишь в двух комплексах Перещепинского могильника с погребениями всадника (курган № 1) и пехотинца (основное погребение в кургане № 3).

К VIII социальной группе сословия воинов относились погребения с конской сбруей в кургане Броварки, 502 и парным захоронением воина-невсадника с женщиной в кургане Кириковка, В, 12, п. 1 (8% от объема выборки по периоду). Оба воина были вооружены копьями, а всадник дополнительно луком со стрелами. В обоих погребениях обнаружена античная керамика.

IX социальная статистическая группа представлена также двумя погребениями в центральной (Саранчево Поле, 10) и южной (Великая Богачка, 1, п. основное) зонах региона. Первое из них принадлежало всаднику. Обращает на себя внимание сохранение общей тенденции расселения представителей группы на Бельском городище, а также среднем (второй хронологический период) и нижнем течении р. Псла.

X группа численно возросла и представлена 6 погребальными комплексами (25% объема выборки). В отличие от предыдущего периода, одно погребение известно и в южной зоне региона (Таранов Яр, 13). Половина погребенных была всадниками. В двух комплексах (Осняги, 4 и Перещепино, 3, п. впускное) обнаружены парадные мечи с обложенной золотым листом рукояткой, причем наличие или отсутствие в погребении жертвоприношения коня в данном случае значения не имело. В двух других погребениях сохранились отдельные украшения из драгоценных металлов (Скоробор, 1975, 11; Настельный, IV, 1). О тесной связи группы с античным рынком свидетельствует широкое распространение в погребениях античной керамики. Все воины X социальной группы были лучниками, а невсадники, кроме мечей и кинжалов, владели копьями и дротиками. Быстрое обогащение членов рассматриваемой группы привело к появлению у некоторых воинов защитного доспеха (Скоробор, 1975, 11), что сближает их с представителями XI социальной статистической группы.

XI группа представлена в выборке также 6 погребениями, причем 4 из них принадлежали невсадникам. В рассматриваемый период захоронения членов XI группы появляются и на юге региона (Орлик, 3; Великая Богачка, 1, п. впускное), но в них не было следов жертвоприношения коня.

О высоком материальном положении рассматриваемой социальной группы свидетельствует широкое распространение в наборе погребального инвентаря изделий из золота, античной амфорной и столовой керамики, обязательное наличие защитного доспеха. Только в этой группе известен бронзовый котел (Орлик, 3), деревянная культовая чаша, оббитая пластинками из драгоценных металлов с изображениями животных (Великая Богачка, 1, п. впускное), ритон из золота и серебра (Скоробор, 1975, 17), золотая культовая плеть-скипетр (П. Никитовка, 1980, А, 1). Они подчеркивают ведущее положение воинов-аристократов в иерархической структуре социальной системы, закрепленное приданием группе важных идеологических функций.

Отметим, что в третьем хронологическом периоде основные тенденции социально-экономического развития сословия воинов достигли наивысшего проявления. Рост общего уровня материального достатка воинов сопровождался концентрацией богатства в руках представителей высших социальных статистических групп, численность которых заметно возросла. С другой стороны, этот процесс сопровождался усилением внутригрупповой и внутрисословной социальной дифференциации. Часть обедневших семей низшей (VII) социальной группы сословия, вероятно, утратила социально-юридический статус воинов, что отразилось на общей численности погребений этой группы в выборке по периоду. Появление захоронений некоторых представителей воинской аристократии без жертвоприношений коня, учитывая данные по предыдущим хронологическим периодам, можно рассматривать как признак социальной неоднородности верхушки общества.

Таким образом, анализ погребений воинов на территории Ворсклинского региона показывает, что процесс этнической и социальной консолидации этой категории населения скифского времени сопровождался установлением сложной внутрисословной иерархии. Основными элементами и гомогенными уровнями этой структуры были социальные статистические группы, известные и по материалам поселений. При этом, по крайней мере в первом и втором хронологических периодах развития Ворсклинской РСЭС, имущественное положение не обязательно соответствовало внутригрупповому и внутри сословному статусу воинов.

Предложенная методика изучения погребальных комплексов позволила установить, что в среде воинов рассматриваемой региональной системы всадничество было сложным и многоплановым социальным явлением. Первоначально оно служило характерным признаком военной организации преимущественно носителей культуры типа Восточного Бельского городища. С включением в нее других этнических элементов, всадничество стало привилегией внутригрупповой воинской знати, разноэтничной по составу, внутрисословный статус которой определялся общественным положением социальных групп. Дольше всего всадничество оставалось характерным социальным атрибутом воинской аристократии. Но и в ее среде с развитием социальной и имущественной дифференциации постепенно выделилась прослойка особо знатных

семей, привилегированное положение которых подчеркивалось жертвоприношением коня при совершении обряда погребения.

Во **II суперкластер** (табл. 5; рис. 17) выделены мужские, женские и коллективные погребения, инвентарь которых включал в себя импортные изделия античных ремесленников, но не содержал предметов вооружения. Ни один из этих комплексов не сопровождался конскими жертвоприношениями.

В первом хронологическом периоде одиночные захоронения мужчин представлены комплексами в курганах Таранов Яр, 5 [Ковпаненко, 1970, с. 152], Скоробор, 1975, 21 [Шрамко, 1976а, с. 31–32, рис. XXIX, 2; XXX, 3–4; XXXVI, 3], Коломак, 1 [Радзиевская, 1985, рис. 1, 1; 3], Покровский, 1, п. 2 [Данилевский, 1908, с. 20]. Погребальные камеры представляли собой ямы с деревянным перекрытием, за исключением деревянного склепа в кургане Таранов Яр, 5.

Погребение в кургане Покровский, 2, п. 1 сохранилось неразрушенным. Покойник лежал на левом боку на погашенном костре из дубовых поленьев, головой на Ю3. У него в ногах стояла плоскодонная амфора первой половины VI в. до н. э., расписанная красной краской. Других вещей в могиле не было.

Не обнаружено жертвоприношений животных, посыпки покойников охрой, мелом, известью и в остальных комплексах. Не было в них и следов огненного ритуала. Местная лепная керамика (черпак, миска с налепными валиками, фрагмент корчаги – все со следами лощения) найдена в захоронениях курганов Таранов Яр, 5 и Скоробор, 1975, 21. В последнем из перечисленных комплексов после ограбления сохранились обломки античного сосуда; в насыпи кургана Таранов Яр отмечена ручка амфоры. Две плоскодонные расписные амфоры первой половины VI в. до н. э. сохранились в кургане Коломак, 1.

Третьим хронологическим периодом (точнее, второй половиной V–IV вв. до н. э.) датируется комплекс из кургана Скоробор, 1975, 20. Из погребального инвентаря в могильной камере сохранились обломки лепной миски, амфоры и чернолакового сосуда [Шрамко, 1976а, с. 30–31, рис. XVIII, I].

Женские одиночные погребения представлены в выборке по II суперкластеру 8 комплексами (47% выборки). К первому хронологическому периоду относятся погребения в курганах Осняги, 2 [Городцов, 1911, с. 128, рис. III, 5; Ковпаненко, 1967, с. 99], Скоробор, 1965, 1, Скоробор, 1965, 2 [Шрамко, 1966а, с. 24–28, рис. XXIII, 1–3; XXIV, 24, 26–29; XXV, 1–8; XXVI, 1, 10, 11; XXVII, 1–2, 4,5–5а, 8–10; XXVIII, 16, 17], Таранов Яр, 6 [Ковпаненко, 1970, с. 152].

В кургане Скоробор, 1965, 1 женщина была похоронена в большом (37 куб. м) склепе с вертикальной облицовкой стен деревянными плахами. Остальные погребения были совершены в ямах с деревянным полом и перекрытием. Кости жертвенных животных отмечены в кургане Скоробор, 1965, 2. Несколько в стороне от центра насыпи, рядом с погребением, была устроена небольшая культовая площадка, где отмечены следы кострища, найдены глиняные модели зерен культурных растений, обгорелая шерсть животных. Остатки костра зафиксированы и в погребальной камере кургана Таранов Яр, 6. Куски серы, реальгара сохранились в могилах под насыпями курганов Скоробор, 1965, 1, Скоробор, 1965, 2, Таранов Яр, 6. В первом из них пол был посыпан известью.

Во всех погребениях, за исключением кургана Скоробор, 1965, 1, представлена местная лепная посуда: две мисочки, горшок и кусок со следами лощения (Таранов Яр, 6), чернолощеный черпак (Скоробор, 1965, 2), горшок с налепным валиком (Осняги, 2). В комплексе погребения кургана Скоробор, 1965, 1 сохранилось блюдо неизвестного античного центра первой половины VI в. до н. э. Здесь же отмечен большой вязальный крючок из кости, оформленный в зверином стиле, обломок железного ножа. Женщина в кургане Таранов Яр, 6 была похоронена с глиняным пряслицем, а женщина средних лет из погребения в кургане Скоробор, 1965, 2 – с бронзовым зеркалом ольвийского типа, ручку которого украшала фигурка пантеры.

В непотревоженной грабителями камере кургана Скоробор, 1965, 2 в области шеи и груди женского костяка сохранилось ожерелье из стеклянных и золотых бусин, справа от черепа лежала бронзовая гвоздевидная булавка. Другая, размером поменьше, отмечена в области груди. Ожерелье из 250 бусин, среди которых были сердоликовые, украшало погребенную в кургане Таранов Яр, 6. Девять золотых бляшек от одежды женщины сохранились после разграбления комплекса в кургане Осняги, 2.

Концом VI – первой половиной V вв. до н. э. датируются погребения в курганах Таранов Яр, 20 и Лихачевка, 1 [Рудинський, 1949, с. 59; Ковпаненко, 1970, с. 162; Зарецкий, 1888, с. 241, рис. 2, 1, 6, 7]. Первое из них М.Я. Рудинский отнес к кенотафам: под насыпью кургана на уровне древнего горизонта лежала плита из песчаника.

Рядом с ней – перевернутая вверх дном миска, две белые бусины и кусочки реальгара. Второе погребение было совершено в яме с деревянным перекрытием, носившим следы огня. Из украшений и погребального инвентаря отмечены: золотая бляшка в виде четырехлепестковой розетки, золотые бусина и пронизь, стеклянная бусина, обломок бронзовой булавки, реальгар.

Третьим хронологическим периодом (середина V – IV вв. до н. э.) датируются погребения женщин в курганах Скоробор, 1975, 19 и Кириловка, В, 4, п. 1 [Шрамко, 1976а, с. 29–30, рис. XXI, 2; XXVIII, 2; Мельник, 1905, с. 707]. Оба они были совершены в деревянных склепах. В первом случае с ЮЗ стороны погребальной камеры находился дромос, а во втором – на перекрытии засвидетельствованы следы костра. Костей жертвенных животных и минеральной краски в погребениях не было.

В обоих комплексах отмечены обломки местных лепных сосудов, золотые бляшки с отверстиями для нашивания на одежду. Отдельные бусины от ожерелья и бронзовое височное кольцо с двумя бусинами-подвесками найдены в могиле под насыпью кургана Кирикова, В, 4, п. 1.

В большинстве случаев погребальные камеры были ориентированы в меридиональном направлении. Склеп в кургане Кирикова, В, 4, п. 1 имел широтную ориентировку. Женщина, похороненная в кургане Скоробор, 1965, 2, лежала головой на запад.

Коллективные погребения II суперкластера представлены 4 комплексами (22% объема выборки).

Коллективные погребения с основными мужскими захоронениями немногочисленны и относятся к третьему хронологическому периоду (середина V – IV вв. до н. э.). Они обнаружены в курганах Скоробор, 1975, 16 и Кириковка, В, 15 [Шрамко, 1976а, с. 24–25, рис. XIV, 2–3; XXV, 2–5, 7–8, 10–12; Мельник, 1905, с. 716].

По антропологическим наблюдениям, в первом комплексе были похоронены мужчина и женщина средних лет. Можно предположить, что во втором были погребены двое мужчин. По своему устройству погребальные камеры не были одинаковыми: в кургане у с. Кириковки погребенные лежали в небольшой яме трапециевидной формы с 4 столбами. В кургане в урочище Скоробор исследователь отметил кости коровы и кусок мела. В обоих погребениях сохранились обломки чернолаковой античной столовой посуды. В погребении кургана Скоробор, 1975, 16 найдены обломки краснофигурного греческого арибала, стеклянная глазчатая бусина.

Погребенные в кургане Скоробор, 1975, 16 были ориентированы головами на север, а в кургане Кирикова, В, 15 – на запад.

К первому хронологическому периоду относится коллективное погребение в кургане Таранов Яр, 19, где под небольшой насыпью (43 куб. м) в могильной яме с деревянным перекрытием (6 куб. м) были похоронены две женщины. Около ног основной погребенной лежали обломки предметов из серебра и железа, возле головы стояла миска, а справа, в западной части погребальной камеры, отмечено ожерелье из 198 мелких стеклянных бусин. Вторая погребенная, по всей видимости рабыня-служанка, лежала по левую сторону от первой женщины. Ее инвентарь состоял из лепной миски, двух небольших горшочков, кусков серы и реальгара [Ковпаненко, 1970, с. 161].

Третий хронологический период (середина V – IV вв. до н. э.) представлен погребением в кургане Покровский, 9 [Данилевич, 1908, с. 26–27; графическую реконструкцию см.: Либеров, 1962, рис. 2]. Основная погребенная лежала на спине в вытянутом положении головой на СЗ. Возле ее черепа сохранилась бронзовая серьга, на груди отмечено ожерелье из мелких золотых, стеклянных и глиняных бусин с подвесками из стекла и кости. Под ожерельем найдены золотые бляшки в форме зайчиков, украшие ворот одежды. В районе поясницы отмечена железная пряжка от пояса, правая рука женщины была украшена железными и бронзовыми браслетами. Возле головы был поставлен небольшой лепной горшочек, рядом с ним лежал перержавевший железный предмет, посыпанный серой. Слева от погребенной находилась белая песчаниковая плита, у правого плеча лежали две бронзовые булавки, у левого – бронзовое зеркало. Дно погребальной камеры было покрыто досками, на которые сверху был уложен слой бересты. На глиняном выступе стенки были сложены кости жертвенного животного, посыпанные известью. В ногах женщины (лицом к ней на левом боку) лежал сопровождающий погребенный без вещей. Около его правой ступни была насыпана кучка золы.

Приведенное описание погребальных комплексов II суперкластера показывает, что они имеют ряд общих черт с рассмотренными выше погребениями сословия воинов и в то же время обладают некоторыми специфическими особенностями в обряде погребения и наборе погребального инвентаря.

Прежде всего следует отметить почти полное совпадение частостей, характеризующих

внутрирегиональное распределение погребений I и II суперкластеров (табл. 5). Наиболее плотно были заселены центральная и северная зоны региона, тогда как на южную приходится лишь 24% объема выборки погребений II суперкластера (соответственно, 28% погребений воинов). Главным видом погребальных камер в обоих случаях были грунтовые ямы с деревянным перекрытием (63% и 69%). Склепы с деревянными стенками, полом и накатников составляют лишь 31% от общего числа погребений (34% для сословия воинов).

Особенности погребального обряда захоронений II суперкластера, заключаются в следующем. Среди них в 4,5 раза чаще встречается широтная ориентировка могильных камер, в 1,6 раза чаще использовался огонь при совершении погребений, почти в 3 раза чаще, чем было отмечено для воинов, в могилы помещали куски минеральной краски – мел, серу, реальгар (табл. 5). Немногим более половины погребений II суперкластера в первом и втором хронологическом периодах имели в составе погребального инвентаря чернолощеную керамику (55%), тогда как значение этого показателя для сословия воинов не превышает 45%. В то же время, жертвоприношения животных более характерны для обряда погребения воинов (29%), чем для комплексов II суперкластера (18%).

Более низкий социальный статус погребенных II суперкластера по сравнению с представителями воинского сословия выразился и в относительно небольших средних размерах погребальных камер (11 куб. м против 21 куб. м для воинских захоронений). Погребение вместе с основным покойником зависимых лиц было более характерным признаком захоронений знатных воинов (30% от объема выборки по сословию), чем погребальных комплексов II суперкластера (24% объема выборки) (табл. 5).

К сожалению, небольшой объем выборки не позволяет детально проследить возможные изменения в погребальном обряде по хронологическим периодам. Что же касается погребального инвентаря, то характерной особенностью погребений II суперкластера следует считать отсутствие предметов вооружения, конской сбруи или других форм жертвоприношений коня. Начиная с середины VI в. до н. э., широкое распространение получила дорогая античная столовая и парадная керамика, отмеченная в 41% погребальных комплексов, тогда как простые амфоры найдены лишь в 12% погребений (табл. 5). В погребениях женщин довольно часто помещали зеркала (18% от объема выборки), ожерелья (41%), украшения из золота (41%). Все это свидетельствует о ранней и тесной связи большинства погребенных, точнее, их семей, этой немногочисленной, но важной категории населения Ворсклинской РСЭС, с античным рынком и высоком уровне их материального достатка при отсутствии резкой внутренней имущественной дифференциации.

На мирный характер занятий социально-юридической категории населения Ворсклинской РСЭС, представленной в выборке по региону погребениями II суперкластера, указывает также соотношение мужских и женских погребений. Если для сословия воинов было характерно значительное преобладание захоронений мужчин (70% против 30% женских захоронений), то во II суперкластере количество мужских и женских погребений примерно одинаково при некотором преобладании женских захоронений (41% и 59%).

Отмеченные особенности погребального обряда и набора погребального инвентаря позволяют видеть в комплексах, объединенных во II суперкластер, захоронения представителей V и VI социальных статистических групп населения Ворсклинской РСЭС, выражавших основные прогрессивные тенденции социально-экономического развития сословия земледельцев, скотоводов, купцов. О тесной связи с сельским хозяйством свидетельствуют находки глиняных моделей зерен культурных растений под насыпью кургана Скоробор, 1965, 2. Столь необычный обряд погребения может указывать на то, что похороненная здесь женщина обладала определенными жреческими функциями в рамках своей социальной группы.

К **III суперкластеру** отнесены мужские, женские и коллективные погребения без оружия и жертвоприношения коня. В отличие от рассмотренных выше комплексов II суперкластера, в них почти нет предметов античного импорта (табл. 5; рис. 17).

При социальной интерпретации погребенных важное значение имеет способ совершения захоронения. В этом плане следует различать основные погребения под курганными насыпями[13], грунтовые захоронения без насыпки курганов, погребения, впущенные в насыпи курганов с основными захоронениями скифского времени.

Отдельно следует рассматривать погребения, которые по причине отсутствия погребального

[13] К ним относим и погребения, впущенные в насыпи курганов бронзового века.

инвентаря не могли быть включены в матрицу исходных данных.

Погребения мужчин были основными в курганах Осняги, 3 [Городцов, 1911, с. 129, 133], Васильевка, 4 [Луговая, 1981, с. 6–7], Скоробор, 1975, 25 [Шрамко, 1976а, с. 36–37], Таранов Яр, 22 [Ковпаненко, 1970, с. 162]. Несколько одиночных погребений мужчин были впущены в насыпи курганов бронзового века: Безымянная Могила, п. Б, Безымянная Могила, п. Д. [Шрамко, Щегленко, 1981, с. 10–12], П. Никитовка, 1975, 2, п. 9, П. Никитовка, 1975, 4, п. 1 и п. 3 [Моруженко, 1976, с. 13–14, 17–18, рис. XI, 2; XII; XVIII; XIX, 1–2].

В одном из перечисленных комплексов отмечен склеп, южная часть которого обгорела (Таранов Яр, 22). В кургане Осняги, 3 сохранились кости овцы. Единственным инвентарем во всех погребениях были лепные сосуды: горшки (Осняги, 3; Таранов Яр, 22; впускные погребения в курганах у с. Полковая Никитовка), миски (Осняги, 3; Васильевка, 4), чернолощеные корчаги, черпаки, кубки (Васильевка, 4; Скоробор, 1975, 25; оба впускных погребения в кургане Безымянная Могила; Таранов Яр, 22). Во всех случаях погребенные лежали на спине. Один покойник был ориентирован головой на запад (П. Никитовка, 1975, 2, п. 9), остальные – в меридиональном направлении. Датируются комплексы приблизительно, но временем не позднее второго хронологического периода.

Одиночные погребения женщин представлены в выборке полнее. К первому хронологическому периоду относятся 14 погребальных комплексов: Таранов Яр, 3, Таранов Яр, 18, п. 1, Таранов Яр, 21, Таранов Яр, 25, Таранов Яр, 30, Таранов Яр, 32, Таранов Яр, 33, п. 4, Таранов Яр, 34, п. 2, Таранов Яр, 36, Таранов Яр, 38, п. 2 [Ковпаненко, 1970, с. 152, 160, 162, 165–167, 169], Скоробор, 1906, 3, Скоробор, 1906, 7 [Городцов, 1911, с. 140–142; Ковпаненко, 1967, с. 169, рис. 43, 13, 14], Скоробор, 1965, 3 [Шрамко, 1966а, с. 28–29, рис. XXVIII, 1, 3–4], Перещепино, 5 [Шрамко, Щегленко, 1981, с. 9–10, рис. XXI; XXIII; XXV, 1, 3].Четыре из них сопровождались впускными захоронениями: Таранов Яр, 18 п. 1 (впускное погребение мужчины с лепной миской), Таранов Яр, 23 (впускное погребение подростка, лежавшего скорченно на боку, без вещей), Таранов Яр, 33, п. 4 (три впускных сопровождающих захоронения женщин, положенных на боку или лицом вниз), Таранов Яр, 38, п. 2 (одно впускное безынвентарное погребение). Половина погребальных камер была устроена в виде деревянных склепов– Таранов Яр, 3, Таранов Яр, 21, Таранов Яр, 32, 33, п. 4, Таранов Яр, 34, п. 2, Таранов Яр, 38, п. 2, Скоробор, 1965, 3. В остальных случаях они представляли собой грунтовые ямы с деревянным перекрытием.

Жертвоприношение овцы обнаружено лишь в одном случае вместе с посыпкой дна камеры мелом (Скоробор, 1965, 3). Сера и реальгар отмечены исследователями в погребениях курганов Таранов Яр, 3, Таранов Яр, 25, Скоробор, 1906, 7. В двух случаях зафиксированы следы огня (Таранов Яр, 21 и Таранов Яр, 38, п. 2).

Во всех погребальных комплексах сохранилась лепная посуда, представленная горшками, мисками, корчагами, черпаками, кубками, часто покрытая черным лощением. В двух погребениях найдены глиняные пряслица (Таранов Яр, 21 и Скоробор, 1965, 3). Лишь у одной женщины, похороненной в основном погребении кургана Таранова Яра, 18, было бронзовое зеркало. Украшения в большинстве случаев состояли из бус, иногда собранных в небольшие ожерелья (Таранов Яр, 3, Таранов Яр, 25), железных, реже бронзовых, булавок (Таранов Яр, 18, п. 1, Таранов Яр, 25, Таранов Яр, 32, Таранов Яр, 33, п. 4, Таранов Яр, 38, п. 2, Скоробор, 1906, 7, Перещепино, 5), бронзовых проволочных браслетов (Таранов Яр, 32, Скоробор, 1906, 3, Скоробор, 1906, 7). В 2-х из рассмотренных комплексов женщины лежали на спине, головой в южном направлении, один раз отмечена скоченность погребенной на левом боку (Таранов Яр, 25).

Ко второму хронологическому периоду относится женское грунтовое захоронение на селище Пожарная Балка (раскоп VII, п. 2) [Андриенко, 1980а, с. 13, рис. XX, 1; XXV, 2; XXVII, 1–4], совершенное уже после прекращения жизни на поселении[14]. Молодая женщина лежала на спине в неглубокой яме, единственным инвентарем при ней были две железные булавки.

Недалеко от этого погребения исследовано грунтовое погребение подростка с лепной миской (п. 4) [Андриенко, 1980а, с. 13, рис. XX; XXV, 1].

Молодой мужчина или подросток был похоронен в неглубокой яме на участке раскопа XXX (п. 1) на Восточном Бельском городище. Он лежал на спине, головой на ЮВ, рядом с черепом была поставлена большая лепная миска [Шрамко, 1985б, с. 376]. Комплекс в целом напоминает сопровождающее захоронение юноши в коллективном погребении кургана Скоробор,

[14] Обнаруженное здесь же грунтовое погребение воина VII социальной группы по наблюдениям автора раскопок относится к несколько более раннему времени [Андриенко, 1980а, с. 14].

6 [Городцов, 1911, с. 141–142, рис. 108; 109]. Для нас важно то, что грунтовое погребение было совершено на территории усадьбы В. Бельск, 14–30/А, принадлежавшей воинам IX социальной статистической группы (табл. 2; рис. 15). Судя по обряду погребения и набору инвентаря, этот юноша относился к другой, более низкой, категории населения Ворсклинской РСЭС, но входил в состав семейной общины, жившей на этой усадьбе.

Единственное коллективное погребение, включенное в III суперкластер (Таранов Яр, 23 п. 2) датируется VI в. до н. э. [Ковпаненко, 1970, с. 163]. В небольшой погребальной яме под курганной насыпью лежало два скелета: один из них, женский, на спине, второй – в скорченном положении на боку. Погребальный инвентарь состоял из двух мисок, лепного горшка, двух бронзовых булавок и мелких бус.

Впускные сопровождающие погребения мужчин представлены 3 комплексами: Дучанцы, 1, п. 2 (над основным захоронением женщины-всадницы VII социальной группы воинов), Таранов Яр, 18, п. 2 (над основным погребением женщины с бронзовыми украшениями и зеркалом), Таранов Яр, 38, п. 1 (над основным захоронением женщины в склепе со сравнительно богатым инвентарем) [Ильинская, 1957, с. 242; Ковпаненко, 1970, с. 161, 169]. Единственным погребальным инвентарем во впускных захоронениях была лепная посуда: горшки (Дучанцы, 1, п. 2, Таранов Яр, 38, п. 1), миски (Таранов Яр, 18, п. 2, Таранов Яр, 38, п. 1), черпак (Таранов Яр, 18, п. 2). Погребенный в кургане у с. Дучанцы лежал на спине, в остальных случаях покойники были положены скорчено на боку. Все комплексы датируются временем не позднее VI в. до н. э.

Известно 5 впускных сопровождающих женских погребений: Таранов Яр, 2, п. 2, Таранов Яр, 33, п. 1, Таранов Яр, 33, п. 2, Таранов Яр, 33, п. 3, Таранов Яр, 34, п. 1 [Ковпаненко, 1970, с. 151, 166–167]. Первое из них было совершено над основным захоронением мужчины-воина VIII социальной статистической группы, остальные – над женскими погребениями, включенными в III суперкластер. Почти во всех впускных погребениях была лепная посуда: горшки (Таранов Яр, 33, п. 1, Таранов Яр, 33, п. 2), миска (Таранов Яр, 34, п. 1), кубки (Таранов Яр, 2, п. 2 и Таранов Яр, 34, п. 1), черпак (Таранов Яр, 2, п. 2). В двух случаях найдены пряслица (Таранов Яр, 2, п. 2 и Таранов Яр, 34, п. 1). Из личных украшений отмечены несколько бусин (Таранов Яр, 34, п. 2) и проволочный бронзовый браслет (Таранов Яр, 34, п. 1). Все женщины были похоронены в скорченном положении. Датируются комплексы VI в. до н. э.

На территории Ворсклинского региона известно 6 безынвентарных одиночных погребений, бесспорная принадлежность которых к скифскому времени установлена стратиграфически и типологически. Среди них следует различать захоронения детей и взрослых.

Два грунтовых детских погребения обнаружены на селище Пожарная Балка (раскоп VII, п. 3) и на Восточном Бельском городище (раскоп XXX, п. 2), а одно было впущено в насыпь кургана Таранов Яр, 23 (п. 1) над основным коллективным захоронением [Андриенко, 1980а, с. 13, рис. XX, 1; XXIV, 1; Шрамко, 1985б, с. 376; Ковпаненко, 1970, с. 162]. В последнем случае ребенок лежал скорчено, в погребении на селище Пожарная Балка – на спине. Оба раза зафиксирована восточная ориентировка погребенных.

Погребения взрослых без сопровождающего инвентаря отмечены на селище Пожарная Балка (раскоп VII, п. 4) и в кургане Таранов Яр, 24 над основным захоронением мужчины-воина VIII социальной статистической группы (п. 1 и п. 2) [Андриенко, 1980а, с. 14; Ковпаненко, 1970, с. 163]. Оба погребенных в кургане Таранов Яр, 24 лежали в скорченном положении на боку, головой в южном направлении. На селище Пожарная Балка покойник был ориентирован головой на восток в вытянутом положении на спине.

Большинство из рассмотренных погребений III суперкластера датируются первым (74%), реже вторым (26%) хронологическими периодами и были выявлены на территории тех могильников, раскопки которых проводились более-менее планомерно. На рубеже VI–V вв. до н. э. появляются грунтовые захоронения, существование которых в регионе выяснилось лишь с началом широких раскопок поселений. Это дает основания предполагать, что со временем будут обнаружены и исследованы большие грунтовые могильники с погребениями V–III вв. до н. э., что позволит расширить круг наших представлений о погребальном обряде низших категорий населения Ворсклинского РСЭС.

С другой стороны, на формирование выборки погребений, включенных в III суперкластер, известное влияние оказали недостатки методики раскопок памятников в ранний период исследований и активная распашка насыпей, приведшая к исчезновению, прежде всего, небольших курганов. Нельзя не учитывать и субъективный фактор, сводящийся к тому, что внимание исследователей привлекали и продолжают при-

влекать преимущественно большие курганы с богатыми захоронениями, тогда как «рядовые» погребения под ещё сохранившимися невысокими насыпями целенаправленно не изучаются.

Таким образом, по ряду объективных и субъективных причин выборка погребений, вошедших в III суперкластер, является в целом менее информативной, чем погребения I и II суперкластеров. И все же, с учетом результатов анализа материалов поселений, она позволяет сделать ряд важных для темы нашей работы наблюдений и выводов.

Погребения, отнесенные к разряду основных, принадлежали свободным членам общества. Судя по сравнительной бедности погребального инвентаря, между ними могли быть представители низшей, реконструируемой теоритически, социальной группы земледельцев, живших на небольших поселениях, слабо связанных с античным рынком. Некоторые погребения, вероятно, принадлежали ремесленникам, особенно в окрестностях Бельского городища и в курганах около городища Полковая Никитовка, но скудость и однообразие погребального инвентаря не позволяют проследить межгрупповые различия. В женских погребениях заметна определенная имущественная дифференциация, связанная с уровнем материального достатка различных семейно-родственных коллективов. В ряде случаев основные погребения сопровождались захоронениями зависимых лиц, что может указывать на существование прослойки внутригрупповой и внутрисословной знати.

Зависимое положение лиц, погребенных во впускных сопровождающих захоронениях, подчеркивалось скорченной позой, не свойственной основным погребенным. В скорченном положении находился и сопровождающий погребенный в коллективном захоронении кургана Таранов Яр, 23, п. 2. Некоторые сопровождающие погребенные были похоронены без вещей, что позволяет нам отнести к категории несвободных и другие безынвентарные одиночные погребения взрослых[15]. К зависимой категории населения относился и юноша из грунтового погребения на территории усадьбы воинов высокого социально ранга (В. Бельск, 14–30/А). Все это позволяет видеть в рассмотренных выше захоронениях слуг из домашних рабов.

Более детальное представление о формах личной зависимости у населения Ворсклинской РСЭС дает анализ социального состава сопровождающих захоронений в коллективных погребениях I–III суперкластеров (табл. 5). В 28 погребальных комплексах, кроме останков основных погребенных, были обнаружены 32 сопровождающих захоронения (без учета впускных погребений). Среди них было 4 мужчин, 17 женщин, 7 подростков, 4 погребенных без инвентаря, пол и возраст которых антропологически не определялся.

Лишь двое из перечисленных лиц были похоронены с оружием, что позволяет относить их к сословию воинов. Мужчина, вооруженный мечом и копьем, был погребен вместе с воином X социальной статистической группы в кургане Броварки, 504. Комплекс разрушен в древности и определить их расположение в могиле не представляется возможным. Подросток-лучник VII социальной группы сопровождал вместе с женщиной основное захоронение воина X социальной группы в кургане Таранов Яр, 13 и был помещен в скорченном положении в ногах всадника. Погребения двух воинов в одной могиле изредка встречаются и на Днепровском Правобережье. В хорошо сохранившемся комплексе кургана Журовка, 400 в ногах воина-всадника лежал юноша с оружием и конской сбруей [Бобринский, 1905, с. 8–13, рис. 8]. В первом случае можно допустить стечение обстоятельств, например, одновременную гибель родственников, в результате чего воины X социальной группы оказались похороненными в общей могиле. В двух других комплексах, относящихся к первой половине V в. до н. э., поза сопровождающих погребенных не оставляет сомнений в их зависимом положении. Важно также отметить, что в кургане Таранов Яр, 13 подросток принадлежал к более низкой, чем воин-всадник, социальной группе сословия воинов. Это свидетельствует о том, что некоторые воины низкого ранга могли находиться в личной зависимости от воинской знати, особенно в период обострения военно-политической обстановки в регионе и Скифии на рубеже VI–V вв. до н. э. Идеологическим оформлением такой внешне добровольной зависимости мог иногда служить обряд побратимства, известный по сообщениям Геродота и Лукиана [Геродот, IV, 70; Латышев, 1948, № 1, с. 308]. Как бы внешне не оформлялась полная или частичная потеря свободы, в основе явления лежал процесс углубления социально-экономической и юридической дифференциации общества, затронувший и сословие воинов.

[15] Безынвентарный характер детских погребений еще не обязательно свидетельствует об их рабском происхождении. Так могли хоронить детей, не успевших пройти обряд инициации и не включенных формально в состав своей социальной статистической группы и сословия. См.: [Законы Ману, II, 36–37, V, 68].

Мужчины с минимальным набором погребального инвентаря были помещены рядом с женщинами-воинами в погребениях курганов Скоробор, 1906, 6 и Таранов Яр, 15. Безынвентарное захоронение, скорее всего, мужское, обнаружено в погребальной камере кургана Кирикова, В, 15 с основным захоронением мужчины-земледельца V или VI социальной группы (табл. 5). Как было показано на примерах впускных и грунтовых погребений, в этих мужчинах следует видеть слуг из домашних рабов, но и среди них существовала определенная иерархия. На нижнем уровне социальной структуры находились подростки, которых помещали всегда в скорченном положении в ногах основных погребенных, а также лица различного пола и возраста, которых если и хоронили[16] в курганах, то зачастую без вещей или же во впускных погребениях над захоронениями свободных.

О существовании в рассматриваемом общественном организме различных форм личной зависимости свидетельствуют также сопровождающие женские погребения в парных захоронениях, где основными погребениями были свободные мужчины высокого социального ранга. В отличие от большинства рабов и служанок-рабынь, эти женщины всегда помещались в погребальную камеру в той же позе, что и основные погребенные, имели инвентарь, иногда довольно богатый, но ни в одном из известных случаев нет данных о разновременности основного и сопровождающего захоронений.

Многие исследователи, опираясь на сообщения древних авторов, видят в этих женщинах рабынь-наложниц или же младших жен погребенных[17]. Последнее предположение, на наш взгляд, ближе к действительности.

Уже в одном из древнейших погребальных гимнов Ригведы упоминается обряд замены ритуального убийства вдовы кшатрия инсценировкой этого акта [Ригведа, X, 18, 8]. На территории Ворсклинского региона женщины из сословия воинов всегда были основными в могилах и никогда не сопровождали погребения (табл. 5). Напротив, захоронения зависимых мужчин могли иногда сопровождать женщин-воинов, не говоря о рабах-подростках и женщинах-служанках. В тоже время, сравнительно пожилой возраст женщины из кургана Скоробор, 1975, 16, близкий возрасту основного погребенного [Шрамко, 1976а, с. 24–25], не позволяет видеть в ней простую наложницу.

Анализ состава женского инвентаря в парных погребениях показывает, что он отличался от набора предметов, обычно помещавшихся в захоронения свободных женщин из комплексов, отнесенных ко II и III суперкластерам (табл. 5).

Из 17 случаев сопровождающих женских захоронений при основных погребенных-мужчинах лишь в 3 комплексах первого и второго хронологических периодов отмечены впускные захоронения рабынь-наложниц. Во всех остальных – сопровождающими погребенными были женщины с инвентарем II (9 погребений) или же III (5 погребений) суперкластеров. При этом чаще встречаются захоронения женщин с воинами (5 из «второго» сословия – II суперкластер, 4 из социальных групп свободных «третьего» сословия – III суперкластер), чем с мужчинами II суперкластера (1 погребение женщины III суперкластера). Понять отмечаемую закономерность в распределении сопровождающих женских погребений по социально-юридическим категориям древнего населения помогает обращение к традиционной системе межварновых брачных отношений в древней Индии с ее гипергамией. Например, в «Законах Ману» сказано: «При первом браке дважды рожденному рекомендуется жена его варны, но в поступающих по любви могут быть жены согласно прямому порядку варн. Для шудры предписана жена шудрянка, для вайшьи – шудрянка и своей варны, для кшатрия – те обе и своей варны, для брахмана – те три и своей варны» [Законы Ману, III, 12–13; см. также: Артхашастра, III, 60, 7; Пандей, 1982, с. 154–157].

По всей видимости, сходные нормы межсословных отношений существовали и у населения Ворсклинской РСЭС скифского времени. Воины могли брать в качестве младших жен женщин из второго и третьего сословий, мужчины второго сословия – из третьего. В любом случае социальный статус этих женщин в обществе отличался от рабского. Они были свободными по рождению, и их фактическое положение в социальной группе и сословии определялось статусом семьи мужа. В ряде случаев соображения престижа знатного воина или представителя второго со-

[16] Как любезно сообщила автору В.Е. Радзиевская, во время исследований на Коломакском городище в 1985 г. в одной из хозяйственных ям, частично заполненной мусорными остатками, был найден скелет человека, засыпанный бытовыми отходами. Человеческие кости на распаханных зольниках Западного Бельского городища наблюдал А.Ф. Шафонский [Шафонский, 1851, с. 654]. Встречались они и В.А. Городцову во время раскопок на Бельском городище [Городцов, 1911, с. 109, 124, 149]. По этнографическим данным, тела рабов чаще всего не погребали, а просто выбрасывали [Итина, 1954, с. 66].

[17] Обзор существующих точек зрения по этому вопросу см.: [Хазанов, 1975, с. 78–79]. Интересный этнографический материал собран в упомянутой работе М.А. Итиной.

словия требовали погребения вместе с ним одной из младших жен, что можно рассматривать как свидетельство ограничения свободы последних по сравнению с женами из сословия мужа. Но их могли хоронить и индивидуально, примером чему служат погребения в курганах Настельный, II, 5 и Настельный, III, 3. Жертвоприношения коней при совершении погребального обряда, наряду с отсутствием в комплексах оружия, служившего важным символом принадлежности к сословию воинов не только мужчин, но и женщин [Законы Ману, III, 44], богатство украшений, характерное для погребений II суперкластера – все указывает на то, что погребенные в них женщины происходили из второго сословия, но при жизни, благодаря семье мужа, занимали высокое положение в сословии воинов.

Выводы по главе.

Таким образом, анализ погребальных памятников позволяет дополнять наши представления о социальном составе и структуре населения Ворсклинского региона в VII–III вв. до н. э.

На нижней ступени общественной иерархии находились рабы. К прослойке ограниченно свободного населения следует отнести ремесленников, не имевших усадеб с мастерскими, а также, вероятно, некоторых младших жен и ряд молодых воинов VII социальной группы, погребавшихся вместе с мужьями или «побратимами» высокого социального ранга. Деление свободных на сословия, отмеченное по данным поселений, прослеживается и в погребениях, а сам анализ погребального обряда и инвентаря позволяет несколько уточнить межсословные границы и отношения.

К низшей социально-юридической категории свободных – «третьему сословию» – относятся погребения с небольшими насыпями курганов и малым объемом погребальных камер, выделенные по довольно бедному составу погребального инвентаря в III суперкластер (табл. 5). Характер внутрирегионального распределения погребений, большинство из которых находилось в южной зоне региона, вдали от крупных раннегородских центров РСЭС, позволяет предполагать, что кроме ремесленников в это сословие входила и основная масса рядовых земледельцев-скотоводов. В большинстве своем они принадлежали к этносу переселенцев с Правобережья Днепра и в меньшей степени обитали на небольших селищах типа Зубовки в северной и центральной зонах региона. В социальном плане сословие не было однородным, на что указывает наличие имущественной дифференциации, а также случаи сопровождающих погребений рабов, чаще всего при основных женских захоронениях.

В целом, по месту в системе общественного разделения труда и социальной структуре общества, эту социально-юридическую категорию населения РСЭС можно сравнивать с сословием шудр в древней Индии, занятиями которых были ремесла, земледелие и обслуживание высоких варн-сословий [Вигасин, Самозванцев, 1984, с. 133–136].

Более высоким был социальный статус земледельцев и купцов V и VI социальных статистических групп «второго сословия», погребения которых выделены во II суперкластер (табл. 5; рис. 17). Средние размеры их курганных насыпей и погребальных камер были значительными, уступая лишь погребениям воинов. Характерной особенностью погребального инвентаря представителей этого сословия можно считать широкое распространение уже с VI в. до н. э. дорогой античной керамики и богатых наборов женских украшений. Основной территорией обитания членов этого сословия были центральная и северная зоны региона. Известны случаи, когда в качестве дополнительных жен могли браться женщины из третьего сословия. В отдельных комплексах женщины сопровождались захоронениями служанок-рабынь.

Особый социальный статус второго сословия, нашедший свое отражение в традициях погребального отряда и наборе погребального инвентаря, был связан с развитием земледелия, ориентированного на потребности рынка. Отмеченные особенности сближают его с сословием вайшьев в Индии, первоначально занимавшихся земледелием, а затем превратившихся в земледельцев, торговцев, ростовщиков [Вигасин, Самозванцев, 1984, с. 136].

«Первое» сословие воинов, представленное I суперкластером, оказалось наиболее представительным в выборе погребений по региону. Характерной особенностью воинских погребений следует считать самые большие среднегрупповые размеры погребальных сооружений, наличие в погребениях оружия, и в ряде случаев жертвоприношений коня. Последними сопровождались захоронения воинской знати и аристократии.

Представительность выборки погребальных комплексов по I суперкластеру позволила не только проследить во времени развитие социальной и имущественной дифференциации в среде воинов, но и влияние на эти процессы фактора полиэтничности населения Ворсклин-

ской РСЭС. Формирование различных по своему статусу социальных статистических групп сопровождалось стиранием этнических особенностей в погребальном обряде. С повышением общего уровня материального достатка воинов в результате активизации военных действий на рубеже VI–V вв. до н. э. на первый план выступили различия между рядовыми воинами и внутригрупповой знатью, с одной стороны, между низшими и высшими социальными группами сословия – с другой. Концентрация богатства в руках представителей IX–XI социальных групп сопровождались социальной и имущественной дифференциацией внутри наиболее многочисленной VII социальной группы сословия. В результате, жившие в раннегородских центрах богатые воины этой и VIII группы образовали немногочисленную, но влиятельную X группу, социальный статус которой уступал лишь статусу воинской аристократии.

Характерным признаком воинской организации носителей культуры типа Восточного Бельского городища первоначально являлось широкое распространение всадничества. Со временем оно превратилось в признак социального положения, отличающий внутригрупповую знать и аристократию от основной массы воинов.

Широкое распространение в воинской среде получила полигиния: представители сословия, согласно своему положению и материальным возможностям, могли брать в качестве младших жен с ограниченными правами свободных по происхождению женщин из второго и третьего сословий, а также иметь наложниц-рабынь. Погребения рабов (мужчин, женщин, подростков) сопровождали 30% захоронений женщин-воинов, что, на наш взгляд, подтверждает домашний характер рабовладения у населения Ворсклинского региона скифского времени.

Изучение погребальных памятников показало, что жрецы не выделялись в особое сословие, как, впрочем, и у других ираноязычных народов Восточной Европы. Не случайно на территории Скифии до сих пор не обнаружено ни одного погребения, которое можно было бы бесспорно интерпретировать как жреческое [Бунятян, 1985, с. 21]. Не в пользу попыток преувеличения социальной роли жречества у северо-восточных иранцев свидетельствуют и данные лингвистики [Абаев, 1949, с. 65]. В связи с этим следует учитывать, что ряд важных религиозно-идеологических функций были сосредоточены в руках воинской аристократии, образовавшей верхушку сообщества[18].

[18] О царях-воинах-жрецах у скифов см., напр.: [Раевский, 1977, с. 75–76, 79, 102, 150–151, 163].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ источников, прежде всего материалов археологических раскопок поселений и погребений, согласно усовершенствованной методике, позволил реконструировать основные элементы организации Ворсклинской региональной социально-экономической системы скифского времени, выяснить способ и форму ее жизнедеятельности в рамках древнего общественного организма.

Как выяснилось, в основе дифференциации общества лежал процесс разделения социальных функций, приведших к образованию ряда общественных групп, различных, прежде всего, по своим деятельным признакам в структуре социальных отношений и юридических статусов [см.: Фофанов, 1975, с. 146]. Иерархия последних определяла способ разделения общественного организма, как минимум на двух уровнях. Более низкий уровень соответствовал месту группы в структуре основных социально-юридических категорий населения (сословий). Более высокий – отражал иерархию сословий в рамках социальной структуры общества. Деление на сословия охватывало лишь свободных, тогда как рабы, согласно идеологическим представлениям древних индоиранцев, мыслились вне сакрально-юридической системы общества [Грантовский, 1970, с. 349; Раевский, 1977, с. 146; Вигасин, Самозванцев, 1984, с. 169–170] и в отдельное сословие не выделялись.

Основными производителями материальных благ были земледельцы-скотоводы и ремесленники, входившие в низшее сословие свободных. Состояние источников позволило нам более детально изучить социальные группы ремесленников. Их статус во многом определялся общественным престижем специальности, а уровень материального достатка – характером специализации и кругом заказчиков. Каждая семья свободных ремесленников, большая или малая, владела усадьбой на поселении, причем средние размеры домохозяйств малых семей зависели от внутрисословного положения социальной группы. Далеко не все ремесленники порвали связь с сельским хозяйством. Земледельческие орудия труда сохранились на усадьбах металлургов II и косторезов III социальных групп. В то же время, широкий и постоянный спрос на различные изделия из железа, бронзы, дерева, других материалов, художественно оформленные предметы позволял ремесленникам I и IV социальных групп поддерживать необходимый достаток своих семей без активного занятия сельским хозяйством.

Сравнительное изучение материалов поселений и погребений показало, что небольшим размерам усадеб представителей низшего сословия свободных соответствовали незначительные трудовые затраты при создании погребальных сооружений (табл. 4; 5). Их размеры могли варьировать в зависимости от статуса погребенных, а также от формы семьи, к которой они принадлежали. Мужчин хоронили с лепной посудой домашнего изготовления, женщин с недорогими украшениями из кости, железа, бронзы, стекла. Отдельные погребения, преимущественно женские, сопровождались захоронениями домашних рабов.

Более высокое положение в структуре социальной иерархии занимали представители «второго» сословия. Оно объединяло V и VI социальные группы, экономика которых была основана на земледелии, возможно, других видах деятельности, ориентированных на рынок. Активные связи с греческими купцами и не только с ними поддерживали представители V социальной группы, что не исключает их непосредственного участия в торговле. Эволюция VI группы шла, вероятно, в несколько ином направлении, что отразилось в постепенном сближении ее статуса с положением VII (низшей) социальной группы сословия воинов к концу существования Ворсклинской РСЭС. Кроме многих иных причин, это могло стать результатом изменения статуса части семей VII социальной группы с уровня «воинского» на «невоинский» в процессе усиления социальной дифференциации внутри сословия воинов и вхождением их в VI группу. Тесная связь представителей «второго» сословия с античным рынком проявилась также в наборе погребального инвентаря. Мужчин, как правило, хоронили с дорогой импортной столовой посудой с первой половины VI в. до н. э. Особым богатством отличались украшения женщин. Средние по сословию размеры усадеб I типа и объемы погребальных сооружений превосходят аналогичные показатели для низшего сословия свободных (табл. 4; 5). Отдельные погребения мужчин второго сословия сопровождались захоронениями женщин, происходивших, вероятно, из «третьего» сословия. Известны и сопровождающие погребения домашних рабов. Часть из них могла использоваться в сельском хозяйстве. В области идеологии для этого сословия характерным можно считать большое значение культов плодородия, нашедших свое отражение и в обряде погребения. В большинстве своем члены «второго» сословия принадлежали к обитателям центральной и северной зон региона.

Учитывая общие тенденции исторического развития однотипных обществ, «второе» сословие можно сопоставлять, с известными оговорками, с варной вайшьев в древней Индии. Там, сначала, они были земледельцами, но со временем превратились в сословие землевладельцев, городских торговцев, ростовщиков [Вигасин, Самозванцев, 1984, с. 136; Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 300]. В социально-правовом отношении вайшьи считались стоящими выше шудр[1], но ниже воинов-кшатриев.

В рассматриваемом общественном организме фактически единственным сословием свободных, обладавших полнотой юридических прав, было сословие воинов. Но и внутри него отмечается непростая структура иерархических уровней, соответствовавших различным «степеням» свободы отдельных социальных групп. В количественном отношении наиболее представительными были VII и VIII социальные группы этого сословия. К первой принадлежали семьи воинов, вооружение которых состояло из пращи, лука, боевых топоров, что соответствовало относительно невысокому среднегрупповому уровню материального достатка. Некоторые воины были всадниками. Наличие внутригрупповой знати становиться хорошо заметным по археологическим источникам с рубежа VI–V в. до н. э. На заключительном этапе существования Ворсклинской РСЭС со второй половины V в. до н. э. наблюдается сокращение численности VII социальной группы, что можно объяснять процессами внутрисословной и внутригрупповой социально-имущественной и правовой дифференциации.

Материальное положение и социальный статус членов VIII социальной группы воинского сословия были выше. Основным видом вооружения у них являлись копья и дротики, иногда дополнявшиеся луком и пращей. В V–IV вв. до н. э. отдельные представители группы могли носить защитный доспех. Этнической основой формирования VIII группы были, скорее всего, переселенцы из-за Днепра со своими предводителями. По данным ряда погребальных комплексов в состав группы входили и носители культурного типа Восточного Бельского городища.

Высокое положение в сословии и обществе занимала IX социальная группа. Своеобразным

[1] Занятие шудр производительным трудом расценивалось как обслуживание более высоких варн, что ставило ремесленников и основную массу земледельцев на уровень наименее полноправных свободных членов общества [Грантовский, 1970, с. 349; Вигасин, Самозванцев, 1984, с. 133–134].

оружием представителей этой группы были боевые ножи, которые, наряду с отдельными типами украшений и керамики, имеющими аналогии в курганах Посулья, могут указывать на особую этническую принадлежность ее членов. Важной особенностью семейной организации в IX социальной группе воинов следует признать существование очень больших семейных общин (усадьба В. Бельск, 14–30/А), типа патронимий, включавших в себя и домашних рабов, а также наличие социально значимой культовой практики с развитой внешней атрибутикой.

Близкое положение в структуре внутрисословной иерархии занимала X социальная группа. По имеющимся данным, она сложилась на рубеже VI–V вв. до н. э., скорее всего из семей разбогатевших воинов VII и VIII социальных групп, живших в крупных раннегородских центрах северной и центральной зон региона. Представители X социальной группы были вооружены, преимущественно, мечами и кинжалами, которые дополнялись метательным вооружением – луком и пращей. Со второй половины V в. до н. э. в их погребения стали помещать копья. Наиболее знатные воины этой группы имели защитный доспех и были всадниками.

Высшее положение в сословии и обществе занимали представители XI социальной группы. Она была внешне однородной, объединяла воинскую аристократию носителей культуры типа Восточного Бельского городища на территории Ворсклинского региона. Все воины этой группы были всадниками с тяжелым защитным вооружением. До середины V в. до н. э. погребения представителей XI социальной группы, как мужчин, так и женщин, обязательно сопровождались конскими жертвоприношениями. В более позднее время «всадничество» становится отличительной чертой погребального обряда представителей наиболее знатных семей.

Изучение усадебных комплексов воинов показало, что большие семейные общины были характерны преимущественно для высших социальных групп сословия, тогда как в низших преобладали домохозяйства малых семей. Значительные средние размеры усадеб воинов соответствовали среднему объему трудовых затрат при совершении погребений и превосходили известные показатели для других сословий, причем средние размеры погребальных камер всадников были выше, чем у воинов-невсадников (табл. 4; 5).

Наличие на усадьбах воинов сельскохозяйственных орудий труда, сожжение снопов пшеницы при совершении ряда погребений, указывают на связь с земледелием, в котором мог использоваться труд рабов. Некоторые знатные воины из высших социальных групп сословия, по крайней мере, в IV в. до н. э., отводили на своих усадьбах участки для работы ремесленников, возможно, зависимых или ограниченно-свободных. Захоронения несвободных сопровождали преимущественно погребения женщин, что объясняется домашним характером рабовладения. В некоторых случаях погребения мужчин сопровождались помещением в могилу умерщвленных женщин из более низких сословий свободных и рабынь-наложниц.

Идеологические представления воинов несли характерную окраску, соответствующую положению сословия в системе общественного разделения социальных функций. В аристократической среде были сосредоточены и важные для всего социального организма жреческие функции.

В целом, как нам представляется, эволюция воинского сословия сопровождалась постепенной консолидацией часто разноэтничных элементов в единые социальные группы, занимавшие определенное место в структуре общества. Всадничество, первоначально свойственное в большей степени военной организации носителей культурного типа Восточного Бельского городища в регионе, послужившей основой для формирования полиэтничного воинского сословия, со временем превратилось в признак высокого внутригруппового и внутрисословного статуса воинской знати и аристократии. В сообществе последних имела место своя иерархия, соответствовавшая статусам социальных групп и семейно-родственных коллективов (родов?). Усиление роли сословия в период обострения военно-политической обстановки в Скифии на рубеже VI–V вв. до н. э. сопровождалось ростом общего уровня материального благосостояния воинов, увеличением численности высших и углублением дифференциации в низших социальных группах.

Рост богатства и относительной численности высших социальных групп сословия воинов способствовали развитию ремесел и торговли в регионе. Одновременно поляризация общества по признакам богатства, знатности и сословно-групповой принадлежности вела к понижению социального статуса других, невоинских сословий. Со второй половины V в. до н. э. погребений ремесленников и простых земледельцев становится меньше, что могло быть следствием как общего понижения их социального статуса, так и развитием форм внеэкономической экс-

плуатации местной воинской аристократией ресурсов иных социальных организмов, стремлением к реализации получаемых продуктов на внешнем рынке. Нельзя исключать и возможные перемещения части обитателей региона на другие территории, структурированные представителями верхушки общества.

Таким образом, социальная организация населения Ворсклинского региона скифского времени представляла собой гетерогенную динамически устойчивую кумулятивную систему[2]. Основным социальным противоречием этого общественного организма являлось противоречие между юридически свободными производителями материальных благ и представителями высших социальных групп воинского сословия. Антагонистический характер этого противоречия вуалировался делением общества на сословия и социальные группы со сложной иерархией отношений между ними, освященной традициями, закрепленной в идеологии, например, в форме представлений о социальном «услугообмене». Какое-то значение могли иметь и не изжитые до конца в рамках системы этнокультурные различия.

В условиях существования отмеченных противоречий, глубокой социальной дифференциации, известной территориальной и этнической разобщенности населения, не всегда благоприятных факторов воздействия внешней социальной среды, единственной объединяющей силой общественного организма могло стать государство, эксплицитной моделью которого служит Вороклинская РСЭС. Первичной ячейкой государства была соседская община иерархического типа, объединявшая семьи различной групповой, сословной и этнической принадлежности. Соседские общины организовывались в локальные системы поселений, иногда со своими центрами-городищами. Эти территориальные объединения пользовались, видимо, правами самоуправления и могли быть податными округами. Более высоким уровнем территориальной консолидации общества являлись региональные социально-топологические зоны, среди которых южная была заселена преимущественно выходцами из Днепровского Правобережья, северная – в основном носителями культурного типа Восточного Бельского городища, а центральная имела полиэтнический состав населения. Одновременно она была центром государства (ядром региональной системы), внешней периферией которого являлась северная зона с развитой инфраструктурой укрепленных поселений вдоль границ. На существование центральных органов власти указывают, в частности, строительство и поддержание длительное время в исправном состоянии укреплений Бельского городища, что можно рассматривать в качестве вида общественных работ, продуманная структура оборонительной системы региона, ряд других признаков.

К сожалению, мы не располагаем надежными сведениями о политическом устройстве этого государства. В письменных источниках сохранились лишь краткие упоминания о «царях» гелонов и будинов [Геродот IV, 102, 119]. Рассматриваемое государственное образование вряд ли могло быть деспотической монархией. Скорее всего, учитывая многочисленность воинской знати и аристократии, оно строилось по принципу кшатрийских «республик» древней Индии [Вигасин, Самозванцев, 1984, с. 154]. В целом, по социальному составу, структуре и характеру отношений, общество обитателей Ворсклинского региона скифского времени можно отнести к раннеклассовым (сословно-классовым) образованиям.

Головний зміст роботи вперше було представлено автором для публічного захисту у якості дисертації на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук у 1986 р.

[2] см.: [Плахов, 1982, с. 27] .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев, 1949. – Абаев В.П. Осетинский язык и фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – 601 С.

Алаев, 1981. – Алаев Л.Б. Сельская община в северной Индии. – М.: Наука, 1981. – 239 с.

Алаев, 1983. – Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

Алихова, 1962. – Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1962. – № 113 (Лесостепные культуры скифского времени). – С. 86–129.

Андрієнко, 1974. – Андрієнко В.П. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії (VII – V ст. до н.е.) // Вісник Харківського університету. – 1974. – Серія: Історія. – № 104. – Вип. 8. – С. 89–96.

Андриенко, 1975. – Андриенко В.П. Раскопки поселения у с. Олефирщина. **//** Археологические открытия 1974 года. – М., 1975. – С. 248.

Андриенко, 1977. – Андриенко В.П. Раскопки поселения у с. Пожарная Балка // Археологические открытия 1976 года. – М., 1977. – С. 260.

Андриенко, 1978. – Андриенко В.П. Новые раскопки у с. Пожарная Балка // Археологические открытия 1977 года. – М., 1978. – С. 289–290.

Андриенко, 1979. – Андриенко В.П. Исследования Длинного зольника у с. Пожарная Балка // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. – С. 288–289.

Андриенко, 1979а. – Андриенко В.П. Отчет о раскопках поселения у с. Пожарная Балка в 1978 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1978/89. – 13 с.

Андриенко, 1980. – Андриенко В.П. Раскопки у с. Пожарная Балка // Археологические открытия 1979 года. – М., 1980. – С. 246–247.

Андриенко, 1980а. – Андриенко В.П. Отчет о раскопках археологической экспедиции Донецкого университета в 1979 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1979/84. – 17 с., 31 табл.

Андриенко, 1981. – Андриенко В.П. Раскопки поселения и курганов у с. Пожарная Балка // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981. – С. 224.

Антипина, 1982. – Антипина Г.С. Теоретико-методологические проблемы исследования малых социальных групп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 111 с.

Антонова, Раевский, 1984. – Антонова Е.В., Раевский Д.С. «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. – К., 1984. – С. 153–169.

Артамонов, 1939. – Артамонов М.И. Достижения советской археологии // ВДИ. – 1939. – № 2. – С. 122–129.

Артамонов, 1947. – Артамонов М.И. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. //

Ученые записки ЛГУ. – 1947. – № 95. – Серия: исторические науки. – Вып. 15. – С. 3–20.

Артамонов, 1947а. – Артамонов М.И. Вопросы истории скифов и советская наука // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 68–82.

Артамонов, 1949. – Артамонов М.И. Этнография Скифии // Ученые записки ЛГУ. – 1949. – № 85. – Сер. ист. наук. – Вып. 13. – С.129–171.

Артамонов, 1953. – Артамонов М.И. Этнический состав населения Скифии // Доклады VI Научной конференции Института археологии АН УССР. – К., 1953. – С.169–196.

Артамонов, 1961. – Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. – 1961. – № 2. – С. 57–87.

Артамонов, 1972. – Артамонов М.И. Скифское царство // СА. – 1972. – № 3. – С. 46–57.

Артамонов, 1974. – Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене и до IV в. до н. э.). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 156 с.

Артхашастра – Артхашастра или Наука политики / Пер. с санскрита С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского, Е.Е. Обермиллера, А.И. Вострикова, Б.В. Семичова. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 793 с.

Багалей, 1905. – Багалей Д.И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии // Труды 12 АС. – М., 1905. – Т. 1. – С. 1–92.

Багалей, 1907. – Багалей Д.И. Раскопки курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 года // Труды 13 АС. – М., 1907. – Т. 1. – С. 369–378.

Багалей, 1914. – Багалей Д.И. Русская история. – М., 1914. – 519 с.

Бараневич, 1975. – Бараневич Л.П. Концепция уровней и системный подход // Системный метод и современная наука. – Новосибирск, 1975. – Вып. 3. – С. 3–12.

Барг, 1984. – Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М.: Наука, 1984. – 341 с.

Беляев, 1977. – Беляев О.С. Розкопки поселення доби бронзи поблизу с. Йосипівки // Археологія. – 1977. – Вип. 22. – С. 44–47.

Березанская, 1982. – Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. – К.: Наук. думка, 1982. – 210 с.

Берестнев, 1981. – Берестнев С.И. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Харьковской областной станции юных туристов в 1980 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1980/88. – 18 с.

Берестнев, 1983. – Берестнев С.И. Срубная культура лесостепного Левобережья Украины // Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1983. – 21 с.

Берестнев, 1984. – Берестнев С.И. Исследования в Харьковской области // Археологические открытия 1982 года. – М., 1984. – С. 244.

Бессонова, 1983. – Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. – К.: Наук. думка, 1983. – 138 с.

Бессонова, Кирилин, 1977. – Бессонова С.С., Кирилин Д.С. Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифы и сарматы. – К., 1977. – С. 128–139.

Бобринский, 1897. – Бобринский А.А. Сведения о различных курганах и земляных сооружениях, находящихся в Зеньковском у. Полтавской губ. в окрестностях села Глинища и на границе Полтавской и Харьковской губернии // ОАК за 1895 год. – СПб., 1897. – С. 125–128.

Бобринский, 1905. – Бобринский А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. – 1905. – Вып. 14. – С. 1–43.

Бойко, 1985. – Бойко Ю.Н. Системный подход к изучению общественного развития населения днепровского лесостепного Левобережья в VII–III вв. до н. э. // Вестник Харьковского университета. – 1985. – Серия: История. – № 268. – С. 83–89.

Бойко, 1985а. – Бойко Ю.Н. Исследования в бассейне р. Ворскла // Археологические открытия 1983 года. – М., 1985. – С. 261–262.

Бойко, 1985в. – Бойко Ю.Н. Отчет о разведках и раскопках Ворсклинского отряда Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1984/124. – 24 с.

Бонгард-Левин, Ильин, 1985. – Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. – М.: Наука, 1985. – 758 с.

Буйнов, 1981. – Буйнов Ю.В. Бондарихинская культура. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – К., 1985. – 20 с

Буйнов, Кузьменко, 1985. – Буйнов Ю.В., Кузьменко А.С. Опыт применения многомерного анализа данных о погребальном обряде для реконструкции социальной структуры населения Среднего Приднепровья в VIII–VI вв. до н. э. // Вестник Харьковского университета. – 1985. – Серия: история. – № 268. – С. 129–137.

Бунятян, 1985. – Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). – К.: Наук. думка, 1985. – 227 с.

Вигасин, Самозванцев, 1984. – Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра» проблемы социальной культуры и права. – М.: Наука, 1984. – 255 с.

Генинг, 1983. – Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. – К.: Наук. думка, 1983. – 224 с.

Генинг, 1984. – Генинг В.Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV–III вв. до н. э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. – К., 1984. – С. 124–153.

Генинг, Борзунов, 1975. – Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и содержательного анализа погребального обряда. // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1975. – Вып. 13. – С. 42–72.

Геродот – Геродот. История в девяти книгах. / Пер. и ком. Г.А. Стратановского – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

Городцов, 1911. – Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды 14 АС. – М., 1911. – Т. 3. – С. 93–161.

Готье, 1925. – Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы (до основания первого русского государства). – Л., 1925. – 270 с.

Граков, 1947. – Граков Б.М. Скіфи. – К.: Вид-во АН УРСР, 1947. – 94 с.

Граков, 1950. – Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. – 1950. – Вып. 34. – С. 7–19.

Граков, 1954. – Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1954. – № 236. – 237 с.

Граков, 1971. – Граков Б.Н. Скифы. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 168 с.

Грантовский, 1960. – Грантовский Э.А. Индоиранские касты у скифов. – М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1960. – 22 с.

Грантовский, 1970. – Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М.: Наука, 1970. – 385 с.

Грантовский, 1980. – Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. – 1980. – № 4. – С. 128–154.

Грач, 1975. – Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологических реконструкций форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. – М., 1975. – С. 158–182.

Данилевич, 1908. – Данилевич В.Е. Дневники раскопок курганов около хутора Покровского Валковского уезда Харьковской губернии // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. – М., 1908. – С. 19–28.

Данилевич, 1908а. – Данилевич В.Е. Раскопки курганов около хутора Покровского Валковского уезда Харьковской губернии летом 1903 года // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. – М., 1908. – С. 1–18.

Доватур, Каллистов, Шишова, 1982. – Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, пер., ком. – М.: Наука, 1982. – 455 с.

Дубов, 1980. – Дубов А.М. Предисловие к русскому изданию // К. Иберла. Факторный анализ. – М., 1980. – С. 5–7.

Дюмезиль, 1976. – Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Пер. с фр. – М.: Наука, 1976. – 273 с.

Дюмезиль, 1986. – Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с фр. – М.: Наука, 1986. – 234 с.

Дюран, Оделл, 1978. – Дюран Б., Оделл П. Кластерный анализ / Пер. с англ. – М.: Статистика, 1978. – 128 с.

Дьяконов, 1956. – Дьяконов И.М. История Индии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 485 с.

Елагина, 1962. – Елагина Н.Г. Письменные источники о социальных категориях в Скифии VI–V вв. до н. э. // Историко-археологический сборник. – М., 1962. – С. 94–96.

Жебелев, 1953. – Жебелев С.А. Северное Причерноморье. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 276 с.

Жуковская, Мучник, 1976. – Жуковская В.М., Мучник И.Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. – М.: Статистика, 1976. – 152 с.

Законы Ману – Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – 360 с.

Зарецкий, 1888. – Зарецкий И.А. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1888 год. – Харьков, 1888. – Вып. 2. – С. 229–246.

Иберла, 1980. – Иберла К. Факторный анализ. / Пер. с нем. – М.: Статистика, 1980. – 386 с.

Ильинская, 1950. – Ильинская В.А. По поводу так называемой «зольничной» культуры // КСИИМК. – 1950. – Вып. 34. – С. 142–146.

Іллінська, 1950а. – Іллінська В.А. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі // Археологія. – 1950. – Вип. 4. – С. 184–191.

Ильинская, 1954. – Ильинская В.А. Керамика скифских погребений Посулья // ВССА. – М., 1954. – С. 168–185.

Ильинская, 1957. – Ильинская В.А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. // СА. – 1957. – Вып. 27. – С. 232–249.

Ильинская, 1961. – Ильинская В.А. Позднескифский слой Басовского городища // КСИА. – 1961. – Вып. II. – С. 59–63.

Іллінська, 1965. – Іллінська В.А. Басівське городище. // Археологія. – 1965. – Т. 18. – С. 48–76.

Ильинская, 1968. – Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). – К.: Наук. думка, 1968. – 203 с.

Ильинская, 1973. – Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. – К., 1973. – С. 42–63.

Ильинская, 1975. – Ильинская В.А. Раннескифские курганы в бассейне р. Тясмин. – К.: Наук. думка, 1975. – 223 с.

Ильинская, 1977. – Ильинская В.А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном // Скифы и сарматы. – К., 1977. – С. 73–95.

Итина, 1954. – Итина М.А. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов. // Советская этнография. – 1954. – № 3. – С. 63–68.

Кендал, Стюарт, 1973. – Кендал М., Стюарт Л. Статистические выводы и связи. / Пер. с англ. – М.: Наука, 1973. – 899 с.

Кириченко, 1973. – Кириченко С.М. Понятие концентрации как мера насыщенности системы // Системный метод и современная наука. – Новосибирск, 1973. – Вып. 2. – С. 65–70.

Книга Большому Чертежу – Книга Большому Чертежу / Под ред. К.П. Сербиной. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 175 с.

Ковпаненко, 1950. – Ковпаненко Г.Т. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки // Археологія. – 1950. – Т. II. – С. 95–105.

Ковпаненко, 1967. – Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. – К.: Наук. думка, 1967. – 188 с.

Ковпаненко, 1967а. – Ковпаненко Г.Т. Раскопки Трахтемировского городища // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 годах. – К., 1967. – С. 103–106.

Ковпаненко, 1970. – Ковпаненко Г.Т. Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині // Археологія. – 1970. – Т. 24. – С. 146–170.

Количественные методы в исторических исследованиях, 1984. – Количественные методы в исторических исследованиях. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 384 с.

Косвен, 1963. – Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 219 с.

Кочергин, Уемов, 1973. – Кочергин А.И., Уемов А.М. Методология, теория и практика системных исследований // Системный метод и современная наука. – Новосибирск, 1973. – Вып. 2. – С. 3–12.

Кузьмин, 1980. – Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – М.: Политиздат, 1980. – 310 с.

Кузьмина, 1977. – Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1977. – С. 28–52.

Куклина, 1985. – Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. – Л.: Наука, 1985. – 206 с.

Куценков, 1983. – Куценков Л.А. Эволюция индийской касты. – М.: Наука, 1983. – 325 с.

Лаппо-Данилевский, 1887. – Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. – СПб., 1887. – 593 с.

Латышев, 1947–1950, 1952. – Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. – 1947. – № 1. – С. 263–316; № 2. – С. 249–331; № 3. – С. 235–315; № 4. – С. 171–278; 1948. – № 1. – С. 223–315. – № 2. – С. 215–313. № 3. – С. 217–330. № 4. – С. 225–298; 1949. – № 1. – С. 185–287. № 2. – С. 272–355. № 3. – С. 205–283; 1950. – № 4. – С. 227–305; 1952. – № 2. – С. 265–323.

Лащук, 1967. – Лащук Л.П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. – 1967. – № 4. – С. 25–39.

Лебедев, 1970. – Лебедев Г.С. Разновидность обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С. 180–190.

Лебедев, 1977. – Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции // КСИА. – 1977. – Вып. 148. – С. 24–30.

Леонова, Смирнов, 1976. – Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа // КСИА. – 1976. – Вып. 148. – С. 16–23.

Либеров, 1962. – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1962. – № 113. Лесостепные культуры скифского времени. – С. 5–85.

Либеров, 1969. – Либеров П.Д. Проблема гелонов и будинов в свете новых археологических данных // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1969. – № 151. Население Среднего Дона в скифское время. – С. 5–26.

Луговая, 1980. – Луговая Л.Н. Отчет о раскопках археологической экспедиции Полтавского краеведческого музея в 1980 году. // Архив Полтавского краеведческого музея. Д. № 03–21/4. – 13 с.

Луговая, 1981. – Луговая Л.Н. Отчет о раскопках археологической экспедиции Полтавского краеведческого музея в 1981 году. // Архив Полтавского краеведческого музея. Д. № 03–22/1. – 18 с.

Ляпушкин, 1961. – Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – № 61. – 383 с.

Ляскоронский, 1907. – Ляскоронский В.Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. // Труды 13 АС. – М., 1907. – Т. I. – С. 158–198.

Ляскоронский, 1907а. – Ляскоронский В.Г. Змиевые валы в пределах южной России, их отношение к курганам-майданам и приблизительная эпоха возникновения // Труды 13 АС. – М., 1907. – Т. I. – С. 199–210.

Маковельский, 1960. – Маковельский А.О. Авеста. – Баку: Изд-во АН Азер. ССР, 1960. – 143 с.

Массон, 1976. – Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 187 с.

Мельник, 1905. – Мельник Е.П. Дневник раскопок // Труды 12 АС. – М., 1905. – Т. I. – С. 703–743.

Мелюкова, 1964. – Мелюкова А.И. Вооружение скифов // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1964. – Вып. Д 1–4. – 91 с.

Мозолевський, 1979. – Мозолевський Б.М. Товста могила. – К.: Наук. думка, 1979. – 250 с.

Мозолевский, 1980. – Мозолевський Б.М. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – К., 1980. – С. 70–154.

Моруженко, 1969. – Моруженко А.А. Раскопки городищ у сел Каменка и Сосонка // Археологические открытия 1968 года. – М., 1969. – С. 275–276.

Моруженко, 1970. – Моруженко А.А. Исследования в бассейне р. Ворсклы. // Археологические открытия 1969 года. – М., 1970. – С. 245–246.

Моруженко, 1972. – Моруженко А.А. Скифская экспедиция // Археологические открытия 1971 года. – М., 1972. – С. 332–333.

Моруженко, 1973. – Моруженко А.А. Раскопки городища Полковая Никитовка // Археологические открытия 1972 года. – М., 1973. – С. 316–317.

Моруженко, 1974. – Моруженко А.А. Исследования в бассейне р. Мерла // Археологические открытия 1973 года. – М., 1974. – С. 315–316.

Моруженко, 1975. – Моруженко А.А. Исследования в Харьковской и Донецкой областях // Археологические открытия 1974 года. – М., 1975. – С. 330.

Моруженко, 1975а. – Моруженко А.А. Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о разведках и раскопках в 1974 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1974/68. – 29 с.

Моруженко, 1975б. – Моруженко А.А. Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху // Скифский мир. – К., 1975. – С. 133–146.

Моруженко, 1976. – Моруженко А.А. Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о работах в 1975 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1975/39. – 23 с.

Моруженко, Косиков, 1976. – Моруженко А.А., Косиков В.А. Работы Лесостепной скифской экспедиции // Археологические открытия 1975 года. – М., 1976. – С. 367–368.

Моруженко, 1977. – Моруженко А.А. Исследования в бассейне р. Ворсклы. // Археологические открытия 1976 года. – М., 1977. – С. 343–344.

Моруженко, 1978. – Моруженко А.А. Раскопки поселения у с. Лихачевка // Археологические открытия 1977 года. – М., 1978. – С. 360–361.

Моруженко, 1978а. – Моруженко А.А. Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о разведках и раскопках в 1977 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – 1977/87. – 19 с.

Моруженко, 1979. – Моруженко А.А. Раскопки Лихачевского поселения // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. – С. 374–375.

Моруженко, 1979а. – Моруженко А.А. Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о раскопках в 1978 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1978/115. – 16 с.

Моруженко, 1980. – Моруженко А.А. Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о работах в 1979 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1979/90. – 26 с.

Моруженко, 1981. – Моруженко А.А. Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о раскопках в 1980 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1980/98. – 21 с.

Моруженко, 1985. – Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. – 1985. – № 1. – С. 160–178.

Моруженко, 1985а. – Моруженко А.А. Итоги исследования у с. Лихачевка // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 17–21 мая. Тезисы докладов и сообщений. – Баку, 1985. – С. 253–254.

Моруженко, 1985б. – Моруженко А.А. Исследования памятников у с. Лихачевка // Археологические открытия 1983 года. – М., 1985. – С. 322–323.

Моруженко, 1986. – Моруженко А.А. Скифские погребения в бассейне Ворсклы // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1986. – С. 111–119.

Моруженко, 1988. – Моруженко А.А. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы // СА. – 1988. – № 1. – С. 33–52.

Мурзин, 1980. – Мурзин В.Ю. Раскопки курганов в Полтавской области. // Археологические открытия 1979 года. – М., 1980. – С. 312.

Назаренко, 1970. – Назаренко В.А. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С. 191–201.

Нейхардт, 1982. – Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. – Л.: Наука, 1982. – 240 с.

Неусыхин, 1967. – Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. – 1967. – № 1. – С. 75–87.

Никифоров, 1977. – Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

Осетинские нартские сказания, 1948. – Осетинские нартские сказания. – Дзауджикау: Гост. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1948. – 503 с.

Павленко, 1985. – Павленко Ю.В. Категория социальный организм и ее роль в историко-археологическом исследовании (на материалах раннеклассовых обществ, применительно к изучению истории населения Украинской лесостепи в эпоху железного века). – Автореферат дис. … канд. истор. наук. – К., 1985. – 16 с.

Павловская, 1967. – Павловская А.И. Симпозиум по проблеме перехода доклассового общества в классовое // ВДИ. – 1967. – № 4. – С. 199–206.

Пандей, 1982. – Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. – М.: Высшая школа, 1982. – 328 с.

Пассек, 1837. – Пассек В.В. Курганы и городища Харьковской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб., 1837. – Т. 25. – Вып. 3. – С. 539–550.

Пассек, 1839. – Пассек В.В. Курганы и городища Харьковского, Валковского, Полтавского уездов //

Русский исторический сборник. – М., 1839. – Т. 3. – Кн. 3. – С. 201–229.

Периханян, 1983. – Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. – М.: Наука, 1983. – 383 с.

Петренко, 1967. – Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1967. – Вып. Д 1–4. – 180 с.

Петренко, 1978. – Петренко В.Г. Украшения Скифии в VII–III вв. до н. э. // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1978. – Вып. Д 4–5. – 144 с.

Плахов, 1982. – Плахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социалогического исследования. – М.: Мысль, 1982. – 220 с.

Цушков, Промахина, 1981. – Цушков В.П., Промахина И.М. Опыт применения факторного анализа для классификации, изучения структуры и моделирования социальных типов крестьянских хозяйств // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. – М., 1981. – С. 31–76.

Равдоникас, 1932. – Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 5–106.

Раевский, 1971. – Раевский Д.С. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского (по материалам раскопок некрополя). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1971. – 16 с.

Раевский, 1977. – Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977. – 215 с.

Радзиевская, 1978. – Радзиевская В.Е. Раскопки городища у с. Коломак // Археологические открытия 1977 года. – М., 1978. – С. 377–378.

Радзиевская, 1978а. – Радзиевская В.Е. Отчет о разведках и раскопках на территории Харьковской области в 1977 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1977/59. – 12 с.

Радзиевская, 1979. – Радзиевская В.Е. Продолжение исследований Коломакского городища // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. – С. 393.

Радзиевська, 1979а. – Радзиевская В.Е. Отчет о работе скифской лесостепной экспедиции Харьковской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры в 1979 г. – Харьков, 1980 // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд. эксп. № 1979/49. – 16 с.

Радзиевская, 1980. – Радзиевская В.Е. Исследования Коломакского городища // Археологические открытия 1979 года. – М., 1980. – С. 327.

Радзиевская, 1980а. – Радзиевская В.Е. Некоторые итоги раскопок Коломакского городища // Археологические исследования на Украине в 1978–79 гг. Тезисы докладов 18 конференции Института археологии АН УССР. – Днепропетровск, 1980. – С. 82.

Радзиевская, 1980б. – Радзиевская В.Е. Отчет о разведках и раскопках скифской лесостепной археологической экспедиции в 1979 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1979/49. – 16 с.

Радзиевская, Шрамко, 1980. – Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. – 1980. – № 4. – С. 181–190.

Радзиевская, 1981. – Радзиевская В.Е. Раскопки Коломакского городища // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981. – С. 305–306.

Радзиевская, 1984. – Радзиевская В.Е. Работы на Коломакском городище // Археологические открытия 1982 года. – М., 1984. – С. 321–322.

Радзиевская, 1985. – Радзиевская В.Е. Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине // СА. – 1985. – № 1. – С. 257–260.

Ригведа. – Ригведа Избранные гимны / Пер. и ком. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1972. – 418 с.

Ростовцев, 1913. – Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. – 1913. – Вып. 49. – С. 1–62.

Ростовцев, 1918. – Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. – Пг., 1918. – 187 с.

Ростовцев, 1925. – Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозначение памятников литературных и археологических. – Л., 1925. – 623 с.

Рудинський, 1928. – Рудинський М.Я. Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник, присвячений 35-річчю музею. – Полтава, 1928. – Т. 1. – С. 29–62.

Рудинський, 1949. – Рудинський М.Я. Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1949. – Т. 2. – С. 53–79.

Рыбаков, 1948. – Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 792 с.

Рыбаков, 1979. – Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. – М.: Наука, 1979. – 247 с.

Рыбаков, 1982. – Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. – М.: Наука, 1985. – 590 с.

Самоквасов, 1906. – Самоквасов Д.Я. Материалы по археологии Полтавской губернии. Выписки из дел ИАК, дополненные сведениями из архива гр. П.С. Уваровой // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. – М., 1906. – Вып. 1. – С. 109–120.

Саготовский, 1973. – Саготовский В.Н Опыт содержательной классификации систем // Системный метод и современная наука. – Новосибирск. – Вып. 2. – С. 24–30.

Семенов, 1976. – Семенов Ю.И. Первобытная коммуна и соседская община // Становление классов и государства. – М.: Наука. – С. 7–86.

Сидоренко, Махно, Телегін, 1982. – Сидоренко П.О., Махно Є.В., Телегін Д.Я. Довідник з археології України. Полтавська область. – К.: Наук. думка, 1982. – 106 с.

Смирнов, 1934. – Смирнов А.П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. – М.: Изд-во ГИМ, 1934. – 36 с.

Смирнов, 1966. – Смирнов А.П. Скифы. – М.: Наука, 1966. – 200 с.

Смирнов, 1970. – Смирнов А.П. Происхождение рабовладения // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. – М., 1970. – С. 113–132.

Спицин, 1918. – Спицин А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. – 1918. – Вып. 65. – С. 87–143.

Стрижак, 1963. – Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. – К.: Вид-во АН УРСР, 1963. – 112 с.

Тереножкин, 1966. – Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. – 1966. – № 2. – С. 33–49.

Тереножкін, 1975. – Тереножкін О.І. Класи і класові відносини у Скіфії // Археологія. – 1975. – Т. 15. – С. 3–13.

Тереножкин, 1976. – Тереножкин А.И. Киммерийцы. – К.: Наук. Думка, 1976. – 233 с.

Тереножкин, 1977. – Тереножкин А.И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. – К., 1977. – С. 3–28.

Техов, 1980. – Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника). – М.: Наука, 1980. – 93 с.

Темкин, Эрман, 1982. – Темкин Э.П., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. – М.: Наука, 1982. – 270 с.

Толстов, 1934. – Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК. – 1924. – Вып. 103. – С. 165–199.

Топоров, Трубачев, 1962. – Топоров В.П., Трубачев О.П. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 270 с.

Трубачев, 1968. – Трубачев О.П. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование, этимология, этническая интерпретация. – М.: Наука, 1968. – 289 с.

Утченко, Дьяконов, 1970. – Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества. // 13 Международный конгресс исторических наук. – М., 1970. – 20 с.

Федоров-Давыдов, 1970. – Федоров-Давыдов Г.А. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С. 123–131.

Филарет, 1857. – Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – М., 1857. – Отд. 2. – 332 с.; Отд. 3. – 608 с.

Фофанов, 1975. – Фофанов В.П. Общественно-экономическая формация как система общественных отношений // Системный метод и современная наука. – Новосибирск, 1975. – Вып. 3. – С. 139–147.

Фукс, 1930. – Фукс М. Про городища скитської доби на Харківщині // Записки ВУАК. – К., 1930. – Т. 1. – С. 91–113.

Хазанов, 1972. – Хазанов А.М. О характере рабовладения у скифов // ВДИ. – 1972. – № 1. – С. 159–170.

Хазанов, 1973. – Хазанов А.М. Скифское жречество // Советская этнография. – 1973. – № 6. – С. 41–50.

Хазанов, 1975. – Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М.: Наука, 1975. – 341 с.

Шафонский, 1851. – Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из частей коей оное наместничество составлено, сочиненное Действительным статским советником и Кавалером Афанасием Шафонским: Сочинено в Чернигове в 1786 г. – К., 1851. – 697 с.

Шелов, 1972. – Шелов Д.Б. Социальное развитие скифского общества // Вопросы истории. – 1972. – № 3. – С. 63–78.

Шрамко, 1957. – Шрамко Б.А. Досягнення радянських археологів у вивченні племен Скіфії // Ученые записки Харьковского университета. – 1957. – Т. 89. – Труди історичного факультету. – Вип. 6. – С. 433–454.

Шрамко, 1957а. – Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. – 1957. – № 1. – С. 178–198.

Шрамко, 1962. – Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1962. – 402 с.

Шрамко, 1966. – Шрамко Б.А. Нові дані про господарство скіфської епохи // Вісник. Харківського університету. – 1966. – Серія: Історія. – № 17. – Вип. 1. – С. 73–82.

Шрамко, 1966а. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1965 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1965/27. – 35 с.

Шрамко, 1966б, – Шрамко Б.А. Основные итоги раскопок 1965 г. на Восточном Бельском городище // Пленум Института археологии 1966 г: Тезисы докладов. [4–1]: Секция «Ранний железный век». – Москва, 1966. – С. 15–17.

Шрамко, 1967. – Шрамко Б.А. Исследования лесостепной полосы УССР // Археологические открытия 1966 года. – М., 1967. – С. 209–210.

Шрамко, 1968. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1967 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1967/80. – 41 с.

Шрамко, 1969. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции в 1968 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд экс. – Д. № 1968/43. – 31 с.

Шрамко, 1972. – Шрамко Б.А. Походження племен раннього залізного віку на території лісостепового Лівобережжя України // Питання історії народів СРСР. – Харків, 1972. – Вип. 14. – С. 153–163.

Шрамко, 1973. – Шрамко Б.А. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. – К., 1973. – С. 82–112.

Шрамко, 1973а. – Шрамко Б.А. Исследования в Харьковской и Полтавской областях // Археологические открытия 1972 года. – М., 1973. – С. 351–352.

Шрамко, 1975. – Шрамко Б.А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема // СА. – 1975. – № 1. – С. 65–85.

Шрамко, 1975а. – Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон // Скифский мир. – М., 1975. – С. 94–132.

Шрамко, 1976. – Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С. 194–210.

Шрамко, 1976а. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1975 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1975/96. – 40 с.

Шрамко, 1977. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1976 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1977/95. – 22 с.

Шрамко, 1980. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1979 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1979/107. – 21 с.

Шрамко, 1981. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1980 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1980/60. – 27 с.

Шрамко, Щегленко, 1981. – Шрамко Б.А., Щегленко А.В. Отчет об охранных раскопках в окрестностях с. Бельск Полтавской области в 1980 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд. эксп. – Д. № 1980/86. – 14 с.

Шрамко, 1982. – Шрамко Б.А. Новые находки в городе Гелоне. // Археологические открытия 1981 года. – М., 1982. – С. 334–335.

Шрамко, 1982а. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1981 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1981/114. – 37 с.

Шрамко, 1983. – Шрамко Б.А. Архаическая керамика Восточного Бельского городища и проблема происхождения ее обитателей // АСГЭ. – 1983. – Вып. 23. – С. 73–92.

Шрамко, 1983а. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1982 году // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд эксп. – Д. № 1982/78. – 42 с.

Шрамко, 1984. – Шрамко Б.А. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Фридрих Энгельс и проблема истории древних обществ. – К., 1984. – С. 218–230.

Шрамко, 1985. – Шрамко Б.А. Жилище VI в. до н. э. на Бельском городище // Вестник Харьковского университета. – 1985. – Серия: история. № 268. – С. 74–83.

Шрамко, 1985а. – Шрамко Б.А. Глиняные скульптуры Гелона // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 17–21 мая. Тезисы докладов и сообщений. – Баку, 1985. – С. 375–377.

Шрамко, 1985б. Раскопки Бельского городища // Археологические открытия 1983 года. – М., 1985. – С. 375–376.

Шрамко, 1985в. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1984 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – Фонд. эксп. – Д. № 1984/53. – 26 с.

Шрамко, 1987. – Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – К.: Наук. думка, 1987. – 184 с.

Щегленко, 1981. – Щегленко А.В. Раскопки курганов в Полтавской области // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981. – С. 326.

Юшков, 1947. – Юшков С.В. История государства и права СССР. – М.: Изд-во мин. юстиц. СССР, 1947. – Ч. 1. – 767 с.

Юшков, 1961. – Юшков С.В. История государства и права СССР. – М.: Госиздат, 1961. – Ч. 1. – 671 с.

Яровикова, 1973. – Яровикова Р.Т. О соотношении системного подхода и метода моделирования // Системный метод и современная наука. – Новосибирск, 1973. – Вып. 2. – С. 45–51.

Яценко И.В., 1959. – Яценко И.В. Скифия VII–V вв. до н. э. // Труды ГИМ. – 1959. – Вып. 36. – 119 с.

Biomedical Computer Programmers (**BMD**) – Biomedical Computer Programmers (BMD). – Univ. of California Prt. Los-Angeles, 1977. – 86 p.

Biomedical Computer Programmers (BMDP) – Biomedical Computer Programmers (BMDP). – Univ. of California Prt. Los-Angeles, 1977. – 82 p.

Harke, 1979. – Harke G.H. Settlement Tipes and Patterna in West Halstatt Province // BAR International Ser. – 1979. – Vol. 57. – 300 p.

Hogg, 1971 – Hogg A.H.A. Some Applicatings of Surfase Fieldwork // The Iron Age and its Hill-forts. – Essays presented to Sir Mortimer Weeler. Univ. of Southampton Prt. Monograf Ser., 1971. – V.1. – P. 105–125.

Zakharov, 1932. – Zakharov A.A I.A.Zaretsky's Excavations in the Government of Kharkov // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – Helsinki, 1932. – Vol. VII. – P. 59–81.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС – Археологический съезд;

АН – Академия наук;

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа *(Ленинград)*;

ВДИ – Вестник древней истории *(Москва)*;

ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии *(Москва)*;

ВУАК – Всеукраинский археологический комитет;

ГИМ – Государственный исторический музей *(Киев)*;

Дон. ГУ – Донецкий государственный университет *(Донецк)*;

ИА – Институт археологии;

ИАК – Известия Императорской археологической комиссии *(Санкт-Петербург)*;

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры *(Москва; Ленинград)*;

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР *(Москва)*;

КСИИМК – Краткие сообщения Института археологии материальной культуры *(Москва; Ленинград)*;

ЛГУ – Ленинградский государственный университет *(Ленинград)*;

МГУ – Московский государственный университет *(Москва)*;

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР *(Москва; Ленинград)*;

СА – Советская археология *(Москва; Ленинград)*;

ХГУ – Харьковский государственный университет *(Харьков)*;

BAR – British Archaeology Reports *(Оксфорд)*;

ESA – Eurasie Septemtrionalis Antidia *(Хельсинки)*.

ДОДАТКИ

Соціологія східноєвропейського міста I тис. до н. е. (за матеріалами Більського городища та Ворсклинської регіональної системи скіфського часу)

Sociology of the Eastern European city of I millennium B.C. (on the material of Bilsk hillfort and Vorskla regional system of the Scythian time)

Социология восточноевропейского города I тыс. до н. э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени)

Социология города – раздел и теория среднего уровня современной социологической науки, изучающие проблемы генезиса, сущности и функционирования города как целостной подсистемы социального организма.

Проблема урбанизации Восточной Европы становится актуальной для времени не ранее начала железного века. Ниже речь пойдет о феномене города как закономерном результате социального развития населения одного из регионов огромной территории, известной античным авторам под общим названием Скифия. На сегодня лишь несколько памятников Лесостепной и Степной Скифии соотносились исследователями с остатками древних городов – Белозерское, Каменское, Елизаветовское и Бельское городища.

Из приведенного перечня благодаря работам В.П. Былковой, похоже, следует исключить Белозерское городище [1, с. 184–185]. Открытым остается вопрос о Каменском городище. Несколько десятилетий назад большинство скифологов, за исключением А.И. Тереножкина, поддержало Б.Н. Гракова, трактовавшего это древнее поселение в качестве крупнейшего раннегородского центра Степной Скифии [2, с. 172; 3, с. 61; 4, с. 35; 5, с. 15–16; 6, с. 188–190]. По мнению В.П. Яйленко, Каменское городище соответствует «городу борисфенитов», упомянутому Макробием в связи с походом Зопириона в 311 г. до н. э. [7, с. 253–258]. В то же время Н.А. Гаврилюк, опираясь на материалы новейших археологических исследований Каменского городища и его окрестностей, видит в этом памятнике «конгломерат скотоводческих поселков» с низким уровнем развития и специализации ремесленного производства [3, с. 183–184].

Больше единства в отношении специалистов к Елизаветинскому городищу. Не вызвал принципиальных возражений вывод о том, что к середине IV в. до н. э. здесь сформировалось поселение городского типа, выполнявшее важные торговые, ремесленные, культовые, защитные функции для оседло-земледельческого населения Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья [9, с. 211; 10, с. 63–78].

Единственным городом Восточной Европы (негреческого происхождения), достоверно упомянутым в письменных источниках античности, является город Гелон в «земле будинов»: именно городом, а не укреплением или торжищем называл его Геродот [IV, 108–109]. Современные исследователи почти единодушно отождествляют этот древний город Лесостепной Скифии с Бельским городищем на Полтавщине. Б.А. Шрамко детально и всесторонне изучил материальную и духовную культуру его обитателей, доказал

городской характер поселения, определил место памятника среди европейских древностей эпохи раннего железа [11–15 и др.]. В частности, он пришел к выводу, что «Бельское городище напоминало раннегреческий полис с более демократическими, чем в странах Древнего Востока, традициями, происходящими от институтов, сложившихся в союзе местных племен» [14, с. 227–228]. Однако вскоре автор уточнил свое видение проблемы: «В данном случае на основе объединении двух племенных центров (Восточного и Западного укреплений Бельского городища. – Ю. Б.) …появился своеобразный, отличающийся от античного, город-государство, игравший важную роль в жизни населения юга Восточной Европы VII–III вв. до н. э.» [15, с. 163]. Представляет интерес и оценка со стороны Б.А. Шрамко формы политического устройства «гелонополитов»: «Скорее всего в местном обществе господствовала олигархия, волю которой осуществлял «царь», ограниченный каким-то коллективным органом из представителей верхушки общества, разделенного на отдельные сословия» [15, с. 36].

И все же, несмотря на ряд интересных наблюдений и замечаний различных авторов по поводу происхожденияя и сущности восточноевропейских городов скифского времени, нет специального исследования их социального облика.

Пытаясь хотя бы частично восполнить существующий пробел, начнем с определения некоторых основных параметров территориальной системы, элементом и подсистемой которой был город Гелон с его ближайшей округой. Эго возможно благодаря комплексному характеру археологических исследований Ворсклинского региона Лесостепной Скифии.

Анализ регионального распределения памятников показывает, что отдельные селища, городища, курганные могильники образовывали локальные группы, каждая из которых имела свою функциональную территорию. Их совокупность создавала функциональную территорию всей региональной системы (рис. 1).

Особое место в рамках пространственной организации региональной системы занимала центральная зона, границы которой совпадали с функциональной территорией Бельского городища – города Гелона. Она состояла из самого города, многих поселений сельского типа и огромного курганного некрополя в урочищах Скоробор, Осняги, Перещепино. Площадь функциональной зоны Бельского городища превышала 700 кв. км, что вполне сопоставимо, например, с размерами Мегариды VIII–VII вв. до н. э., население которой достигало 40 тыс. жителей [16, с. 97]. Центральная зона была ядром региональной системы, наиболее полно отражавшим ее генерализованную функцию [17, с. 56, 73]. Одним из важнейших аспектов реализации этой функции было поддержание устойчивости системы, что нашло отражение в создании развитой инфраструктуры обороны и управления. Яркий пример тому – строительство и неоднократная реконструкция укреплений Бельского городища, размеры которого в два раза превышали фонд известной площади всех древнерусских городов XII–XIII вв. [18, с. 196].

Внешняя линия обороны региона состояла из отдельных городищ и узлов укреплений, расположенных радиально по отношению к ядру системы (рис. 1). В течение суток можно было попасть в любую точку северной части оборонительной линии, наиболее важной в стратегическом отношении, поскольку именно здесь сходились и пересекались важные сухопутные и речные «шляхи» древности [подробнее см. 19, с. 86–87; 15, с. 19–27, рис. 1].

Отмеченный тип пространственной организации характерен для раннеклассовых городов-государств [20, с. 31, 32; 21, с. 139 и др.]. Эффективность управления, экономический и военный потенциал таких систем жестко коррелированы с плотностью населения и демографическим потенциалом [22, с. 150–155]. Понятно, что в нашем случае оценка этих факторов может носить лишь самый общий характер.

Зная функциональную территорию региональной системы (2740 кв. км) и среднюю плотность населения для обществ развитых земледельцев без ирригации (45 чел./кв. км [22, с. 149]), можем вычислить приблизительный показатель, характеризующий демографический потенциал региона – около 120 тыс. человек. Сопоставимый результат получается при умножении общей площади Ворсклинского региона (ок. 10 тыс. кв. км) на среднюю плотность населения Южной Руси XII–XIII вв. (10–12 чел./кв. км [18. с. 201]). Кроме того, размеры Ворсклинской региональной системы близки к территориально-административным образованиям Древнерусского государства – «городовым княжим волостям», выставлявшим каждая свой полк воинов-профессионалов средней численностью 1,5 тыс. человек [18, с. 97–98]. В Северной Европе для содержания такой дружины необходимо было изъять прибавочный продукт 21 тыс. крестьянских домохозяйств [23, с. 148], что при средних размерах малой семьи (5–6 человек) снова дает цифру, близкую полученной ранее, – 120 тыс. жителей. Похоже, именно она отражает действительный демографический потенциал рассматриваемой региональной системы скифского времени, что, в свою очередь, позволяет судить о плотности социальных связей.

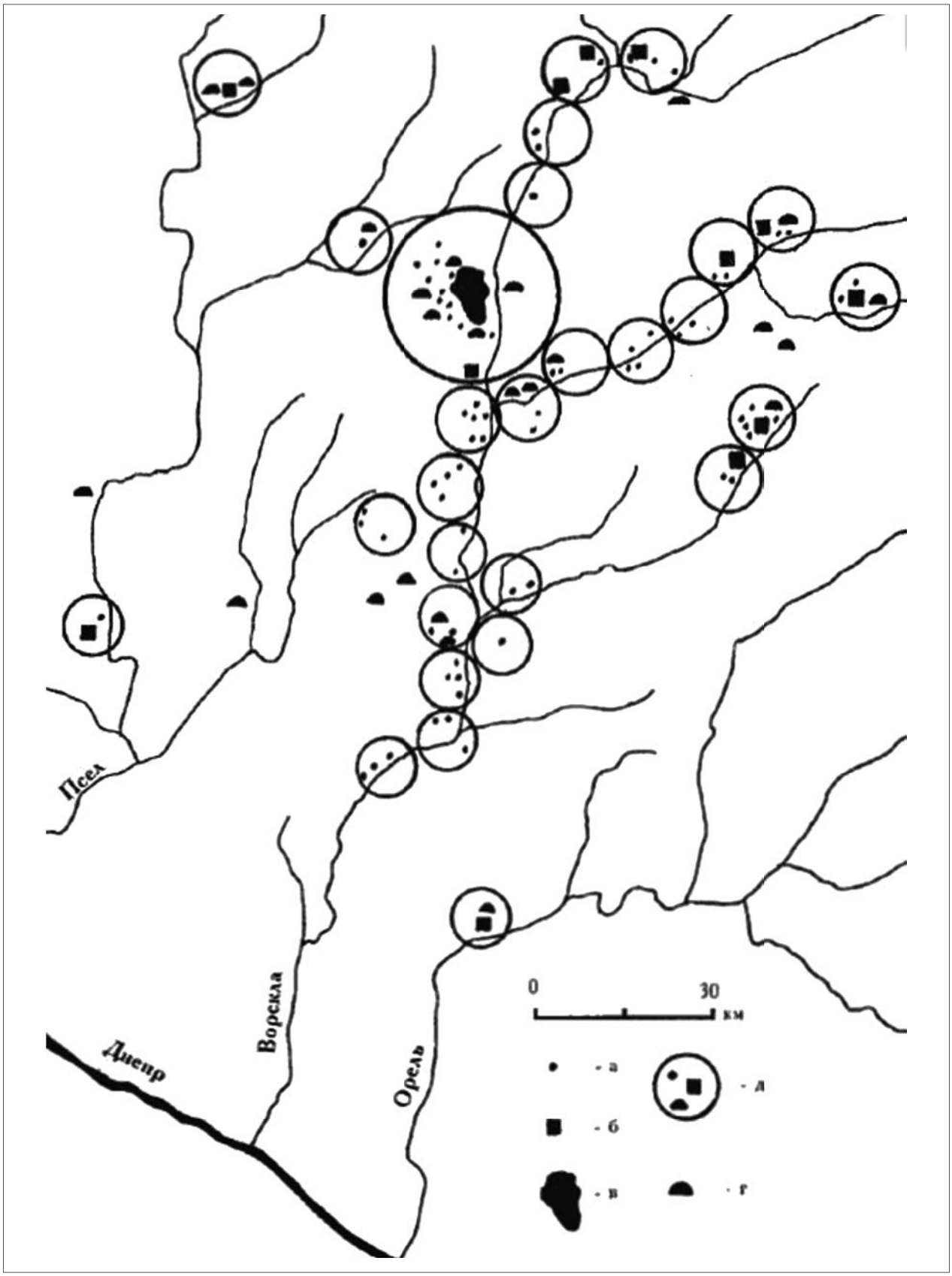


Рис. 1. Ворсклинская региональная система скифского времени.

Условные обозначения:

а – селища, б – городища, в – Бельское городище, г – курганные могильники, д – функциональные территории локальных систем поселений.

Следующим шагом должна стать реконструкция Ворсклинской региональной системы в ее социальном аспекте. Это позволит, в конечном итоге, определить специфику социального облика города Гелона, его социологическое «лицо».

Исходной проблемой, которую невозможно обойти не только нам, но и любому автору, берущемуся за углубленную разработку палеосоциологических вопросов преимущественно на основе данных археологии, является проблема элементарного уровня организации источников, с которого становится возможной их социологическая интерпретация. Для некрополей таким естественным уровнем является погребальный комплекс. На поселениях в качестве элементарного таксона многие исследователи рассматривают жилище, соотнося его с малой социальной группой – семьей. В ряде случаев такой подход правомерен, но часто, особенно когда речь идет о поселениях раннеклассовых и классовых обществ, отдельно взятое жилище не является самодостаточной информационной единицей. Для эпохи раннего железа элементарным уровнем организации археологических источников из раскопок поселений является усадьба – материальный эквивалент домохозяйства малой социальной группы – семьи или домашней общины.

Первые попытки выделения усадебных комплексов на Восточном укреплении Бельского городища были предприняты Б.А. Шрамко и основаны на методе эмпирической группировки строительных остатков хозяйственно-бытового и жилого назначения [11, с. 108; 24, с. 181–189]. В результате удалось показать наличие отдельных домохозяйств на городище, что само по себе стало важным достижением поселенческой археологии Лесостепи. Недостатком метода являлась невозможность четкой фиксации границ домохозяйств.

Принцип разграничения территорий древних домохозяйств на поселениях скифского времени нам удалось выявить в процессе детального картографирования всех категорий строительных и вещественных остатков на планах раскопов. Оказалось, что участки с высокой концентрацией артефактов разделялись промежутками шириной от 1–2 до 5–6 м[1] без выраженных культурных отложений или хозяйственных ям. Первые, часто подпрямоугольной формы, соответствуют остаткам усадеб, а вторые – улицам, переулкам, межевым участкам.

Особенно отчетливо границы домохозяйств прослеживаются на однослойных памятниках без больших распаханных зольников. В пределах Ворсклинского региона такими поселениями являются Восточное Бельское, Коломакское городища, отчасти городище у с. Полковая Никитовна. На селищах Лихачевка, Пожарная Балка раскопанные участки оказались «вписанными» в пространства с высокой насыщенностью культурного слоя, редко пересекая их границы.

На Восточном Бельском и Коломакском городищах отмечена линейно-поперечная уличная планировка (рис. 2, 1, 2). По наблюдениям Б.А. Шрамко и автора данного исследования, территория Восточного укрепления Бельского городища осваивалась постепенно. Наиболее ранние участки культурного слоя отмечены возле северного и южного входов, а также в ряде мест, как правило, возвышенных и расположенных по периметру оборонительных сооружений. Похоже, что каждый из заселяемых участков первоначально имел свою планировку, поскольку в ряде случаев на соседних раскопах направление улиц не совпадает. Ниже мы попытаемся раскрыть социальную природу отмеченной закономерности.

Некоторые хронологические особенности можно проследить и в форме границ усадебных комплексов: более ранние не всегда имели правильные очертания, тогда как в V–IV вв. до н. э. наблюдается тенденция придания усадьбам прямоугольной формы наряду с определенной стандартизацией их размеров.

Известные нам усадьбы отличались формой, размерами, сложностью внутренней планировки. Для усадеб I типа характерно наличие нескольких хозяйственных ям, печей и очагов, иногда жертвенника, расположенных по периметру двора. Жилища находились ближе к границам домохозяйства, подчеркивая тем самым центральное место внутреннего двора в структуре комплекса. Площадь усадеб I типа колебалась в пределах от 70 до 1500 кв. м. Планировка усадеб II типа как бы многократно воспроизводила структуру усадеб I типа, что выражалось в наличии нескольких хозяйственных дворов с примыкавшими к ним постройками в рамках единого домохозяйства. Площадь таких усадеб изменялась в пределах от 900 до 9000 кв. м[2]

[1] Примечательно, что в кельтской Алезии и славянском Новгороде минимальная ширина проезжей части улиц составляла 1,4–1,5 м [25, с. 132; 26, с. 136], соответствуя, видимо, традиционному модулю длины оси транспортных средств. Живучесть этих традиций увековечена в современных стандартах ширины железнодорожной колеи (1,435 м английский и 1,524 м российский).

[2] Для сравнения: минимальным размер участка, получаемого греком-колонистом в стенах нового города, составлял около 700 кв. м [27, с. 125–126]. В городах Древней Руси площадь усадеб простых горожан составляла 400–600 кв. м, знати 1200–6000 кв. м; в селах площадь усадеб колебалась от 1200 до 7000 кв. м [28, с. 112; 29, с. 46; 18, с. 194–195].

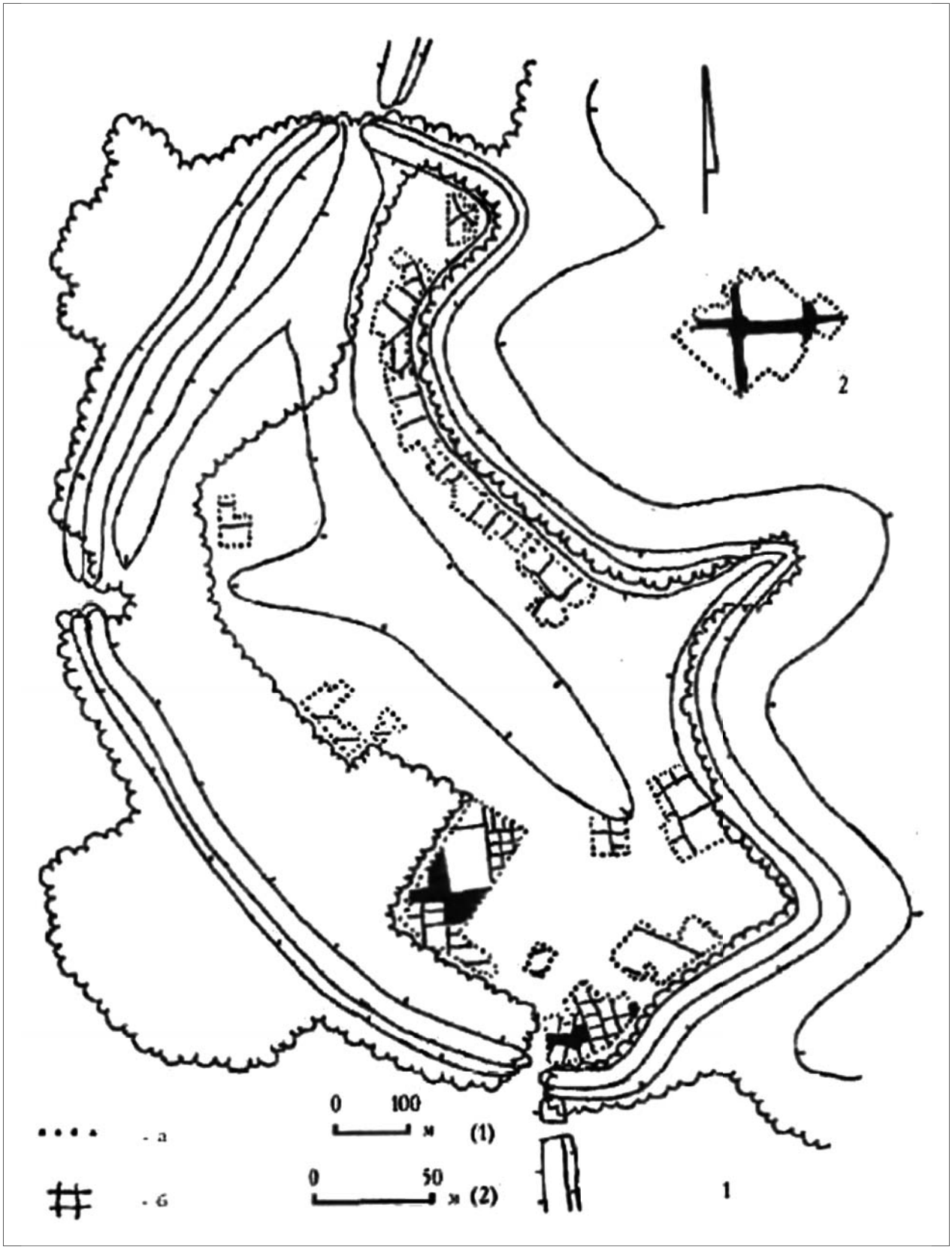


Рис. 2. План Бельского городища.

Условные обозначения:

1 – Восточное укрепление Бельского городища; 2 – раскоп I на Коломакском городище; а – границы раскопанных участков; б – усадебно-дворовая планировка (черной заливкой показаны площади, улицы, переулки).

К настоящему времени на наиболее изученных в археологическом отношении поселениях Приднепровской Лесостепи нам удалось собрать данные о 97 домохозяйствах, из которых 89 относятся к Ворсклинской региональной системе, а 55 исследованы на Восточном Бельском городище. Статистическая обработка региональной выборки произведена по системе признаков [30, с. 56, Приложение 1, табл. 2], числовые значения которых заданы в виде отношения количества предметов той или иной категории в культурном слое домохозяйства к его объему. Это сопоставимые величины, характеризующие плотность насыщения сравниваемых объектов тем или иным качеством [31, с. 69]. В итоге принятая нами система описывающих признаков и показателей приобретает черты функциональной социологической характеристики малых социальных групп и служит одновременно матрицей данных для статистической обработки на ЭВМ с целью моделирования основных элементов социальной структуры местного населения скифского времени по материалам поселений. В данном случае использован метод факторного многомерного статистического анализа, который, по мнению К. Иберла, «делает возможным выдвижение дифференцированных гипотез о структуре взаимосвязи переменных и факторов, не задаваясь этой структурой заранее и не имея о ней никаких сведений» [32, с. 14]. В итоге выделено 11 социальных групп, различающихся по месту в системе общественного разделения труда, богатству и социальному статусу.

Обладая сложной внутренней структурой и отчетливо выраженной социальной иерархией, эти группы гомогенизируются на уровне социально-юридических категорий древнего населения – сословий. Здесь появляется возможность корректного сравнительного изучения материалов поселений и погребальных комплексов.

На территории Ворсклинского региона известно свыше 160 погребений VII–III вв. до н. э. Их группировка и классификация проведены с помощью кластерного анализа, направленного на выявление групп типологически близких объектов [33; 34, с. 133–134]. В результате выборка была разделена на три сложных по своей структуре кластера высокого уровня, соответствующих трем группам-сословиям, выделенным по материалам поселений [30, с. 110–115; Приложение I, табл. 5; Приложение II, табл. 17].

К низшему сословию свободных принадлежали крестьяне (земледельцы-скотоводы) и ремесленники. Нынешнее состояние источников позволило более детально изучить социальные группы ремесленников. Их статус и материальное положение во многом определялись общественным престижем специальности, характером специализации и социальным кругом заказчиков. Большинство усадеб ремесленников отмечены на Бельском городище. Для ремесленников низших социальных групп I (бронзолитейщики, столяры-плотники, краснодеревщики) и II (кузнецы) – характерны небольшие домохозяйства I типа с одним двором, тогда как ремесленники III и IV групп (косторезы и художники-косторезы) жили одно- и многодворными домохозяйствами. Земледельческие орудия труда сохранились на усадьбах кузнецов и косторезов. Другие ремесленники, по-видимому, не были столь тесно связаны с сельским хозяйством.

Сравнительное изучение материалов поселений и погребений показывает, что кроме некоторых особенностей погребального обряда, небольшим размерам усадеб представителей низшего сословия свободных соответствовали и незначительные трудовые затраты при возведении погребальных сооружений (табл. 1). Их размеры могли варьировать в зависимости от внутригруппового и внутрисословного статуса погребенных, а также от формы семьи, к которой они принадлежали. Мужчин и женщин равного сословно-группового ранга хоронили всегда индивидуально. Отдельные погребения, преимущественно женские, сопровождались захоронениями домашних слуг или рабов.

Сословия	Средние размеры усадеб I типа, кв. м	Средние размеры погребальных камер, куб. м
I	827	21
II	540	11
III	356	7

Табл. 1. Размеры усадеб и погребальных сооружений

Условные обозначения: I – воины, II – торговцы, III – крестьяне и ремесленники.

Более высокое положение в обществе занимало второе сословие. В него входили V и VI социальные группы, объединявшие торговцев. Средние размеры усадеб и погребальных сооружений этой социальной категории населения превосходят аналогичные показатели для низшего сословия свободных (табл. 1). Мужчин и женщин из второго сословия никогда не хоронили в одной могиле, но сопровождающие погребения женщин из низшего сословия изредка встречаются при основных погребенных мужчинах второго сословия наряду с отдельными захоронениями домашних рабов.

Фактически единственным сословием свободных, обладавшим в рассматриваемом социальном организме всей полнотой прав, было сословие воинов со своей внутренней иерархией статусов и отношений. Лидирующее положение в сословии и обществе занимала XI социальная группа – воинская аристократия.

Для высших социальных групп воинского сословия (IX–XI) характерны многодворные домохозяйства II типа, тогда как в низших (VII–VIII) преобладали сравнительно небольшие усадьбы I типа. В целом же значительные средние размеры воинских усадеб хорошо коррелируют с трудовыми затратами при совершении погребений (табл. 1).

Наличие на усадьбах воинов сельскохозяйственных орудий труда, специализированных помещений указывает на связь с земледелием, в котором мог использоваться труд младших в социальном отношении членов семьи или домашних рабов. Некоторые знатные воины из высших групп сословия иногда отводили на своих усадьбах места под мастерские ремесленников, вероятно зависимых или ограниченно свободных.

Как и в других сословиях, мужчин и женщин из воинского сословия хоронили индивидуально. Погребения несвободных сопровождали преимущественно женщин. В некоторых случаях в одну могилу с мужчиной-воином помещали женщину из второго или третьего сословия или, совсем редко, наложницу-рабыню.

Приведенные данные, по необходимости краткие, о социальном составе и структуре населении Ворсклинского региона позволяют сделать ряд важных наблюдений и выводов.

Прежде всего отметим наличие двух основных форм семейно-родственной организации – малой семьи и большесемейной домашней общины, которым соответствовали усадьбы I и II типов. Сплочению членов большой семьи способствовало не только агнатическое родство, но и совместное проживание на территории домохозяйства, которое могло расширяться до известных пределов, но никогда не делилось. Интегрирующим началом служили и общие экономические интересы наряду с совместным отправлением религиозных обрядов, сложность которых явно коррелирована с общественным статусом малой социальной группы [35, с. 176–179].

Малосемейные домохозяйства характерны для городских ремесленников и воинов нижних социальных групп своего сословия (на Восточном Бельском городище усадьбы I типа составляют около 70% известных домохозяйств). Важно, что именно такие домохозяйства наиболее отчетливо выражали позицию социальной группы и сословия в системе общественного разделения труда и сам уровень его развития: многие малые семьи ремесленников и воинов сельским хозяйством не занимались.

Размеры усадеб варьировали в рамках социальных групп и сословий общества, причем наблюдается устойчивая тенденция к увеличению средних размеров односемейных домохозяйств согласно социальному статусу их обитателей (табл. 1). Если размеры усадеб II типа могли зависеть от количества малых семей, входивших в состав семейно-родственного коллектива, то для односемейных домохозяйств причину следует искать не только в социальной принадлежности семей, но и в формах брака, нашедших отражение в погребальном обряде.

На наш взгляд, понять закономерность в распределении сопровождающих погребений по социально-юридическим категориям древнего населения помогает обращение к традиционной системе межварновых брачных отношений в Индии. Например, в Законах Ману сказано: «При первом браке дважды рожденному рекомендуется жена его варны, но у поступающих по любви могут быть жены согласно прямому порядку варн. Для шудры предписана жена шудрянка, для вайшьи – шудрянка и своей варны, для кшатрия – те обе и своей варны, для брахмана – те три и своей варны» [36, III, 12–13]. Если из приведенной формулы исключить брахманов, поскольку у населения Ворсклинского региона жречество не выделялось в особое сословие [35], то в остальном заметно совпадение. В Ригведе и Атхарваведе упоминается ритуал замены убийства вдовы кшатрия инсценировкой этого акта [37, X. 18, 8; 38, XVIII. 3, 1], а в рассматриваемом обществе только женщины из сословия воинов никогда не сопровождали других погребенных.

Отсюда в качестве одной из существенных причин внутрисословных колебаний размеров усадеб I типа можно усматривать наличие среди них как моногамных, так и полигамных односемейных домохозяйств. По данным погребений, полигамия в форме гипергамии была присуща высшим сословиям общества.

Территория восточноевропейского города скифского времени, состоящая из множества усадебно-дворовых комплексов, на первый взгляд представляется неупорядоченной в социальном отношении: здесь нет сословных кварталов, как в античных городах Запада, или гомогенных кастовых общин-махалл, как в городах Востока. Но эта «неупорядоченность» лишь кажущаяся: за ней проступают контуры жестко структурированной социально-топологической системы.

Для изучения распределения усадебных комплексов на поселениях воспользуемся методикой анализа соседства, применяемой в географии. Подчеркнем, что в данном случае «соседство» характеризирует прежде всего закономерности пространственного распределения разнокачественных ареалов (в нашем случае – усадебных комплексов различной социальной принадлежности) в рамках топологических систем-поселений, позволяет оценивать степень случайности их взаимовстречаемости или «соседства», отношения доминирования и подчинения. В целом «соседство» определяет особенности территориальной структуры, которые не меняются при любых однозначных и непрерывных преобразованиях геопространства, фиксируют топологические особенности размещения элементов системы [39, с. 68–69].

В основу анализа положена гипотеза о случайном соседстве, проверка которой осуществляется подсчетом чисел соседства и построением матрицы встречаемости элементов территориальной структуры (табл. 2), где Tk является коэффициентом территориальной концентрации разнокачественных ареалов-усадеб. Элемент служит доминантой, одним из ядер территориальной структуры при Tk > 1, играет подчиненную роль при Tk < 1, имеет распределение соседства, близкое к случайному, если Tk ≈ 1 [39, с; 69].

Анализ значений показателя территориальной концентрации (табл. 2) свидетельствует о том, что в рассматриваемой топологической структуре доминировали усадьбы XI, VI и IV социальных групп, занимавших высшее положение в своих сословиях. Ярко выраженная подчиненная роль принадлежала усадьбам I социальной группы – низшей в третьем сословии свободных. Распределение домохозяйств остальных социальных групп близко к случайному. Но эти оценки носят лишь предварительный характер.

Более детальное представление о распределении усадебно-дворовых комплексов на поселениях региона дает анализ разности соседства (табл. 3): элементы, наделенные только отрицательными разностями чисел соседства, служат ядрами (узлами) топосистемы, вокруг которых концентрируются остальные домохозяйства; элементы с положительными разностями соседства выступают в качестве подчиненных, сопутствующих доминантам; элементы, сочетающие признаки доминирования и подчинения, рассматриваются как связующие между двумя противоположными категориями [39, с. 72–73].

Из табл. 3 следует, что наиболее важными доминантами в рассматриваемой структуре являлись усадьбы XI и VI социальных групп. Менее существенным, но все же доминирующим, было положение домохозяйств IV социальной группы. На противоположном полюсе расположены усадьбы I социальной группы, а в качество связующих элементов выступают домохозяйства VII, III (квазидоминирующих), VIII и IX (квазиподчиненных) социальных групп. Усадьбы X, V и II социальных трупп не имели четкой топологической привязки.

Полученные результаты характеризуют общую модель распределения домохозяйств различной социальной принадлежности на поселениях Ворсклинского региона безотносительно к внутренней структуре каждого. Ее содержательная интерпретация предполагает учет взаимовстречаемости усадеб на отдельных участках поселе-

i	**j**											**J**	**Tk**
	XI	**X**	**IX**	**VIII**	**VII**	**VI**	**V**	**IV**	**III**	**II**	**I**		
XI	x	–	1	–	2	1	–	–	1	–	2	**7**	**1,29**
X	–	x	–	1	–	–	1	–	–	–	–	**2**	**1,00**
IX	1	–	x	1	1	–	-	–	3	–	–	**6**	**0,83**
VIII	–	1	1	x	2	1	1	2	1	1	1	**11**	**0,91**
VII	3	–	1	1	x	–	–	–	2	–	–	**7**	**1,14**
VI	1	–	–	1	–	x	–	1	-	-	2	**5**	**1,60**
V	–	1	–	1	–	–	x	–	–	–	–	**2**	**1,00**
IV	–	–	–	1	–	1	–	x	–	1	1	**4**	**1,25**
III	1	–	2	1	3	–	–	–	x	–	1	**8**	**1,13**
II	–	–	–	1	–	–	–	1	–	x	1	**3**	**1,00**
I	3	–	–	2	–	5	–	1	2	1	x	**14**	**0,57**
i	**9**	–	**5**	**10**	**5**	**5**	**0**	2	9	3	8	69	

Табл. 2. Матрица чисел соседства усадебных комплексов. *Условные обозначения:* I–IX – социальные группы

i												Сумма отклонений	
	XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	(+)	(-)
XI	x	–	0	–	–1	0	–	–	0	–	–1	–	–2
X	–	x	–	0	–	–	0	–	–	–	–	–	–
IX	0	–	x	0	0	–	–	–	+1	–	–	+1	–
VIII	–	0	0	x	+1	0	0	+1	0	0	–1	+2	–1
VII	+1	–	0	–1	x	–	–	–	–1	–	–	+1	–2
VI	0	–	–	0	–	x	–	0	–	–	–3	–	–3
V	–	0	–	0	–	–	x	–	–	–	–	–	–
IV	–	–	–	–1	–	0	–	x	–	0	0	–	–1
III	0	–	–1	0	+1	–	–	–	x	–	–1	+1	–2
II	–	–	–	0	–	–	–	0	–	x	0	–	–
I	+1	–	–	+1	–	+3	–	0	+1	0	x	+6	

Табл. 3. Матрица разностей чисел соседства. *Условные обозначения:* I–IX – социальные группы.

ния, что возможно благодаря раскопкам городищ и селищ большими площадями.

Построение модели взаимовстречаемости усадеб на ограниченных участках поселений, выраженной в виде графа вероятностей соседства домохозяйств различных социальных групп, дополненных расчетом коэффициента ассоциации Пирсона (рис. 3), показывает, что внутри общей модели выделяются две подсистемы различных уровней гомогенизации. Первая из них, более высокого уровня, включает усадьбы XI, VII, VI, IV, II и I социальных групп с большой вероятностью соседства на ограниченном участке поселения. Вторая подсистема объединяет усадьбы остальных групп с более низкой вероятностью локального соседства. Обе подсистемы, или локализованные варианты структур соседства, имеют общее доминирующее ядро – домохозяйства воинской аристократии (группа XI) и дополнительно связаны через усадьбы IX, VII, III, II социальных групп. Это обусловливает известную вариабельность состава основных подсистем за счет включения дополнительных элементов. Качественное своеобразие подсистем и уровней их организации заключается в том, что первая из них объединяет ядра, а вторая квазидоминирущие элементы системы.

Таким образом, в распределении усадебных комплексов на поселениях отчетливо проступает фактор социального соподчинения: доминирующие элементы сохраняют иерархию межсословных статусов, причем домохозяйства аристократии выступают в качестве интегрирующего ядра всей системы. Добавим, что общие принципы социальной организации пространства поселений обнаруживаются и в структуре некрополей. Курганы воинов высокого социального ранга служили узлами, вокруг которых концентрировались погребения представителей иных социальных групп и сословий.

Подсистему, включавшую социально доминирующие и сопутствующие им элементы, можно интерпретировать в качестве территориальной сословно стратифицированной общины иерархического типа [40, с. 133, 254–258]. В городе такие общины селились отдельными кварталами на участках, принадлежавших, скорее всего, патронам-аристократам. Иначе трудно объяснить устойчивость этих образований в структурном, временном и пространственном отношениях. На границах таких кварталов могло возникать несовпадение изначальных планировочных сетей.

Исторические подсказки к пониманию истоков процесса формирования выявленных особенностей городского сообщества в лесостепном Гелоне скифского времени можно найти в Древней Индии, античной Греции, средневековой Руси. Так, в Индии владельческое право на землю обусловливалось принадлежностью к доминирующей в данной местности землевладельческой касте, чаще всего варне воинов-раджанья.

В случае поглощения городом своей сельскохозяйственной округи, деревни превращались в кастовые гетерогенные городские квартальные общины, сохранявшие прежнюю систему поземельных отношений [41, с. 74–75, 162]. В архаической Греции деревни со своими вождями были основной ячейкой общественных связей, на которых базировался политический строй и его дальнейшая эволюция. При возникновении города каждая такая община могла образовывать самостоятельную филу и проживать в отдельном городском квартале. Как следствие городские кварталы

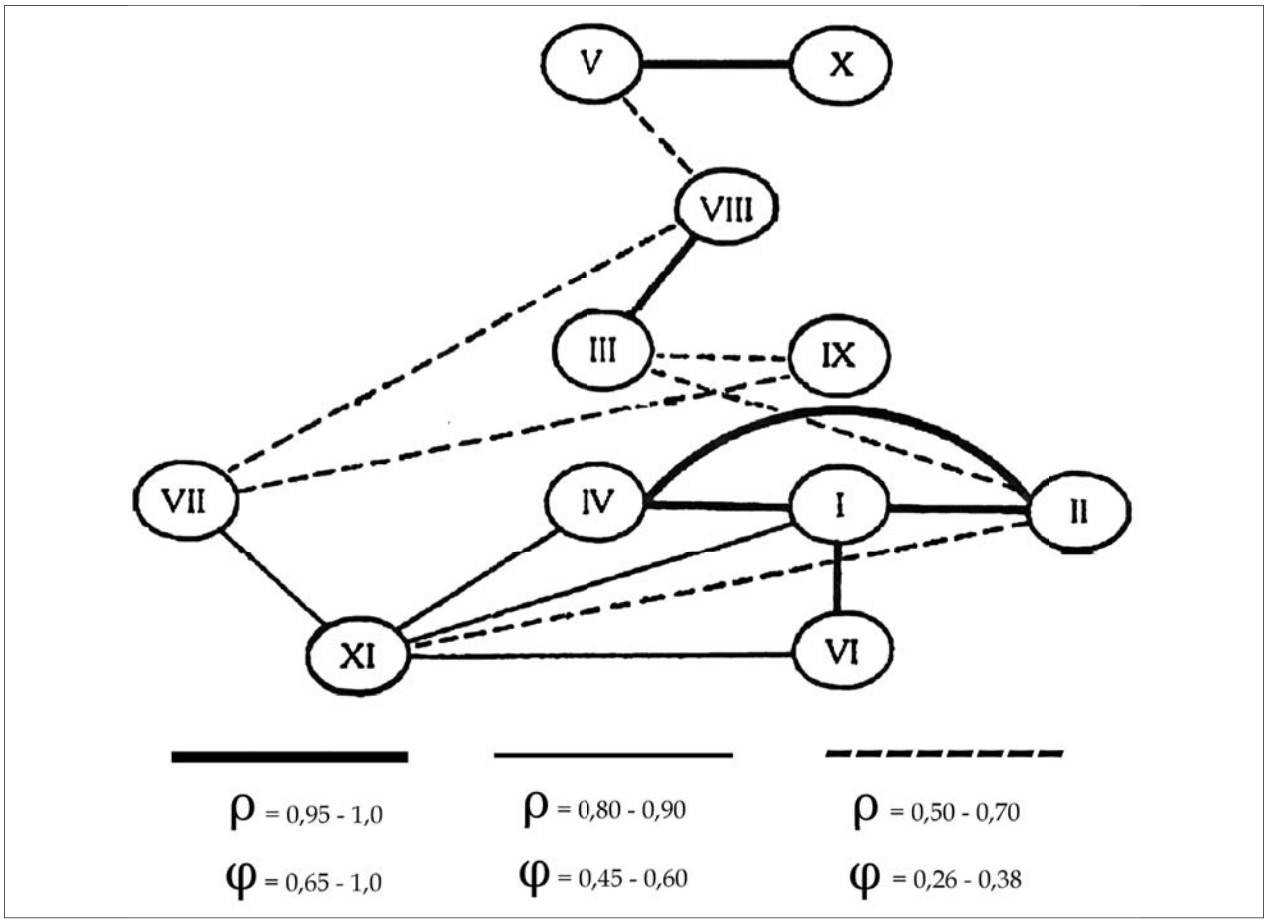


Рис. 3. Граф локализованной структуры соседства усадебных комплексов на поселениях Ворсклинской региональной системы.

Условные обозначения:
I–XI – социальные группы;
ρ – вероятность соседства на ограниченном участке поселения;
φ – коэффициент ассоциации Пирсона.

часто назывались «деревнями» [16, с. 23–24]. Когда после синойкизма знать из аттических деревень перебралась в Афины, она образовала здесь правящее сословие евпатридов. Привилегия евпатридов избирать магистратов лишь из своей среды была уничтожена реформами Солона, ознаменовавшими переход от «протополисного» к собственно полисному состоянию общества и античной форме рабовладения [16, с. 18–19, примечание 14].

В то же время социально стратифицированные общества Юга Восточной Европы продолжали развиваться под воздействием раннефеодальной тенденции, окончательно реализовавшейся здесь через полторы тысячи лет в Древнерусском государстве. Сравнивая город Гелон с древнерусским городом, можно уловить ряд важных общих черт. Так, важнейшей социально-экономической ячейкой и в Гелоне, и в Новгороде был комплекс усадеб единой владельческой принадлежности. В Новгороде исходным моментом его формирования являлось родовое земельное владение местной боярской аристократии, организующее в пределах своей компактной городской территории разнообразное по сословной принадлежности население. Например, владения рода бояр Мишиничей включало до 20 усадеб с населением 300–400 человек, в том числе ремесленников [42, с. 37, 38, 47]. И в Новгороде, и в Гелоне усадьбы знати, ремесленников, торговцев располагались вперемешку, что для древнерусского города принято объяснять вотчинным характером организации ремесла и торговли [13, с. 10, 89 сл.]. Подсистему Гелона, объединявшую квазидоминирущие социальные элементы структуры, можно сравнивать с соседской (уличанской) общиной, где были свои «узлы прочности». Именно древнерусский город, по нашему мнению, моделирует то состояние, к которому мог бы прийти Гелон при наличии

благоприятных внешних и внутренних условий. Но их не было: историческое время феодализма еще не наступило, а социально-экономическая система города-государства, несмотря на внешнюю стройность и основательность, держалась на зыбкой почве баланса интересов ведущих аристократических кланов.

В целом иерархическая структура социальной организации региональной системы и города как ее центрального элемента реконструируется следующим образом: семья или домовая община, группа семей различной социальной принадлежности под эгидой воинской знати в провинции и аристократии в городе, локальная группа сословно стратифицированных общин-поселений (рис. 1), городская суперобщина, управляемая «патронами» или «старейшинами» общин-кварталов.

Городская суперобщина аккумулировала в себе не только треть демографического потенциала региона, но и все основные качественные параметры региональной системы, являясь выразителем генеральной системной функции данного общества – его государственности [см. 43, с. 92–98]. В основе функционирования подобного типа социальной организации лежали системообразующие отношения власти-собственности. На идеологическом уровне социально-экономическая, правовая и политическая зависимость низших социальных групп от высших воспринималась как услугообмен, в котором были заинтересованы все участники процесса. Земледельцы, ремесленники, торговцы получали от своего покровителя военную, политическую и юридическую защиту, помощь в удовлетворении важных религиозных потребностей. Аристократ-покровитель не только обеспечивал себе регулярное поступление земледельческого прибавочного продукта, но и организовывал его перераспределение внутри системы с целью получения продукции ремесленного производства, торгового обмена на социально престижные вещи [44, с. 22–27, приложение 21].

Касательно вопроса о форме политического устройства рассматриваемого социального организма, можно согласиться с мнением Б.А. Шрамко об аристократической (олигархической) «республике», которая, все же, больше напоминала политические объединения кшатриев в позднеархаической Индии [45, с. 154], чем аристократический греческий полис. Примечательно, что на территории Ворсклинского региона, как, впрочем, и соседних регионов Лесостепи, не обнаружено «царских» погребений скифского времени, зато много захоронений воинов, представителей воинской знати и аристократии. Как мы могли убедиться, причина не в какой-то гипотетической зависимости от кочевников-степняков [46, с. 137], а в особенностях социальной и политической организации местного населения.

Література

1. Былкова В.П. Об одном из городов Степной Скифии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): Матер. междунар. конф. – Киев, 1991.
2. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. – 1954. – № 36.
3. Граков Б.Н. Скифы. – М., 1971.
4. Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. – 1966. – № 1.
5. Тереножкин А.И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. – Киев, 1977.
6. Тереножкин А.И., Ильинская В.А. Скифия VII–III вв. до н. э. – Киев, 1983.
7. Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990.
8. Гаврилюк Н.А. Каменское городище и проблема ремесла у степных скифов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): Матер. междунар. конф. – Киев, 1991.
9. Брашинский И.Б., Марченко К.К. Елизаветинское городище на Дону – поселение городского типа // СА. – 1980. – № 1.
10. Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В. Елизаветинское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. – 1988. – № 1.
11. Шрамко Б.А. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. – Киев, 1973.
12. Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон // Скифский мир. – Киев, 1975.
13. Шрамко Б.А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема // СА. – 1975. – № 1.
14. Шрамко Б.А. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов Скифии // Ф. Энгельс и проблема истории древних обществ. – Киев, 1984.
15. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи: Город Гелон. – Киев, 1987.
16. Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. – М., 1990.
17. Алаев Э.Б. Социально-политическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М., 1983.

18. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. – Киев, 1989.
19. Бойко Ю.Н. Системный подход к изучению общественного развития населения Днепровского лесостепного Левобережья в VII–III вв. до н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. – 1985. – № 268.
20. Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э.: По материалам Ура // Древний Восток. Город и торговля III–I тыс. до н. э. – Ереван, 1973.
21. Дьяконов И.М. Протописьменный период в Двуречье // История Древнего Востока. Ч. I: Месопотамия. – М., 1983.
22. Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классообразования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. I. – М., 1991.
23. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. – Л., 1985.
24. Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Усадьба косторезной мастерской на Бельском городище // СА. – 1980. – № 4.
25. Широкова Н.С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. – Л., 1989.
26. Колчин Б.А., Хорошев А.С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. – М., 1978.
27. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. – М., 1982.
28. Колчин Б.А., Черных Н.Б. Ильинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. – М., 1978.
29. Куза А.В. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город, село, замок. – М., 1985.
30. Бойко Ю.Н. Социальный состав населения бассейна р. Ворскла в скифское время (VII–III вв. до н. э.): Дисс. … канд. ист. наук. – Харьков, 1986. (В настоящем издании с. 12–118).
31. Кириченко С.М. Понятие концентрации как мера насыщенности системы // Системный подход и современная наука. – Новосибирск, 1973. – Вып. 2.
32. Иберла К. Факторный анализ. – М., 1978.
33. Дюран Б., Оделл П. Кластерный анализ. – М., 1978.
34. Буйнов Ю.В., Кузьменко А.С. Опыт применения многомерного анализа данных о погребальном обряде для реконструкции социальной структуры населения Среднего Приднепровья в VII–III вв. до н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. – 1985. – № 268.
35. Бойко Ю.Н. Отражение социальной структуры в идеологии и культовой практике населения Ворсклинского региона Скифского времени // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. всесоюзн. конф. – М., 1987.
36. Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным – М., 1960.
37. Ригведа: Избранные гимны // Пер. и ком. Т.Я. Елизаренковой. – М., 1972.
38. Атхарваведа: Избранное // Пер. и ком. Т.Я. Елизаренковой. – М., 1976.
39. Топчиев А.Г. Пространственная организация географических комплексов и систем. – Киев, 1987.
40. Кобищанов Ю.М. Системы общинного типа // Община в Африке: Проблемы типологии. – М., 1978.
41. Аштрафян К.З. Средневековый город Индии XIII – середина XVIII века. – М., 1983.
42. Янин В.Л., Колчин Б.А. Итоги и перспектива новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. – М., 1978.
43. Гуляев В.И. Города-государства майя: Структура и функции города в раннеклассовом обществе. – М., 1979.
44. Блюмхен С.И., Коротаев Л.В. Узловые проблемы социологии развития древних обществ // Архаическое общество: Узловые проблемы развития. – М., 1991.
45. Вигасин А.А., Самозванцев Л.М. «Атхашастра»: Проблемы социальной структуры и права. – М., 1984.
46. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья: Киево-Черкасский регион. – Киев, 1989.

Вперше опубліковано:
Древности (Старожитності) – 1994. –
Харків, 1994. – С. 29–42.

Меридіонально орієнтовані поховання Придніпровського Лісостепу скіфського часу

Meridional oriented burials from the Dnieper forest-steppe of Scythian time

Меридионально ориентированные погребения Приднепровской Лесостепи скифского времени

Культурный облик населения Среднего Приднепровья скифского времени определялся как результат длительного взаимодействия разных этнокультурных традиций. Интенсивность становления надэтнических элементов культуры зависела во многом от плотности и характера информационных связей. Наиболее мощными каналами распространения информации в те времена были миграционные потоки – от спорадических брачных связей до массовых переселений.

В скифскую эпоху внутрирегиональные перемещения обозначаются с трудом из-за общности основных элементов материальной культуры. Ограниченность письменных источников с необходимостью выводит на первый план дифференцирующее значение тех элементов культуры, которые тесно связанны с этническим самосознанием и могут быть узнаваемы в археологических памятниках. В частности, это архетипические представления о структуре мироздания [1, с. 45, 64, 200], всегда консервативные, но систематически воспроизводимые в обряде через композицию сакрального пространства, в том числе ориентировку могилы и погребенных. Этот признак универсален и в качестве факторного [2, табл. 1, а] позволяет определить наличие у обитателей Приднепровья ряда архетипических моделей, передвижение которых находит отражение в закономерностях пространственно-временного распределения погребений их носителей [3].

В данном случае, мы обратимся к погребениям с меридиональной ориентировкой в Приднепровской Лесостепи скифского времени, материалы которых неоднократно рассматривались в разных контекстах, но ни разу как единое целое. В обеих частях Приднепровья нами учтено 157 комплексов с ориентировкой погребальных камер или покойников по линии север-юг, что составляет около 40% всех погребений Среднего Приднепровья, ориентировка которых известна. 111 комплексов представлены в табл. 1 и 2[1].

I. Первый хронологический период (VII – перв. пол. VI вв. до н. э.).

Мужские погребения в ямах (28 комплексов). Большинство из них открыто на Левобережье, в Посулье (17) и на Ворскле (4). Самые ранние могут быть отнесены ко 2-му этапу 1-го периода: Аксютинцы (Стайкин Верх), 4, 467, 469, Волковцы (1886), 9, 11, 12, Поповка, 8, Лихачевка, 8 (1983), 1, Скоробор (1906), 10 (табл. 1, 2–4, 7, 9, 19–22) [6,

[1] Таблицы составлены по источникам, указанным в списке литературы. Разделение 1-го периода на этапы соответствует хронологии раннескифской культуры (РСК), предложенной Г. Коссаком, с уточнениями И.Н. Медведской.

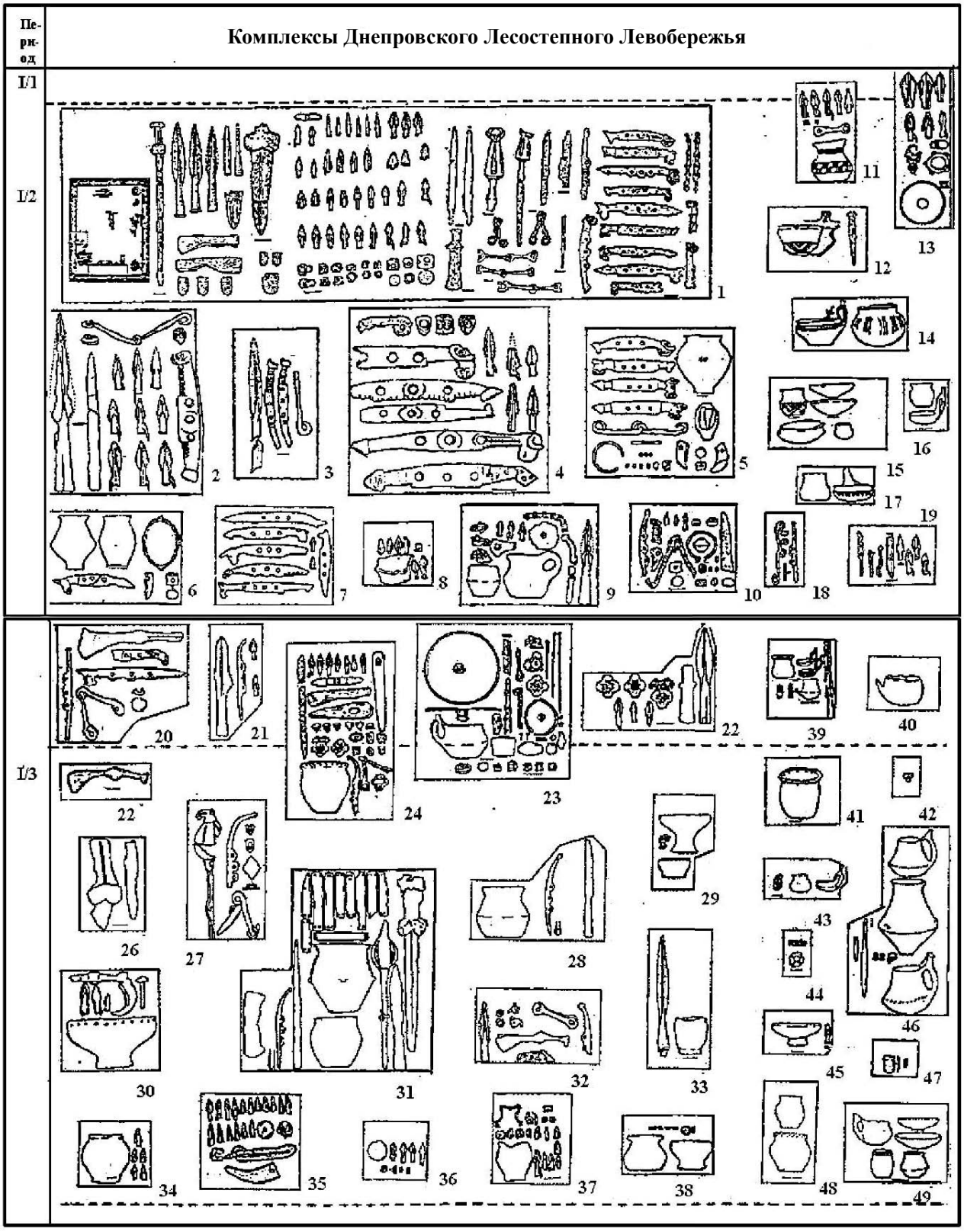

Пе-
рі-
од
Комплексы Днепровского Лесостепного Левобережья
I/1
I/2
I/3

Табл. 1.

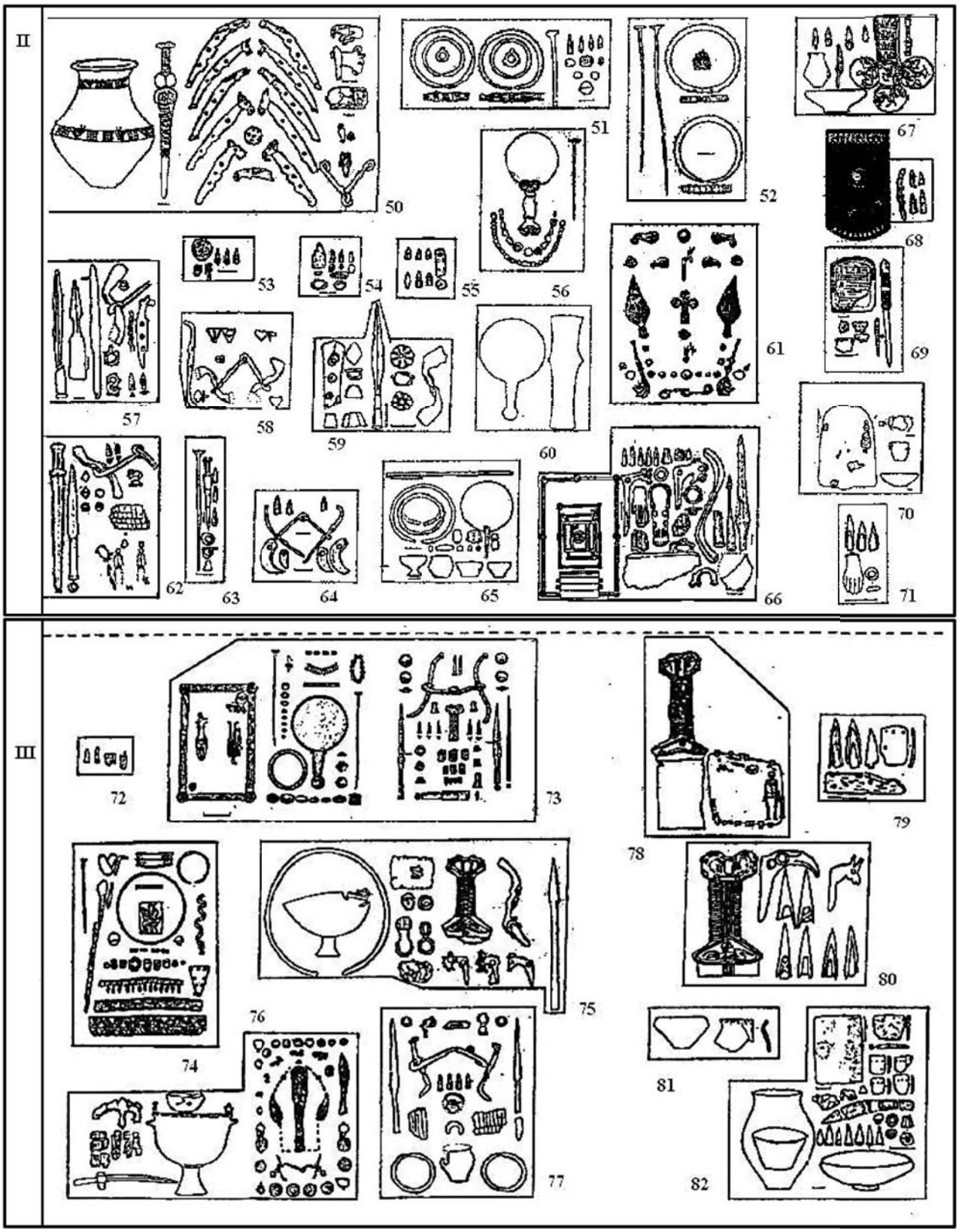


Табл. 1. (Окончание).

Табл. 1. Меридионально ориентированные комплексы Днепровского Лесостепного Левобережья.

Условные обозначения:

1 – Аксютинцы (Стайкин Верх), Старшая Могила; 2 – Аксютинцы, 469; 3 – Аксютинцы (Стайкин Верх), 4; 4 – Аксютинцы, 467; 5 – Волковцы (1886), 2; 6 – Аксютинцы (1866), 2; 7 – Волковцы (1886), 9; 8 – Аксютинцы (Стайкин Верх), 14; 9 – Аксютинцы (Стайкин Вврх), 12; 10 – Аксютинцы (Солодка), 2; 11 – Осняги (1906), 1; 12 – Перещепино, 5; 13 – Глинск; 14 – Лихачевка, 8; 15 – Таранов Яр, 6; 16 – Таранов Яр, 25; 17 – Таранов Яр, 2/2; 18 – Саранчево Поле, 11; 19 – Скоробор (1906), 10; 20 – Волковцы (1886), 12; 21 – Волковцы (1886), 11; 22 – Поповка, 8; 23 – Аксютинцы (Стайкин Верх), 5; 24 – Лука, 1; 25 – Герасимовка, 1; 26 – Плавнищи, 485; 27 – Волковцы (1886), 7; 28 – Поповка, 7; 29 – Поповка, 9; 30 – Аксютинцы (Стайкин Верх), 15; 31 – Поповка, 3; 32 – Аксютинцы (1886), 3; 33 – Аксютинцы (Стайкин Верх), 7; 34 – Басовка, 481; 35 – Басовка, 482; 36 – Поповка, 4; 37 – Аксютинцы (Стайкин Верх), 6; 38 – Поповка, 15; 39 – Таранов Яр, 37; 40 – Таранов Яр, 3; 41 – Таранов Яр, 33/4; 42 – Осняги (1906), 2; 43 – Таранов Яр, 11; 44 – Лихачевка, 1; 45 – Таранов Яр, 16; 46 – Скоробор (1965), 1; 47 – Скоробор (1972), 10; 48 – Таранов Яр, 15; 49 – Таранов Яр, 19; 50 – Волковцы, х. Шумейко; 51 – Басовка, А; 52 – Волковцы (Линниченко), 4/4; 53 – Волковцы (Линниченко), 4/1; 54 – Аксютинцы (Стайкин Верх),16; 55 – Басовка, 483; 56 – Басовка, 6; 57 – Волковцы (1886), 1; 58 – Поповка, 14; 59 – Броварки, 502; 60 – Волковцы (Линниченко), 4/3; 61 – Волковцы (1897), 2; 62 – Кулешовка, 425; 63 – Дубны, 4; 64 – Басовка, 497; 65 – Волковцы, 494; 66 – Аксютинцы (Стайкин Верх), 2; 67 – Опишлянка; 68 – Витова Могила; 69 – Скоробор (1965), 1; 70 – Васильевка, 4; 71 – Перещепино, 1; 72 – Лозовая; 73 – Аксютинцы (Стайкин Верх), 3/впускное; 74 – Аксютинцы (1905), 5/северное; 75 – Аксютинцы (1883-1885), 2; 76 – Волковцы (1897), 1; 77 – Хитцы; 78 – Перещепино, 3/2; 79 – Перещепино, 2; 80 – Осняги (1906), 4; 81 – Перещепино, 4; 82 – Скоробор (1965), 9.

с. 29, 33, 47–48, 59; 7, p. 72–73; 8, с. 323; 9, с. 143]. Этапом 1/3 датируются погребения Аксютинцы (Стайкин Верх), 5, 7, (1866) 3, 4, Басовка, 481, Волковцы (1886), 7, Лука, 1, Плавнищи, 485, Поповка, 7, 9, Таранов Яр, 16 (табл. 1, 23, 24, 26–29, 32–34, 42) [6, с. 29–30, 36, 39, 47, 57, 59; 10, с. 117]. На Правобережье из семи комплексов этапом 1/2 датируются Турия, 486 и Константиновка, 2/впускное (табл. 2, 2, 5). Остальные или же недостаточно документированы, или уверенно относятся к завершающему этапу раннескифского периода – Куриловка, 68/2, Бобриця, 40 (табл. 2, 17, 18), Жаботин, 3/1, Капитановка, 482, Балыко-Щучинка, 1 [11, с. 27–28, 51; 12, с. 15–16, 33–34; 13, с. 238, 250, 310, 320].

Все погребения обнаружены под курганными насыпями в ямах с деревянным перекрытием. Преобладают основные захоронения, но на юге Правобережья отмечены и впускные в курганы эпохи бронзы. На Средней Ворскле параллельные ровики для лаг пола отмечаются на этапе 1/2 (Лихачевка (1383), 1, Скоробор (1906), 10). В Посулье и на Нижней Ворскле обычны ямы с ровиками по периметру. На левом берегу Днепра использование огня в погребальном обряде зафиксировано в четырех комплексах Посулья – Лука, 1 и Поповка, 7, 8, 9. В трех последних пол камеры был окрашен известью. На Правобережье огненный ритуал был более характерным для локальных групп [2, рис.1], расположенных вдоль Днепра. Ориентировка погребенных известна в 17 случаях: в одном (Плавнищи, 485) головой на север, в остальных – на юг.

В структуре погребального инвентаря близки показатели встречаемости ножей, костей животных, наконечников копий. Для Левобережья более характерны лук и стрелы, конская сбруя, а для Правобережья – лепная посуда, мечи и кинжалы. Только на Левобережье отмечены боевые ножи, навершие, защитный доспех. Здесь 90% погребений содержали предметы вооружения, причем три четверти погребенных были всадниками. На Правобережье все воинские захоронения рассматриваемой группы, в том числе одно всадническое (Бобрица, 40), датируются этапом 1/3 и сосредоточены на северо-востоке региона.

Женские погребения в ямах (27 комплексов). На левом берегу Днепра известно 18 погребений этой группы, а их пространственное распределение выглядит следующим образом: Посулье – 5, Средняя Ворскла – 4, Нижняя Ворскла – 9. Наиболее ранним, конец 1-го – начало 2-го этапов 1-го периода, является погребение в кургане Осняги, 1 (табл. 1, 11) [9, с. 128]. Ко 2-му этапу можно отнести Таранов Яр, 2/2, 6, 25, 34/1, 37, Волковцы (1886), 2, Аксютинцы (1886), 2, Поповка, 5, 6, Перещепино, 5, Саранчево Поле, 11 (табл. 1, 5, 6, 12, 15, 16, 18) [10, с. 151, 152, 163, 166, 167; 6, с. 36, 45, 58–59; 14, с. 9–10; 9, с. 133]. Третьим этапом раннескифского периода датируются комплексы Поповка 15, Лихачевка, 1, Таранов Яр, 19, Пожарная Балка, 2, раскоп VII, п. 2 на этом же селище (табл. 1, 38, 44, 49) [6, с. 60; 7, p. 62–63; 10, с. 160; 15, с. 224; 16, с. 247].

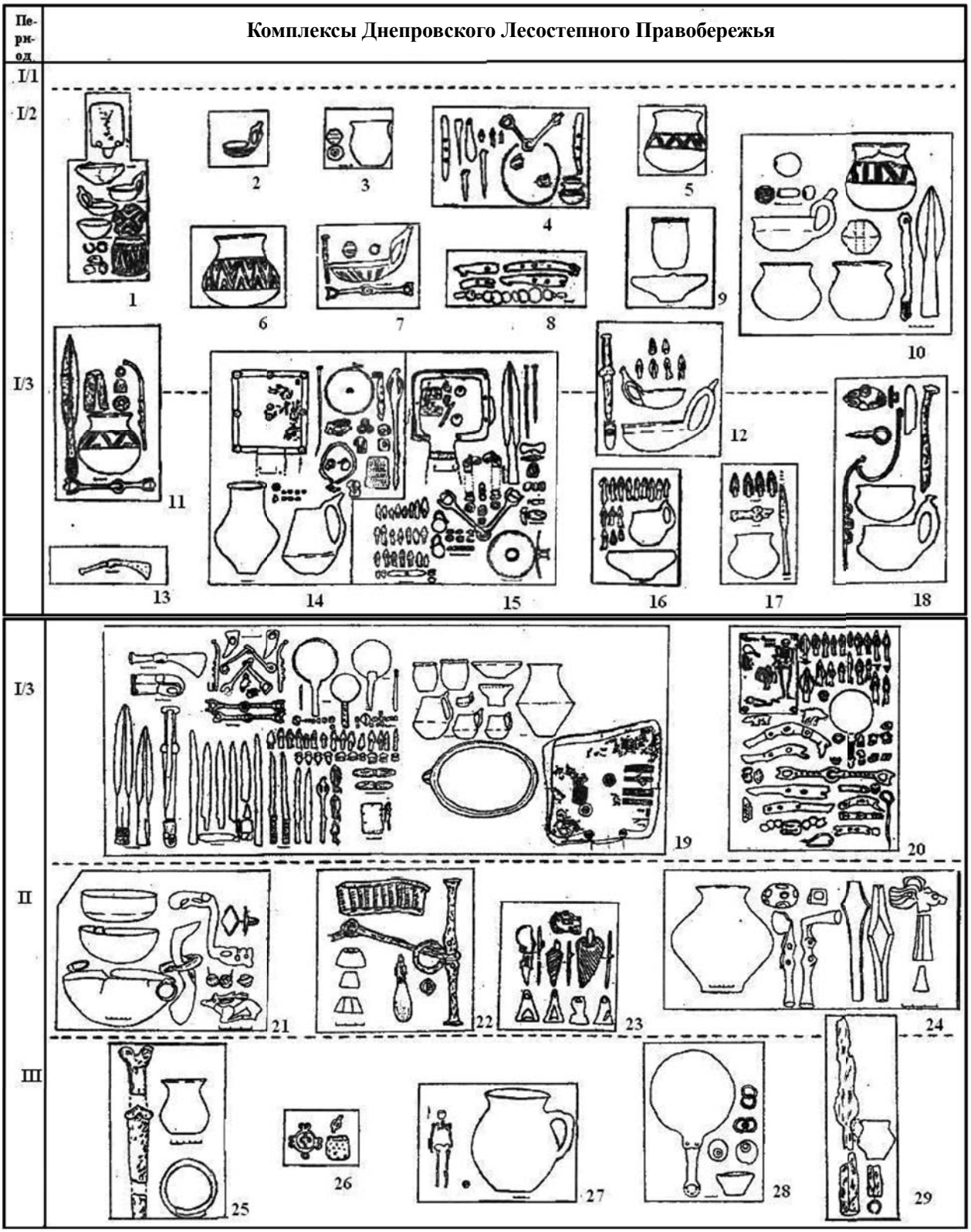


Табл. 2. Меридионально ориентированные комплексы Днепровского Лесостепного Правобережья.
Условные обозначения:
1 – Медвин,14; 2 – Турин, 486; 3 –Студенцы, 58; 4 – Теклино (Орловец), 346; 5 – Константиновка, 2/впускное; 6 – Турия, 509; 7 – Макеевка, 460; 8 – Гуляй-Город, 40; 9 – Бобрица, 37/1; 10 – Макеевка, 454; 11 – Макеевка, 453; 12 – Рыжановка (Самоквасов), 5; 13 – Журовка, 448; 14 – Журовка, 407; 15 – Репяховатая Могила, п. 1; 16 – Берестняги, 82; 17 – Куриловка, 68/2; 18 – Бобрица, 40; 19 – Репяховатая Могила, п. 2; 20 – Гуляй-Город, 38; 21 – Жаботин, 522; 22 – Журовка, 413; 23 – Турия, 459; 24 – Б. Яблоновка, 188; 25 – Капитановка, 489; 26 – Бобрица, 96; 27 – Грищенцы, 4; 28 – Холодный Яр, 26/западное; 29 – Грищенцы, 1.

На Правобережье 7 из 9 комплексов сосредоточены на севере региона, причем хронология погребений в рамках этого периода может быть определена следующим образом: 2-й этап – Медвин–1 (1974), 4, Ерчики (1885), 2/1, Гуляй-Город, 40 (табл. 2.1,8) [17, с. 49–51; 13, с. 180–181, 258–259; 11, с. 15], 3-й этап – Медвин–1 (1982), 9 и (1984), 22, Ивановка, 2/5, Лазурцы, 418/3, Турия, 490 [13, с. 200–201, 206–209, 276–277, 280–283; 12, с. 35; 11, с. 51–52]. Преобладают основные захоронения, но известны и впускные в курганах предскифского (Ивановка, 2/5) и раннескифского (Таранов Яр, 2/2, 34/1) времени. На селище Пожарная Балка погребение было грунтовым. На Правобережье (Медвин–1 (1974), 4) отмечена яма с дромосом с южной стороны, в Посулье – с ровиком по периметру, в курганах Саранчево Поле, 11 и Турия, 490 – ямы с поперечными канавками для лаг пола, в кургане Гуляй-Город, 40 – круглая яма.

В целом преобладает вытянутое положение покойников на спине, хотя на этапе 1/2 встречается и скорченное на правом боку. Известны одиночные, парные и коллективные захоронения в ямах с женским инвентарем. На Левобережье отмечена только южная ориентировка погребенных, тогда как на Правобережье одинаково часто встречается южная и северная. Обе, как правило, сочетаются в коллективных погребениях. На Правобережье несколько чаще фиксируются следы огненного ритуала, в том числе и частичная кремация (Ивановка, 2/5). На Ворскле место погребения в кургане Осняги, 1 очищали костром из соломы злаковых. В комплексах Левобережья чаще встречается сера, красная краска, но только в Посулье известь (Поповка, 5, 6, 15).

Почти во всех могилах сохранилась лепная посуда, бусы. Количество погребений с конской сбруей возрастает по мере продвижения с Правобережья через Среднюю Ворсклу в Посулье. На Правобережье и на Ворскле отмечены булавки и пряслица; на Правобережье и в Посулье – ножи, перстни, браслеты, каменные блюда и плиты, зеркала; только на Правобережье, хотя и редко, кости животных, серьги; только на Ворскле – изделия из серебра и золота; только в Посулье сохранились бронзовое навершие и амфора. Единственный наконечник стрелы, обнаруженный в кургане Таранов Яр, 37, на наш взгляд, был скорее амулетом, чем оружием.

Разнополые погребения в ямах (5 комплексов). Они представлены в Посулье (2), на Нижней Ворскле (1) и на севере Правобережья (2). Их хронологическое соотношение в рамках периода можно представить приблизительно так: 2-й этап – Аксютинцы (Стайкин Верх), 12 (табл. 1, 9); 3-й этап – Аксютинцы (Стайкин Верх), 6 (табл. 1, 37), Балыко-Щучинка, 2, Медвин-III (1973), 3, Пожарная Балка, 1 [6, с. 29–31; 13, с. 162–163, 260–261; 17, с. 64–65; 15, с. 224]. Все погребения были основными, содержали захоронения мужчин или от одной до трех женщин (Медвин-III (1973), 3). Почти во всех найдены лепные сосуды и булавки; только на Правобережье известны серьги, защитное вооружение, а на Левобережье – пряслица, браслеты, перстень. Обязательным элементом погребального инвентаря были лук и стрелы, но копья отмечены лишь в погребениях всадников – Аксютинцы (Стайкин Верх), 12 и Балыко-Щучинка, 2.

Мужские погребения в деревянных склепах (18 комплексов). Они равномерно распределены по обоим берегам Днепра. На Левобережье такие захоронення сосредоточены в бассейне Сулы (7) и Ворсклы (2). В Посулье они представлены комплексами 2-го – Старшая Могила (табл. 1, 1) и Аксютинцы (Стайкин Верх), 14 (табл. 1, 8), 3-го – Аксютинцы (Стайкин Верх), 15, Поповка, 3 (табл. 1, 30, 31), конца 3-го – Басовка, 482 (табл. 1, 35) этапов I-го периода [6, с. 24–27, 31, 39, 57–58]. Погребение у х. Шумейко, с учетом неоднородности вещевого материала, датируется в пределах конца I-го – начала II-го периодов скифской эпохи (табл. 1, 50) [6, с. 43–45, 71–72; 18, с. 27; 19, с. 48–49; 5. с. 93].

Концом раннескифского периода можно датировать и погребения в курганах Таранов Яр, 5 и Скоробор (1972), 10 (табл. 1, 47), сочетающие в своем инвентаре архаическую лепную посуду и античные амфоры [10, с. 152; 20, с. 111]. Комплекс кургана Плавнищи, 2 может быть отнесен к раннескифскому времени без уточнения [6, с. 57].

На Правобережье Днепра к числу наиболее ранних принято относить погребение в кургане Теклино (Орловец), 346 (табл. 2, 4) [11, с. 63; 5, с. 89; 18, с. 23]. По нашему мнению, этот комплекс вряд ли следует выводить за рамки 2-го этапа I-го периода. В пользу этого свидетельствуют особенности погребального обряда и некоторые вещи из погребения, а именно широтная ориентировка камеры при северной ориентировке покойника, шатровидное перекрытие, серебряная булавка и золотая витая гривна [6, с. 41]. Другой случай северной ориентировки погребенного отмечен также в погребении 2-го этапа ранескифского периода – Турия, 509 (табл. 2, 6) [6, с. 53]. Правда, в близком по времени кургане Оситняжка, 11 был похоронен подросток головой на юг [6, с. 36]. В остальных правобережных комплексах ориентировка погребенных не может быть установлена.

На Левобережье во всех известных случаях покойники лежали головой на юг. Тип погребальной камеры определим не всегда, но можно заметить, что если на Правобережье встречаются склепы со столбами и дромосами, то на Левобережье, судя по описаниям, преобладали «срубы» со столбами по углам. В некоторых из них, например, в кургане Старшая Могила, где на плане Д.Я. Самоквасова вдоль южной стенки показана материковая ступенька (табл. 1, 1), могли быть входы, не замеченные производителями раскопок. На обоих берегах Днепра одинаково часто устраивали канавки вдоль стен могильных камер, использовали огонь в погребальной обрядности. Красная краска и известь отмечены лишь в Посулье (х. Шумейко). В инвентаре захоронений одинаково часто встречается местная лепная посуда, конская сбруя, мечи, лук и стрелы; одинаково редко – булавки, изделия из драгоценных металлов. Только на Правобережье отмечена гривна, а в левобережных комплексах – амфоры, навершия, культовые ножи, топорик-скипетр, ритуальная посуда, защитный доспех. Для Левобережья более характерны и наконечники копий, кости животных от напутственной пищи (коровы, овцы, лошади, свиньи). Кости свиньи обнаружены в погребении кургана Старшая Могила, крупнейшем и наиболее представительном захоронении воина-аристократа к северу от Черного Моря на 2-м этапе раннескифского периода.

Женские погребения в деревянных склепах (8 комплексов). Как и погребения мужчин, они равномерно распределяются по обоим берегам Днепра, а в хронологическом отношении могут быть расположены следующим образом: 2-й этап I-го периода – Студенец, 58, Макеевка, 454 (табл. 2, 3, 10) [12, с. 58; 11, с. 32]; переходная группа между 2-м и 3-м этапами – Рыжановка, 5, Репяховатая Могила, п. 1 и, возможно, Таранов Яр, 3 (табл. 2, 5, 15; 1, 40) [11, с. 38–39; 21, с. 33–39; 10, с. 152]; 3-й этап – Поповка, 4, Таранов Яр, 33/4, Скоробор (1965), 8 (табл. 1, 36, 43, 46) [6, с. 58; 10, с. 165; 20, с. 109].

Все погребения были основными. На Правобережье встречаются склепы с дромосами, подведенными с южной стороны камеры (Студенец, 58 и Репяховатая Могила, п. 1), двойной сруб (Макеевка, 454). На Левобережье по периметру дна камер были выкопаны традиционные канавки. Только здесь отмечены охра и белая краска. На обоих берегах Днепра одинаково редко использовали огонь в погребальном обряде.

Обычными находками в погребениях являются лепная посуда, простые украшения в виде бус и булавок, реже встречаются ножи и кости животных. Только на Правобережье отмечены браслеты, перстень, зеркало, амфора; лишь в Посулье – каменное блюдо и навершия. Своеобразие рассматриваемой группы женских комплексов заключается в наличии погребений с оружием: всадница с колчаном (Поповка, 4), всадница с колчаном и копьем в сопровождении слуги-подростка (Репяховатая Могила, п. 1), девочки с копьем и стрелами (Макеевка, 454), женщина, вооруженная луком, копьем и кинжалом (Рыжановка, 5), женщина с боевым ножом (Скоробор (1965), 8). Во всех известных случаях погребенные лежали головой на юг, что также отличает их от женских захоронений в ямах.

Разнополые погребения в деревянных склепах (9 комплексов). Пять из них расположены на юге правобережной части Приднепровья. На Левобережье два погребения известны в Посулье и по одному на Средней и Нижней Ворскле. Более ранние отмечаются на левом берегу Днепра, тогда как на Правобережье они известны позднее: к концу 1-го или началу 2-го этапа I-го периода исследователи относят комплекс кургана у с. Глинск возле Бельского городища (табл. 1, 13) [22, с. 23–25; 5, с. 69]; ко 2-му этапу – комплексы Герасимовка, 1, Аксютинцы (Солодка), 2, Макеевка, 460 (табл. 1, 10, 25; 2, 7) [6, с. 32–33, 53; 11, с. 33]; к концу 2-го – началу 3-го этапов – Журовка, 407 (табл. 2, 14) [11, с. 24–25; 5, с. 92]; к 3-му этапу – Таранов Яр, 15, Репяховатая Могила, п. 2, Гуляй-Город, 38, Журовка, 447 (табл. 1, 48; 2, 19, 20) [10, с. 159; 21, с. 39–54; 11, с. 14–15, 26; 5, с. 92; 18, с. 25].

Почти все погребения были основными. На Правобережье встречаются склепы с дромосами с южной стороны, на левом берегу Днепра – «срубы». Треть погребений сопровождалась огневым ритуалом, помещением в могилу серы и красной краски. Преобладала южная ориентировка основных погребенных, лишь в кургане Гуляй-Город, 38 покойник лежал головой на север (табл. 2, 20).

Обязательными элементами погребального инвентаря были лепная посуда, хозяйственные ножи, кости животных, в том числе свиньи (Аксютинцы (Солодка), 2, Герасимовка, 1), бусы, зеркала, каменные блюда, конская сбруя. Несколько реже встречаются булавки, серьги, браслеты, изделия из золота и серебра, наконечники стрел, кинжал, защитные доспехи.

II. Второй хронологический период (вт. пол. VI – перв. пол. V вв. до н. э.).

Мужские погребения в ямах (11 комплексов). Становится заметной тенденция к сужению ареала их распространения: Посулье – 5, Средняя Ворскла – 3, юго-запад Правобережье – 3. Ко второй половине VI в. до н. э. можно отнести погребе-

ния в курганах Волковцы (1886), 8 и Поповка, 4 (табл. 1, 58), концом VI в. датируются комплексы Волковцы (1886), 1 и Опишлянка (табл. 1, 57, 67), рубежом VI–V вв.– Витова Могила (табл. 1, 68), перв. четв. V в. до н. э. – Кулешовка, 425 (табл. 1, 62), начало V в. до н. э. – Басовка, 497 (табл. 1, 64) и Турия, 467, вторая четверть V в. до н. э. – Турия, 459 (табл. 2, 23), первая половина V в. до н. э. – Журовка, 413 (табл. 2, 22) [6, с. 39, 44–45, 47, 54, 58; 7, р. 67–71, 76–80; 13, с. 242–243, 246–247, 314–315, 318–319; 19, с. 47–50, рис. 2; 24, с. 92–93]. В рамках периода без уточнения времени располагается комплекс Полковая Никитовка (1975), 2/9 [23, с. 13–14].

Все погребения совершены в простых грунтовых ямах. В двух случаях на Левобережье они были впущены в курганы эпохи бронзы (Кулешовка, 425 и Полк. Никитовка (1975), 2/9), причем в обоих покойники лежали головой на север. В кургане у с. Кулешовка обнаружены останки двух человек, но инвентарь не указывает на присутствие женщины (табл. 1, 55). Следы огня отмечены в курганах Витова Могила и Опишлянка, где останки кремированного умершего были помещены в урну-корчагу. В кургане Волковцы (1886), 1 найдена сера.

Необходимыми предметами погребального инвентаря были детали конской уздечки, стрелковые принадлежности (колчан и горит с золотыми украшениями в Витовой Могиле и Опишлянке). Наконечники копий и дротиков сохранились в каждом четвертом комплексе, детали защитного доспеха отмечены в курганах Кулешовка, 425 и Журовка, 413, меч в погребении у с. Кулешовка, а боевой нож дополнял вооружение всадника, погребенного в кургане Волковцы (1886), 1. Кости животных в Опишлянке принадлежали овце, а в Витовой Могиле – лошади и свинье.

Женские погребения в ямах (9 комплексов). В отличие от погребений мужчин большинство женских захоронений в ямах исследовано на Правобережье Днепра – Пирогово, 25, 82, Стеблев, 2, Яблоновка, 188 (табл. 2, 24), Турия, 460, 466 [13, с. 178–179, 202–203, 228–229, 240–243], тогда как на Левобережье заметна тенденция к их сокращению – Басовка, 498, Волковцы (Линниченко), 4/3, Васильевка, 4 (табл. 60, 70) [6, с. 39, 52; 25, с. 72–74].

Два погребения были впускными (Яблоновка, 188 и Волковцы, 4/3), два грунтовыми (Пирогово, 25, 82). Преобладали простые ямы, но на Правобережье отмечены яма со столбами (Турия, 466) и яма с шатровидным перекрытием (Стеблев, 2). В последнем случае камера была ориентирована в широтном направлении, а женщина в сопровождении подростка лежала головой на юг. В четырех случаях на правобережье покойниц ориентировали головой на север.

В инвентаре погребений часто встречается местная лепная посуда, редко – конская сбруя, античная керамика. Только на Правобережье отмечены бусы, серьги, браслеты, перстни, наконечники стрел, «пращевые ядра», кости животных, а лишь в Посулье – булавки, зеркало, амфора.

Разнополые погребения среднескифского времени в ямах с меридиональной ориентировкой пока не обнаружены.

Мужские погребения в деревянных склепах (9 комплексов). Их пространственное распределение напоминает отмеченное выше для мужских погребений в ямах: Посулье – 4, Средняя Ворскла – 2, юг Правобережья – 3. Второй половиной VI в. до н. э. датируются комплексы Басовка, 483 и Плавнищи, 4 (табл. 1, 55), рубежом VI–V вв. до н. э. – погребения в курганах Жаботин, 523, Журовка, 396, 408, первой половиной V в. до н.э. – Броварки, 52 и Волковцы (1897), 2 (табл. 1, 59, 61), второй четвертью V в. до н. э. – Аксютинцы (Стайкин Верх), 2 и Перещепино (табл. 1, 66, 71) [6, с. 27, 39, 49, 57; 26, с. 234–236; 14, с. 3–4; 13, с. 236–237; 244–245, 310–311, 316–317; 19, с. 47–51].

Все погребения основные. Северная ориентировка отмечена в склепе с дромосом кургана Журовка, 396. Склепы со столбами обнаружены в погребальных комплексах Журовка, 408 и Перещепино, 1. На Левобережье, вероятно, преобладали «срубы» со столбами по углам. Самым большим и сложным по внутреннему устройству был двойной склеп в кургане Аксютинцы (Стайкин Верх), 2 (табл. 1, 66). На его плане с южной стороны показана ступенька – признак входа, возможно, с дромосом.

Большинство мужчин, погребенных в склепах, при жизни были конными воинами, вооруженными луком, копьями и дротиками, реже мечами и защитным доспехом, составной частью которого был щит с металлическими пластинами. В половине погребений найдены амфоры, в трети – импортная столовая посуда. Около 60% комплексов содержали местную лепную керамику, треть – кости животных от жертвенной пищи. В склепе кургана Аксютинцы (Стайкин Верх), 2 сохранился бронзовый котел.

Женские погребения в деревянных склепах (5 комплексов). Их пространственное размещение напоминает распределение погребений мужчин: Посулье – 2, Средняя Ворскла – 1, юго-запад Правобережья – 2. Второй половиной VI в. до н. э. датируется комплекс кургана Скоробор (1965), 1

(табл. 1,). Остальные, как Волковцы (Линниченко), 4/ 4, Басовка, 5 (табл. 1, 52, 56), Турия, 469, Журовка, 403 – относятся к первой половине V в. до н. э. [20, с. 103; 6, с. 40, 52–53; 13, с. 242–245, 314–317; 24, с. 92- 93; 19, с. 47–51].

Большинство захоронений были основными, за исключением Волковцы, 4/4, где парное женское погребение было впущено в курган среднескифского времени. Обнаружены склепы с вертикальной облицовкой стен (Скоробор (1965), 1), со столбами (Басовка, 6 и Турия, 469), со столбами и дромосом (Журовка, 403). В гробнице кургана Скоробор (1965), 1 сохранились куски серы и реальгар. Известная ориентировка погребенных была южной.

Почти в каждом погребении найдены лепные миски, примерно в половине – хозяйственные ножи и кости животных, столовая античная посуда, только на Правобережье – деревянная чаша, наконечник стрелы (Турия, 469), пращевые ядра (Журовка, 403). В инвентаре погребенной в кургане могильника Скоробор сохранилась костяная шпилька для пряжи, выполненная в зверином стиле, характерном для псалий более раннего времени, лепная курильница. В обоих посульских комплексах выявлены ожерелья и зеркала, а в потревоженном грабителями погребении 4 кургана 4 у с. Волковцы – украшения из золота, серьги, булавки, наручные и ножные браслеты, детали конской уздечки.

Разнополые погребения в деревянных склепах (3 комплекса). Все датируются первой половиной V в. до н. э. Два из них расположены в Посулье – Аксютинцы (Стайкин Верх), 16 и Волковцы, 494 (табл. 1, 54, 65), один на юге Правобережья – Макеевка, 3/1 [6, с. 31, 51; 13, с. 218–219, 294–295; 19, с. 47–51].

Погребения были основными в небольших срубах. Покойники лежали головой на юг. Мужчины при жизни были воинами-всадниками, набор женского инвентаря близок описанному выше для женских захоронений в склепах. Заметно отсутствие античной посуды. В кургане Аксютинцы (Стайкин Верх), 16 отмечены кости барана и свиньи.

III. Третий хронологический период (вт. пол. V – IV вв. до н. э.).

Мужские погребения в ямах (9 комплексов). Их пространственное распределение отличается от предыдущего периода: Средняя Ворскла – 5, северо-восток Правобережья – 3, юго-запад этой части Приднепровья – 1. Заметно отсутствие таких погребений в Посулье и резкое сокращение их количества на юге Правобережной Лесостепи.

На Ворскле все комплексы сосредоточены в могильниках вокруг Бельского городища – Осняги (1906), 4, Скоробор (1965), 9, Перещепино, 2, 3/2, 4 (табл. 1, 78–82) – и датируются рубежом V–IV вв. до н. э. [9, с. 129–130; 20, с. 109–111; 14, с. 4–9]. Преобладают основные погребения, за исключением впускной могилы в кургане 3 Перещепинского могильника. В двух случаях (Осняги (1906), 4 и Перещепино, 3/2) камеры были ориентированы в широтном направлении, но погребенные лежали головой на север. В кургане Осняги (1906), 4 умерший был положен скорченно на правом боку, а подготовка места захоронения сопровождалась сожжением соломы. В комплексе Перещепино, 3/2 кости животного от жертвенной пищи были посыпаны охрой, а дно могилы мелом. Большинство погребенных в окрестностях Бельского городища были людьми в возрасте от 20 до 35–40 лет, причем на одном из черепов сохранился след смертельного ранения [20, с. 109; 27, с. 152].

Датировка правобережных погребений менее определенна, однако укладывается в рамки периода. Из четырех комплексов один впускной с частичной кремацией (Яснозорье, 2/1), одно погребение грунтовое (Грищенцы, 4) (табл. 2, 27), два основные под курганными насыпями (Ивановка, 3 и Пастырское, 440) [13, с. 200–201, 208–209, 222–223, 276–277, 284–285, 298–299; 28, с. 148; 24, с. 94]. Ориентировка погребенных была установлена в двух случаях (Грищенцы, 4 и Пастырское, 440) и оказалась северной, как на Ворскле.

На обоих берегах Днепра обязательным было помещение в могилу лепной посуды, хозяйственного ножа, мясной вырезки. Одинаково редко, кроме Поворсклья, встречается античная керамика, защитный доспех. Только на Ворскле открыты погребения воинов-всадников с колчанами, копьями и мечами. В двух случаях рукояти мечей были покрыты золотом (табл. 1, 78, 80).

Женские погребения в ямах (4 комплекса). Они известны лишь на Правобережье Днепра: Бобрица, 96 (табл. 2, 26), Гуляй-Город, 308/2, где была похоронена девочка головой на север, Холодный Яр, 26/западное – погребение женщины в круглой яме головой на север, Пастырское, 442 – на горизонте головой на север [13, с. 186–187, 222–223, 236–237, 264–265, 298–299, 308–309; 29, с. 76–77]. Датируются комплексы в рамках IV – начала III вв. до н. э. [24, с. 94–95]. Почти во всех найдены по 6–7 наконечников стрел или «пращевые ядра». Погребальный инвентарь выглядит скромно: бусы, простые украшения, зеркало. В комплексе Холодный Яр, 26/зап. найдены также 5 пряслиц, нож, кости животных, лепная посуда.

На Правобережье сохранилось и единственное *парное разнополое* погребение в яме – Капитановка, 489 (табл. 2, 25), датируемое концом V – началом IV вв. до н. э. [13, с. 252–253, 322–323]. К мужскому инвентарю можно отнести меч и копье, а к женскому кольцо и бусы. Оба скелета лежали вытянуто на спине головой на юг.

Мужские погребения в деревянных склепах (4 комплекса). Известны только в Посулье – Аксютинцы (1883–1885), 2, Волковцы (1897), 1, Лозовая, Лубны (табл. 1, 72, 75,76) [6, с. 34–35, 48–49, 54–55].

Эти погребения всадников-аристократов в старинных могильниках Верхнего Посулья отличались богатством и пышностью. Комплекс Волковцы (1897), 1 сохранился неразрушенным. Высота насыпи достигала 13,5 м, в ней встречались угли и зубы коня. Дно могилы было обведено канавкой и обмазано глиной, стены облицованы толстыми дубовыми бревнами, поставленными вертикально. Над перекрытием отмечен слой речного ила со следами кострища на нем. Умерший лежал головой на юг. На нем была золотая гривна, рядом золотая лента от рукоятки какого-то предмета, железный клевец, кожаный колчан с 250 наконечниками стрел, украшенный золотыми бляшками, серебряный культовый сосуд, 11 наконечников копий и дротиков, боевой топор, четыре бронзовых навершия с фигурками оленей и колокольчиками, бронзовый греческий шлем, бронзовый нагрудник и боевой пояс, панцирь из костяных пластин, золотые бляшки, украшавшие одежды, шесть уздечных наборов, в том числе с золотыми украшениями, бронзовый котел и чаша, античная и местная лепная посуда. В сходном по составу инвентаря комплексе кургана Аксютинцы (1883–1885), 2 найдены также «пращевые ядра» и меч с обложенной золотом рукояткой. Оба погребения датируются третей – серединой последней четверти V в. до н. э. [19, с. 51, рис. 2].

В курганах Южного Посулья были похоронены воины, вооруженные луком, копьями, имевшие защитный доспех, но без конской сбруи. В кургане у с. Лозовая обнаружены кости овцы и свиньи.

В отличие от предыдущих хронологических периодов, почти все комплексы впускные.

Женские погребения в деревянных склепах (2 комплекса). Оба исследованы на Левобережье Днепра: в Посулье, Будки (1897) – впускное в деревянном склепе с вертикальной облицовкой и следами сожжения, на Мерле в Среднем Поворсклье. Полковая Никитовка, Б, 20 – основное в склепе с вертикальной облицовкой и меловой подсыпкой [6, с. 32; 30, с. 4–7]. В женском погребении на Суле сохранилась конская сбруя. Амазонка с берегов Мерлы имела колчан с 45 наконечниками стрел, копье и дротик. Всаднице из Посулья принадлежал культовый серебряный сосуд, при воительнице из Поворсклья найден бронзовый котелок и железный черпак оригинальной формы, кости коровы. В остальном инвентарь погребений одинаков по своему составу: золотые бляшки от одежды, ожерелья, зеркала (четыре в кургане у с. Будки), амфорная и столовая античная посуда. Датируются комплексы концом V – началом IV вв. до н. э.

Разнополые погребения в деревянных склепах (5 комплексов). Они известны только в Посулье – Хитцы, Басовка/А, Аксютинцы (Стайкин Верх), 3/основное и впускное, Аксютинцы (1905), 5/северное впускное – и совершены в склепах с горизонтальной облицовкой стен и столбами по углам камеры [6, с. 28–29, 38–39, 40, 62]. Преобладает южная ориентировка погребенных, но в кургане у с. Хитцы (табл. 1, 77) покойник лежал головой на север. Два комплекса сохранились неограбленными.

Аксютинцы (Стайкин Верх), 3/впускное (табл. 1, 73). Деревянная гробница находилась в насыпи на уровне древнего горизонта. Оба покойника лежали головой на юг. На мужчине был панцирь, рядом два наконечника копий, меч, боевой топор, колчан со 100 наконечниками стрел, нож, уздечный набор. У головы женщины обнаружена большая гвоздевидная булавка, золотая серьга и бляшки, на груди – золотое ожерелье, две массивные бронзовые булавки. Руки украшали браслеты из золотых бусин, ноги – массивные бронзовые браслеты. В ногах погребенной лежало зеркало, ожерелье, кусочки белил, серы, красной краски. В могиле стояла амфора и лежала часть лошадиной туши с железным ножом,

Аксютинцы (1905), 5/северное (табл. 1, 74). Впускная гробница имела вид склепа с горизонтальной облицовкой и столбами по углам и середине сторон. Оба скелета, мужской и женский, были ориентированы на юг. На черепе мужчины была золотая лента-диадема, рядом – две золотые гривны. Одежда была украшена золотыми бляшками, пояс – золотыми пластинами с изображением сидящего «скифа» с ритоном и топориком-скипетром в руках. С правой стороны лежала золотая лента от ручки «плети» (?). Возле женского черепа найдены золотые височные кольца, золотые ленты от головного убора, ожерелье, серебряное кольцо и золотой браслет, рядом бронзовые булавки и зеркало. В могиле обнаружены 16 бронзовых колокольчиков, железные очажные щипцы, нож, кости барана и свиньи, бронзовый котелок,

амфора, несколько чернолаковых сосудов. На фоне столь богатого и престижного инвентаря заметно отсутствие оружия и конской сбруи.

Остальные комплексы хотя и пострадали от грабителей, но мало чем отличались от описанных. Все они могут быть отнесены ко второй половине V – началу IV вв. до н. э. [19, с. 51–52, рис. 2].

Обобщение и выводы.

Отдельные погребения с меридиональной ориентировкой известны на Средней Ворскле уже в конце 1-го этапа раннескифского периода, но их массовое распространение в Приднепровье относится ко 2-му этапу этого периода. На Левобережье большинство архаических комплексов представлены одиночными захоронениями мужчин и женщин в ямах под курганными насыпями. Изначально выделяются погребения знати в деревянных склепах, сосредоточенные преимущественно в Посулье и на юго-западе Правобережья.

На 3-м этапе I-го периода количество рассматриваемых погребений на Левобережье постепенно сокращаться, но достигает максимума в Лесостепном Правобережье. С этого времени делаются заметными некоторые особенности в реализации архетипа на территориях к западу от Днепра. Кроме популярных в местной среде дромосов, здесь сравнительно часто располагали покойников головой на север при общем доминировании южной ориентировки в обеих частях Приднепровья. Считать эту традицию исключительно местной, уходящей корнями в предскифский период, вряд ли целесообразно. В позднечернолесских и раннежаботинских погребениях между Днепром и Южным Бугом северная ориентировка отмечена лишь дважды – Гуляй-Город, 52 и Тютьки, 2 [11, с. 16; 31].

С началом среднескифского периода становится заметной тенденция к обратному движению части носителей архетипа с правого на левый берег Днепра. Наибольшей активностью, как и прежде, отличалась воинская знать, принесшая на Ворсклу и в Посулье усвоенный на Правобережье обычай кремации покойников, широтную ориентировку могил в сочетании с северной ориентировкой погребенных, вертикальную облицовку стен деревянных гробниц, более выраженный культ меча и т. п. Процесс сопровождался распространением впускных погребений. К концу скифской эпохи в Лесостепи богатейшие погребения аристократии – носителей рассматриваемого архетипа – снова концентрируются в Посулье и на Средней Ворскле, как это было в начале эпохи. Постепенное сокращение численности коснулось лишь рядовых погребений с южной ориентировкой. Количество погребений с ориентировкой на север оставалось неизменным (7–8), независимо от размеров выборки по каждому из хронологических периодов. Никакого увеличения численности североориентированных комплексов в Приднепровье к концу скифской эпохи не было и объяснять их наличие соседством милоградской культуры [32, с. 179], по-видимому, нельзя.

На наш взгляд, диаметрально противоположные ориентировки погребенных, стремление расположить покойника тем или иным образом в его последнем пристанище связаны с особенностями представлений о направлении и способе движения души умершего в загробный мир.

Наиболее последовательно противопоставление семантической окраски севера и юга, а не запада и востока, как в большинстве других традиций, выражено в двух родственных индоарийских религиозно-культовых системах – «ведийской» и «авестийской». Почитатели Вед север и восток наделяли позитивными качествами, а на юге располагали царство Ямы и Питрилоку – страну душ предков [33, с. 27], что отразилось в обрядности. Например, больного и умирающего полагалось класть головой к югу; также располагали умершего на погребальных носилках, но на погребальном костре вдове отводилось место в головах и к северу от тела мужа [34, с. 196, 197, 200, 294]. Это возможно при условии, что перед кульминацией похоронного обряда, кремацией или ингумацией, что также нередко встречалось у древних ариев, тело разворачивали ногами на юг, а головой на север, чтобы душа могла идти в нужном направлении «по пути Арьямана» [35, с. 74–75], дорогой предков в царство Ямы. Могилу следовало копать на участке, наклонённом к югу; на юг отпускали поминальную жертву после насыпания холма над останками погребенного [34, с. 213, 283–284].

В собственно иранской традиции благая сторона – это юг, а север – сторона зловещая и опасная. Там, согласно Авесте, находится гора Арезура, где собираются девы, в ней – ворота ада, открывающиеся с запада, отсюда прилетает в мир живых демон смерти Насу. Хорошими направлениями считаются юг и восток, где расположена обитель богов, рай для душ праведников и центр мироздания [35, с. 76, 158–159, 175, 189–190]. Универсальный принцип дуализма, присущий мировоззрению создателей и носителей авестийской традиции, позволяет считать, что царство иранского Йимы мыслилось далеко на севере, куда лежал путь умерших. Отголоски таких представлений сохранились в древнейших

пластах иранской мифологии, сасанидских надписях и раннесредневековых зороастрийских текстах [36, с. 83, 145–146]. Воспроизведением данной традиции можно считать ориентировку погребенного головой на юг, ногами к северу, в сторону моста Чинват, ведущего к обиталищу душ предков.

Живучесть традиционного противопоставления отмеченных дихотомий в культовой практике наследников двух основных групп индоариев поразительна: даже в наше время приверженцы одного вероучения, зороастрийцы и парсы, в Иране возносят молитву лицом на юг, а в Индии – лицом на север [37, с. 53, 70].

Немногочисленная, но стабильная группа населения Приднепровья, хоронившая своих умерших головой на север, может быть, с известной осторожностью, причислена к кругу индоарийских этносов, причастных к «ведийской» традиции в широком ее понимании [38, с. 173 сл.]. Отмеченные случаи сожжения соломы злаковых на месте погребения находят полную аналогию в погребальном гимне Атхарваведы:

Эту жертвенную солому приношу я для отцов,
Живой, я расстилаю высшую для богов.
Подымись на нее, о человек, предназначенный
для жертвы!
Да узнают отцы, что ты ушел [33, с. 254].

Более многочисленная группа населения с яркой воинской и всаднической культурой раннескифского облика, хоронившая покойников головой на юг, демонстрирует знакомство с «авестийскими» традициями иранцев. Путь ее продвижения в Среднее Приднепровье может быть обозначен местами находок характерных пластинчатых роговых псалиев, оформленных в зверином стиле: от мидийской крепости 750–650 гг. до н. э. Нуш-и Джан-тепе с одним из древнейших маздаистских храмов, через Манна, Урарту, Центральный Кавказ, Предкавказье в Посулье и на юг Правобережья [5, рис. 1; 4; 39, с. 90; 40, с. 71–72; 41, с. 21–22, рис. 2; 42, табл. 86, 14, 66, 67; 43, с. 46–53, 60–61]. За редким исключением, такие псалии найдены именно в погребениях с меридиональной ориентировкой при ведущей роли южной. Но это не скифы. Киммерийцы и скифы, как известно, отдавали предпочтение широтной ориентировке могил и умерших [44, с. 98; 45, с. 81, 87–88, 102, табл. 15]. Не вписывается в рамки представлений о кочевниках-скифах и отсутствие конских захоронений в рассмотренных могилах воинской знати вместе с наличием в них, вплоть до погребений высшей аристократии, костей свиньи от жертвенной пищи. По Геродоту, скифы свиней в жертву не приносили и не разводили «в своей стране» [IV, 63]. В Лесостепи, в том числе и в Посулье, свиноводство было важной отраслью животноводства [46, с. 129, рис. 1].

Суммируя сказанное, можно предположить, что за основной массой носителей рассмотренного архетипа скрываются не скифы-кочевники или скифы-«земледельцы» [6, с. 187], а *будии-будины* Геродота – «племя мидийское», народ «великий и сильный числом, ясноглазый и огненноволосый» [IV, 101, 108]. Многочисленность этнокультурной группы, оставившей в Приднепровской Лесостепи погребения с меридиональной ориентировкой, особенно в I-м хронологическом периоде, сомнений не вызывает. Огненный цвет волос не обязательно был дан природой всем будинам, но мог быть получаем путем искусственной окраски, как синий цвет у «разрисованных» гелонов и агафирсов [47, 48, 49]. Шубы будинов с бобровой оторочкой [Herod, IV, 109] напоминают бобровый плащ авестийской богини победы Анахиты [30, с. 129]. Лесной «номадизм» будинов мог быть обусловлен сезонным выпасом скота, в том числе и свиней. Отличие будинского языка от полускифской речи гелонов указывает на их нескифское происхождение, но участие будинов вместе с гелонами, савроматами и скифами в антиперсидской коалиции весьма примечательно, поскольку другие народы Лесостепи, как видно из рассказа Геродота, считали этот конфликт внутрииранским и не спешили в него встревать [Herod, IV, 108, 119]. Наконец, лингвистический анализ имен божеств мидийского пантеона установил иранскую этимологию этнонима βουδιοι – βουδινοι [51, с. 181, 281–282], а тяготение основного массива рассмотренных выше погребений к ареалу иранских гидронимов Лесостепи вряд ли случайно [52, рис. 1].

Приняв тезис об изначальном иранстве будинов, можно снять внутреннее противоречие в попытках увязать распространенные гипотезы об их финно-угорском или балтском происхождении с иранским обликом приписываемых будинам памятников Лесостепи [53, с. 354–355; 54, с. 160–166, 27, с. 157–158]. Фиксация погребений будинов не только на левом, но и на правом берегу Днепра позволяет нам в будущем более предметно подойти к вопросу о времени и характере продвижения невров и гелонов в «землю будинов» [Herod, IV, 105, 108], роли самих будинов в этносоциальной истории Приднепровья скифского времени.

Література

1. Элиаде М. Космос и история, – М., 1987.
2. Бойко Ю.Н. Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. – Полтава, 1996. (В настоящем издании с. 154–163).
3. Бойко Ю.Н. К вопросу о миграциях в Приднепровской Лесостепи VII–III вв. до н. э. // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 1997.
4. Kossak G. Von den Anfangen des skytho-iranishen Tierstils // Skythika. – Munchen, 1987.
5. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – 1992. – № 3.
6. Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). – К., 1968.
7. Zakharov A.A. Zaretsky's Excavations in the Government of Kharkov // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – Vol. VII. – Helsinki, 1932.
8. Моруженко А.А. Исследования памятников у с. Лихачевка // АО 1983 года. – М., 1985.
9. Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV АС. – М., 1911. – Т. III.
10. Ковпаненко Г.Т. Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині // Археологія. – 1970. – XXIV.
11. Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э). – К., 1975.
12. Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. – К., 1981.
13. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). – К., 1989.
14. Шрамко Б.А. Щегленко А.В. Отчет об охранных раскопках в окрестностях с. Бельск Полтавской области в 1960 г. – Харьков, 1981. – Архив ИА НАНУ. – Фонд эксп. – Д. № 1980/86.
15. Андриенко В.П. Раскопки поселения и курганов у с. Пожарная Балка // АО 1980 года. – М., 1981.
16. Андриенко В.П. Раскопки у с. Пожарная Балка // АО 1979 года. – М., 1980.
17. Ковпаненко Г.Т. Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. – К., 1977.
18. Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. – 1987. – Вип. 59.
19. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // АСГЭ. – 1991. – Вып. 31.
20. Шрамко Б.А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. – Х., 1994.
21. Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. – К., 1980.
22. ОАК за 1895 год. – СПб., 1897.
23. Моруженко А.А. Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого гос. ун-та в 1975 г. – Донецк, 1976. – Архив ИА НАНУ. – Фонд эксп. – Д. № 1975/39.
24. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. – М.,1967 (САИ, вып. Д 1–4).
25. Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. – М. – Полтава, 1993.
26. Ильинская В.А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. – 1957. – XXVII.
27. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – К., 1987.
28. Петренко В.Г. Могильник скифского времени у с. Грищенцы // Лесостепные культуры скифского времени. – М., 1962 (МИА, № 113).
29. Покровська Ф. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли // Археологія. – 1958. – X.
30. Берестнев С.И. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Харьковской областной станции юных туристов в 1980 году. – Харьков, 1981. – Архив ИА НАНУ. – Фонд эксп. – Д. № 1980/88.
31. Заец И.И. Курганный могильник раннескифского времени у с. Тютьки Винницкой области // СА. – 1979. – № 1.
32. Бессонова С.С. Лесостепное Побужье в IV в. до н. э. (по данным курганных могильников) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V ст. н. э.). – К., 1991.
33. Атхарваведа. Избранное / Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. – М., 1976.
34. Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды / Пер. и коммент. А.А. Вигасина. – М., 1982.
35. Рагозина З.А. История Мидии, второго Вавилонского царства и возникновения Персидской державы. – СПб., 1903.
36. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – М., 1983.
37. Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. – М., 1982.
38. Лелеков Л.А. Проблемы индоиранистики на современном этапе // НАА. – 1988. – № 6.
39. Дандамаев М.А., Глуконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. – М., 1980.
40. Погребова Н.М. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. – М., 1984.

41. Техов В.Б. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника). – М., 1980.
42. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1969.
43. Іллінська В.А. Скіфська вузда VI ст. до н. е. (за матеріалами Посулля) // Археологія. – 1961. – XIII.
44. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – К., 1976.
45. Ольховский В.С Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). – М., 1991.
46. Моруженко А.А. Животноводство и охота лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в VII–III вв. до н. э. // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1985. – Вып. 2.
47. Помпоний Мела. Землеописание / Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. – 1948. – № 3.
48. Марк Сервий Гонорат. Объяснения к Вергилию / Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. – 1949. – № 1.
49. Гай Юлий Солин. Сборник достопримечательностей / Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. – 1949. – № 3.
50. Бертельс Е.Э. Избранные труды. – М., 1960. – Т. 1.
51. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М., 1970.
52. Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. – 1984. – № 1.
53. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Тексты, перевод, комментарий. – М., 1982.
54. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия: историко-географический анализ. – М., 1979.

Вперше опубліковано:
Древности (Старожитності) 1997–1998 //
Зб. наук. пр. – Харків, 1999. – С. 59–78.

Орієнтування померлих у похованнях Придніпровського Лісостепу VII–IV ст. до н. е. як чинник етнокультурної інтерпретації

The orientation of the dead in the graves of the Dnieper forest-steppe VII–IV centuries B.C. as a factor in ethnic and cultural interpretation

Ориентировка умерших в погребениях Приднепровской Лесостепи VII–IV вв. до н. э. как фактор этнокультурной интерпретации

Древние народы, в частности греки, придавали важное значение информации об ориентировке умерших в погребениях для выяснения их этнической принадлежности (Plut. So1., X). С этим согласны и многие современные исследователи.

Нам удалось собрать данные о 449 погребениях с установленными ориентировками из локальных групп памятников Приднепровской Лесостепи скифского времени[1]. Для удобства сведем их в несколько таблиц (табл. 1; 2; 3) по основным периодам и этапам развития скифской культуры с целью поиска возможных пространственно-временных закономерностей, поддающихся этнокультурной интерпретации.

I. Раннескифское время (VII – перв. пол. VI вв. до н. э.).

Первая половина – середина VII в. до н. э. (РСК/2 – по терминологии Г. Коссака – И.Н. Медведской).

Ориентировка С – Ю (46 погребений). Большинство комплексов сосредоточены в могильниках Левобережья, а на Правобережье отмечены лишь в южной части Лесостепи – группы Черкасская А и Б (табл. 1). В пределах Ворсклинского региона (табл. 2) они известны в южной и центральной зонах[2].

Ориентировка СВ – ЮЗ (15 погребений). Концентрируются на севере Правобережья (гр. Каневская А, Б) и в Поворсклье (табл. 1), где распределяются почти равномерно между зонами региона (табл. 2).

Ориентировка СЗ – ЮВ (12 погребений). В большинстве они случаев отмечены на Правобережье Днепра (табл. 1). На Левобережье фиксируются только в южной и северо-восточной зонах Ворсклинского региона (табл. 2).

Ориентировка З – В (9 погребений). На Правобережье Приднепровской Лесостепи она представлена отдельными захоронениями во всех локальных группах, расположенных преимущественно вдоль Днепра (табл. 1). На Левобережье известна лишь на северо-востоке Ворсклинского региона, в Купьевахском могильнике (табл. 2).

Вторая половина VII – первая половина VI вв. до н. э. (РСК/3).

Ориентировка С – Ю (44 погребения). Общее соотношение комплексов на западе и востоке

---

[1] Каневская А – бассейн среднего и нижнего течения р. Рось; Каневская Б – междуречье Роси и Южного Буга; Черкасская А – бассейн р. Тясмин; Черкасская Б – междуречье Тясмина и Южного Буга; Ворсклинская – Ворсклинский регион; Посульская – бассейн р. Сула (подробнее см.: Бойко Ю.Н., 1996. – С. 269, рис. 1).

[2] О зонах Ворсклинского региона см.: Бойко Ю.Н.. 1985. – С. 83–87.

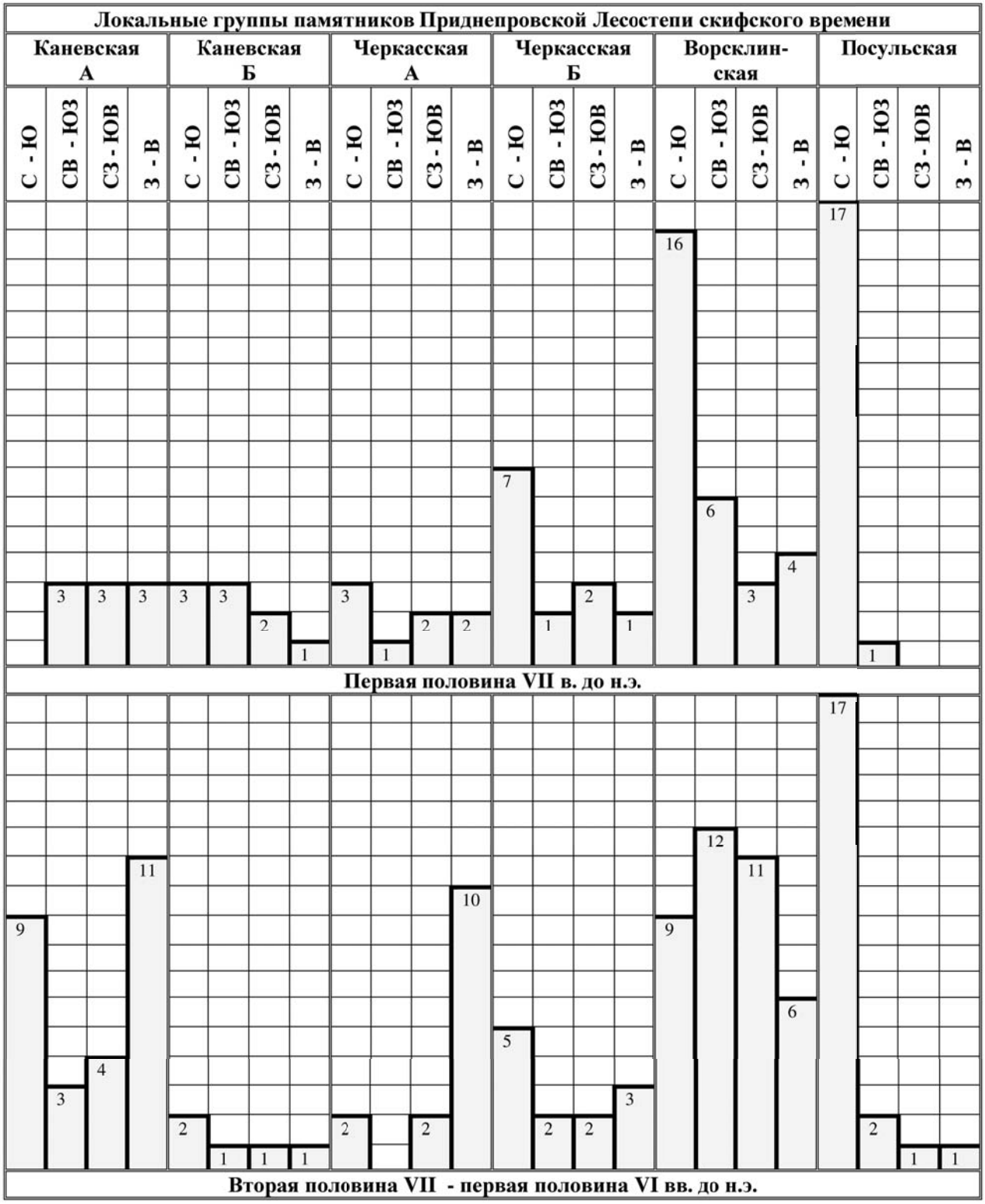


Табл. 1. Пространственно-временное распределение ориентировок погребений по локальным группам памятников Приднепровской Лесостепи скифского времени.

Условные обозначения:

3 – количество учтенных комплексов; ■ – в том числе в катакомбах.

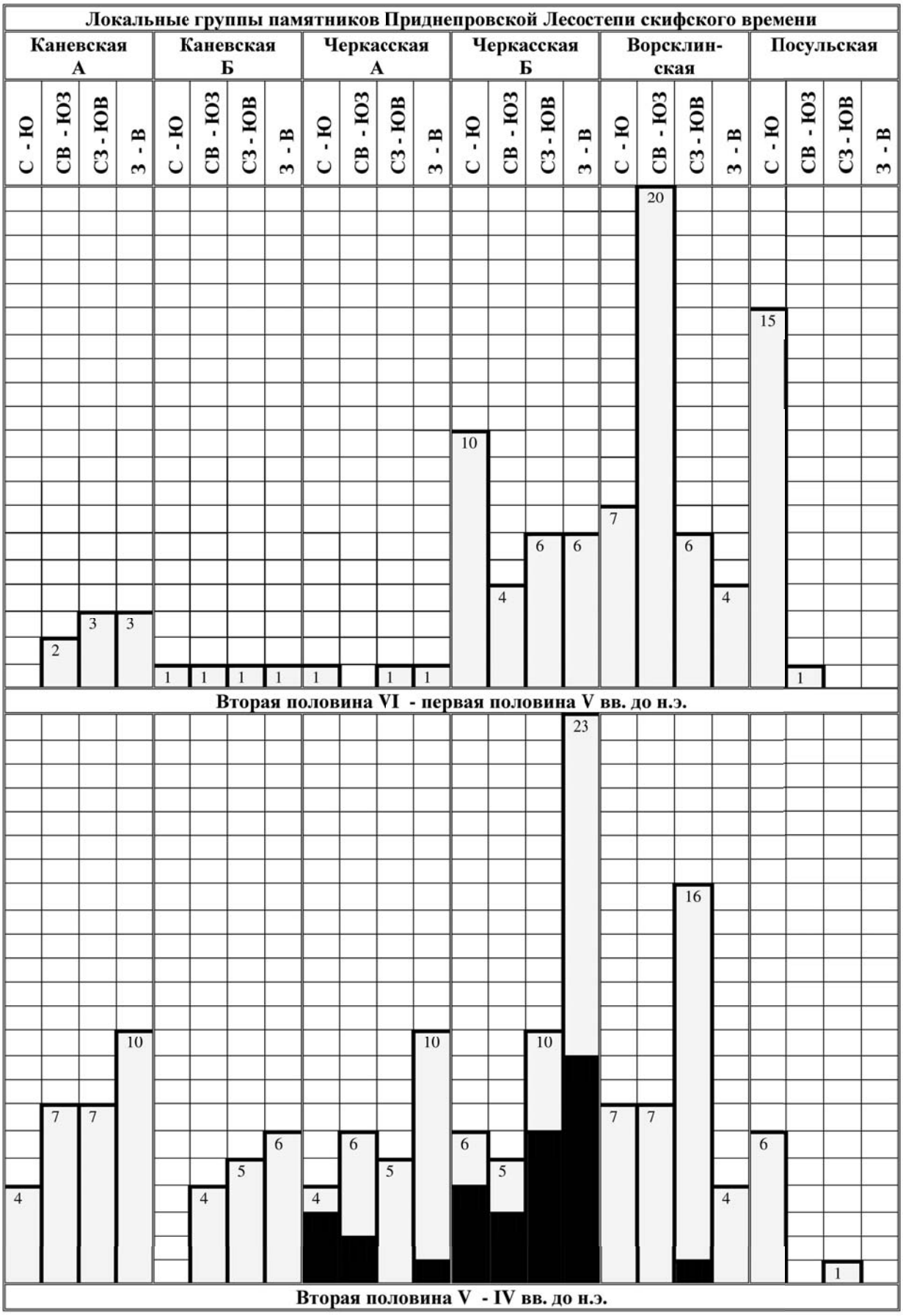


Табл. 1. Окончание.

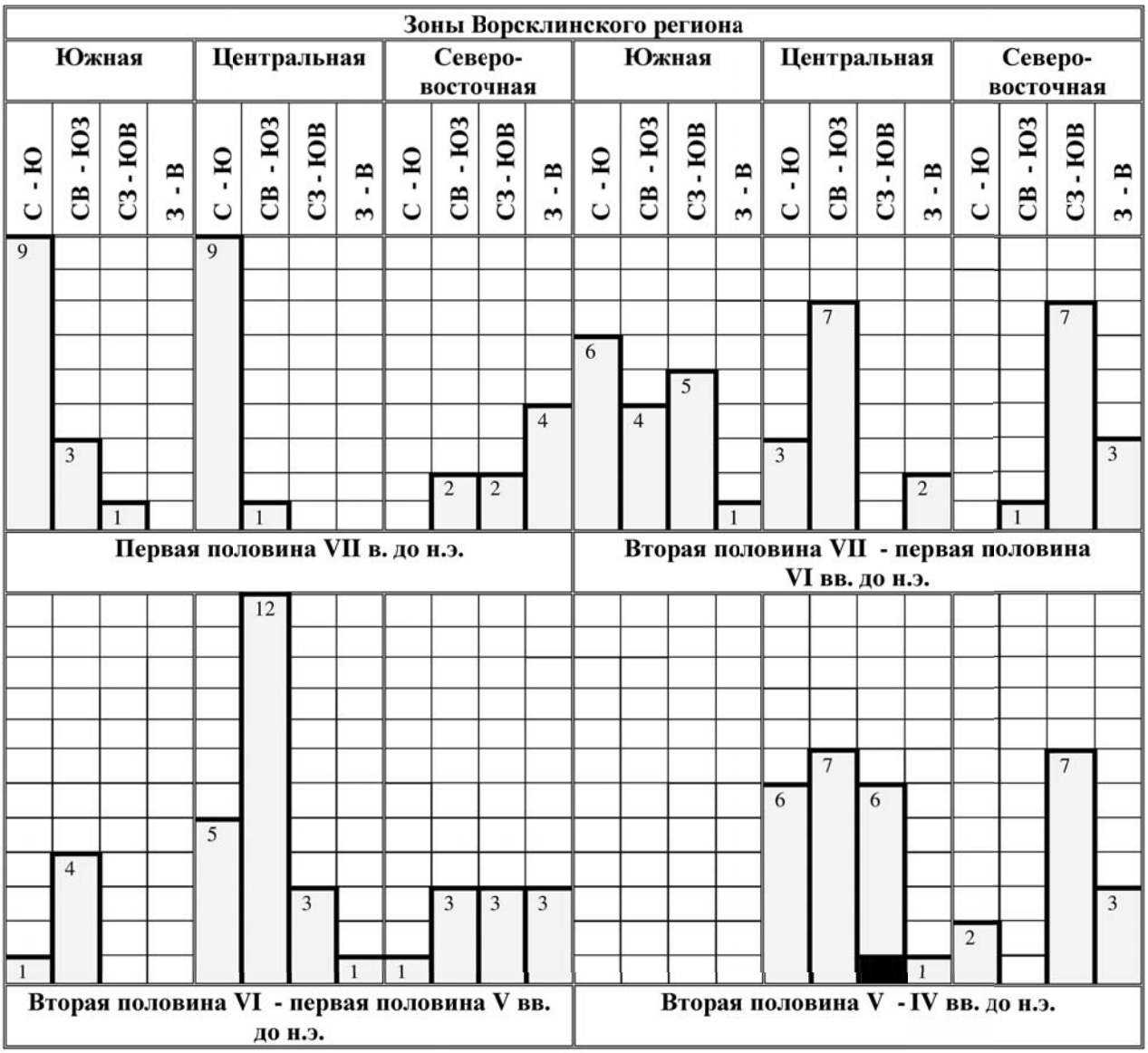


Табл. 2. Пространственно-временное распределение ориентировок погребений по локальным зонам памятников Ворсклинского региона скифского времени.

Условные обозначения:

З – количество учтенных комплексов; ■ – в том числе в катакомбах.

Приднепровской Лесостепи остается прежним. Вместе с тем отмечается более высокая концентрация меридионально ориентированных погребений в Каневской А группе и некоторое сокращение их численности в центральной зоне Ворсклинского региона (табл. 1; 2).

Ориентировка СВ – ЮЗ (21 погребение). Отчетливо прослеживается дальнейшая концентрация комплексов с этим признаком на Левобережье – в центральной и южной зонах Ворсклинского региона (табл. 1; 2).

Ориентировка СЗ – ЮВ (21 погребение). Более половины таких комплексов сосредоточены на Левобережье, в северо-восточной и южной зонах Ворсклинского региона (табл. 3). На Правобережье они встречаются во всех локальных группах с некоторым преобладанием в Каневской А (табл. 1).

Ориентировка З – В (30 погребений). Она представлена во всех локальных группах Правобережья с преобладанием, как и прежде, в приднепровских (табл. 1). На Левобережье комплексы концентрируются в Поворсклье, преимущественно в северо-восточной и центральной зонах этого региона (табл. 2).

Ориентировка	Первая половина VII в. до н.э.				Вторая половина VII – первая половина VI вв. до н.э.				Вторая половина VI – первая половина V вв. до н.э.				Вторая половина V – IV вв. до н.э.			
С -Ю	ПЛ 56				ПЛ 38				ПЛ 35				ПЛ 21			
		ПР 14				ПР 32				ПР 30				ПР 13		
			ЛЕ 70				ЛЕ 43				ЛЕ 39				ЛЕ 39	
				ВО 55				ВО 23				ВО 19				ВО 25
СВ - ЮЗ	ПЛ 8				ПЛ 18				ПЛ 28				ПЛ 17			
		ПР 22				ПР 11				ПР 14				ПР 18		
			ЛЕ 15				ЛЕ 25				ЛЕ 38				ЛЕ 15	
				ВО 20				ВО 31				ВО 53				ВО 22
СЗ - ЮВ	ПЛ 15				ПЛ 19				ПЛ 18				ПЛ 28			
		ПР 24				ПР 16				ПР 28				ПР 25		
			ЛЕ 6				ЛЕ 21				ЛЕ 11				ЛЕ 37	
				ВО 10				ВО 31				ВО 17				ВО 41
З - В	ПЛ 11				ПЛ 25				ПЛ 19				ПЛ 34			
		ПР 13				ПР 41				ПР 28				ПР 45		
			ЛЕ 9				ЛЕ 11				ЛЕ 12				ЛЕ 9	
				ВО 15				ВО 15				ВО 11				ВО 12

Табл. 3. Основные тенденции в пространственно-временном распределении ориентировок погребений в Приднепровской Лесостепи и Ворсклинском регионе скифского времени (в % от общего количества учтенных комплексов в исторической области, зоне, регионе).

Условные обозначения:

С-Ю, СВ-ЮЗ, СЗ-ЮВ, З-В – ориентировки погребений; ПЛ – Приднепровская Лесостепь в целом; ПР – Правобережье Приднепровской Лесостепи; ЛЕ – Левобережье Приднепровской Лесостепи; ВО – Ворсклинский регион; «56» - численный показатель в %.

II. Среднескифский период (вт. пол. VI – перв. пол. V вв. до н. э.).

Ориентировка С – Ю (34 погребения). Комплексы сосредоточены на Левобережье (большей частью в Посулье) и в Черкасской Б группе Правобережной Лесостепи (табл. 1). На территории Ворсклинского региона они концентрируются в центральной зоне (табл. 2).

Ориентировка СВ – ЮЗ (25 погребений). Подавляющее большинство захоронений известны на Левобережье Днепра, в Поворсклье (табл. 1), где сосредоточены в центре региона (табл. 2). На Правобережье они лучше всего представлены в Черкасской Б группе (табл. 1).

Ориентировка СЗ – ЮВ (17 погребений). Исследованы преимущественно в Черкасской Б и Ворсклинской локальных группах (табл. 2). В пределах Ворсклинского региона эти комплексы равномерно распределены между центральной и северо-восточной зонами (табл. 2).

Ориентировка З – В (18 погребений). Подобные комплексы более выразительны на Правобережье в Черкасской Б группе, а на левом берегу Днепра – в Посулье, в северо-восточной и центральной зонах Ворсклинского региона (табл. 1; 2).

III. Позднескифское время (вт. пол. V – IV вв. до н. э.).

Ориентировка С – Ю (32 погребения). Известна почти во всех локальных группах Приднепровской Лесостепи, за исключением Каневской Б, причем на юге Правобережья 7 из 10 погребений совершены в катакомбах (табл. 2). На Ворскле меридионально ориентированные комплексы сконцентрированы в центральной зоне, тогда как на северо-востоке региона представлены лишь двумя погребениями Купьевахского могильника (табл. 2).

Ориентировка СВ – ЮЗ (27 погребений). Она известна во всех группах Приднепровья, кроме Посульской. В группах Черкасская А и Черкасская Б половина захоронений совершены в катакомбах (табл. 1). На Ворскле комплексы с этой ориентировкой представлены лишь в центре региона (табл. 2).

Ориентировка СЗ – ЮВ (44 погребения). Отмечена во всех группах Правобережья (в гр. Черкасская Б 6 из 10 погребений совершены в катакомбах), а на Левобережье Днепра – преимущественно в Поворсклье (табл. 1). На территории Ворсклинского региона такие погребения распределяются почти равномерно между центральной и северо-восточной зонами, где 1 погребение из 7 совершено в катакомбе[3] (табл. 2).

Ориентировка З – В (53 погребения) хорошо представлена во всех локальных группах Правобережья, преимущественно на юге области, где в группах Черкасская А и Черкасская Б 10 из 33 погребений совершены в катакомбах (табл. 2). На Левобережье отдельные комплексы известны только в северо-восточной и центральной зонах Ворсклинского региона (табл. 2).

Укрупним информационные блоки (табл. 3) и попытаемся разглядеть возможные закономерности.

1. Погребения с меридиональной ориентировкой преобладают в Приднепровской Лесостепи начала скифской эпохи, составляют основную группу памятников Левобережья, в том числе и на Ворскле (юг и центр региона), а за пределами Приднепровья концентрируются в бассейне Северского Донца (Шрамко Б.А., 1983; Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., 2000). Со второй половины VII в. до н. э. их количество постепенно сокращается. В Степном Причерноморье раннескифского времени ориентировка С – Ю практически не встречается.

2. Комплексы, ориентированные по линии СВ–ЮЗ, в первой половине VII в. до н. э. составляли около 20% всех погребений Правобережной Лесостепи и Поворсклья. Со второй половины VII в. до н. э. их численность на Ворскле увеличивается на треть и достигает своего максимума (53%) в среднескифское время в центральной зоне региона. В Степной Скифии VII–VI вв. до н. э. количество подобных захоронений не более 8% и в дальнейшем не превышает 15 % (Бессонова С.С., 1990. – С. 27; Ольховский В.С., 1991. – Табл. 15; 26).

3. Погребения, ориентированные по направлению СЗ–ЮВ, в первой половине VII в. до н. э. известны преимущественно на Правобережье Днепра. Во второй половине VII – первой половине VI вв. до н. э. отмечается активное продвижение носителей этой традиции в область Лесостепного Левобережья, прежде всего на Ворсклу, где их количество увеличивается в три раза, а в позднескифское время достигает 41%. В раннескифский период они как бы «обтекают» центральную зону региона, где явно преобладают носители ориентировки СВ – ЮЗ. Позднее, одновременно с угасанием жизни на юге Поворсклья, эта традиция оказывается представленной в равной степени отчетливо на северо-востоке и в центре региона.

Для предскифского времени ориентировка СЗ – ЮВ (головой на северо-запад), наряду с меридиональной, известна в культуре Сахарна-Солончены; она была доминирующей в позднечернолесских памятниках Среднего Поднестровья, сочеталась с западной на Правобережье Днепра, однако не зафиксирована на Днепровском Левобережье и почти не представлена в Степи (Смирнова Г.И., 1973. – С. 94–97; Смирнова Г.І., 1997. – Рис. 2; Крушельницька Л.І., 1998. – С. 201, 203; Гуцал А.Ф., 1994. – С. 54; Ильинская В.А., 1975. – С. 78; Ковпаненко Г.Т., 1981. – С. 59–60; Тереножкин А.И., 1976. – С. 98; Мелюкова А.И., 1989. – С. 13; Берестнев С.И., 1985. – С. 105; и др.).

В скифское время такая ориентировка известна в 17 % погребений Причерноморских степей (Бессонова С.С., 1990. – С. 27; Ольховский В.С., 1991. – Табл. 15; 26).

4. Ориентировка умерших по линии З – В известна в Лесостепи с предскифского времени, где представлена небольшим числом погребений (11%) Приднепровья первой половины VII в. до н. э., в основном на Правобережье. Здесь их количество растет волнообразно, достигая мак-

[3] Погребение женщины и служанки в к. 2 у с. Новый Мерчик на крайнем востоке региона (рис. 1, 20) (Шрамко Б.А., Бойко Ю.Н., 1988. – С. 102–103, рис. 3).

симума во второй половине VII – первой половине VI и со второй половин V в. до н. э. вплоть до конца скифской эпохи.

На Левобережье Днепра носители этого архетипа отдавали предпочтение северо-восточной зоне Ворсклинского региона, тесно коррелируя с населением, хоронившим своих умерших в направлении СЗ – ЮВ. Среди немногочисленных погребений с широтной ориентировкой на Ворскле нет кочевнических ни по обряду, ни по набору инвентаря[4]. Наиболее ранние из них (табл. 1) не отличимы от правобережных и таких же ворсклинских с погребальными традициями и вещевым комплексом лесостепного междуречья Днепра и Днестра. Выраженная комплиментарность в отношениях соседства между носителями традиций «З – В» и «СЗ – ЮВ» позволяет видеть в этих группах мигрантов с Правобережья Днепра на Ворсклу и их потомков.

Наконец, обратимся к письменным источникам по этногеографии Приднепровской Лесостепи и Ворсклинского региона скифского времени. Главным из них является сочинение Геродота, отразившее ситуацию в Скифии середины – второй половины V в. до н. э., вместе с преданиями более ранних времен.

В скифском логосе «Отца истории» с Приднепровской Лесостепью могут быть увязаны «этносы» невров, будинов, гелонов и частично меланхленов, однако трудности их конкретной локализации породили обширную литературу (Нейхардт А.А, 1982. – С. 92 сл.). Тот или иной вариант решения проблемы во многом зависит от ответа на три главных вопроса: где находилась земля будинов, поскольку невры и гелоны слыли пришельцами в их страну (Herod., IV, 105, 108, 109), где высились стены города Гелона и с какими археологическими памятниками, в том числе погребальными, можно соотносить тот или иной народ.

По двум вопросам ведущие исследователи постепенно сблизили свои позиции: страна будинов находилась в лесостепном междуречье Днепра и Дона, основной территорией меланхленов был бассейн среднего течения Северского Донца, а величественным монументом городу Гелону стало грандиозное Бельское городище на Ворскле (подробнее см. Шрамко Б.А., 1962; Шрамко Б.А., 1987; Шрамко Б.А., 1998. – С. 126–127; Моруженко А.А., 1989. – С. 38; Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., 2000. – С. 29 сл.). С будинами и меланхленами соотносят поселения без лощеной керамики Посулья, Ворсклинского региона, Северского Донца, а с выходцами из Правобережья раннескифского времени – селища и Западное Бельское городище в южной и центральной зонах Поворсклья, где хорошо представлена лепная посуда с черным лощением и геометрическим орнаментом. Труднее среди многих известных погребений выделить комплексы той или иной этнокультурной группы древнего населения, по причине высокой степени унификации основных черт погребальной обрядности и категорий инвентаря у обитателей Среднего Приднепровья раннего железного века. И все же такая возможность есть.

По сведениям Геродота, будины – народ «великий и сильный числом», был автохтоном по отношению к неврам и гелонам (IV, 105, 108, 109). Такому определению в рассматриваемом нами случае могут соответствовать только меридионально ориентированные погребения[5], наиболее ранние и многочисленные в Посулье, на юге и в центральной зоне Поворсклья, на Северском Донце, а также на юге Правобережья. Предлагаемое отождествление меридионально ориентированных погребений с будинами не входит в противоречие с локализацией меланхленов на Северском Донце. Многочисленность будинов и обширность занимаемой территории не могли не способствовать формированию в их среде нескольких локальных этнографических групп, одну из которых соседи прозвали «черноризцами», что звучало по-гречески как «меланхлены», а другую те же эллины часто путали с гелонами (Herod., IV, 107, 109)[6].

Вполне логично предполагать, что гелоны жили в городе Гелоне и его округе (Шрамко Б.А., 1987. – С. 162). В связи с этим трудно не заметить повышенную концентрацию погребений с ориентировкой СВ–ЮЗ именно в центральной зоне Ворсклинского региона, достигшую максимума накануне посещения Скифии Геродотом.

Рассказывая о неврах, Геродот размещал их родину к западу от Днепра, где-то в верховьях Гипаниса-Южного Буга, упоминал об их массовой миграции в страну будинов «за одно поколение до похода Дария» (IV, 17, 105), хотя в эпической традиции, которой пользовался Геродот, понятие поколения весьма растяжимо. В качестве памятников геродотовых «невров» можно рассматривать группу погребений с ориентировкой СЗ–

[4] В степной зоне юга Восточной Европы широтная ориентировка погребенных (преимущественно головой на запад) была основной с позднечерногоровского времени (Дубовская О.Р., 1997. – Рис. 12; Ольховский В.С., 1991. – С. 154–155, табл. 31) до конца скифской эпохи и представлена множеством погребений кочевников (Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., 1986. – С. 345 сл.).

[5] Подробнее см.: Бойко Ю.Н.. 1999.

[6] Анализ табл. 1 и 2 поможет нам ближе подойти к пониманию причин такой «путаницы».

ЮВ. Носители этой традиции, уходящей корнями в эпоху позднего Чернолесья западных регионов Украинской Лесостепи, уже в первой половине VII в. до н. э. продвинулись из Правобережья на юг и северо-восток Поворсклья, почему-то сначала обходя гелоно-будинский центр. В последующие сто лет они прочно освоили новую территорию, составив к середине VI в. до н. э. треть населения Ворсклинского региона.

Миграционные потоки начала скифской эпохи увлекли за собой еще одну группу древних обитателей Правобережья, представленных на Ворскле погребениями с широтной ориентировкой. Ее также можно причислить к «неврам» в понимании названия, как единственного известного нам в письменной передаче греков этнонима наследников чернолесской культуры, общего для многих выходцев с Правобережья.

Література

1. Бабенко И.Л. Погребальный обряд Песочинского курганного могильника скифского времени // Проблемы истории и археологии Украины: ТД научн. конф. – Харьков. – С. 25–26.
2. Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., 2000. курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). – К.
3. Берестнев С.И., 1985. Погребения предскифского периода в Левобережной Лесостепи Украины // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск. – С. 98–106.
4. Бессонова С.С., 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. – К. – С. 17–40.
5. Бойко Ю.Н., 1985. Системный подход к изучению общественного развития населения днепровского лесостепного Левобережья в VII–III вв. до н. э. // Вестн. Харьк. ун-та – Сер. История. – № 268. – С. 83–89.
6. Бойко Ю.Н., 1999. Меридионально ориентированные погребения Приднепровской Лесостепи скифского времени // Древности. – Харьков. – С. 59–78. (В настоящем издании с. 132–145).
7. Граков Б.Н., 1971. Скифы. – Москва: изд-во Московского университета.
8. Гуцал А.Ф., 1994. Могильник предскифского времени на Среднем Днестре // ПССАСП: ТД междунар. конф. – Запорожье.
9. Дубовская О.Р., 1997. Об этнокультурной атрибутации «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. – Донецк.
10. Ильинская В.А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.) – К.
11. Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского Левобережья (курганы Посулья). – К.
12. Ковпаненко Г.Т., 1967. Племена скіфського часу на Ворсклі. – К.
13. Ковпаненко Г.Т., 1970. Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині // Археологія. – Вип. 24. – С. 146–170.
14. Ковпаненко Г.Т., 1981. курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. – К.
15. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. – К.
16. Крушельницька Л.І., 1998. Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток). – Львів.
17. Мелюкова А.И. 1989. Культуры предскифского периода в лесосепной зоне // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М. – С. 16–28.
18. Моруженко А.А., 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. – № 4. – С. 25–40.
19. Нейхардт А.А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии – М.
20. Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). – М.
21. Смирнова Г.И., 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. – № 2. – С. 101–118.
22. Смирнова Г.І. Про етнокультурні зміни в розвитку Середньодністровського регіону в VII ст. до н. е. // Археологія. – № 3. – С. 57–65.
23. Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. – К.
24. Черненко Е.В., Бесонова С.С., Болтрик Ю.В., 1986. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – К.
25. Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. – Харьков.
26. Шрамко Б.А., 1983. Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині // Археологія. – Вип. 43. – С. 54–62.
27. Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – Киев: Наук. думка.
28. Шрамко Б.А., Бойко Ю.Н., 1988. Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерлы // Вестн. Харьк. ун-та. – Сер. История. – № 316. – С. 98–108.

Вперше опубліковано:
Ю.Н. Бойко, С.И. Берестнев. Погребения VII–IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). – Х., 2001. – С. 64–74.

Придніпровський Лісостеп та кочівники скіфського часу: факторний дистанційно-динамічний варіант моделі

The Dnieper forest-steppe and nomads of Scythian time: factor remotely dynamic version of the model

Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени: факторный дистанционно-динамический вариант модели

В настоящее время, несмотря на обилие общих и специальных работ по скифологии, малоразработанным остается вопрос о моделировании процессов взаимодействия общественных организмов населения Лесостепи друг с другом и различными группами кочевников Евразийской Степи. Объективной причиной противоречивости имеющихся теоретических построений, основанных на традиционных методах анализа и интерпретации источников, следует признать отсутствие общих критериев декомпозиции археологического континиума, определения качественных и количественных характеристик сходства/различия таксонов. Впрочем, это проблема всей современной археологии[1]. Отсюда, словами Колина Ренфрю, возникает «задача создать более эффективный способ говорить о прошлом, новый язык восприятия свежих моделей прошлого – новую парадигму»[2].

К сожалению, сущность моделирования не всеми исследователями воспринимается одинаково. Например, в одной из работ, претендующих на теоретическое обобщение опыта моделирования в археологии, можно прочесть: «Модель изучаемого предмета (явления, процесса) – это теоретическое построение, а не обобщение эмпирического материала. Такая модель проверяется на обобщенном эмпирическом материале, а не выводится из него»[3]. В данном случае не делается различий между моделью и «нулевой гипотезой», чем излишне упрощается суть проблемы.

Мы придерживаемся иной точки зрения, согласно которой «моделирование – это метод практического или теоретического опосредованного оперирования объектом, в ходе которого исследуется непосредственно не сам объект, а некоторая промежуточная вспомогательная система», способная задавать информацию об интересующем нас объекте[4].

В нашем случае задача заключается в построении усовершенствованного варианта[5] «вспомогательной системы», способной отразить основные закономерности этнокультурного взаимодействия населения Приднепровской Лесостепи и Степи скифского времени по материалам погребений – археологических комплексов, одинаково хорошо представленных у земледельцев и кочевников. Их высокая информативность как этнокультурных идентификаторов, не вызывавшая сомнений уже во времена Солона, подчеркивается и современными исследователями[6].

Формальная декомпозиция археологического пространства Приднепровской Лесостепи произведена методом построения полигонов Тиссена вокруг больших городищ – центров территори-

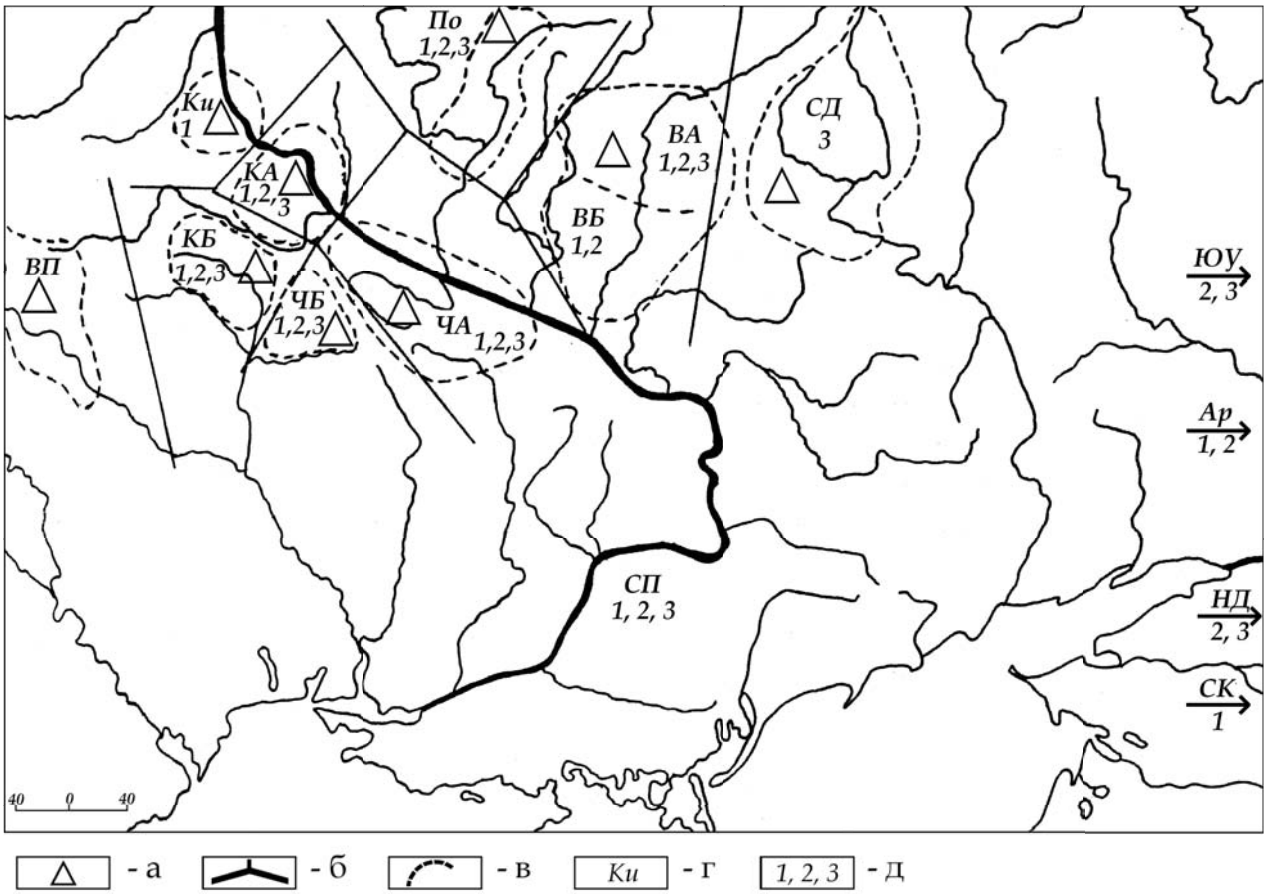


Рис. 1. Локальные группы памятников Приднепровской Лесостепи скифского времени.

Условные обозначения: а – городища-центры локальных групп памятников; б – полигоны Тиссена; в – предлагаемые границы локальных групп; г – локальные группы: Ки – Киевская, КА – Каневская А (Поросская), КБ – Каневская Б, ЧА – Черкасская А (Тясминская), ЧБ – Черкасская Б, ВП – Восточно-Подольская, По – Посульская, ВА – Ворсклинская А (Средняя Ворскла), ВБ – Ворсклинская Б (Южная Ворскла), СД – Северско-Донецкая; СП – Северо-Причерноморская, СК – Северо-Кавказская, НД – Нижне-Донская, ЮУ – Южно-Уральская, Ар – Аральская; д – хронологические периоды.

альных образований[7] (рис. 1). Выявленные здесь погребения сгруппированы по территориально-хронологическому принципу[8], образуя ряд локально-временных групп памятников, отразивших особенности этнокультурного состава местного населения в тот или иной промежуток времени.

Кочевники Степи представлены экспертными выборками погребений скифов Северного Причерноморья, Северного Кавказа, савроматов Нижнего Дона и Южного Урала, саков Приаралья в естественных ареалах их обитания, внутреннее членение которых произведено по тем же хронологическим периодам, что и для Лесостепи.

В результате элементарными таксонами модели стали 32 локально-временные группы памятников, включившие в себя 2800 погребальных комплексов, в том числе 722 лесостепных.

Формализованное описание комплексов и групп проведено по унифицированной системе признаков, отразивших существенные элементы структуры погребальной обрядности и набора погребального инвентаря, данные о которых в виде частностей реализаций признаков заносились в две матрицы, обработка которых велась раздельно. Правильность такого подхода подтверждена результатами канонической корреляции[9], показавшей, что сопряженность двух основных параметров формализованной характеристики системы – «погребальный обряд» и «погребальный инвентарь» – обусловлена не столько этнокультурными, сколько хронологическими и социальными причинами.

Структуризация модели произведена с помощью факторного многомерного статистического анализа[10] [1]*. Выделено 14 факторов (табл. 1,

[1]* Выражаю искреннюю признательность Ю.И. Магарасу за помощь в организации и проведении необходимых вычислений.

а, б), являющихся качественными критериями семантического сходства/различия между объектами (локально-временными группами), в основе которого лежали реально существовавшие закономерности и феномены[11]. Количественная характеристика модели дополнена вычислением таксономического расстояния между объектами (табл. 3; 4) по факторным структурам погребального обряда и погребального инвентаря (табл. 2)[12].

Таким образом, предлагаемый вариант модели сочетает в себе качественную и количественную характеристики этнокультурных явлений и процессов, взятых в их пространственно-временном развитии, но лишь в той степени, в которой они нашли отражение в структурах погребального обряда и инвентаря.

Приняв к сведению вышеизложенное, опираясь на сведенную в таблицы информацию, читатель может составить собственное представление о достоинствах и недостатках подхода к решению задачи. Мы же постараемся вкратце изложить наше видение результатов моделирования, сопоставляя их, по возможности, с выводами других авторов.

Первый хронологический период (VII – сер. VI вв. до н. э.).

Погребальный обряд. Из табл. 1, а и 2 видно, что для раннескифского времени системообразующими являются факторы II–IV, причем вклад последнего наименее значим. С учетом показателя сходства между группами, выраженного таксономическими расстояниями (табл. 3), внутри системы можно выделить две подсистемы – степную и лесостепную.

Степная включает в себя гр. СК, СП и ЧА, объединенные IV фактором, семантику которого можно определить как «раннескифскую» или «протоскифскую»[13]. Слабая диффузия IV фактора наблюдается в ЧБ группе. На Северном Кавказе заметен вклад III («сакского») фактора в формирование раннескифской погребальной обрядности. Видимо, через Северный Кавказ какая-то часть носителей этого среднеазиатского фактора попала и на Ворсклу (гр. ВА).

В Лесостепи погребальные традиции населения Правобережья определяются V фактором, тогда как на левом берегу Днепра почти безраздельно господствует фактор II. Появление V фактора на Средней Ворскле следует связывать с перемещением сюда создателей Западного Бельского городища, скорее всего из гр. КА на Правобережье. Несколько позднее началась миграция носителей II фактора на запад, в междуречье Днепра и Южного Буга, определившая близость структур погребальной обрядности обитателей По и КБ гр., с одной стороны, ВА и ЧБ гр. – с другой.

VI фактор, связанный с применением огня в погребальных ритуалах, видимо, присущ разным этническим традициям[14].

Погребальный инвентарь. При выяснении основных параметров данного фрагмента модели главное внимание следует обратить на I, III, IV и V факторы (табл. 1, б; 2), тогда как VI–VIII могут быть использованы в качестве вспомогательных, а II появляется позднее.

I фактор представлен лишь на Северном Кавказе (табл. 2), имеет недвусмысленную социальную окраску и за пределами ядра раннескифского политического образования не встречается.

Архаический вариант общей для восточных иранцев структуры погребального инвентаря характеризуется III фактором[15], отчетливо выраженным в Посулье, на Северном Кавказе, у саков Приаралья, на Средней Ворскле и на юге лесостепного междуречья Днепра и Южного Буга (гр. ЧБ). Нетрудно заметить, что каналами распространения этого фактора структуры погребального инвентаря служили II, III и IV факторы погребальной обрядности (табл. 2), образующие в рамках системы замкнутую сеть. Объединяющим их качеством следует признать «иранство» их носителей, но лишь один, IV, можно отождествлять с традициями ранних скифов, или «протоскифов».

Традиционным для населения Правобережной Лесостепи был V фактор, представленный в КА, ЧА, ЧБ и ВБ группах[16].

IV фактор указывает на сравнительно высокий процент женских погребений в гр. КБ и ВБ; VI и VII факторы отмечены только в Посулье и, наряду с VIII фактором (Приаралье, Средняя Ворскла, ЧБ и Ки гр.), оказываются усеченными вариантами I и III факторов.

Наибольшей «близостью» отличаются структуры погребального инвентаря лесостепных групп, за исключением КБ и По (табл. 4). В последнем случае можно с уверенностью утверждать, что различия имеют под собой не столько этническую, сколько социальную основу. Напротив, общность состава погребенных в гр. ЧБ и ВА, с одной стороны, и ВА и Ар с другой, выраженное одинаковым кодом структур погребального инвентаря, усиливает значение общности факторов погребальной обрядности.

Второй хронологический период (вт. пол. VI – сер. V вв. до н. э.).

Погребальный обряд. Рассматриваемый период – время важных качественных изменений внутри системы (табл. 1, а; 2).

Фактор	Вклад фактора (%)	Факторные загрузки признаков
а) погребальный обряд		
I	25,7	0,925 (кт) = 0,736 (СЗ/ЮВ) + 0,610 (ме) + 0,467 (гр) + 0,365 (З/В) – 0,314 (ск)
II	16,0	0,716 (гр) + 0,718 (С/Ю) – 0,414 (З/В) – 0,589 (вп) – 0,672 (го)
III	15,0	0,825 (ох) + 0,817 (СВ/ЮЗ) + 0,438 (го) – 0,531 (З/В)
IV	10,5	0,848 (ск) + 0,409 (С/Ю) – 0,846 (я)
V	8,9	0,917 (се) + 0,841 (вп) – 0,381 (го)
VI	7,3	0,880 (ог) + 0,382 (ме) + 0,352 (С/Ю) – 0,353 (З/В)
Σ = 83,4		
б) погребальный инвентарь		
I	23,1	0,911 (ко) + 0,846 (гр) + 0,774 (кп) + 0,654(дм) + 0,721 (до) + 0,428 (м-к) + 0,411 (л-с)
II	15,8	0,925 (пк) + 0,797 (ас) + 0,606 (аа) + 0,567 (н) + 0,543 (к-д) +0,489 (до) + 0,450 (л-с)
III	11,4	0,889 (кс) + 0,862 (на) + 0,664 (б-кн) + 0,663 (кб) + 0,467 (т) + 0,423 (к-д)
IV	8,7	0,861 (б) + 0,855 (с-п) + 0,765 (пр)
V	7,7	0,886 (бк) + 0,644 (лп) – 0,463 (дм) – 0,518 (кж) – 0,528 (л-с)
VI	5,0	0,846 (пе-бр) + 0,460 (б-кн) + 0,414 (кд)
VII	4,3	0,829 (зе) + 0,605 (кж) + 0,528 (н) + 0,320 (б-кн)
VIII	3,9	0,641 (м-к) + 0,327 (т)

Табл. 1. Факторные характеристики погребального обряда и погребального инвентаря.

Условные обозначения:
а) погребальный обряд: (вп) – погребение впущено в насыпь, (го) – погребение на горизонте, (гр) – погребение ниже уровня древнего горизонта, (я) – погребение в яме, (ск) – погребение в склепе, (кт) – погребение в катакомбе, (С/Ю) – погребальная камера ориентирована север-юг, (В/З) – погребальная камера ориентирована запад-восток, (СВ/ЮЗ) – погребальная камера ориентирована северо-восток – юго-запад, (ЮВ/СЗ) – погребальная камера ориентирована юго-восток – северо-запад, (ме) – наличие в могиле белой краски, (ох) – наличие в могиле красной краски, (се) – наличие в могиле серы, (ог) – наличие в могиле следов огненного ритуала;
б) погребальный инвентарь: (лп) – лепная посуда, (н) – ножи хозяйственные, (кж) – кости животных, (пр) – пряслица, (с-п) – серьги, подвески, (бк) – булавки, (пе-бр) – перстни, браслеты, (кб) – каменные блюда, (зе) – зеркала, (б) – бусы, ожерелья, (дм) – изделия из драгоценных металлов, (ас) – античная столовая посуда, (аа) – античные амфоры, (на) – навершия, (ко) – котлы, (кп) – деревянная и металлическая культовая посуда, (гр) – гривны, (б-кн) – боевые и культовые ножи, (т) – топоры, (м-к) – мечи, кинжалы, (до) – защитный доспех, его детали, (к-д) – копья, дротики, (л-с) – лук, стрелы, (пк) – «пращевые камни», (кс) – конская сбруя, жертвоприношение коня.

В Степи появляются новые этнокультурные доминанты, выраженные I фактором – общим для причерноморских скифов и савроматов Южного Урала (процесс «савроматизации» Нижнего Дона, видимо, еще не завершился). Показательна обратная зависимость между IV («протоскифским») и I («скифо-савроматским») факторами: наличие одного предполагает отсутствие другого, что хорошо укладывается в рамки гипотезы о появлении на юге Восточной Европы новой волны ираноязычных кочевников с востока[17]. В качестве дополнительного аргумента можно привести то обстоятельство, что IV фактор вовсе не исчезает, а его носители, вытесняемые из Степи, обретают новую родину в ряде лесостепных регионов (гр. ЧБ, ВБ, По), постепенно меняя свой хозяйственный уклад под влиянием местного земледельческого населения. Это, в свою очередь, сказалось на ареале распространения II, иранского в своей основе, фактора, сохранившего самостоятельное значение лишь в Посулье. О значимости IV фактора для характеристики этнокультурного состава погребенных в гр. ЧБ и По свидетельствует показатель их сходства/различия в эвклидовом пространстве (табл. 3).

V фактор уже не встречается за пределами Ворсклинского региона. Наличие здесь III фактора определяет известное сходство погребальных традиций обитателей ядра этой региональной системы с сако-савроматскими[18] (табл. 3).

Интересная ситуация отмечается на Правобережье Днепра, где гр. КБ, КА и ЧА не имеют положительных значений факторных весов. Для КБ гр. все основные факторы имеют отрицательные

Группы и факторы	Факторные веса													
	Обряд						Инвентарь							
	I	II	III	IV	V	VI	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Ки1	0	-2	0	0	4	1	0	-1	0	0	2	0	0	1
КА1	-1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	-1	0	0
КБ1	-1	1	-1	-2	0	1	0	0	0	3	0	0	-2	-1
ЧА1	-1	-2	0	1	-1	0	0	0	0	0	1	0	-1	0
ЧБ1	0	1	0	1	2	-1	0	0	1	0	2	-1	0	1
ВА1	0	1	1	0	1	0	-1	0	1	0	1	0	0	1
ВБ1	0	1	0	0	0	-1	0	0	-1	1	2	0	-1	-1
По1	-1	2	0	0	0	1	-1	0	4	-1	0	2	1	0
СП1	0	-2	-1	1	-1	1	0	-1	0	-1	-1	-1	-1	0
СК1	0	-1	1	2	-1	1	1	0	3	0	-2	-2	-1	-1
Ар1	0	-1	4	0	-1	0	-1	-1	0	0	0	0	-1	1

КА2	0	0	-1	0	0	0	0	0	-1	-1	0	1	0	0
КБ2	-1	-1	-1	-1	-1	0	0	2	0	-1	-1	-1	0	-1
ЧА2	-1	0	-1	0	0	0	0	-1	0	0	0	0	-1	1
ЧБ2	0	0	0	1	0	-1	0	3	0	0	0	-1	0	0
ВА2	0	0	1	-1	1	0	-1	0	0	0	0	0	0	0
ВБ2	-1	0	1	1	1	-2	0	-1	-1	-1	1	0	-1	0
По2	-1	1	0	2	-1	-1	1	1	1	0	2	2	0	0
СП2	2	0	-1	0	0	-1	2	1	0	-1	0	0	-1	2
НД2	-1	0	0	-2	0	-1	0	-1	0	-1	0	-1	0	0
ЮУ2	1	0	1	0	0	0	0	-1	0	0	-1	0	2	-1
Ар2	-1	-1	1	-1	0	-1	0	-1	0	-1	-1	0	-1	-1

КА3	0	0	0	-1	0	1	0	1	-1	-1	0	1	-1	0
КБ3	0	0	-1	0	0	0	-0	1	-1	0	0	0	2	-2
ЧА3	0	-1	-1	-1	-1	0	-1	0	0	2	-1	0	0	0
ЧБ3	2	0	-1	1	0	-1	0	2	0	1	0	0	0	0
ВА3	1	1	0	-1	0	0	0	1	0	1	-2	0	0	2
По3	-1	1	-1	2	-1	1	4	-1	0	0	1	0	1	-1
СД3	0	1	-1	0	-1	2	0	0	-1	-1	-2	2	-2	0
СП3	2	0	-1	0	0	-2	4	0	0	2	-1	1	0	0
НД3	0	1	-1	-1	0	-1	0	0	0	0	-1	0	2	1
ЮУ3	4	1	1	0	0	2	0	-1	-1	1	-1	0	1	1

Табл. 2. Факторная характеристика локальных групп погребений.
Условные обозначения см.: рис. 1, г, д.

значения, что формально должно было бы вывести ее за рамки моделируемой системы. Однако, на наш взгляд, такой вывод был бы преждевременным. Скорее всего, мы имеем дело с компактной группой кочевников, не успевших раствориться в среде «протоскифов»,[19] и попавшей в глубины Лесостепи вместе с волной носителей IV фактора.

Очень близки тяготеющие к Днепру гр. КА и ЧА, покинутые основной массой обитавших здесь ранее «протоскифов». Нулевые значения большинства факторов (табл. 2; 3) указывают на смешение носителей различных этнокультурных традиций, ни одна из которых не стала системообразующей.

Погребальный инвентарь (табл. 1, б; 2). С развитием греко-варварских связей и торговых отношений в Скифии складывается новый вариант структуры погребального инвентаря, представленный II фактором[20]. Он наиболее выражен в локальных группах междуречья Днепра и Южного Буга, в Посулье и у степных скифов. В Лесостепи пространственное распределение этого фактора полностью совпадает с линией одной из важнейших сухопутных коммуникаций древ-

Группа	Ки1	КА1	КБ1	ЧА1	ЧБ1	ВА1	ВБ1	По1	СП1	СК1	Ар1	КА2	КБ2	ЧА2	ЧБ2	ВА2	ВБ2	По2	СП2	НД2	ЮУ2	Ар2	КА3	КБ3	ЧА3	ЧБ3	ВА3	По3	СД3	СП3	НД3	ЮУ3
Ки1	0	58	81	80	62	67	81	84	78	87	99	70	83	72	75	60	75	94	75	81	69	67	69	71	81	77	80	95	90	88	84	99
КА1		0	43	45	34	26	30	37	52	52	71	26	40	21	30	26	37	48	52	37	37	34	30	26	43	54	40	52	45	58	37	85
КБ1			0	69	66	50	48	26	67	77	90	40	37	37	60	45	74	71	64	37	56	54	30	40	43	75	40	72	40	72	51	88
ЧА1				0	67	60	54	66	26	34	66	43	37	40	40	56	54	26	62	58	50	43	50	43	40	60	56	30	43	7	62	97
ЧБ1					0	30	34	50	72	66	84	43	67	45	34	43	34	50	50	58	45	56	54	43	64	48	48	60	67	52	45	84
ВА1						0	26	34	66	62	62	37	56	40	34	21	40	50	50	45	26	43	34	21	54	52	30	56	52	56	40	81
ВБ1							0	37	60	56	71	26	45	30	21	34	37	37	37	37	45	40	37	26	43	43	26	50	50	40	51	77
По1								0	67	60	80	40	34	37	48	45	60	48	64	52	48	58	37	40	56	66	40	40	34	72	43	80
СП1									0	37	80	40	40	43	48	62	71	60	56	67	52	56	48	40	37	54	62	64	50	66	64	95
СК1										0	56	50	58	52	43	58	60	48	64	43	43	50	52	50	37	54	62	45	54	72	71	77
Ар1											0	78	78	80	80	58	37	77	60	71	52	54	67	48	77	87	67	87	81	89	86	92
КА2												0	30	15	21	37	50	45	34	40	34	43	26	0	26	37	30	43	37	73	26	75
КБ2													0	26	45	48	64	58	54	34	50	34	34	30	15	60	48	56	37	60	40	94
ЧА2														0	30	40	48	43	48	37	43	40	30	15	30	50	40	40	40	54	30	88
ЧБ2															0	40	48	30	37	48	26	40	43	26	43	34	40	45	54	40	30	80
ВА2																0	45	62	50	34	26	30	26	37	45	56	30	67	56	56	40	72
ВБ2																	0	43	60	52	40	48	50	60	50	64	58	78	78	58	67	100
По2																		0	60	64	52	52	60	45	60	54	58	34	58	62	52	95
СП2																			0	58	56	58	48	34	43	15	34	66	58	15	37	64
НД2																				0	48	26	37	40	37	66	40	72	62	58	30	95
ЮУ2																					0	40	30	34	43	40	40	58	50	45	43	56
Ар2																						0	40	43	43	56	48	71	67	60	45	94
КА3																							0	26	26	54	26	54	30	58	37	67
КБ3																								0	26	37	30	43	37	56	30	75
ЧА3																									0	50	40	58	45	50	37	83
ЧБ3																										0	42	60	58	21	45	66
ВА3																											0	60	58	12	26	85
По3																												0	36	58	60	88
СД3																													0	58	50	69
СП3																														0	40	75
НД3																															0	83
ЮУ3																																0

Табл. 3. Матрица межгрупповых расстояний в эвклидовом пространстве по факторным структурам погребального обряда (в % от максимального).

Условные обозначения см.: рис. 1, г, д.

Группа	Ки1	КА1	КБ1	ЧА1	ЧБ1	ВА1	ВБ1	По1	СП1	СК1	Ар1	КА2	КБ2	ЧА2	ЧБ2	ВА2	ВБ2	По2	СП2	НД2	ЮУ2	Ар2	КАЗ	КБЗ	ЧАЗ	ЧБЗ	ВАЗ	ПоЗ	СДЗ	СПЗ	НДЗ	ЮУЗ
Ки1	0	29	68	29	29	29	41	79	50	87	39	29	71	29	46	39	53	48	56	39	60	56	53	70	58	56	38	80	77	60	55	50
КА1		0	58	21	25	29	33	77	39	68	39	39	55	33	46	25	25	53	53	25	46	44	44	53	46	39	58	64	71	53	46	44
КБ1			0	50	67	65	46	99	65	77	60	70	71	56	71	56	65	73	91	70	76	76	79	79	41	53	55	87	74	44	80	65
ЧА1				0	33	29	29	41	39	71	33	33	50	25	50	25	25	44	48	33	56	33	33	60	46	39	60	89	71	48	55	50
ЧБ1					0	25	48	74	55	76	41	55	56	41	56	41	46	50	55	38	65	58	53	71	60	48	65	73	86	58	56	60
ВА1						0	50	74	48	90	25	44	58	29	55	25	44	48	56	39	56	53	48	64	46	44	55	83	71	56	46	50
ВБ1							0	96	55	64	56	48	65	48	62	44	56	53	70	53	67	70	46	60	53	48	77	84	71	56	71	62
По1								0	83	81	67	77	83	77	89	68	86	87	90	77	74	77	83	87	81	79	86	100	91	83	73	89
СП1									0	56	36	29	48	29	39	36	36	74	62	21	53	21	46	68	60	58	70	71	53	58	53	48
СК1										0	67	84	74	70	74	70	84	91	79	64	73	73	84	74	83	73	74	87	87	736	71	83
Ар1											0	46	64	21	67	29	29	62	58	36	58	33	50	74	44	55	53	87	58	55	53	48
КА2												0	48	36	36	29	33	50	50	36	46	36	21	50	53	46	56	70	44	50	44	44
КБ2													0	60	29	44	58	83	60	48	56	48	29	48	58	39	58	83	65	64	55	65
ЧА2														0	64	29	41	58	48	51	53	36	41	71	44	50	48	73	50	46	62	39
ЧБ2															0	48	67	64	65	60	70	67	48	56	58	25	55	87	77	87	58	68
ВА2																0	36	55	58	29	41	36	36	46	33	36	48	79	56	39	39	39
ВБ2																	0	58	68	36	36	50	65	60	60	58	70	70	70	692	60	44
По2																		0	48	65	71	68	48	71	70	50	76	67	76	58	68	73
СП2																			0	55	77	62	46	87	73	55	53	70	64	62	60	64
НД2																				0	41	29	46	48	53	55	60	67	64	58	44	44
ЮУ2																					0	46	62	41	48	58	60	67	73	48	33	39
Ар2																						0	41	58	53	58	64	73	74	55	59	53
КАЗ																							0	58	56	41	56	79	39	55	56	56
КБЗ																								0	56	29	76	84	76	65	53	60
ЧАЗ																									0	39	29	87	65	33	46	36
ЧБЗ																										0	46	79	67	29	48	53
ВАЗ																											0	92	62	46	29	29
ПоЗ																												0	83	67	74	68
СДЗ																													0	60	71	65
СПЗ																														0	48	39
НДЗ																															0	29
ЮУЗ																																0

Табл. 4. Матрица межгрупповых расстояний в эвклидовом пространстве по факторным структурам погребального инвентаря (в % от максимального).

Условные обозначения см.: рис. 1, г, д.

ности и средневековья – Черным шляхом, переходившим на Левобережье в Бакаев, соединявшей Приднепровскую Лесостепь с низовьям Южного Буга[21]. В Посулье и Степи данный фактор сопутствует I фактору, представляющему структуру престижного погребального инвентаря иранской (иранизированной) знати и аристократии.

В Посулье, кроме перечисленных выше, сохраняются III и V факторы, представляющие архаические структуры восточноиранского и правобережного лесостепного наборов погребального инвентаря, хорошо выражен редкий за пределами региона VI фактор. В результате, здесь оказываются представленными все варианты факторных структур погребального инвентаря, в том числе архаические. С учетом данных об особенностях погребальных традиций (табл. 2), можно заключить, что в среднескифское время Посульский регион становится местом захоронения какой-то части иранской или иранизированной лесостепной знати и аристократии, их ближайшего окружения.

VII и VIII факторы наиболее выражены у скифов и савроматов.

Отметим деструктуризацию погребального инвентаря обитателей Средней Ворсклы, что нужно оценивать на фоне расцвета посульских некрополей, а так же стремление «выйти» за рамки модели клонящихся к упадку саков Приаралья, невыразительность инвентаря в погребениях Нижнего Дона.

Ближайшими «соседями» в эвклидовом пространстве (табл. 4) являются монофакторные ЧБ и КБ гр., имевшие наивысшие значения II фактора.

Третий хронологический период (вт. пол. V – IV вв. до н. э.).

Погребальный обряд (табл. 1, а; 2). В позднескифское время общие черты погребальной обрядности скифов и савроматов продолжают характеризоваться I фактором. Происходит активная «скифизация» ЧБ гр. (табл. 3), фиксируется проявление этого фактора и в Ворсклинском регионе, сопровождаемое появлением на его территории отдельных погребений в катакомбах[22].

Захоронения по степному обряду известны и в других локальных группах Приднепровья[23], за исключением Посульской, но лишь в ЧБ и ВА гр. I фактор, хотя и в разной степени, стал неотъемлемой частью местной структуры погребальной обрядности. На этом фоне интересно проследить распределение IV («протоскифского») фактора, доживающего в Лесостепи вплоть до конца скифской эпохи: если в ЧБ гр. – и только здесь (!) – он сочетается с I («скифо-савроматским») фактором, то в Посулье, как и в предыдущем хронологическом периоде (табл. 2), со II фактором. Теперь II фактор объединяет левобережные лесостепные и савроматские группы памятников. Столь быстрое восстановление и ареал этого фактора на фоне упрочения контактов Левобережья Днепра с савроматским миром можно рассматривать как еще одно свидетельство в пользу его иранской, но не скифской, этнической атрибутации Левобережья. Для левобережно-савроматского круга памятников более характерен и VI фактор.

V фактор (архаический правобережный) больше не встречается, а III (сакский) отчетливо фиксируется лишь у савроматов Зауралья.

Процесс скифизации ЧБ гр. вызвал активные перемещения населения в соседних регионах Правобережной Лесостепи. На рубеже среднего и позднескифского хронологических периодов обитатели КБ гр. мигрируют в ЧА гр., население КА гр. занимает освободившуюся территорию и принимает к себе часть выходцев из гр. ЧА (табл. 3). В итоге этих микромиграций, общая ситуация в этой части Правобережья почти неотличима от фиксируемой во втором хронологическом периоде (табл. 2), с той лишь разницей, что теперь отрицательные значения основных факторов характеризуют ЧА гр., а погребальная обрядность населения гр. КА-КБ не структурирована по отношению к системе. Просматривается тенденция: усиление позиций кочевников на юге Правобережной Лесостепи во втором и третьем хронологических периодах сопровождалось дестабилизацией этнокультурной и, скорее всего, политической ситуации в более северных районах этой части Приднепровья.

Погребальный инвентарь (табл. 1, б; 2). В третьем хронологическом периоде действие I фактора несколько ослабевает в Степи, зато усиливается в Посулье, где, несмотря на общее сокращение количества погребений, все еще хоронят знать и аристократию соседних лесостепных регионов. В Посульско-Ворсклинском Левобережье и у савроматов локализуются VII и VIII факторы; V фактор сохраняется лишь в Посулье, а III уже нигде не прослеживается. II фактор исчезает в Посулье, но проявляется на Ворскле и в КА гр., как и ранее хорошо выражен в междуречье Днепра и Южного Буга.

IV фактор, отражающий высокий процент женских погребений, хорошо коррелирует с I «скифо-савроматским» фактором погребальной обрядности[24].

В итоге можно заключить, что динамика развития моделируемой системы и ее своеобразие на каждом из хронологических «срезов» определяются прежде всего взаимодействием различных,

но иранских в своей основе, этнокультурных компонентов: автохтонов Левобережья, бывшего западной оконечностью массива индо-иранских племен Евразии[25], саков, «протоскифов», скифов, савроматов и, возможно, других менее выразительных групп, не поддающихся четкой идентификации. Прямая экспансия кочевников, сопровождавшаяся вытеснением местного населения, затрагивала лишь южные регионы Правобережной Лесостепи, но косвенно провоцировала перманентную нестабильность на севере этой области Среднего Приднепровья.

Особенностью Левобережья было длительное сосуществование различных, стереотипов погребальной обрядности, превращение Посулья в огромный некрополь иранской (иранизированной) лесостепной знати и аристократии, традиционные и тесные связи с сако-савроматскими просторами Великой Степи. Не случайно именно здесь, на Средней Ворскле, возник центр, концентрирующий, как в фокусе, основные качественные параметры системы – город Гелон[26].

Література

1. Ковалевская В.Б. Археологическая культура – культурные традиции и инновации // КСИА. – М., 1990. – Вып. 201. – С. 9 и сл.
2. Renfrew C. Before Civilization – N.-Y., 1973. – P. 18–19.
3. Черносвитов П.Ю. Методические приемы моделирования, реконструкций в археологии // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 20.
4. Новик И.Б., Мамедов Н.М., Давтян Н.А. Логика научного познания и метод моделирования // Философско-методологические основания системных исследований: Системный анализ и системное моделирование. – М.: Наука, 1983. – С. 161.
5. О наших предыдущих шагах в этом направлении см.: Бойко Ю.Н., Малинковский В.Б. Моделирование процессов этно-социального развития населения Приднепровской Лесостепи скифского времени по материалам погребений // Киммерийцы и скифы: ТД конф. – Мелитополь, 1992. – С. 14–15; Бойко Ю.Н. Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени (фрагмент динамико-дистанционной модели) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: ТД конф. – Запорожье, 1994. – С. 22–24.
6. Plut. Sol. X; Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). – Л.: Наука, 1986. – С. 6–16; Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. – М., 1986. – № 1. – С. 65–76; Его же. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). – М.: Наука, 1991. – С. 9–15; Добролюбский А.О. Обзор археологических интерпретаций погребальной обрядности (к истории вопроса в англоязычной археологической литературе) // Исследования социально-исторических проблем в археологии. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 107–118; и др.
7. Herke H.G. Settlement Types and Patterns in the West Halstatt Province // BAR. – Int. Ser. – Oxford, 1979. – V. 57; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – Рис. 25; Бойко Ю.Н. Системный подход к изучению общественного развития населения Днепровского лесостепного Левобережья в VII–III вв. до н. э. // ВХУ. – Харьков: Вища школа, 1985. – №286. – С. 84–87; Его же. Социология восточноевропейского города I тыс. до н. э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени) // Древности. – Харьков, 1994. – Вып. 1. – С. 30–32, рис. 1. В Ворсклинском регионе один центр, Бельское городище, относится к двум локальным группам памятников, слившимся в один социальный организм.
8. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). – К.: Наук. думка, 1989. – С. 5 и сл.; Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – М., 1992. – № 3. – С. 86–107.
9. Справочник по прикладной статистике / Ред. Ллойд Э. – М.: Финансы и статистика, 1990. – Т. 2. – С. 229–234.
10. Григорьев С.Г., Перфилов А.М., Левандовский В.В., Юнкеров В.И. Пакет прикладных программ STATIGRAFICS на персональном компьютере. – СПб., 1992. – С. 31–40, 70–81; опыт применения многомерного статистического анализа материалов погребений см.: Wilson D. The New Archeology. N.-Y., 1976. – P. 216–219, 236; Буйнов Ю.В., Кузьменко А.С. Опыт применения многомерного анализа данных о погребальном обряде для реконструкции социальной структуры населения Среднего Приднепровья в VII–VI вв. до н. э. // ВХУ. – Харьков: Вища школа, 1985. – № 286. – С. 129–137.
11. Андрукович П.Ф. Заметки о факторном анализе // Многомерный статистический анализ и вероятностное моделирование реальных процессов. – М.: Наука, 1990. – С. 52–53.

12. См. напр.: Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 27–28.
13. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. – К.: Наук, думка, 1990. – С. 24–25, 69.
14. Ольховский В.С. Поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии ... – С. 152.
15. Ср.: Мурзин В.Ю. Указ. соч. – С. 16, 26.
16. Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии. – МИА. – М.: Наука, 1971. – № 177. – С. 23; Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. – САИ. – М.: Наука, 1978. – Вып. Д 4–5. – С. 7, 20; Скорий С.А. Курган Переп'ятиха: До етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 88; и др.
17. Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. – М., 1991. – № 1. – С. 149–150; Алексеев А.Ю. Скифская хроника. – СПб., 1992. – С. 7, 111–112. Критику см.: Яценко И.В. К истории населения степной Скифии и его культуры в V–IV вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии ... – С. 207–208,
18. Об участии саков Приаралья в формировании погребальной обрядности савроматов, отраженном и в нашей модели (табл. 2), см.: Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 118–119, 278; Вишневская О.А., Итона М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии ... – С. 200, 207; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. – М.: Наука, 1973. – С. 131; и др.
19. Мурзин В.Ю. Указ. соч. – С. 15 и сл.
20. Высокий значимый коэффициент корреляции признака «пращевые камни» (в среднем 0,50) с другими признаками этого фактора, причем не только в погребальных, но и на усадебных комплексах, позволяет согласиться с предположением о невоенном назначении большей части «сфероидов». См.: Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. – К.: Наук. думка, 1989. – С. 79–80.
21. Русов А.А. Русские тракты в конце XVII – начале XVIII веков. – К., 1876. – Приложение: Карта местностей, упоминаемых в рукописи, с обозначением трактов.
22. Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. – К., 1994. – С. 20, рис. 30; Шрамко Б.А., Бойко Ю.Н. Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерлы // ВХУ. – Харьков: Вища школа, 1988. – Вып. 316. – С. 102–103, рис. 3.
23. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. // САИ. – М.: Наука, 1967. – Вып. Д 1–4. – С. 16, 52; Ковпаненко Г.Т. и др. Указ. соч. – С. 43, 46, табл. 8.
24. Преобладание женщин среди погребенных в катакомбах Лесостепи указывает на мирный характер проникновения скифов. См.: Бойко Ю.Н. Скифские погребения в Лесостепи (к вопросу об интерпретации) // Первая Сумская областная научная историко-краеведческая конференция: ТДС. – Сумы, 1990. – С. 21–22.
25. Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. – М., 1984. – № 1. – С. 91, 93–100; Берестнев С.И. Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского Лесостепного Левобережья в начале раннего железного века // РА. – М., 1994. – № 3. – С. 136–137, рис. 9.
26. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – К.: Наук. думка, 1987. – С. 19–25, 156–163.

Вперше опубліковано:
Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи // Зб. наук. пр. – Полтава, 1996. – С. 268–279.

Храм міста Гелон

The Gelon city temple

Храм города Гелона

Город Гелон – (городище у с. Бельск на Полтавщине) – уникальный памятник VII–III вв. до н. э., центр Ворсклинского региона Днепровского Левобережья. Здесь обитали оседлые земледельцы, достигшие уровня государственности и раннеклассовых отношений[1].

Гелон – единственный город эпохи раннего железа в украинской Лесостепи, описанный Геродотом: «Длина стены с каждой стороны 30 стадиев; она высока и целиком из дерева; дома у них (жителей Гелона. – *Ю.Б.*) деревянные и храмы. Там есть храмы эллинских богов, украшенные поэллински деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности – это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском»[2].

Многолетние исследования Бельского городища под руководством Б.А. Шрамко подтвердили правильность сообщения Геродота о размерах поселения, устройстве оборонительных сооружений и характере домостроительства[3]. С помощью археологии хорошо определяется гетерогенный культурный состав населения города и региона, в чем отразилась этническая неоднородность обитателей Левобережья Днепра скифского времени. В формировании этого населения приняли участие носители позднесрубной, «киммерийской» и бондарихинской культур рубежа эпох бронзы – раннего железа, а также группы западного фракийского происхождения. Отмечаются контакты с белогрудовской, чернолесской, лужицкой, высоцкой, юхновской, савроматской культурами и Кавказом. В VI в. до н. э. становятся заметными культурные связи со степными скифами, несколько ранее, в конце VII в. до н. э., установились тесные отношения с греческими городами Северного Причерноморья[4].

Судя по данным гидронимики, ведущая роль в этнокультурной консолидации местного населения принадлежала индоиранцам – обитателям этой территории с древних времен. В отличие от Днепровского Правобережья, древнеиранские (отчасти – индоиранские) названия рек доминируют в Левобережной Лесостепи вплоть до бассейнов Десны, Сейма и границы лесов; далее, на север, восток и юго-восток преобладают гидронимы балтского и финно-угорского происхождения[5].

Не ясным остается вопрос о наличии в Гелоне храмов «эллинских богов», степени развития дионисийского культа, а в более широком смысле – об «эллинстве» самих гелонов. Открытия

последних лет позволяют перейти к поэтапному разрешению этой проблемы[6].

В 1984–1985 гг. к северо-востоку от центральной площади Восточного укрепления Бельского городища были обнаружены остатки строительного комплекса конца V–IV в. до н. э., включавшего деревянное здание столбовой конструкции, пять жертвенников и яму с обломками культовых предметов (рис. 1, 1).

От деревянной постройки сохранилась 31 столбовая яма; не менее пяти ям были уничтожены современным перекопом, однако места их расположения можно реконструировать (см. ниже). Это сооружение отличается способом возведения, пропорциями, планиметрическим абрисом от всех известных ранее на Бельском городище[7].

Один из глинобитных жертвенников был устроен внутри здания, ближе к тыльному северо-западному фасаду. Четыре других находились на площадке перед юго-восточным фасадом, разделенным тремя округлыми нишами. Все жертвенники типичны для Восточного Бельского городища: это невысокие земляные столбы усеченно-конической формы, увенчанные круглой вымосткой из обожженной глины. Как правило, их высота и верхний диаметр не превышали 0,3–0,5 м[8].

К северной стороне здания примыкала обширная, но неглубокая яма, в заполнении которой найдены культовые изделия из обожженной глины: антропоморфные статуэтки, фаллические изображения, модели хлебцев, светильники ладьевидной формы, миниатюрные сосудики, черпачок. Подобные комплексы, соотносимые с культом плодородия, встречаются на других лесостепных поселениях[9]. Несколько забегая вперед отметим, что сходные по устройству жертвенные ямы-фависсы были важным атрибутом и древних греческих святилищ хтонических богов и героев[10].

Приведенные данные указывают на сакральный характер комплекса, позволяют перейти к изучению его пространственной организации, семантики, назначения. Исследуя проблему, мы можем опираться, как было показано выше, на широкий круг сопоставлений с религиозными воззрениями, мифами, обрядами народов индоиранской общности, оказавшей существенное влияние на формирование идеологии местного населения эпохи раннего железа[11].

Сразу же отметим, что поиск возможных аналогий среди культовых сооружений Старого Света I тыс. до н. э. не увенчался успехом. Замечено лишь отдаленное сходство центральной части бельской постройки столбовой конструкции и фракийского святилища на городище Бутучены в Молдавии[12].

Намного больший интерес вызывает обнаруженное типологическое подобие главных планиметрических особенностей здания на Восточном Бельском городище и скены италийского варианта античного греческого театра с тремя округлыми нишами на переднем фасаде[13] (рис. 1, 2). В классическом греческом театре из камня (по известиям древних авторов, театры долго строили из дерева) скена с тремя входами была оформлена несколько иначе, согласно традициям греческой архитектуры, предпочитавшей прямоугольные формы округлым. Но и здесь выделяется главный отличительный признак скены, продиктованный ее функциональным назначением, а именно расположение развернутого к зрителям фасада с продольной, а не поперечной стороны здания[14].

Закономерен вопрос: столь неожиданное внешнее сходство удаленных, как принято считать, в культурном и географическом отношениях памятников театральной античной архитектуры и постройки «варваров» на Бельском городище случайно, или же обусловлено важными для обеих цивилизаций общими принципами? Ответить на него нам поможет, в частности, сравнительный системный анализ пространственных структур, обладавших сходными внешними признаками.

В сочинении римского архитектора, механика и ученого-энциклопедиста I в. до н. э. Марка Витрувия Поллиона приведены два варианта планировки античных театральных комплексов: римский (латинский) и греческий. Различия между ними сводятся к тому, что в первом для разметки площадки использовалась система из четырех прямоугольников, вписанных в круг, а во втором – три квадрата и три окружности с разными центрами. В результате орхестра греческого театра получалась более обширной, просцениум уже, а глубина скены большей, чем у латинского, что было вызвано некоторыми особенностями организации самого зрелища[15]. «Кто пожелает воспользоваться этими наставлениями, сможет строить совершенно безупречные театры», – подчеркивал автор трактата по античной архитектуре[16].

Справедливость этого утверждения ставится под сомнение некоторыми современными исследователями. Например, Д.П. Каллистов, отрицая наличие идеальной общегреческой схемы планировки театра, ссылается на разнообразие архитектурно-композиционных решений для разных памятников данного вида[17]. С этим трудно не согласиться хотя бы потому, что ни один собственно

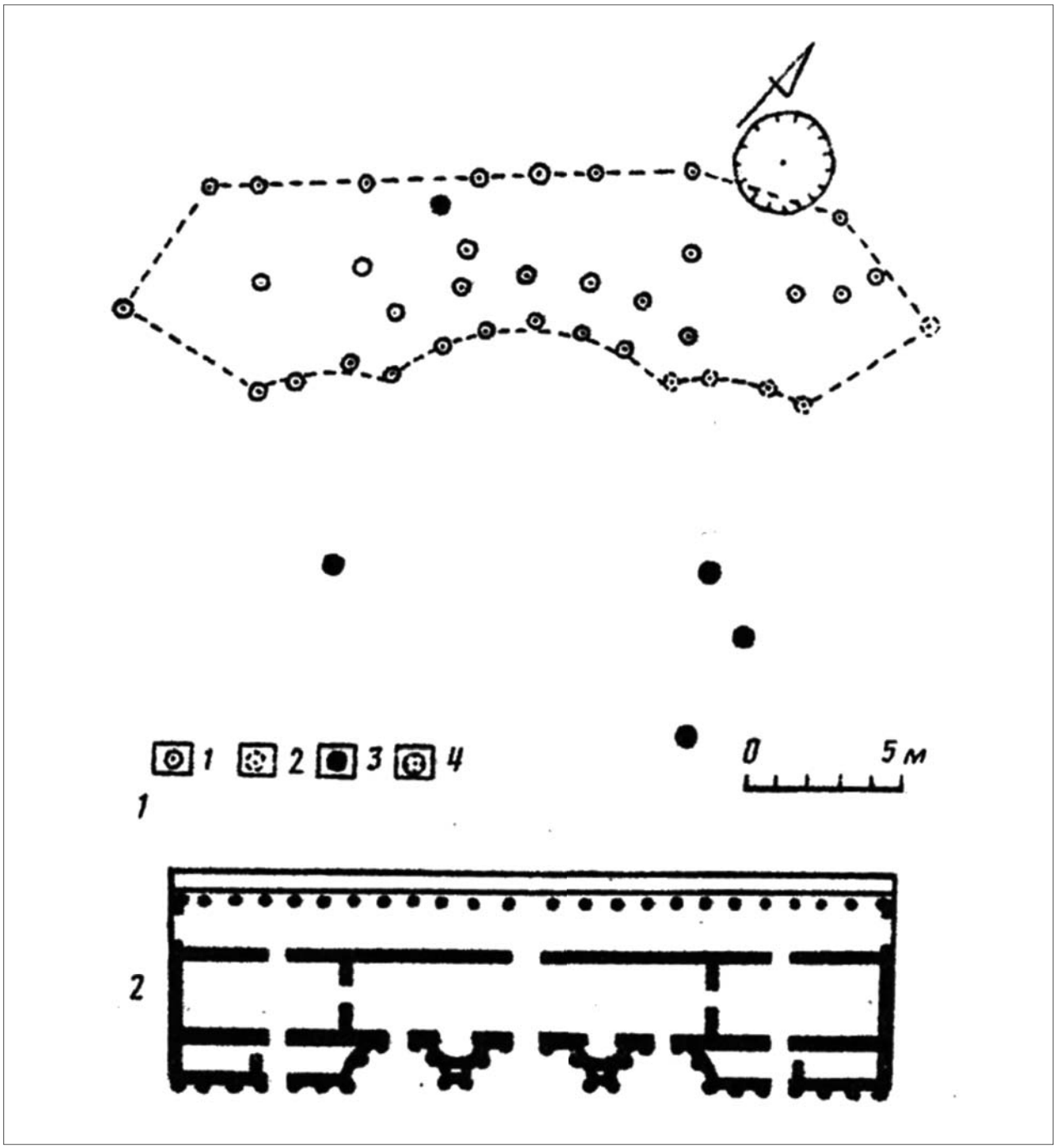


Рис. 1. 1 – План святилища – V–IV вв. до н. э. на Восточном укреплении Бельского городища.
Условные обозначения: 1 – столбовые ямы; 2 – несохранившиеся столбовые ямы; 3 – жертвенники; 4 – культовая яма; 5 – Скена италийского театра близ Виченце (по. Д. Барбаро)

греческий театр не сохранился в первозданном виде, все доступные нашему наблюдению носят следы многочисленных позднейших переделок и разрушений. Однако нельзя не учитывать и тот факт, что театры, детально соответствовавшие обеим схемам Витрувия, все же существовали. В Италии, например, они изучены и описаны Даниеле Барбаро[18].

Видимо, говоря о «совершенно безупречных» театрах, Витрувий подразумевал нечто большее, чем видится его критикам. Известно, что стремление к геометризации пространства было связано, в частности, с пифагорейским учением о «космической гармонии», приверженцем которого являлся и сам Витрувий. Взгляды пифагорейцев тесно смыкались с представлениями орфиков

о «мировой душе» – Дионисе, причем сам театр сохранял некоторые черты храма этого божества на протяжении всей античности[19].

Масштабное графическое сопоставление планов Витрувия с планом деревянного бельского святилища показывает, что в основе последнего лежала схема, если не идентичная, то весьма сходная с вариантом разметки греческого театра. Читатель может в этом удостовериться, сравнив рис. 2 и 3. Мы же остановимся на тех признаках, которые существенны для оценки степени тождества (различия) обеих систем и постараемся придерживаться логической последовательности операций, рекомендуемых Витрувием для *правильной* организации театрального архитектонического пространства[20].

1. Сначала должно выбрать и наметить главный центр будущего сооружения, где мог быть установлен жертвенник Диониса. Из этой точки (О) проводилась основная окружность, отмечавшая границу орхестры (рис. 2). В нашем случае она фиксируется дугой, вдоль которой были расставлены столбы средней ниши здания (рис. 3).

2. В центральный круг вписывали три квадрата таким образом, чтобы углы их, касаясь окружности, делили ее на 12 равных частей (рис. 2). В нашем случае квадраты маркированы жертвенниками Г и В (точки пересечения сторон), Д, а также столбовыми ямами 135, 138 (вершины углов) (рис. 3).

Сторона одного из квадратов (КЛ), продолженная вправо и влево, определяла линию просцениума (МН) в греческом театре (рис. 2), а в нашем случае – переднюю линию фасада (143–143а), если не считать «просцениумом» пространства округлых ниш (рис. 3).

3. Через центр О следовало провести линию, параллельную КЛ, до пересечения с центральной окружностью. Точки пересечения служили центрами двух других окружностей, правой и левой, с радиусами, равными половине диаметра центрального круга. Касательная к ним линия (ПР) обозначала передний фасад скены (рис. 2). В нашем случае центрами боковых окружностей служили точки, маркированные жертвенниками Г и В, а радиусы кругов равнялись половине расстояния между ними. Срединная линия ГВ проходила через центр параллельно стороне квадрата КЛ, а также продольной оси здания (рис. 3). Дуга окружности с центром Г маркирована столбами сохранившейся боковой ниши; расположение разрушенных столбовых ям дугой можно восстановить на плане, учитывая соразмерность частей деревянной постройки относительно поперечной оси, зная центр второй боковой окружности (В) и ее радиус (ВО).

4. В греческом театре окружность радиуса ОС определяла границы театрона и глубину скены, а окружность радиуса ОП (ОР), равного диаметру центрального круга-орхестры, – крайние точки переднего фасада скены (рис. 2). В нашем случае сходные геометрические построения позволяли решать аналогичные задачи, а расположение целого ряда столбовых ям указывает на то, что в их разметке действительно была использована система концентрических окружностей разного диаметра (рис. 3).

Ряд отклонений от общей схемы выявляют особенности планировки святилища Восточного Бельского городища. Так, оси симметрии комплекса (линии ГВ и О–136–116) не были взаимно перпендикулярны, как это можно наблюдать на плане греческого театра (рис. 2, 3). Частичное отступление от принципа прямоугольной системы координат не было ошибкой зодчих города Гелона, а совершалось ими осознанно. Также преднамеренно за счет выноса к северо-северо-западу точки установки столба 142 была нарушена параллельность линии северо-западного фасада (111–151) продольной оси сооружения и стороне квадрата (КЛ). Ниже мы остановимся на причинах, побудивших строителей храма поступить таким образом. Кроме того, продолжение боковых сторон центрального квадрата определяло линии установки столбов, разграничивавших центральную и боковые части здания; внешняя линия столбов центральной ниши дублировалась внутренней, опирающейся на дугу окружности с центром О′ (рис. 3).

Несмотря на различия, становится очевидным, что отмечаемое формально-типологическое сходство большого деревянного здания древнего лесостепного Гелона и скены италийского театра не было случайным. В основу планировки храмового комплекса Бельского городища и греческого театра Витрувия были положены однотипные планиметрические системы, основанные на строгом сочетании квадратов и окружностей. Различия между ними носят второстепенный характер. Применительно к нашему случаю система выглядит даже более функциональной, поскольку все ее элементы непосредственно участвовали в организации ритуального пространства.

В дополнение к сказанному приведем еще один, по-своему уникальный, аргумент в пользу объективной достоверности реконструируемой схемы. Как известно, размерно-пространственная структура – это модульная структура, подразумевающая некий эталон измерения, а также характеристика размерности на уровне сознания, которое соотносит любые размеры с размерами человеческого тела[21].

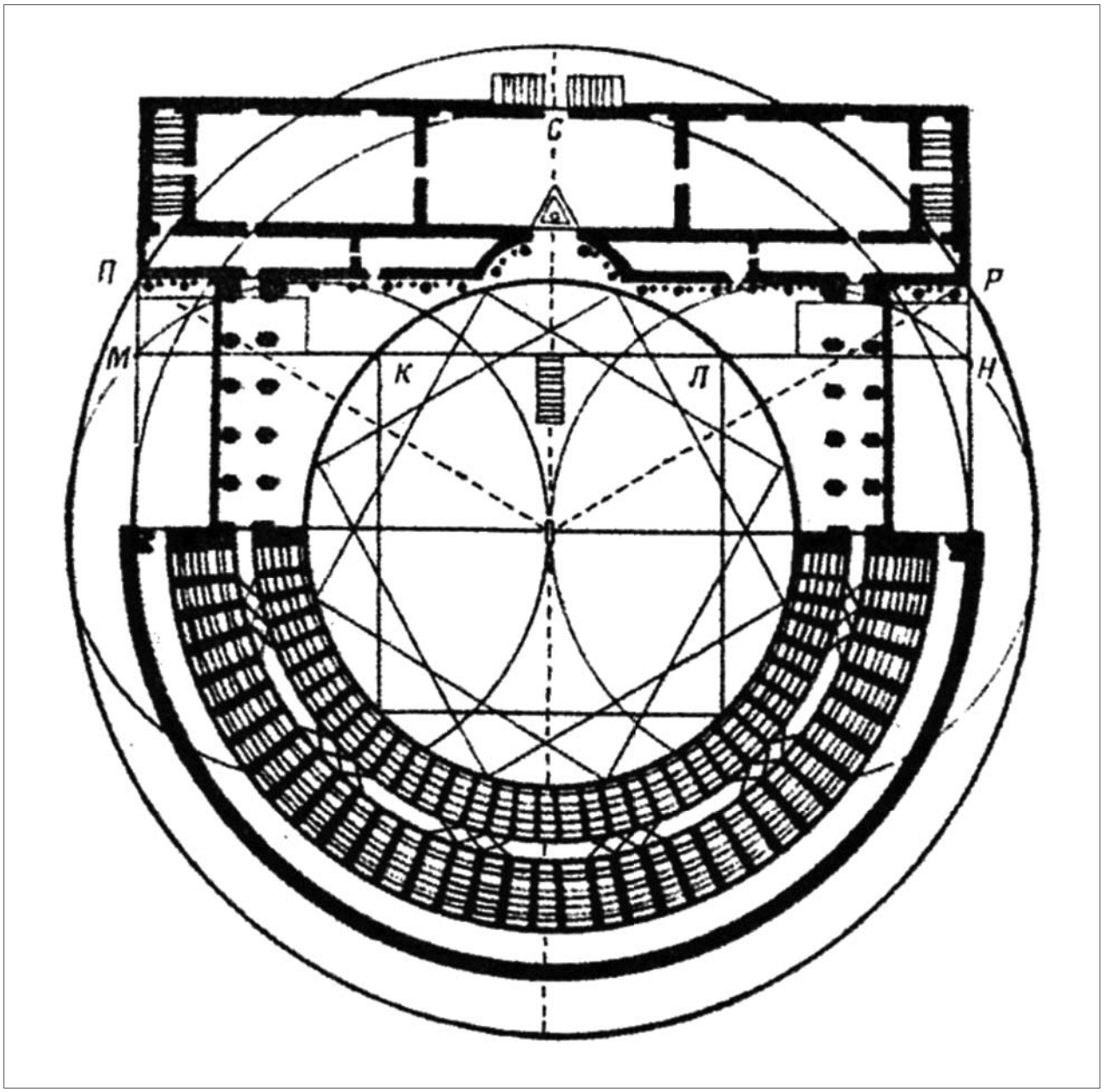


Рис. 2. Схема планировки греческого варианта италийского театра (по Витрувию – Д. Барбаро).

На Восточном укреплении Бельского городища, где расположен храм, в слоях V–IV вв. до н. э. найдена бронзовая мерная линейка («локоть») длиной 41,65 см[22], что позволяет исследовать характеристики параметров системы, введя в нее оригинальный эталон измерения древних мастеров Гелона (табл. 1). Анализируя полученные данные, трудно предположить, что строители оперировали дробными величинами. Более вероятно использование на практике не «локтя», а его половины – «пяди» (20,8 см). Десять основных промеров, выраженных в «пядях», дают, целые величины, обладающие одним общим свойством – они все кратны семи. Семь гелонских пядей (145,6 см) соответствуют двойному землемерному шагу – распространенной мере длины античности и средневековья. Естественным эквивалентом ему служит тело человека (без головы и шеи) – классический модуль античной архитектуры[23].

В целом размерно-пространственная структура исследуемого культового объекта демонстрирует не только внешнюю целесообразность, но и внутреннее единство, основанное на соразмерности с телом человека и числом 7, позволяет перейти к вопросам семантики, опираясь на анализ геометрического и числового кода[24], заложенного в схеме организации ритуального пространства

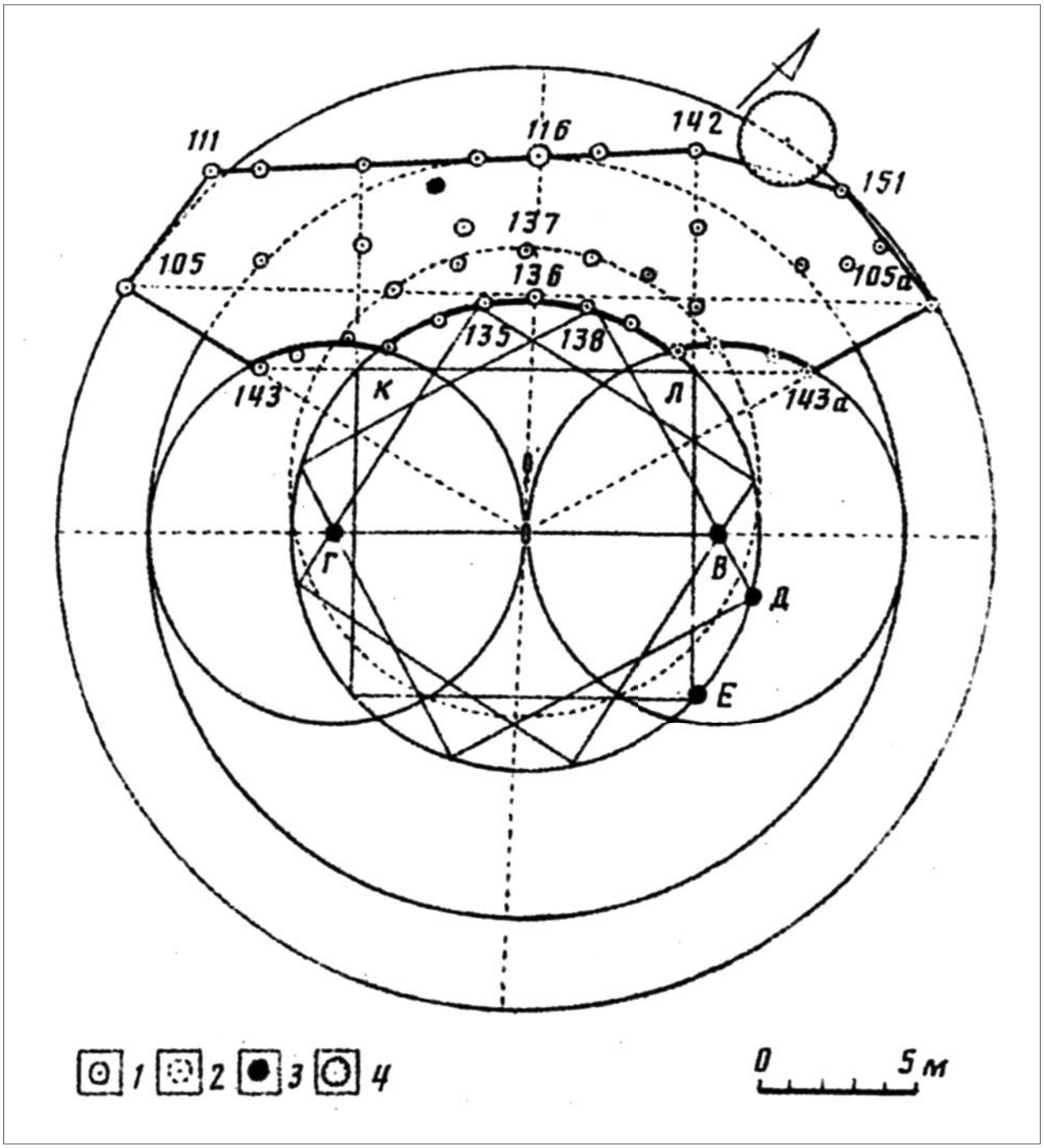


Рис. 3. Схема планировки святилища на восточном укреплении Бельского городища.

Условные обозначения: 1 – столбовые ямы; 2 – несохранившиеся столбовые ямы; 3 – жертвенники; 4 – культовая яма

святилища, ведущими знаками-символами которой являются круг и квадрат.

Как правило, круг выражает идею единства, бесконечности и одновременной законченности, высшего совершенства, ограничивает внутреннее пространство, ассоциируется с движением, числом 3, жертвенником земного огня, женским началом. Во многих традициях круг также символизирует космос и циклическую концепцию времени[25].

Рассматриваемая система содержит не просто круги, а две подсистемы, состоящие из трех кругов с разными центрами и трех концентрических окружностей. Связующим элементом между ними выступает круг, соответствующий орхестре античного театра с алтарем Диониса в центре. В ве-

Объект измерения	Расстояние в «локтях» (41,65 см)	Расстояние в «пядях» (20,8 см)
Продольная ось здания (105–105а)	59,5	119
Радиус 0–105	35,0	70
Радиус 0–116	28,0	56
Расстояние между жертвенниками Г и В	28,0	56
Сторона квадрата (КЛ)	24,5	49
Радиус 0–136	17,5	35
Радиус 0´–137	17,5	35
Радиус 0Г (0В)	14,0	28
Поперечная ось здания (116–136)	10,5	21
Расстояние между центрами 0–0´ (=136–137)	3,5	7

Табл. 1. Размеры главных элементов планировочной структуры вятилища на восточном укреплении Бельского городища (см. рис. 3).

дийской мифологии концентрические круги с общим центром – алтарем, отражали представление о структуре времени и пространства, которая была ориентирована на различие центра и периферии, на отображение повторяемости временных циклов при трехчленном делении вселенной по вертикали[26]. Сходные идеи можно обнаружить и у пифагорейцев, учение, которых демонстрирует близкое знакомство с древнеиндийской космологией[27]. У древних иранцев использование трех концентрических кругов для организации сакрального пространства воплотилось в мифологеме об одном из подвигов солнечного героя Йимы, трижды расширявшего землю[28]. Сходная, малоазийская по своему происхождению, традиция связана с этрусским темплумом – идеальным храмом, состоявшим из трех круглых ярусов – неба, земли и подземного мира, соединенных вертикальной осью вселенной. Любая часть сакрального пространства воспринималась как проекция темплума на горизонтальную плоскость[29].

Семантику трех кругов с разными центрами можно реконструировать, исходя из их прагматической функции в разметке переднего фасада скены и деревянного храма. Каждому из них соответствовала или определенная дверь, через которую появлялись актеры, или ниша, или же дверь, заключенная в нише, как в италийских театрах.

В греческом театре центральный проход скены назывался «царским», правый был предназначен для выхода «местных жителей», а левый – для появления «иноземцев» (чужаков)[30]. Левое и правое – одна из главнейших оппозиций в различных мифологиях. С правой стороной ассоциировались положительные значения, с левой – отрицательные. В символике шаманских изображений справа помещался верхний мир, слева – нижний, потусторонний. Согласно учению пифагорейцев, «наш» мир располагается вверху и справа, а мир «антиподов» – внизу и слева[31]. Центр, наделенный высшей сакральностью, часто был представлен царем-жрецом – посредником между богами, людьми и умершими. Сочетание высшей власти с отправлением жреческих функций нашло широкое распространение в различных обществах древности, в том числе и у населения Ворсклинского региона[32]. Отсюда следует, что семантика трех кругов с разными центрами, трех дверей скены, трех ниш фасада восходит к фундаментальному общечеловеческому представлению о делении мира на «свой» и «чужой», противопоставлению сакрального и мирского, воспроизводя в то же время тройственную структуру организации космоса. Это было закреплено в ритуале, частично сохранившемся в правилах и общепринятых условностях организации театрального действия античной цивилизации.

Построение центрального квадрата также имело глубокое идеологическое и ритуально-магическое значение. Согласно представлениям многих народов, квадрат символизировал порядок и статическую устойчивость мироздания, был космограммой, объединявшей все его части, ассоциировался с числом 4. В.В. Вертоградова, раскрывая семантику этого образа у древних индийцев отмечает, что «кардинальные точки, где поднимается и садится солнце, где осуществляется контакт неба и земли, фиксируют землю. Земля, находящаяся в объятиях неба, удерживается в определенном положении, становится упорядоченной. Такая земля представляется четырехугольной»[34]. Квадратную форму придавали и жертвеннику небесного огня, который ассоциировался с мужским началом[35]. О наличии сходных

представлений у степных скифов-иранцев свидетельствует упомянутый Геродотом квадратный алтарь бога войны, а также сохраненная для нас Отцом истории местная традиция, представлявшая Скифию в форме квадрата[36].

Поскольку в нашем случае речь идет о создании храма, уместно обратиться к образу квадратной Вары (ограждения, внутри которого упорядочен мир, обители блаженных, средоточию бессмертия в загробном мире) индоиранской традиции. Ее создатель Йима (индийский Яма), дабы сохранить от гибели живые существа, воздвиг ограду по всем четырем сторонам – «людям жилье, стадам убежище». Там он провел воды в русло реки, устроил дома и улицы, перенес туда семена мужчин и женщин, а также всякого скота, деревьев, плодов – по два каждого вида, чтобы сохранить неистощимыми, пока в Варе будут жить люди. Так возникла жизнь человеческих общин[37]. Как видим, кроме перечисленных выше функций космологического квадрата в индоиранской мифологеме на первый план выдвигается идея противопоставления сил жизни и смерти, защита всего живого, плодоносящего. Здесь Йима выступает не только устроителем космического порядка, но и охранителем живой природы, включая ее социальный аспект[38].

В этиологических мифах скифов сходными качествами наделен культурный герой и первопредок Таргитай: с его образом связывалось превращение прежде безлюдной пустыни в обитаемую страну (эта Скифия мыслилась уже квадратной) и начало процесса социо- и региогенеза (становления царской власти)[39].

Особая роль отводилась квадрату в ритуале. Например, в античном театре хор выстраивался четырехугольником в кругу орхестры, имея в центре жертвенник Диониса, и совершал круговые движения то в одну, то в другую сторону, отсюда можно заключать, что схема трех квадратов, повернутых под равными углами друг к другу, вытекала из самого характера театрального действия. В учении пифагорейцев образованный такими квадратами двенадцатиугольник символизировал «космическую гармонию», что вытекает из общеиндоевропейской традиции[40].

Квадрат, заключенный в круг (4+3=7), выступает ядром композиционно-семантической структуры сравниваемых комплексов – античного театра и храма города Гелона, что позволяет нам обратиться к образу *мандалы* – космограммы, известной разным народам мира. Во внешнем кольце, разделенном на двенадцать равных частей, нередко помещаются 12 *нидан* – звеньев в цепи взаимных превращений и взаимного происхождения вещей, – соотносимых также с календарными и хронологическими схемами. В ритуале божество как бы спускается в центр мандалы, моделируя тем самым вертикальную нить мироздания[41]. В самом общем виде мандала – один из графических вариантов плоскостного образа мирового дерева[42].

В процессе сооружения храма переход к вертикальной плоскости ассоциировался с установкой столбов (колонн) и жертвенников. Деревянные колонны могли ассоциироваться как с образом мирового дерева, так и с изображением самого божества, которому посвящался храмовый комплекс. Например, в Греции VIII–VI вв. до н. э., а в ряде случаев и позднее, были распространены *бетилы и ксеноны* – вертикально поставленные камни и бревна, похожие очертаниями на фигуру человека. Им поклонялись как статуям божеств даже в Афинах и в храме о. Делоса[43]. В Беотии и в ряде городов Малой Азии широкой популярностью пользовался культ Древесного Диониса, считавшегося покровителем земледельцев и садоводов. Его изображали в виде столба с бородатой доской вместо лица и головы[44]. Деревянная скульптура недолговечна*, но сходные по форме изображения из обожженной глины найдены на Бельском городище, в том числе и в жертвенной яме храмового комплекса[45].

В качестве универсального образа мира мандала обладала и важным прагматическим свойством: ее использовали для разметки древнейших мегалитических обсерваторий от Стоунхенджа на

---

* Правда, бывают и счастливые исключения. В 1993 г. в единственном захоронении кургана 16 из большого некрополя скифского времени у с. Купьеваха на северо-востоке Ворсклинского региона экспедицией под руководством С.И. Берестнева открыто уникальное погребение деревянной стелы. Прямоугольная могильная камера, ориентированная по направлению СЗ – ЮВ, имела следы поперечного бревенчатого перекрытия. На дне, с южной стороны вдоль стенки ямы, лежала деревянная стела, обращенная «лицевой» частью вниз, а «головной» на северо-запад. Под ее восточным концом и тремя небольшими скоплениями в юго-восточной части камеры обнаружены крупные фрагменты плечевой части, ручки и ножки клазоменской амфоры конца VII – начала VI вв. до н. э. Рядом компактно лежали кости конечностей теленка с коптами, видимо, от шкуры животного. Стела имела форму отесанного с четырех сторон бревна длиной 2,02 м, шириной 0,45 м и толщиной 0,13–0,22 м. Нижний конец изваяния был стесан на конус, верхний слегка заужен (до 0,35 м) и отделен от «тулова» горизонтальным пропилом глубиной 3 см. На «лицевой» части верхнего выступа сохранилось пятно желтой охры. Тыльная часть стелы была гладкой. Никаких останков людей в могиле и насыпи кургана не обнаружено (подробнее см.: [Ю.Н. Бойко, С.И. Берестнев. Погребения VII–IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). – Харьков, 2001. – С. 34–36, 62–64, 74–75]).

западе, до Тибета на востоке. Схожие по устройству святилища-обсерватории были известны фракийцам и древним славянам[47].

Античный театр классического времени утратил эту важную функцию древнего храма. Напоминает о ней лишь замечание Витрувия об астрологическом характере деления центральной окружности на двенадцать частей-направлений[48]. Напротив, храм Гелона сохранил признаки святилища-обсерватории: жертвенники и столбы располагались таким образом, чтобы маркировать основные направления восхода солнца и луны (рис. 4; табл. 2). Естественными ориентирами служили восточный и юго-восточный мысы городища (рис. 5), что указывает на органическую включенность храма в сакрально-планировочную структуру всего поселения. Длинная ось здания (105–105а), как и линия, проходящая через жертвенники Г – В, была ориентирована на точку восхода солнца в период летнего солнцестояния, а короткая (116–136) – на восход высокой луны летом. Этим объясняется отмеченное выше отступление от прямоугольной системы координат, допущенное создателями комплекса при его размещении. Вынос столба 142 к северо-северо-западу был обусловлен его назначением в системе маркеров точек стояния наблюдателей и направлений визирования.

В целом, возможности храма-обсерватории Гелона не уступали, например, знаменитому Стоунхенджу: фиксация узловых моментов солнечного и лунного циклов позволяла предсказывать лунно-солнечные затмения, вносить периодические поправки в лунный календарь, приводя его в соответствие с солнечным, для чего раз в несколько лет вставлялся дополнительный месяц. Уже в древности народы, населявшие различные части ойкумены, независимо друг от друга открыли девятнадцатилетний цикл, в течение которого вставка тринадцатого месяца должна осуществ-

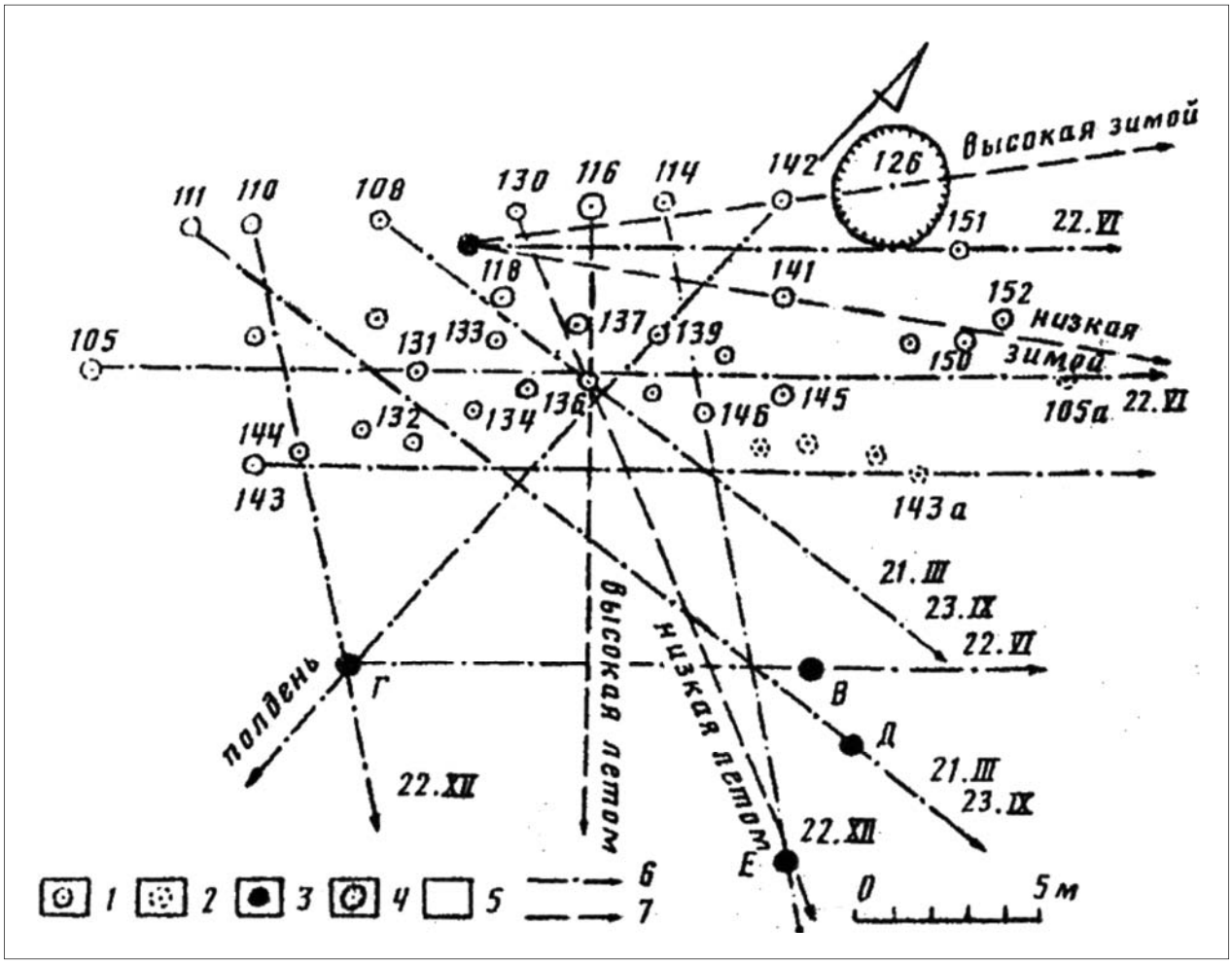


Рис. 4. Святилище Бельского городища – астрономическая обсерватория.

Условные обозначения: 1 – столбовые ямы; 2 – несохранившиеся столбовые ямы; 3 – жертвенники; 4 – культовая яма; 5 – время наблюдений; 6 – направления на восход солнца; 7 – направления на восход луны

Объекты и время наблюдений	Точки	
	расположения наблюдателя	**визирования**
I. Восход солнца		
а) летнее солнцестояние	Г	В
	143	143а
	105	131–136–105а
	Ж	151
б) зимнее солнцестояние	114	146–Е
	110	144–Г
в) весеннее и осеннее равноденствия	108	118/133-136
	111	132/134-Д
II. Восход луны		
а) высокая летом	116	136
б) низкая летом	130	136-Е
в) высокая зимой	Ж	142
г) низкая зимой	Ж	141–150/152
III. Полуденная линия: полдень (полночь), небесный меридиан		
	142	139-Г

Табл. 2. Храм города Гелона – астрономическая обсерватория (см. рис. 4).

ляться семь раз – через каждые два-три года[49]. По сообщению Геродота, древние греки, ведшие счет времени по олимпиадам, вставляли дополнительный месяц в каждый второй или третий год после предыдущего эмболисмического (первый и третий годы нечетной олимпиады и второй год четной)[50], что совпадает с указанной им же периодичностью больших мистериальных празднеств в городе Гелоне[51]. Введение октаэтриды (восьмилетнего цикла) традиция связывала с реформами Солона. До этого использовался простейший способ согласования лунного и солнечного календарей с помощью триэтриды (трехлетнего периода), когда эмболисмическими считали первый и третий годы цикла, а простым – второй[52].

Особое внимание уделялось фиксации летнего солнцеворота. Вполне вероятно, что с ним связывали начало нового года – события, обладавшего высшей сакральностью и воспроизводившего в своей структуре «ту порубежную кризисную ситуацию, когда из хаоса возникает космос». В аттическом календаре за начало года принимали первое новолуние после летнего солнцестояния, у древних иранцев кроме весеннего Ноуруза был еще один новогодний праздник – Михраган, приходившийся на середину лета; в середине лета, после того, как жизненная сила перешла в колосья, древние славяне «хоронили» своего Диониса-Ярилу (Херовита), сходного с фракийским Геросом[54]. Возможно, в это же время скифы справляли праздник в честь солнечного героя Колаксая, воплотившего черты умирающего и воскресшего бога, первого царя и жреца[55].

Таким образом, можно предположить, что семантика храма города Гелона восходила к обозначению точки пространства, где осуществлялся важнейший временной акт – соприкосновение старого и нового года. В этом случае ритуал должен был воспроизводить победу космоса над хаосом, гибель и возрождение мира[56]. Выше мы попытались показать, что в пережиточной форме указанные признаки сохранились и в планировочной структуре античного театра, а также в некоторых условностях организации театрального действия, развившегося из мистерий в честь умирающего и воскресающего Диониса.

Идея умирающего и воскресающего божества, тесно связанного с солярно-вегетативной цикличностью и календарной обрядностью древних земледельцев, уходит своими корнями в глубину тысячелетий и органически сопряжена с определенной стадией развития производящего хозяйства. Древнейшее упоминание имени Диониса отмечено на глиняных табличках из Пилоса XV–XIII вв. до н. э.[57]. После гибели крито-микенской цивилизации вторичное распространение культа Диониса из Фракии и северо-западных районов Малой Азии принято относить к VIII–VII вв. до н. э. Строго говоря, под общим именем Диониса контаминировали воскресающие и умирающие божества различного происхождения, собственные названия которых превращались в эпикле-

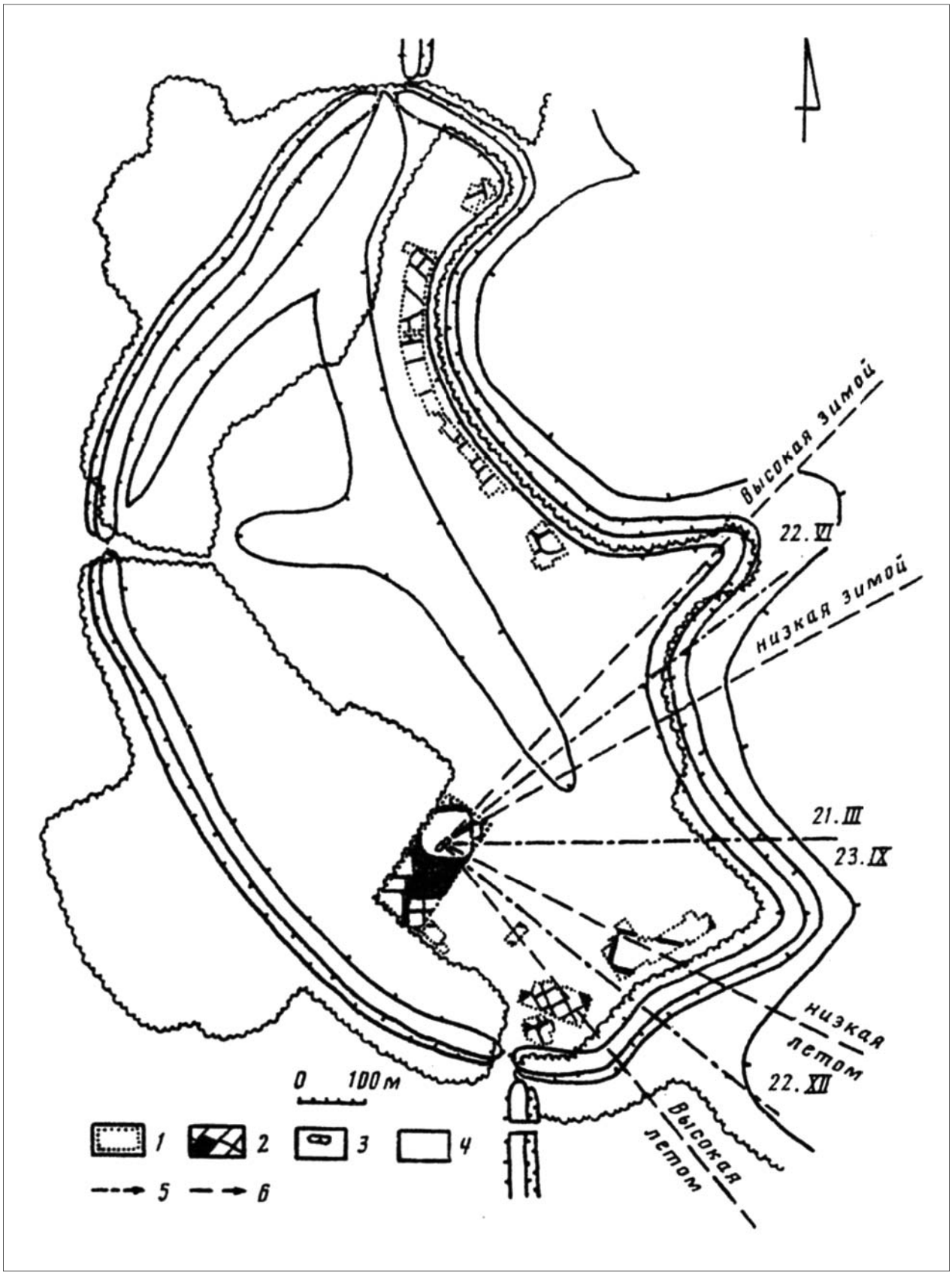


Рис. 5. Восточное укрепление Бельского городища.

Условные обозначения: 1 – границы раскопанных участков; 2 – древние усадьбы (черной заливкой показаны площадь и улицы); 3 – храм; 4 – время наблюдений; 5 – направления на восход солнца; 6 – направления на восход луны

зы: это аттический Иакх, центром почитания которого стал Элевсин, фракийские Сабазий, Герос, Залмоксис, крито-малоазийский Загрей и др. Среди них выраженными солярными чертами был наделен Сабазий, а в учениях орфиков и пифагорейцев особой популярностью пользовался Загрей – «мировая душа», царь последней космической эпохи, *сотер* (спаситель). Согласно мифологической традиции, он был растерзан титанами на семь частей, из соединения которых возник организованный космос[58]. В связи с этим напомним, что в организации единства элементов храмового участка (модели вселенной) Гелона отчетливо просматривается соматический принцип, выраженный числом 7, а мотив человеческого жертвоприношения во имя космогенеза отражен во многих традициях индоевропейского и индоиранского круга, в том числе и скифской[59].

В Северном Причерноморье античного времени наиболее ранние следы почитания Диониса отмечены в Ольвии. Здесь культ божества появился в сложившемся виде, сохраняя черты глубокой архаики. Уже во второй половине VI в. до н. э. в городе существовал аристократический *фиас* (союз), подверженный влиянию учения орфиков. В римский период доминирующим стал культ Сабазия[60].

Б.А. Шрамко привел ряд убедительных свидетельств наличия культа умирающего и воскресающего божества у создателей Бельского городища. Фрагментарность и специфика источников не позволяют выявить процесс становления культа во всех деталях. Однако можно заключить, что наиболее ранним было почитание божества, близкого фракийскому Сабазию, слившегося с культом местного божества плодородия[61]. В V–IV вв. до н. э. в среде воинской знати и аристократии здесь, возможно, возник фиас, подобный ольвийскому. В пользу такого предположения может служить находка бронзового перстня с изображением Загрея[62], который, не имея прямых аналогий, по ряду признаков мог быть копией произведения мастеров Великой Греции. Привлекает внимание также и серия граффити в виде греческой *М* на античных сосудах с Восточного и *лепном глиняном пряслице* с Западного укреплений Бельского городища. В них можно видеть начальную букву слова μίδτοι, по аналогии с надписью на донышке чернолакового сосуда с городища Чайка в Крыму[63].

Таким образом, развитие культа Диониса в городе Гелоне при некотором сходстве тенденций с античными полисами Северного Причерноморья имело ряд специфических особенностей. Разные этнические группы хранили свои традиции почитания умирающего и воскресающего божества, тесно связанного с культом плодородия. Почитание Диониса было распространено преимущественно в сословии воинов. Причем если в социальных группах неиранского (фракийского) происхождения устойчиво доминировал Сабазий, то частичная эллинизация аристократии сопровождалась распространением учения орфиков и культа Загрея. Все эти традиции тесно переплетались в культовой практике, первоначальные этнические особенности постепенно приобрели социальную окраску.

Синкретический характер культа умирающего и воскресающего бога отразился в семантике и материальном воплощении храмового комплекса. Если информатор Геродота видел нечто подобное, то его описание храма, как построенного «по греческому образцу» и «украшенного по-эллински деревянными статуями, алтарями и наосом», было вполне достоверным с точки зрения древнего грека.

Однако при всем отмечаемом сходстве античного театра и Бельского храма последний не был попыткой «варварского» подражания. Принципиальное различие заключается в том, что храм Гелона в стадиальном отношении не наследует, а предшествует классическому театру Диониса; он «безупречен», даже по сравнению с греческим вариантом италийского театра Витрувия, поскольку является именно храмом, а не театром.

В целом, значение храма города Гелона выходит за рамки Лесостепного Приднепровья скифского времени, поскольку сегодня это, пожалуй, единственный комплекс, фиксирующий тот период развития античного театра, когда он был деревянным храмом, воздвигнутым в честь умирающего и воскресающего бога. Когда и где впервые сложился подобный тип храма, откуда столь примечательное сходство архитектурных традиций античной Италии и города Гелона, почему Геродот писал о гелонах как об эллинах, покинувших свои эмпории и поселившихся среди народов лесостепной Скифии – эти и другие вопросы нуждаются в специальном рассмотрении.

Література

1. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 19–25, 164; Бойко Ю.Н. Системный подход к изучению общественного развития населения днепровского лесостепного Левобережья в VII–III вв. до н. э. // Вестник Харьковского университета. № 268. Харьков, 19. С. 85–87; его же. Социальный состав

населения бассейна р. Ворскла скифского времени (VII–III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

2. Hdt. IV, 108 (русский перевод цит. по: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 143). В некоторых списках труда Геродота указана иная периодичность дионисий в Гелоне – раз в два года. В связи с этим Б.А. Рыбаков предложил следующий вариант перевода: «Каждые два (три?) года там справляют празднество в честь Диониса...» (см.: Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 19. С. 153).
3. Шрамко Б.А. Указ. раб. С. 10–11 (здесь же приведена литература по истории вопроса).
4. Там же. С. 12–19. 121–126; его же. Основные черты и особенности лесостепной культуры скифской эпохи (VII–III вв. до н. э.) // Всесоюзный семинар, посвященный 90-летию со дня рождения М.И. Артамонова. Тез. докл. Л., 1988.
5. Топоров В.Н. Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 222–249; Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины (словообразование, этимология, этническая интерпретация). М., 1968. С. 216–218, 284; Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.
6. Шрамко Б.А. Бельское городище... С. 11–12, 126, 128, 131, 161–162. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Б.А. Шрамко за любезное разрешение использовать неопубликованные материалы его раскопок.
7. Там же. С. 37–75.
8. Там же. С. 127–128.
9. Там же. С. 128.
10. Козуб Ю.И. Древнейший культовый комплекс Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 129.
11. Шрамко Б.А. Бельское городище... С. 140.
12. Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. Кишинев, 1987. С. 74.
13. Vitruv. V. 6, 8.
14. См., например, Колпинский Ю.Д. Великое наследие античное Эллады. М., 1988. С. 134, 136.
15. Vitruv. V. 6–8.
16. Там же. V. 8, 2.
17. Каллистов Д.П. Античный театр. Л., 1970. С. 84–85.
18. Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро. М., 1938. С. 188–215.
19. Михайлов Д.П. Витрувий и Эллада (основы античной теории архитектуры). М., 1967. С. 72–77; Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 156–160; Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976. С. 28–30, 131–133; Каллистов Д.П. Указ. раб. С. 25–29, 58; Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 83.
20. Vitruv. У. 7, 1–2.
21. Шевелев И.Ш. Принцип пропорции. М., 1986. С. 23.
22. Шрамко Б.А. Бельское городище... С. 126. Рис. 4, 44.
23. Шевелев И.Ш. Указ. раб. С. 80–84, 125–126.
24. Топоров В.Н. Геометрические символы // Мифы народов мира (далее – МНМ). Т. 1. М., 1980. С. 272; его же. Числа // МНМ. Т. 2. М., 1982. С. 629, 631.
25. Топоров В.Н. Мейлах М.Б. Круг // МНМ. Т. 2. С. 18–19; Аристотель. О небе. 1.2, 268а, 10–20; 269а, 20 (здесь и далее цит. по: Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 3. М., 1981); Вертоградова В.В. Указ. раб. С. 294; Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // МНМ. Т. 1. С. 531.
26. Топоров В.Н. Ведийская мифология // Там же. Т. 1. С. 224.
27. Шейнман-Топтштейн С.Я. Платон и ведийская философия. М., 1978. С. 31; Аристотель. О небе. 11.3, 286а, 20–24; 286в, 6–9; 4, 286в, 18–19, 22–25; 5, 287а, 35–37; 13, 293а, 20–24; 293в, 1–4.
28. Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты). М., 1984. С. 7–8; Рагозина З.А. История Востока. История Мидии. СПб., 1903. С. 107.
29. Немировский А.И. Этруски (от мифа к истории). М., 1983. С. 171–174.
30. Каллистов Д.П. Указ. раб. С. 38.
31. Иванов В.В. Левый и правый // МНМ. Т. 2. С. 43–44; Петрухин В.Я. Загробный мир // Там же. Т. I. С. 453; Аристотель. О небе. 11.2, 285в 26–29.
32. Рабинович Е.Г. Середина мира // МНМ. Т. 2. С. 428–429. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь (исследование магии и религии). М., 1986. С. 17–18; Бойко Ю.Н. Отражение социальной структуры в идеологии и культовой практике населения Ворсклинского региона скифского времени // Всесоюз. конф. «Религиозные представления в первобытном обществе». Тез. докл. М., 1987. С. 179.
33. Топоров В.Н. Квадрат // МНМ. Т. 1. С. 630; его же. Числа. С. 630.
34. Вертоградова В.В. Указ. раб. С. 300.
35. Там же. С. 296; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен (опыт реконструкции скифской мифологии). М., 1977. С. 105; Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. раб. С. 531.
36. Hdt. IV. 62. 101; Раевский Д.С. Указ. раб. С. 84.
37. Литература Древнего Востока... С. 7–8.
38. См. также: Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии (древность и средневековье). М., 1976. С. 14–17; его же. Йима // МНМ. Т. 1. С. 599.

39. Hdt. IV, 5. 7; Раевский Д.С. Указ. раб. С. 54 и сл., его же. Скифо-сарматская мифология // МНМ. Т. 2. С. 447; Морозов И. К толкованию изображения на арибале из кургана Куль-Оба // Вестн. древ. истории. 1988. № 4. С. 103–109.
40. Топоров В.Н. Квадрат. С. 361; Каллистов Д.П. Указ. раб. С. 26; Михайлов Б.П. Указ. раб. С. 74; Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. раб. С. 531.
41. Топоров В.Н. Мандала // МНМ. Т. 2. С. 100–101.
42. Его же. Древо мировое // Там же. Т. 1. С. 398–406.
43. Алпатов М.В. Художественные проблемы Древней Греции. М., 1987. С. 51–56.
44. Фрэзер Дж. Дж. Указ. раб. С. 363.
45. Шрамко Б.А. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 10–11, рис. 3, 15, 16, 18; его же. Бельское городище... С. 128, 129, 131. Рис. 62. 7, 8.
46. Топоров В.Н. Мандала. С. 101.
47. Никулицэ И.Т. Указ. раб. С. 74–76; Гусаков М.Г. Святилище – языческий храм (к постановке проблемы) // Всесоюзн. конф. «Религиозные представления в первобытном обществе». С. 23–27.
48. Vitruv. V. 6, 1.
49. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стонхенджа. М., 1984. С. 146–184; Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1985. С. 53.
50. Hdt. I. 32; П. 4; Климишин И.А. Указ. раб. С. 125–126.
51. Hdt. IV. 108.
52. Климишин И.А. Указ. раб. С. 49. 125.
53. Топоров В.Н. Космогонические мифы // МНМ. Т. 2. С. 7.
54. Его же. Месяцы // Там же. Т. 2. С. 145; Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 76–77; Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 234, 327; Златковская Т.Д. Ранние монеты южнофракийских племен // Нумизматика и эпиграфика. Т. 7. М., 1968. С. 18.
55. Раевский Д.С. Очерки идеологии... С. 110–118.
56. Топоров В.Н. Древо мировое. С. 405.
57. Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период. Л., 1986. С. 142, 157.
58. Лосев А.Ф. Античная мифология... С. 143–160; его же. Дионис // МНМ. Т. 1. С. 380; его же. Аполлон // Там же. Т. 1. С. 92–94; Златковская Т.Д. Указ. раб. С. 14–15, 18, 21; Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. С. 19; Русяева А.С. Указ. раб. С. 16–17, 72–76.
59. Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. раб. С. 532; Топоров В.Н. Пуруша // МНМ. Т. 2. С. 351; Чмыхов Н.А., Довженко Н.Д. О древнейшем компоненте в сложении скифской материальной культуры // Древнейшие скотоводы Юга Украины. Киев, 1987. С. 136–137.
60. Русяева А.С. Указ. раб. С. 35, 80–81, 89–91.
61. Шрамко Б.А. Бельское городище... С. 127, 131. Рис. 62, 6, 7.
62. Там же. С. 161–162. Рис. 74 нижн.
63. Яценко И.В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории (IV–II вв. до н. э.) // Путешествие в древность. М., 1984. С. 201. Рис. 5.

Вперше опубліковано:
Советская этнография. 1990. № 3. –
С. 52–65.

Про функціональне призначення деяких майданоподібних споруд Українського Лісостепу

On the functional purpose of certain "maydan" structures from the Ukrainian forest-steppe

О функциональном назначении некоторых майданообразных сооружений Украинской Лесостепи

Богатый репертуар археологических памятников Восточной Европы содержит интересную разновидность так называемых «майданообразных» сооружений. Необычность внешнего вида этих комплексов подчеркивается самим словом «майдан»[1].

Фиксация, описание и попытки научной интерпретации подобных сооружений привлекали не одно поколение ценителей древностей Украинской Лесостепи. Долгое время в их среде бытовали представления о *всех* «майданах», как о старых городищах, раскопанных курганах, результатах деятельности селитроваров, использовавших земляные насыпи прежних времен для выварки химического сырья. Такие суждения часто имели веские основания, и это удерживало археологов от раскопок майданов, ведь не редко труды их зависели от внешних источников финансирования, ориентированных на пополнение коллекций меценатов и солидных музейных собраний.

Определённые изменения в научной оценке майданов, как *гомогенной разновидности археологических памятников, возникших в результате технологического разрушения прочих памятников и только их*, стали возможными, благодаря работам Б.А. Шрамко, И.Б. Шрамко, других современных ученых. А именно, в ходе раскопок Западного Бельского городища выяснилось, что некоторые майданообразные углубления в земляных валах остались от древних помещений [26, с. 110], другие же были местами обустройства печей селитроваров [33].

Изучение остатков Большого Скоробора возле Бельского городища под руководством И.Б. Шрамко убедительно показало технологическое происхождение комплекса на окраине огромного курганного могильника раннего железного века, как результата эксплуатации добытчиками селитры древних памятников, в том числе и майданов [28, с. 22–24].

Заслуживают внимания новейшие результаты микромагнитной съемки объектов скифского времени на Бельском городище и в его окрестностях [34]. Примечательно, что если в курганах урочища Марченки прослежены не только контуры кольцевых рвов, но и места погребений, то на Скороборе «самый большой на данной территории

[1] «Слово удивительное по ареалу и мощности семантического пучка», известное у персов, индийцев (название центральной площади Калькутты), арабов, тюрков, восточных, западных и южных славян [19, с. 358–359].«Майдан» имеет много значений, в том числе: «площадь», «место», «поприще» («место, простор, пространство, на коем подвизаются или действуют; арена, сцена, ипподром, приспособленное место для бега, скачек, для ристалищ, игр, борьбы»), «сборное место» [8, т. II, с. 290; т. III, с. 306].

курган диаметром 100 м» представлен лишь кольцевыми образованиями без намеков на погребальную камеру [Там же, с. 29–33, рис. 2; 4; 5; 7]. В связи с этим показательны результаты раскопок «на снос» майданов у с. Новый Мерчик, дальней восточной периферии Ворсклинского региона, где выяснилось, что в них не было погребений и что они всегда были «майданами», без малейших попыток селитроварения [29, с. 104–107].

Складывается впечатление, что на Скороборе разрушили не курган, а древний майдан, сопоставимый по размерам, устройству и назначению с майданом Разрытая Могила, давно известным неподалеку в пределах Ворсклинского региона скифского времени[2]. Отрадно, что для его понимания есть уникальные результаты детального обследования памятника Борисом Андреевичем Шрамко в 1951 г., когда сохранность всего сооружения была намного лучше сегодняшней [28].

Майдан Разрытая Могила расположен в слабо пересеченной местности на южном склоне плато реки Мерла, левого притока Ворсклы в точке с координатами 49,95° с. ш. и 34,76° в. д. на высоте 119,8 м над уровнем моря. Ближайшие естественные высоты в радиусе 10–15 км не превосходят ее более, чем на 15–25 м (восточная окраина курганного могильника у с. Любовка) (рис. 1, *а, 15, 18*), т. е. не видны на горизонте и не могут служить естественными ориентирами для местного наблюдателя.

Насыпь Майдана имеет структуру, подобную насыпям майданов у с. Новый Мерчик, когда пласты чернозема чередуются с незначительными прослойками материковой глины [28, с. 19; 29, с. 105, 107, рис. 4, 5, б]. Б. А. Шрамко отметил также использование дерновых «вальков» в процессе ее сооружения [28, с. 19]. Стратиграфия насыпей с чередованием слоев чернозема и предматерикового суглинка указывает на вырезание вальков[3] из верхнего задернованного слоя почвы с дальнейшим разрыхлением вынимаемого грунта при помощи разных, в том числе и пахотных, орудий. Это подтверждается наблюдениям других исследователей за стратиграфией валов известных городищ Лесостепи [27, рис. 7].

Создание значимых для общества строительных комплексов в древности всегда имело идеологическую подоснову. Старинная религиозная традиция, сопровождавшая возведение грунтовых стен и рвов засвидетельствована, в частности, Плутархом в этрусском предании об основании Рима: «Возле нынешнего Комиция был вырыт ров, куда положили начатки всего, что почитается по закону чистым, по своим свойствам – необходимым… Ров этот по-латыни зовут так же, как небо, – мундус. Он должен был служить как бы центром круга, который был проведен как черта будущего города. Основатель города вложил в плуг сошник, запряг быка и корову и, погоняя их, провел глубокую борозду, границу города… Эта черта означает окружность городской стены… На месте предполагаемых ворот сошник вынимали и приподнимали плуг, вследствие чего оставалось пустое пространство. На этом основании вся стена, кроме ворот, считается священной: ворота не считаются священными, иначе религиозное чувство не позволяло бы в таком случае ввозить или вывозить то, что необходимо, но не считается по закону чистым» [21, с. 63].

Диаметр насыпи майдана Разрытая Могила (рис. 2, *1*) на уровне подошвы в 1951 г. составлял 150 м при максимальной высоте 11 м. На ней выделялось 5 вершин, разделенных выемками, верхний срез которых находился на высотах более 5,2 м, что при клиновидном сечении «проходов», по замечанию Б.А. Шрамко, никак не позволяло использовать запряженные волами волокуши для извлечения грунта, в случае роботы селитроваров [28, с. 20, 24, рис. 2, табл. 1]. Вокруг основной насыпи отмечены концентрические валы и рвы, прерывающиеся у соответствующих ниш-«проходов» [4], что увеличивало размеры всего сооружения до 202 м в диаметре, а также характерные для майданов дуговидные насыпи, «усы» или «крылья» (сохранилась одна), развернутые на ЮВ [28, с. 20, рис. 2].

По нашим подсчетам, для сооружения насыпей необходимо было вынуть, переместить и уложить не менее 60 тыс. куб. м грунта[5]. Наличие

[2] С.А. Скорый, один из ведущих специалистов по археологии Лесостепи скифского времени, тоже упоминает в связи со Скоробором майдан Разрытая Могила [33, с. 7], правда, вкладывая в свое суждение смысл, противоположный нашему (см. ниже).

[3] Разработка целинных участков мощных луговых черноземов с помощью деревянного рала весьма упрощалась благодаря срезанию дерна. Даже после усовершенствования конструкции пахотных орудий такие приемы, как показано ниже, не утратили своего значения при строительстве земляных насыпей.

[4] Которые были намечены, но не проложены в центр майдана, возможно из приведенных выше соображений о «чистоте» внутреннего сакрального пространства (*Ю. Б.*).

[5] Например: при экспериментальном воссоздании валов древнеримских лагерей в Британии треть грунта была вынута изо рва, остальное выложено кусками дерна, снятого с окружающей, в том числе внутренней поверхности будущего укрепления. Оказалось, что 304 м дерново-земляной насыпи высотой 3,6 м и шириной в основании 5,4 м 300 взрослых мужчин могли построить за 12 дней [14, с. 90]. В пересчете на объем сохранившихся земляных сооружений Разрытой Могилы, 4500 человек могли бы возвести их за две-три

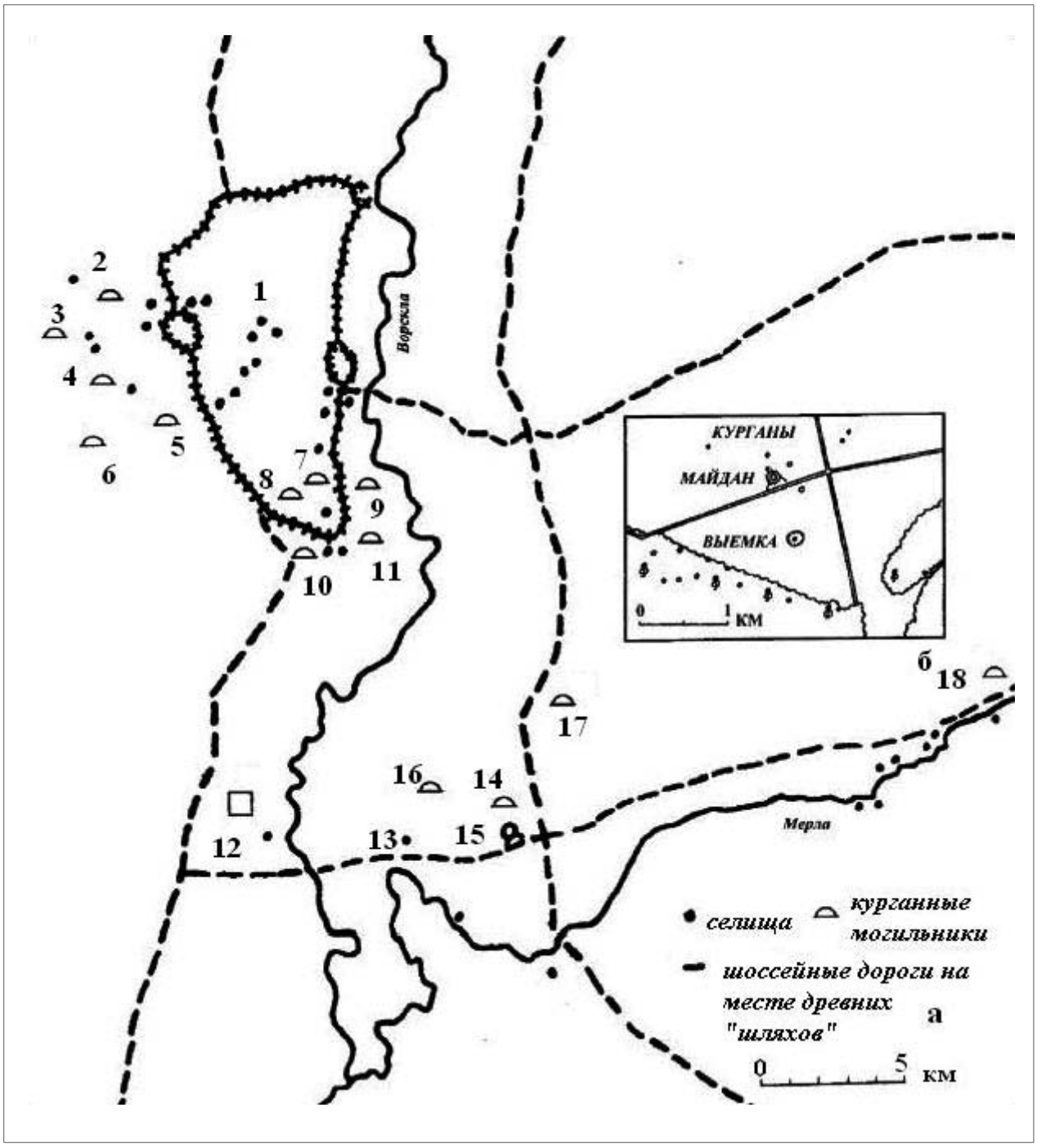


Рис. 1. Основные памятники раннего железного века функциональной зоны Бельского городища.

Условные обозначения:

1 – Бельское городище; 2 – Перещепино; 3, 4 – Марченки, 5 – Осняги; 6 – Скоробор; 7, 8 – Бельский могильник; 9, 10, 11 – курганные группы у с. Глинск; 12 – Опошнянское городище; 13 – селище Лихачевка; 14 – курганный могильник у с. Лихачевка; 15 – майдан Разрытая Могила; 16 – Витова Могила; 17 – Деревки; 18 – Любовка; а – прорисовка плана расположения майдана Разрытая Могила по топографической карте [31]; б – прорисовка плана Лихачевского могильника по снимку из космоса [32] (здесь черными точками обозначены насыпи курганов, лучше сохранившиеся в лесу).

слоя погребенной почвы под валами майданов на берегах Мерчика указывает на тщательную предварительную разметку планов будущих построек и на то, что грунт брали в другом месте. Для Разрытой Могилы таким «карьером» могла быть выемка диаметром около 250 м (рис. 1, *б*) на расстоянии примерно 800 м к югу от майдана, внутри которой видна насыпь кургана [32].

Для понимания смысла столь значимых затрат общественного труда важно отметить, что в плане Разрытая Могила удивительно напоминает «хенджи» меднокаменного и бронзового веков западной части Европы. Наиболее известен Стоунхендж (48,69° с. ш., 34,98° з. д.). Около 2800 г. до н. э. он являл собой кольцевой вал с внешним рвом диаметром 98 м, не замкнутый со стороны входа на СЗ, от которого отходили две параллельные насыпи в сторону летнего восхода солнца (рис. 2, *4*) [5, с. 12, 13, 45, рис. 1, 1].

Датировка подобных памятников, как и большинства ранних майданов Восточной Европы, затруднительна из-за отсутствия выразительных археологических находок в пределах самих комплексов, что, подчеркнем еще раз, следует из представлений о ритуальной чистоте заключенного внутри них пространства. Отсюда, как правило, время бытования таких сооружений устанавливается по датировкам близлежащих поселений и могильников соответствующей эпохи.

Известно, что майдан Разрытая Могила принадлежит к группе памятников раннего железного века междуречья Средней Ворсклы и Нижней Мерлы (рис. 1) [24, с. 57, 58, карта 2]. В те времена здесь обитал многочисленный социум ближней округи Бельского городища, «главным средоточием которого», по справедливому замечанию И.А. Зарецкого, «была местность возле Лихачевки» [10, с. 239]. Одноименное селище (рис. 1, *а, 13*), благодаря многолетним исследованиям А.А. Моруженко, вошло в «золотой фонд» отечественной археологии. Здесь на площади 5,5 тыс. кв. м выявлены остатки нескольких усадебных комплексов, отнесенных автором раскопок к VII–III вв. до н. э., прослежена горизонтальная стратиграфия памятника. Ряд участков селища (раскопы I, V, VII) оказались однотипными другим поселениям мигрантов из Правобережного Приднепровья на Нижнюю и Среднюю Ворсклу в начале эпохи железа [17, с. 252–254].

Новые хронологические разработки позволяют уточнить время появления выходцев из Правобережья в бассейне Ворсклы. Наличие столовой посуды с оттисками зубчатого и S-видного штампов [17, с. 252] соотносит наиболее ранние отложения на селище Лихачевка с горизонтом Жаботин–1, предстоящим первому этапу раннескифской культуры на Правобережье Днепра [9, с. 313], что может увести нас ко времени, ранее середины VIII в. до н. э. [23, с. 120].

Узловая роль Разрытой Могилы в древней системе курганных могильников водораздела Ворсклы и Мерлы была очевидной задолго до нашего времени: «от Разрытой Могилы одна цепь курганов идет к Котельве, другая к Краснокутску, а третья к Опошне», – писал в середине XIX в. митрополит Филарет [25, с. 270][6]. В разные годы вокруг Майдана были раскопаны 14 курганов с погребениями железного века, среди которых наиболее ранним можно считать женское захоронение в кургане Лихачевка, 2 (1887 г.)[7], с инвентарем, характерным для горизонта Жаботин–III – РСК–2 [10, с. 241, табл. I, 1, 3; 9, с. 311, 315, рис. 3, 8, 9]. К следующему периоду Жаботин–III – РСК–2, заканчивающемуся около середины VII в. до н. э., относится богатое женское захоронение в кургане Лихачевка, 1 (1887 г.), а также воинские погребения в курганах Лихачевка, 6 (1887 г.), Лихачевка, 8 (1888 г.) и Лихачевка, 1 (1983 г.) [10, с. 241, 242, табл. II, 1, 7, 8, 11, 15, 16, 17; 30, p. 72–73, Fig. 13; 16; 17; 18, с. 115–116, 118, рис. 3; 13, с. 116, рис. 63, 21; 22, с. 27; 16, с. 88–90; 9, с. 314].

Можно предположить создание огромного Майдана где-то на рубеже VIII–VII вв. до н. э., что совпадает с началом масштабного освоения будинами, гелонами, неврами Ворсклинского региона и его центральной зоны вокруг Бельского городища [27, с. 11, 18, 25–27, 30, 31, 33] и все вместе похоже на «пробу сил» молодого социального организма, подошедшего к уровню государственности [2].

Размышляя над особенностями устройства майдана Разрытая Могила, Б.А. Шрамко пришел к заключению, что «многовершинность» его основной насыпи не была случайной: «На вершинах могли выставляться какие-то вехи в виде деревянных столбиков, используемых для визи-

недели, а 300 работников – за теплую половину года между равноденствиями. Последняя цифра, сама по себе впечатляющая, кажется нам более приемлемой из соображений экономии человеческих трудовых ресурсов (взрослый мужчина долгое время был главным источником энергии для обеспечения жизнеспособности коллектива) [14, с. 116]).

[6] Известно, что с древнейших времен цепи курганных могильников располагались вдоль сухопутных магистралей [27, с. 20–23; 4, с. 31–43, рис. 3; 4], поэтому Разрытая Могила не случайно оказывается на перекрестке «шляхов» (рис. 1, а, б).

[7] 6 Курган был исследован у с. Лихачевка (в скобках указан год раскопок) И.А. Зарецким поблизости от майдана Разрытая Могила [10, с. 241].

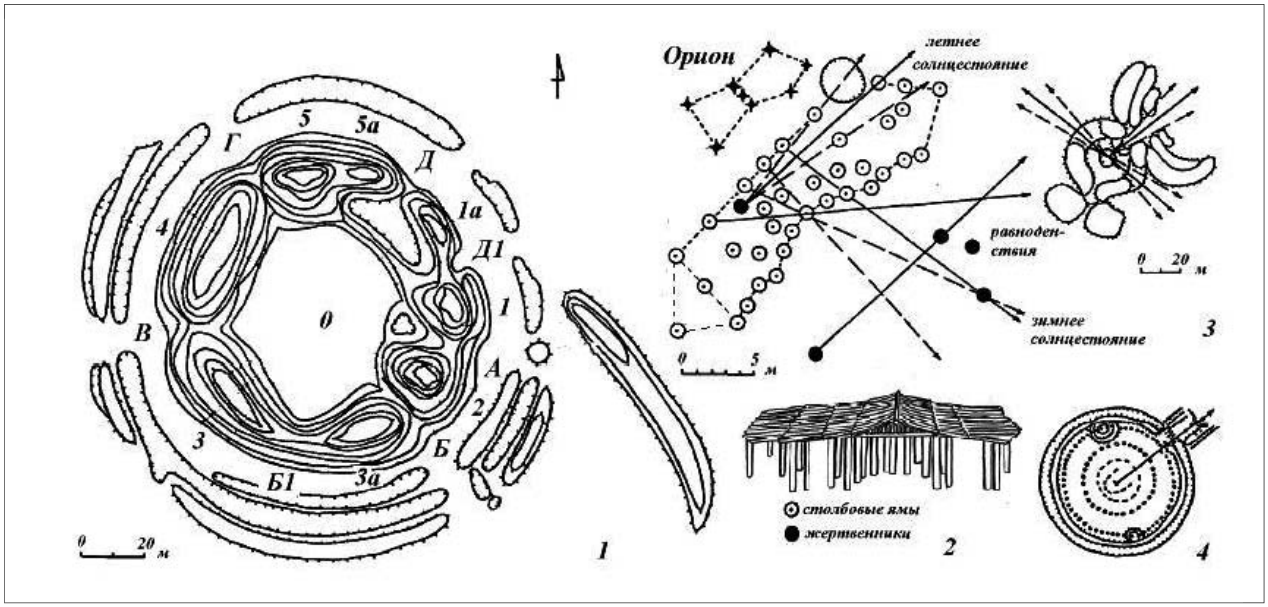


Рис. 2. Майдан Разрытая Могила и некоторые другие святилища-обсерватории древней Европы, расположенные вдоль 50-й параллели с. ш.

Условные обозначения:

1 – план майдана Разрытая Могила, снятый Б.А. Шрамко в 1951 г.; 2 – план и реконструкция внешнего вида святилища-обсерватории на Восточном Бельском городище; 3 – план майдана № 1 у с. Новый Мерчик на Харьковщине; 4 – план святилища-обсерватории Стоунхендж.

рования при астрономических наблюдениях для календарных расчетов, которые были важны для древних земледельцев» [28, с. 24]. Такое предположение обосновано наличием в Европе времен энеолита, бронзового и раннего железного веков обсерваторий для наблюдений за движением Солнца, Луны, некоторых звезд и созвездий, в том числе и на Восточного Бельском городище, с координатами деревянного храма-обсерватории 50,08° с. ш. 34,69° в. д. (рис. 2, *2*) [5, с. 20–26, 202–228; 12, с. 159–164; 20, с. 73–78, рис. 8; 15, с. 83–89, рис. 1; 3; 1, с. 60–62, рис. 4; 5]. В приведенных случаях, из-за отсутствия четких естественных ориентиров на горизонте, метками направлений фиксации астрономических событий служили вертикальные столбы из камня или дерева, промежутки между ними.

Но из каждого правила возможны исключения, наиболее ярким примером которых как раз и является майдан Разрытая Могила, где важные направления обозначались не вершинами насыпи, а выемками между ними.

С целью объяснения особенностей устройства и назначения комплекса, мысленно перенесемся к вероятному началу его существования с помощью моделей (табл. 3; 4), построенных с использованием доступной компьютерной программы[8]. Из центра Майдана мы увидим высоко поднятый искусственный горизонт, отстоящий от нас примерно на 60 м и разделенный на секторы шестью выемками-«проходами» (табл. 1; рис. 2, *1*; рис. 3, 1–4). Продолжив наблюдения, мы непременно убедимся, что расположение «проходов» и общие пропорции насыпи не были случайными.

Так, восход солнца в период солнцестояний около 700 г. до н. э.[9] (табл. 2; 3; рис. 3, 1, 2) можно было наблюдать только в выемках Д1 и Б, а в момент равноденствий в выемке А (табл. 2; 3; рис. 3, 3, 4). Важность и сложность определения равноденствий подчеркивается выемкой В, где фиксировался и заход дневного светила в указанные дни.

Выемки Г и Д в северной части майдана, за пределами крайних точек восхода/захода дневного и ночного светил однозначно указывают на то, что общий принцип устройства и работы системы предполагал корреляцию наблюдений за *солнцем* и *звездами* (табл. 3; 4).

Вопрос о том, сколько звезд и какие созвездия могли различать строители Майдана в раннем железном веке, всегда будет спорным. Мы можем опереться лишь на общие данные об астро-

[8] Автор использовал программу REDSHIFT 6.

[9] Даты наблюдений в более поздние периоды существования Ворсклинского региона скифского времени приведены в табл. 2.

№ п. п.	Направления от центра	Расстояние от точки визирования (м)	Высота (м)	Возвышение над математическим горизонтом (°)
1	выемка Г	57,60	6,50	6°28′
2	вершина 5	58,50	11,00	10°39′
3	вершина 5а	57,60	9,10	9°00′
4	выемка Д	56,70	5,25	5°17′
5	вершина 1а	56,70	7,40	7°30′
6	выемка Д1	55,30	6,40	6°35′
7	вершина 1	50,40	8,60	10°00′
8	выемка А	49,50	5,20	6°00′
9	вершина 2	45,00	9,00	11°20′
10	выемка Б	55,60	5,20	5°20′
11	вершина 3а	47,30	8,30	8°25′
12	выемка Б1	52,50	6,40	6°50′
13	вершина 3	52,20	10,00	10°40′
14	выемка В	52,30	6,00	6°30′
15	вершина 4	56,30	10,00	9°40′

Табл. 1. Основные параметрические характеристики искусственного горизонта, образуемого гребнем насыпи майдана Разрытая Могила.

Год до н. э.	Равноденствия		Солнцестояния	
	весеннее	осеннее	летнее	зимнее
700	28.03	30.09	30.06	28.12
600	27.03	30.09	30.06	27.12
500	27.03	29.09	29.06	26.12
400	26.03	28.09	28.06	26.12
300	25.03	27.09	27.06	25.12

Табл. 2. Даты астрономических равноденствий и солнцестояний в период между 700–300 гг. до н. э.

номических познаниях индоевропейцев в начале I тыс. до н. э.: Гесиод упоминает созвездия Плеяд, Орион, звезды Арктур и Сириус [11, с. 9]; у Гомера дополнительно встречаются Гиады, Волопас и Медведица, которые указывали путь Одиссею:

Радостно парус напряг Одиссей, и попутному ветру
Вверившись поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведецы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку[10]
(Одиссея, V, 270–275) [7].

Древние арийцы особо выделяли созвездие Плеяды-Криттики, которое возглавляло круг 28 созвездий эклиптики [6, с. 367–368].

В северной части Майдана, в выемках Г и Д, можно было фиксировать восход и заход созвездий Волопаса, Лиры и Кассиопеи (табл. 2; рис. 3). Созвездие Кассиопеи принадлежит к *незаходящим* околополярным созвездиям, однако строители Разрытой Могилы, искусственно подняв горизонт, сделали его заходящим. В выемке А (равноденствия) восходили Плеяды, Гиады и Орион, который садился месте захода солнца в периоды равноденствий (выемка В). В направлении, отмеченном выемкой Б (зимнее солнцестояние), восходил Сириус (табл. 2; рис. 3).

Время восхода и захода перечисленных звезд и созвездий в течение года менялось (табл. 4). Все они, за исключением Плеяд, становились невидимыми для земного наблюдателя на период от одного до четырех месяцев. Главную роль среди

[10] Богиня отправила Одиссея на восход солнца в дни равноденствий.

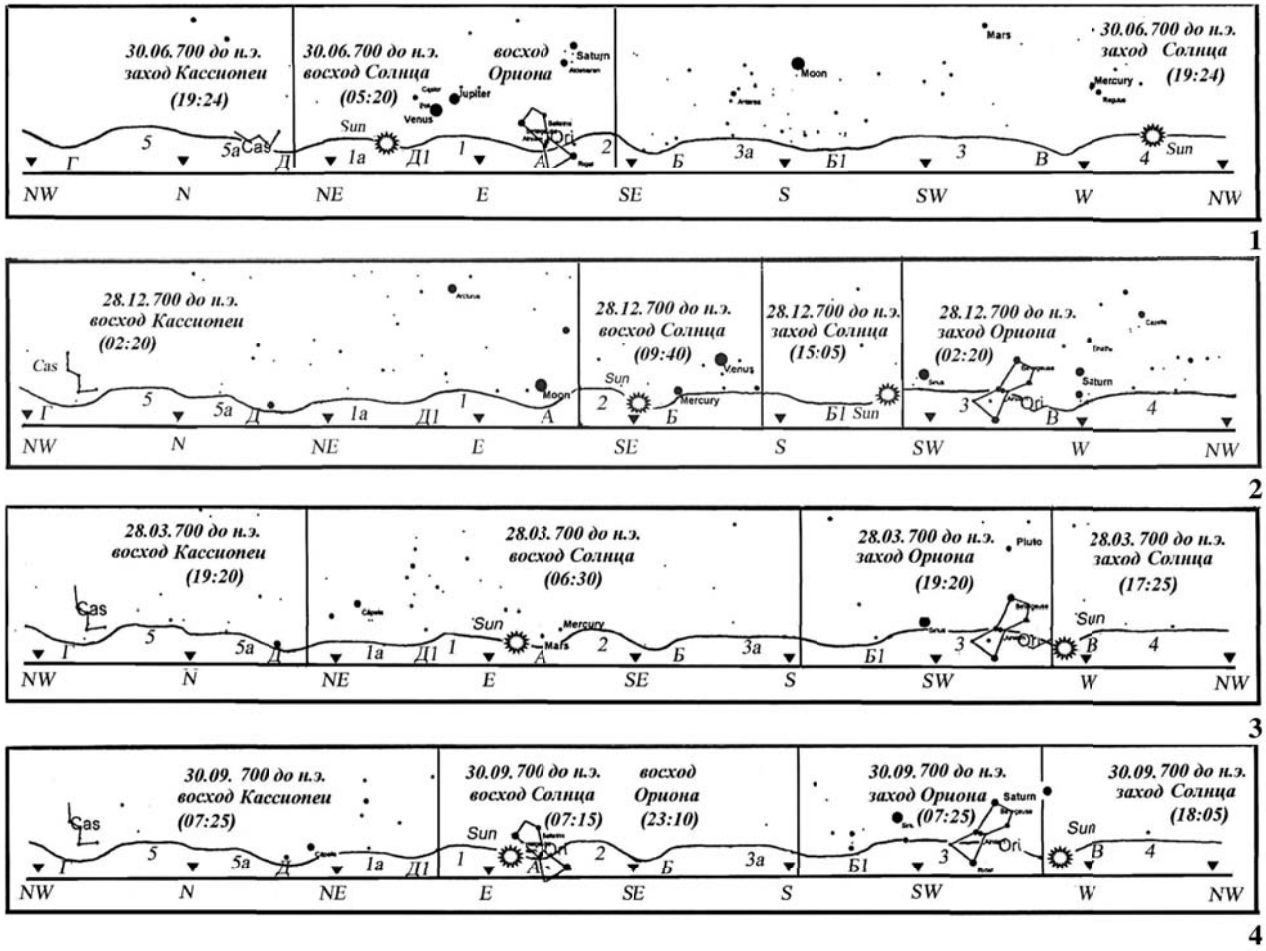


Рис. 3. Моделирование календарных астрономических событий на искусственном горизонте майдана Разрытая Могила (700 г. до н. э.).

Условные обозначения:

1 – период летнего солнцестояния; 2 – период зимнего солнцестояния; 3 – весеннее равноденствие; 4 – осеннее равноденствие.

созвездий, похоже, играл Орион[11]. Его *акронический* (в лучах заходящего солнца) восход совпадал с началом зимнего солнцестояния, *гелиакический* (в лучах восходящего солнца) восход открывал летнее солнцестояние (рис. 3, 2, 1). За два месяца до зимнего солнцестояния наблюдался акронический восход Плеяд и *космический* (в лучах восходящего солнца) заход Кассиопеи. За два месяца до весеннего равноденствия в лучах заходящего солнца появлялся Сириус. Через месяц после равноденствия можно было увидеть гелиакический восход Плеяд, а за месяц до летнего солнцестояния – гелиакический восход Гиад. За месяц до осеннего равноденствия отмечался гелиакический восход Волопаса и космический заход Лиры (табл. 4; рис. 3).

В итоге, все направления, отмеченные ритуальными «проходами» в насыпи Майдана, оказываются напрямую связанными с важными календарными астрономическими наблюдениями. Началом годичного цикла создатели Разрытой Могилы считали, скорее всего, зимнее солнцестояние, на что указывает развернутость комплекса именно в этом направлении, как и храма на Восточном Бельском городище (рис. 2, *1, 2*)[12]. Майдан Разрытая Могила предстает перед нами в качестве грандиозного святилища, расположенного в одном из узлов главных коммуникаций региона (рис. 1), в окружении старинных курганов на границе функциональной территории Бельского городища – города Гелона [2, рис. 1]. Солярно-

[11] Не случайно контуры этого созвездия просматриваются в плане деревянного святилища-обсерватории на Восточном Бельском городище (рис. 2, 2).

[12] Традиция почитания летнего солнцестояния, как, например, в Стоунхендже, могла быть представлена майданом-святилищем у с. Новый Мерчик (рис. 2, 3, 4).

Объекты наблюдений, азимуты в момент пересечения искусственного горизонта	**Детали искусственного горизонта (насыпи майдана), азимуты краев**					
	Выемка Г 316–342°	**Выемка Д 22–44°**	**Выемка Д1 56–72°**	**Выемка А 76–102°**	**Выемка Б 116–138°**	**Выемка В 238–266°**
Солнце	–	–	***восход летнее солнцестояние 61°***	***восход вес./осен. равноденствия 97°***	***восход зимнее солнцестояние 136°***	***заход вес./осен. равноденствия 262°***
Шедир созв. Кассиопеи	заход 337°	восход 24°	–	–	–	–
Вега созв. Лиры	заход 333°	восход 28°	–	–	–	–
Арктур созв. Волопаса	заход 320°	восход 37°	–	–	–	–
Плеяды	–	–	–	восход 83°	–	–
Гиады	–	–	–	восход 90°	–	–
Бетельгейзе созв. Ориона	–	–	–	восход 93°	–	заход 263°
Сириус созв. Большого Пса	–	–	–	–	восход 124°	–

Табл. 3. Привязка астрономических явлений 700 г. до н. э. к элементам насыпи (искусственному горизонту) майдана Разрытая Могила.

астральный характер храма под открытым небом, связь с некрополем могут указывать на почитание здесь одного из умирающих и воскресающих богов древнего мира, о чем имеются и другие сведения на памятниках Ворсклинского региона скифского времени [27, с. 29–31, 161–162; 3, с. 62–63].

Література

1. Бойко Ю.Н. Храм города Гелона // СЭ. – 1990. – № 3. (В настоящем издании с. 164–177).
2. Бойко Ю. Н. Социология восточноевропейского города I тыс. до н. э. // Древности 1994. – Харьков, 1994. (В настоящем издании с. 120–131).
3. Бойко Ю.Н., Берестнев С. И. Погребения VII–IV вв. до н. э. у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). – Харьков, 2001.
4. Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. – 1990. – № 4.
5. Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. – М., 1981.
6. Герасимов А.В. Астрономия // Культура древней Индии. – М., 1975. – С. 367–370.
7. Гомер. Одиссея; пер. с древнегреч. В. А. Жуковского. – М., 1984.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. II; III. – М., 1955.
9. Драган М.Н. Периодизация Жаботинского поселения // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. – К., 2003. – Вип. 5.
10. Зарецкий И.А. Заметки о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю» на 1888 г. – Харьков, 1888. – Вып. 2.
11. Климишин И.А. Жемчужины звездного неба. – К., 1988.
12. Климишин И.А. Календарь и хронология. – М., 1990.
13. Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. – К., 1981.
14. Малин Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. – М., 1988.
15. Марченко Г.Е. Обсерватория-календарь у с. Долиняны // АСГЭ. – 1991. – № 31.
16. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – 1992. – № 3.

Число, месяц	Объект и время наблюдения (восход – заход)								Примечания
	Солнце	Шедир созв. Кассиопеи	Вега созв. Лиры	Арктур созв. Волопаса	Бетельгейзе созв. Ориона	созв. Плеяды	созв. Гиады	Сириус созв. Большого Пса	
01.11.	07:23–17:32	**07:10 космический заход**	05:50–01:20	01:40–19:40	20:20–05:10	**17:36–05:26 акронический восход**	18:28–05:20	23:10–06:12	
01.12.	08:14–16:50	–05:16	03:55–23:20	23:40–17:45	18:30–03:10	03:24	03:22	21:12–04:10	
28.12. (01.01.)	***08:45–16:45***	***07:00–03:20***	***02:12–21:32***	***21:50***	***16:36–03:44 акронический восход***	***–01:36***	***01:40***	***19:28–02:32***	***зимнее солнцестояние***
01.02.	08:31–17:25	04:20–01:00	23:40–19:00	19:20	23:10	–23:20	23:20	**17:10–00:12 акронический восход**	
01.03.	07:44–18:10	03:00–23:20	21:42		21:30	21:28	21:30	22:20	
28.03. (01.04.)	***06:41–18:54***	***01:04–21:20***	***20:00***		***20:52***	***19:44***	***19:50***	***20:20***	***весеннее равноденствие***
01.05.	05:28–19:42	22:40				**05:38 гелиакический восход**			
01.06.	04:38–20:24	21:00				03:40-	**04:24 гелиакический восход**		
30.06. (01.07.)	***04:22–20:49***			***03:45***	***04:16 гелиакический восход***	***01:43***	***02:20***		***летнее солнцестояние***
01.08.	04:49–20:34			01:44	02:20	23:36	00:26		
01.09.	05:38–19:43		**05:20 космический заход**	**05:40–00:05 гелиакический восход**	00:10	21:38	22:24	03:12	
30.09. (01.10.)	***06:29–18:36***		***03:20***	***03:44–21:40***	***22:30***	***19:40***	***20:20***	***01:10***	***осеннее равноденствие***

Табл 4. Время наблюдения некоторых астрономических объектов из центра майдана Разрытая Могила (700 г. до н. э.)

17. Моруженко А.А. Итоги исследования у с. Лихачевки // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». – Баку, 1985.
18. Моруженко А.А. Скифские погребения в бассейне Ворсклы // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1986.
19. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984.
20. Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. – Кишинев, 1987.
21. Плутарх. Избранные жизнеописания. – М., 1987. – Т. I.
22. Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. – 1987. – № 59.
23. Полін С.В. Про хронологію ранньоскіфської культури // Археологія. – 1996. – № 4.
24. Сидоренко Г.О., Махно Є.В., Телегін Д.Я. Довідник з археології України: Полтавська область. – К., 1982.
25. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – М., 1857. – Отд. III.
26. Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи – город Гелон // Скифский мир. – К., 1975.
27. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – К., 1987.
28. Шрамко Б.А. Майдан Разрытая Могила // АЛЛУ. – 2000. – № 1–2.
29. Шрамко Б.А., Бойко Ю.Н. Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерлы // Вестник Харьковского университета. – Харьков, 1988. – Сер. «История». – № 316.
30. Zakharov A.A. I.A. Zaretsky`s Excavation in the Government of Kharkov // Eurazia Septentrionalis Antiqua. – Helsinki,1932. – V. VIII.
31. http://www.tourua.com/files/maps/M–36-082.JPG
32. http://maps.google.ru/maps?hl=ru&tab=wl
33. Каравайко Д.В., Скорый С.А., Приймак В.В. Селитроварение на Полтавщине (в свете новейших археологических раскопок на Бельском городище). – Полтава, 2008.
34. М. Орлюк, Р. Ролле, А. Роменец, Б. Ульрих, Х. Цольнер. Микромагнитная схема Большого Бельского городища скифского времени, Полтавская область // Геофизический журнал. – № 5. – Т. 38. – 2016. – С. 25–39.

Вперше опубліковано:
Древности (Старожитності) 2009 // Зб. наук. пр. – Харьков, 2009. – С. 24–35.

ВІД АВТОРА

Користуючись нагодою, висловлюю щиру повагу усім колегам, чиї старання зробили можливим видання моїх наукових розробок щодо Більського городища та Ворсклинського регіону скіфського часу. Персонально хотів би подякувати:

Олені Миколаївні Титовій – директору Центру пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури, кандидату історичних наук, доктору філософії, доценту, Заслуженому працівникові культури України;

Сергію Анатолійовичу Скорому – завідуючому відділом археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України, доктору історичних наук, професору;

Олександру Борисовичу Супруненку – директору Полтавського краєзнавчого музею ім. В. Кричевського, кандидату історичних наук, Заслуженому працівникові культури України;

Геннадію Івановичу Фасію - начальнику Управління культури Полтавської обласної державної адміністрації;

Ігорю Івановичу Коросту – директору Комунальної установи «Історико-культурний заповідник «Більськ» Полтавської обласної ради;

Ірині Борисівні Шрамко – директору Музею археології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, кандидату історичних наук, доценту;

Станіславу Анатолійовичу Заднікову – провідному науковому співробітнику Комунальної установи «Історико-культурний заповідник «Більськ» Полтавської обласної ради, старшому науковому співробітнику Музею археології ХНУ імені В.Н. Каразіна, кандидату історичних наук.

Не можу не згадати також світлої пам'яті **Бориса Андрійовича Шрамка**, мого вчителя і наставника протягом кількох десятиліть від 1976 року.

Юрій Бойко

Наукове видання

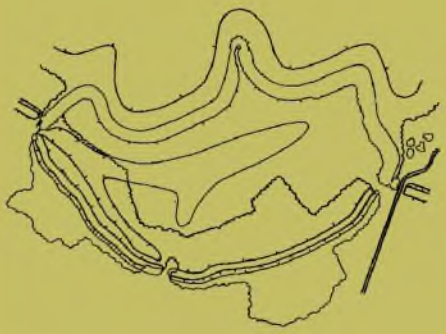
БОЙКО
Юрій Миколайович

СОЦІАЛЬНИЙ СКЛАД НАСЕЛЕННЯ БАСЕЙНУ р. ВОРСКЛИ ЗА СКІФСЬКОЇ ДОБИ

Відповідальні за випуск – **С.А. Заднiков, І.Б. Шрамко**
Комп'ютерний набір матеріалів – **Л.А. Цьомкало, О.М. Шапорда**
Комп'ютерна верстка та оригінал-макет – **ТОВ «Майдан»**

Бойко Юрій Миколайович – випускник історичного факультету (1980 р.) та аспірантури (1985 р.) Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна.
Приймав участь у роботі Скіфо-слов'янської археологічної експедиції під керівництвом Б.А. Шрамка (1976-1993 рр.), організатор ряду археологічних досліджень пам'яток кінця бронзового – початку раннього залізного віків межиріччя Південного Бугу й Дністра (1989-1996 рр.).
Автор публікацій та узагальнюючих праць з археології, історії, методики викладання гуманітарних дисциплін у вищій школі.
Коло наукових інтересів – археологія, історія, культура Лісостепової України.
Кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України та філософії Вінницького національного аграрного університету.

СОЦІАЛЬНИЙ СКЛАД НАСЕЛЕННЯ БАСЕЙНУ р. ВОРСКЛИ ЗА СКІФСЬКОЇ ДОБИ



Харків "Майдан" 2017